ГЕЙДАР ДЖЕМАЛЬ

ЛОГИКА МОНОТЕИЗМА

ИЗБРАННЫЕ ЛЕКЦИИ

Annotation

В книгу включены тексты отдельных лекций и выступлений Гейдара Джемаля за 1998-2016 годы, а также наброски к масштабной работе о политическом исламе. Часть работ публикуется впервые, остальные доступны на различных ресурсах, но содержат неточности – часто незначительные, но порой встречаются расхождения с источником принципиальные. Материалы философского семинара «Традиционализм и профанизм» уже публиковались 20 лет назад в книге «Революция пророков», но на этот раз представлены в уточненной редакции. Тексты не связаны по месту и времени и были адресованы очень разным составам слушателей: от семинаров профессиональных философов до широкой исламской аудитории. Но каждый отдельный текст Джемаля сам по себе – это всегда школа мысли. Поэтому книга адресована всем самостоятельно думающим, «не боящимся головокружения» читателям.

В формате PDF A4 сохранен издательский макет.

- Гейдар Джемаль
  -
  - Вступительное слово
  - О методологии мысли в Исламе
  - Пролегомены[3] к идеологии универсального радикализма
  - Предпосылки радикализма[4]
    -
    - Вступительное слово
    - Предпосылки радикализма
    - Ответы на вопросы
  - Политический ислам в тезисах[10]
    - 10 фундаментальных особенностей политического ислама
      -
      - 1. Политический ислам выступает против мирового порядка в целом

        - 2. Политический ислам рассматривает шариат как средство, а не как цель
        - 3. Политический ислам опирается на метод и доктрину политической теологии
        - 4. Политический ислам против клерикалов, суфиев и «ваххабитов»
- План книги «Теология политического ислама», или «50 тезисов политического ислама»[13]
    -
    - Предисловие
    - Глава 1. Зло
    - Глава 2. Бытие
    - Глава 3. Сознание
    - Глава 4. Феноменология Бытия
    - Глава 5. Язык
    - Глава 6. Откровение
    - Глава 7. Святой Дух
    - Глава 8. Скрижаль
    - Глава 9. Мысль
    - Глава 10. История
    - Глава 11. Предопределение
    - Глава 12. Свобода
    - Глава 13. Намерение
    - Глава 14. Смысл
    - Глава 15. Финал и финализм
    - Глава 16. Человек как «оппонент» Аллаха
    - Глава 17. Человек как адамит
    - Глава 18. Человек как «виртуал»
    - Глава 19. Человек как инструмент Провидения
    - Глава 20. Цель истории
    - Глава 21. Новая земля и Новое небо
    - Глава 22. Циклы и чудо Воскресения
    - Глава 23. Свет Аллаха
    - Глава 24. Бытие как солярный свет
    - Глава 25. Ночь Могущества
    - Глава 26. Повеление
    - Глава 27. Нисхождение Духа

- Глава 28. Власть как интрига
- Глава 29. Правители как преступники
- Глава 30. Повиновение
- Глава 31. Государство
- Глава 32. Джамаат
- Глава 33. Общность
- Глава 34. Халифат как наместничество
- Глава 35. Махди
- Глава 36. Ошибка и непогрешимость
- Глава 37. «Пречистые имамы»
- Глава 38. «Сокрытие» Махди
- Глава 39. Даджал
- Глава 40. Последняя битва
- Глава 41. Хилиазм («тысячелетний Райх»)
- Глава 42. Третий сверхъестественный контур
- Глава 43. Интрига против интриги
- Глава 44. Смирение жречества и гордость воинов
- Глава 45. Ислам как стратегия Духа
- Глава 46. Суфии и клерикалы в Исламе
- Глава 47. Джихад
- Глава 48. Революция пророков
- Глава 49. Отражение Замысла
- Глава 50. Освобождение от Великого Существа

- Черновые наброски к книге «Теология политического ислама»[15]
  - 1. Зло
  - 2. Бытие
  - 3. Сознание
    - I
    - II
  - 4. Откровение
  - 5. Феноменология Бытия
  - 6. Революция пророков
    - 1
    - 2
  - 7. История
    - 1

        - 2
        - 3
        - 4
        - 5
    - 8. Свобода
    - 9. Смысл
        - 1
        - 2
        - 3
    - 10. Тагут: идолократия
        - 1
        - 2
        - 3
        - 4
        - 5
        - 6
    - 10.1. Тагут (продолжение)[18]
        - 1
        - 2
        - 3
        - 4
        - 5
        - 6
        - 7
    - 11. Мышление как практическая реализация счастья
        - 1
        - 2
    - 12. Скрижаль
        - 1
        - 2
        - 3
        - 4
    - 13. Бытие как солярный свет
        - 1
        - 2
- Исторический финализм[21]
    -

    - Ответы на вопросы
- Доктрина финализма
    -
    - Ответы на вопросы
- Финализм как гносеологическая проблема
    -
    - Ответы на вопросы
- Теология против метафизики: основы политической мысли в XXI столетии
    -
    - Ответы на вопросы
- Ислам есть ответ на проблему…[29]
    -
    - Из ответов на вопросы
- Анатомия молчания[32]
    -
    - Ответы на вопросы
- Философия как вызов героическому сознанию[35]
    -
    - Ответы на вопросы
- [Предисловие][37]
- Традиционализм и профанизм[39]
    - 1. Генон – апологет открытой иерократии
    - 2. Криптоиерократия – современная форма господства жрецов
    - 3. Жречество как организатор исторического процесса
    - 4. Проект иерократии: «точка зрения вечности» на земле
    - 5. Позитивная мораль как база криптоиерократии
- Человек? …[41]
- Политическая постантропология: сознание «нового интеллектуала» и война Бытию[43]
    -
    - Ответы на вопросы
- Методология гностического мышления[45]
    -
    - Ответы на вопросы
- Бытие и тайна нетождества

    - Дух и сущность: ответы на вопросы
    - Негативная бесконечность
    - О глубинных основах Бытия, времени и точки нетождества
    - «Доктрина Джемаля»[48]
    - Трансцендентность, или приближение к Тому, Кто скрыт[49]
- notes
    - 1
    - 2
    - 3
    - 4
    - 5
    - 6
    - 7
    - 8
    - 9
    - 10
    - 11
    - 12
    - 13
    - 14
    - 15
    - 16
    - 17
    - 18
    - 19
    - 20
    - 21
    - 22
    - 23
    - 24
    - 25
    - 26
    - 27
    - 28
    - 29
    - 30
    - 31

- 32
- 33
- 34
- 35
- 36
- 37
- 38
- 39
- 40
- 41
- 42
- 43
- 44
- 45
- 46
- 47
- 48
- 49
- 50
- 51

Гейдар Джемаль
Логика монотеизма. Избранные лекции

© Г.В. Джемаль, текст, 2021
© А.М. Магомедов, текст, 2021
© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2021

Вступительное слово

Эта книга не может претендовать на всеобъемлющее и точное изложение темы, которую мы столь рискованно вынесли в название. Джемаля нет с нами, а составлять тематический сборник работ без автора, – зная, как он относился к собственному слову, представленному ему в печатном виде, – это было довольно самонадеянно с нашей стороны. Ведь Гейдар был очень требователен и не просто беспощадно сокращал попавшиеся ему тексты своих выступлений: закончилось бы все тем, что он бы просто изложил всего на нескольких страницах всё то, что нам представляется здесь «логикой монотеизма», – и наверняка объявил бы такой итоговый текст «ключом». И все равно нам пришлось бы поднять еще сотни страниц его наследия, пытаясь подобрать «ключи» к его «ключу», – так, собственно, и получилась эта книга.

Каждое наименование в Содержании – это отдельная лекция, не связанная с остальными. Все лекции читались в разное время в разных аудиториях. Несколько текстов надиктованы в домашних условиях. Поэтому помните, что перед вами – не цельная книга, а именно сборник выступлений Джемаля, подбор которых отражает скорее понимание и подход составителей к заявленной теме (нашего Кости Тараторина, в первую очередь). При этом очевидная самостоятельность – по времени и месту создания – каждого из текстов не сказалась на их логической связи, а встречающиеся повторы мы считаем несомненным достоинством книги: Джемаль возвращается к своим тезисам в разных контекстах и под разным углом, что облегчает читателю понимание авторской мысли.

И только под названием «Политический ислам в тезисах» мы рискнули объединить три незавершенных текста по одной теме. При всей очевидности их незавершенности и чернового характера, в этих набросках к так и не написанной им книге «Политический ислам» хорошо видна интеллектуальная мощь Джемаля, его способность к кратким и при этом исчерпывающим формулировкам, точной и всеохватной постановке проблемы. Так, в личной переписке Гейдара Джахидовича с предполагаемым издателем этой книги[1] мы

обнаружили замечательный пассаж, достойный обнародования: «В исламском дискурсе есть специфика, которая может показаться экзотичной рядовому наблюдателю извне. Во-первых, этот дискурс крайне идеологичен и политизирован, – и так было всегда, все 14 веков истории ислама. В этом пространстве теологичность политики и политизированность теологии – норма. (Поэтому разговоры о том, что-де «некие силы прикрывают политические цели религией», идут, так сказать, «мимо кассы»: этой логики просто нет в исламе.) Во-вторых, ещё более трудный для стороннего восприятия момент: *в исламе нет прошлого*. То, что происходило в первые годы исламской истории, – это перманентно актуальный архетип, сакральная модель, которая вновь и вновь осмысляется как суть реальности, – причём именно текущей ежедневности. Нет временно́го зазора, нет перевода пластов истории в разряд легенд, святочных историй, в неактуальную архаику. С 622 года по Р. Х. (первого года Хиджры) мировая исламская община живёт в вечном настоящем, в современности, построенной раз – и до конца истории. Поэтому в моём плане [книги – *А.М.*] нет, собственно говоря, экскурсов в историю – только современность, заданная в своём содержании 1400 лет назад…» Вот он – джемалевский блеск мысли, способный одним тезисом, как вспышкой, озарить сложнейший дискурс, который разом становится понятен и близок! Думаю, вам понятно, почему мы не могли не опубликовать эти незавершенные черновые наброски.

Как и в предыдущем сборнике, многие из представленных текстов являются выступлениями автора в «специфической» среде философов, социологов, психологов и иных гуманитариев-профессионалов – «кафедральных», как их называл сам Джемаль. Кстати, интересно само отношение к Джемалю в академической (или всё той же «кафедральной») среде – изрядно, кстати, утомленной обилием «доморощенных» философов-любителей. У кого была возможность наблюдать со стороны общение Гейдара Джахидовича, к примеру, с сотрудниками Института философии РАН или преподавателями философского факультета МГУ[2], – складывалось впечатление, что чем выше и глубже профессиональный академический уровень специалиста, тем больше в нем почтения к Джемалю. Гейдар в совершенстве владел родным для «светских» философов категориальным языком и уверенно ориентировался во всех нишах

понятийного поля, на котором самовыражался современный ему интеллектуал-гуманитарий.

При этом Джемаль был начисто лишен «академичности»: к примеру, он никогда не оформлял свои статьи и лекции надлежащим образом. Точнее сказать, Гейдар текстов своих выступлений чаще просто в глаза не видел: сам он предпочитал импровизации на основе короткого плана (и то не всегда), а на бумаге записи его речей позднее излагали энтузиасты. Поэтому статьи Джемаля не соответствуют академическим «канонам», ибо никогда не содержат, к примеру, библиографии, – при всём обилии в них отсылок, например, к Гегелю, Хайдеггеру, Витгенштейну или, извините, Марксу с Лениным. Иногда Гейдар Джахидович упоминает автора той или иной мысли или тезиса прямо, а иногда предполагает, что аудитория знает, о ком речь. Но в профессиональной среде этот его стиль возражений никогда не вызывал.

Но если, изучая интеллектуальное наследие Джемаля, сопоставлять текст и ту аудиторию, которой он адресовался, то становится очевидным: Гейдар как мыслитель во всей своей глубине, «по-настоящему», раскрывался в мусульманской аудитории (или предполагал мусульман как конечного адресата своего интеллектуального послания).

К сожалению, в русскоязычной исламской среде распространён своеобразный нигилизм в духе «философия – это куфр, философия – это лишнее». Подобный «конфессиональный догматизм» при ближнем рассмотрении оказывается не чем иным, как заимствованным из массовой культуры стереотипом об интеллектуале и пренебрежением к «высоким материям». Но сегодня формулирование исламской идеологии, исламской повестки дня в русскоязычном поле невозможно без использования в полном объеме категориального языка, который веками шлифовался и обогащался за пределами исламского мира, в отрыве от осмысления коранических истин. Забавно наблюдать, как, основываясь на чисто поверхностных ассоциациях, связанных, как им кажется, с философской «заумью», некоторые обвиняют Джемаля в «импорте» гностицизма или западной философии в ислам. Видимо, они полагают, что со времён перевода «Тысячи и одной ночи» словарный запас русского языка не менялся, – причем именно той части языка, которая имеет дело с исламской мыслью.

Еще одной проблемой является сложность значительной части текстов Джемаля. В этом случае «критиков» ведёт плохо скрываемое раздражение, – раздражение крыловской лисицы, которой зрелый виноград оказался недоступен. И уже совсем из области курьезов – попытки уличить Гейдара, например, в «евразийстве» или «традиционализме». А ведь Гейдар Джемаль просто уничтожил все эти довольно агрессивные умствования еще на подходе к русскоязычному исламскому интеллектуальному полю. Кстати, всегда легко выясняется, что «критики» в своих претензиях к вышеупомянутым направлениям оперируют аргументами, заимствованными у самого Джемаля, – правда, чаще через «пересказы» третьих лиц.

Интеллектуальное наследие Джемаля сделало русскоязычную Умму взрослее – с ней вырос и он сам.

Да, Гейдар Джемаль очень труден для понимания. Продираясь сквозь чащу джемалевских рассуждений, читатель рискует сорваться в изощренный интеллектуализм, пытаясь воссоздать мысленно – «по Джемалю», как он полагает, – некую «горнюю» реальность. И попадает в ловушку. Потому что Джемаль не описывает нам некую «высокую» реальность, которую нам надо «постичь». Джемаль скорее описывает нам саму работу мысли по прорыву в новое сознание, постижению непостижимости того, что за пределами онтологии, и постижению причин этой непостижимости. Он называл это «изучением обратной стороны мысли». Джемаль считал центральным направлением в своих исследованиях познание человеком возможностей и условий собственного познания, изучение самого мышления, а не постижение неведомых «объектов».

Надеемся, что книга поможет читателю вновь преодолеть содержание собственного сознания. Ведь человек как «интеллектуальный наместник Всевышнего» обязан (!) в своем мыслительном процессе отражать Провиденциальный Замысел – именно это пытается донести до нас Гейдар Джемаль.

Ахмед Магомедов

О методологии мысли в Исламе

19 августа 2012

Сегодня главная проблема исламского политического движения – это способность чётко и ясно формулировать повестку дня, формулировать исламскую идеологию. Нужно понять однозначно, что исламская идеология – это не просто повторение теологических позиций в догматической форме, а это способность внятно изложить принципы своей веры на языке современной философии.

Или если кому-то не нравится слово «философия» и оно кажется «не исламским», то можно сказать так: *категориальная логическая мысль*. Мусульмане обязаны излагать свою веру, свою концепцию, своё понимание реальности не на специальном «конфессиональном», догматическом языке, а на языке *категориальной логической мысли*. Это не возврат к Аристотелю, не возврат к Платону, не возврат к первым векам исламской истории, когда масса новых интеллектуалов исламского мира была увлечена Аристотелем, называла его «Учителем»: была школа восточных перипатетиков, где уходили очень далеко от коранического учения о реальности – вплоть до совпадения по взглядам с Аристотелем по поводу «неуничтожимости» материи, «вечности» мира и так далее. Это не возврат к этому.

Мы должны излагать на *категориальном языке* коранические принципы в форме *логической доктрины*, которая была бы абсолютно понятна, ясна и действенна для умов, не воспитанных внутри ислама. Нужно преодолеть негативное отношение мусульман к *категориальной логической мысли*, потому что это негативное отношение основано на недоразумении. Мусульмане думают, что «философствовать» – значит «лукаво мудрствовать» и следовать «своим мнениям» по поводу тех вещей, о которых они не знают и не могут знать, которые находятся вне их опыта, вне их восприятия.

И действительно, следовать таким «мнениям», рассуждать на эту тему – это не более чем домыслы. Особенно когда у нас есть ясные указания в Откровении. Но ведь философия не сводится к рассуждению о том, чем является объективная реальность, – особенно тот её невидимый, незримый аспект, называемый «*гайбат*», который

находится за пределами чувственного опыта. Философия не сводится только к этому.

На самом деле наиболее оперативная и существенная часть философии – это *понимание собственной мысли*. А ведь мыслящему его собственная мысль открыта. Мусульмане должны понимать, как работает человеческая мысль, и управлять этой человеческой мыслью, чтобы она являлась зеркалом, отражающим исламскую теологию, – кораническую науку, кораническое знание. И изучение мысли – это не «следование мнениям», это не рассуждение о вещах, которые находятся за пределами твоего опыта и твоей досягаемости, а *анализ того, что происходит внутри тебя*, – о том, как, собственно говоря, твоя собственная голова работает. Вот этого сегодня не хватает. И именно шаг в этом направлении превращает нас из пассивных, страдательных объектов воздействия исторического процесса в активных самостоятельных, *субъектных*, игроков, которые делают историю. Мы должны перейти сегодня от состояния *объекта истории* «в качество» – в состояние *субъекта истории*.

Пролегомены[3] к идеологии универсального радикализма

28 августа 2016

Радикализм есть мировоззрение, которое фундаментально не принимает мироздание как должный и «благой» порядок. В радикальном мировоззрении мир человеческий есть отражение, как в зеркале, сути Бытия. Бытие же есть принцип, враждебный Духу, представляющий собой антитезу Божественному Замыслу. Бытие и Великое Существо – это синонимы, *имперсональный* и *персональный* аспекты Иблиса.

Элементы радикального мировоззрения разделяют с политическим исламом и другие религиозные идеологии, исходящие из авраамического корня. Например, стоит отметить глубокую ненависть старообрядцев-беспоповцев к власти и «официальному» социуму. Государство для беспоповцев есть инструмент Антихриста (в Исламе – Даджал). Весь социум, по их мнению, отдан на откуп Антихристу, и поддержка любой власти есть шаг к укреплению позиции Антихриста на земле.

Надо отметить, что в этом беспоповцы пошли дальше, чем даже современный радикальный ислам, который всё мечтает о «шариатской государственности», мирно сосуществующей с *куфром*, – при условии, что последний «откажется от агрессии против мусульман».

Сегодня мусульманам невдомёк, что политические цели и задачи мирового ислама коренятся на метафизическом уровне – в треугольнике конфликта Всевышнего, Адама и Иблиса, отказавшегося склониться перед Адамом, но выговорившем для себя у Творца право сбивать человека с пути на протяжении всей истории.

Политический ислам не может следовать примеру иудеев, которые опираются в своём отношении к внешнему миру на категорию «*галут*». Для евреев жизнь в *рассеянии* означает жизнь в безвоздушном и безжизненном пространстве, по отношению к которому уместны только хищнические действия.

Мусульмане не могут идти этим путём и создавать гетто – будь то «халифат» или «чёрные» кварталы европейских мегаполисов. Задача мусульман поставлена в Коране: сражаться за то, чтобы вся религия на земле принадлежала Аллаху. Это не означает, как думают наивные или недобросовестные немусульмане, «насильственное обращение» всех в Ислам. Но это означает слом мирового порядка в самых его глубинных метафизических основаниях. Иными словами, речь не может идти только о борьбе против империализма, колониализма, локальных форм национального угнетения. Короче говоря, ислам не может ограничивать себя революционной платформой левых либералов – будь это троцкисты, анархисты или «чегевараристы» какого угодно разлива. «Попутничество» с революционно настроенными либералами эпизодически возможно, если это ложится в формат исламских стратегий на данный момент в данном месте.

Однако ислам не может быть «социалистическим» (так же, как не может он быть «капиталистическим»). Социализм – это культ общества в качестве «волшебной машины», способной порождать избыток материальных благ и лелеять каждого своего члена, как пастух лелеет овцу.

Все формы угнетения для ислама – колониализм, империализм, компрадорское управление в интересах *куфра* через националистические диктатуры и тому подобное, – всё это только периферийный инструментарий главного врага – Великого Существа, тенью которого на земле является человеческое *общество как таковое*.

Общество для политического ислама не есть нечто, образуемое снизу через какой-либо «общественный договор». Это всегда и изначально *внечеловеческий* фактор, эволюция которого ведёт к исчезновению человека как суверенной автономной личности.

Снизу инициативой реальных людей образуются братские *общины*, которые, по Замыслу Всевышнего, представляют собой ячейки сопротивления Духа, противостоящего глобальной системе.

Ислам – это стратегия Духа. В нём есть выраженная, строго конфессиональная сторона, которая безусловно значима для тех, кто находится внутри исламской общины. Однако есть и политическая идеология, которая не выражена в строго конфессиональной терминологии и которая может быть фундаментом политической философии *немусульманина*, бросившего вызов системе.

Такая политическая идеология радикализма, которая при неизбежной внутренней *антисекулярности* носит, из «оперативных» соображений, *внеконфессиональный* характер, опирается на четыре краеугольных концепта, тесно связанных между собой. Каждый из этих четырёх концептов есть нечто изначально провокативное, брошенное как вызов, чтобы радикал овладел каждым из этих концептов и дал ему при этом иное подлинное содержание.

Вот эти четыре краеугольных концепта: *смерть, насилие, боль, справедливость.*

Смерть. С точки зрения политического радикализма *смерть* есть антитеза *гибели. Гибель* представляет собой упразднение феномена – будь то животное, человек или, например, шедевр живописи. *Смерть* же – духовное явление, которое связано с присутствием *Рухулла* – Духа Аллаха – на человеческом уровне. *Смерть* – это финал человеческого, более того – это финал *сущего*, который становится выходом на непостижимую бездну Божественного Замысла (Провиденциальной Мысли).

Пока человек жив, *смерть* внутри него выступает как *свидетельствующее сознание*, образующее его подлинное *здесь-присутствие*. Однако, как только внешняя феноменологическая оболочка человека перестаёт функционировать (он гибнет), это *здесь-присутствие* внутри него возвращается в «бездну непостижимого», которую никоим образом нельзя отождествлять с *ничто, небытием* или *отсутствием*.

Именно это и есть *возвращение к Аллаху*. Из этой «бездны непостижимого» обладатели *смерти* будут приведены к личному существованию во второй раз: воскрешены для Суда. Смерть для политического радикала есть финал гомогенного *здесь-бытия*, за которым начинается *то, что не подобно ничему*.

Насилие есть форма, в которой реальность взаимодействует со смертным существом. Окружающая нас среда есть *насилие*. Социум есть, безусловно, всепроникающее *насилие*. Деструктивная, отрицающая энергия гомогенного стремится закрыть любой намёк на «прокол», выход в финал. В конечном счёте бытие совершает *насилие* против сознания. И это то, что называется «юдоль человеческая».

Политический радикал стремится изъять монополию на *насилие* у бытия с тем, чтобы присвоить *насилие* сознанию. *Насилие* обладает ни с чем не сравнимым энергетическим потенциалом, который, будучи изъят у Великого Существа, оборачивается всесжигающей энергией *любви*. Ибо чистая *любовь* в своём Божественном основании есть непрерывная жертва и одновременно непрерывное перешагивание через себя. *Насилие* – вот то тайное «золото реальности», за право на обладание которым идёт постоянная битва между Бытием и сознанием.

Боль есть проявление прямого воздействия Бытия как такового на человеческое существо. Это воздействие всегда проявляется как жгущий огонь. Бытие жжёт огнём и тела, и души. Поэтому *боль* физическая и *боль* психическая имеют одну и ту же природу: предельное экзистенциальное переживание разрушительного пламени. После победы адамического наследия – частицы от Духа Всевышнего, вложенной в Адама, – над Великим Существом адский огонь будет, наоборот, пламенем победившего сознания, которое будет палить и жечь всё, ввергнутое в *джаханнам*, – то есть всё то, что было верно Бытию, а не Духу в Ближней жизни.

Для политического радикала *боль* является путеводным маяком, ибо он ищет встречи с чистым Бытием, чтобы сразиться с ним. *Боль* – это свидетельство великой конфронтации Духа и Антидуха. Вот почему для радикала *боль* является стигматом антикомфорта, отрицанием сна, – вызовом, брошенным глиняному человечеству, которое наркотизировано собственным существованием.

Справедливость. Для огромного большинства критиков социума *справедливость* имеет значение прямо противоположное тому, что она значит для подлинного радикала. Человеческие массы жили и живут в нищете. Они обделены тем уровнем материальных благ, который доступен их тюремщикам, – не говоря уже об их властителях. Меняются уровни потребления элит от Древнего Рима до современного Запада, но обездоленность низов практически остаётся той же самой, а во многих местах и возрастает (как, например, в Индии после прихода англичан).

Эта обездоленность сама по себе не есть *боль* в том чистом экзистенциальном субстрате, о котором мы выше говорили. Это не

встреча с Бытием, которое жжёт огнём. Это, скорее, зеркальный негатив *боли*, некая прохладная тень той испепеляющей возможности, которая может обрушиться на людей в любую минуту. Люди отвечают на нищету, создавая криминальные структуры, которые бросают вызов сложившейся практике раздела материальных благ. Тем самым они «приглашают» *боль* в сердцевину своей *недочеловеческой* повседневности. Именно *боль* отличает пространство вооружённого криминала от прозябания обычных клошаров.

Однако для политического радикала *справедливость* не имеет отношения к распределению материальных благ. Политический радикал не ставит перед собой целью попросить или даже заставить властителей жизни поделиться своим комфортом с убогими и униженными. И комфорт, и материальные блага для политического радикала – это атрибуты *внесознательного* существования.

Справедливость для политического радикала – это всегда только Смысл. Что такое Смысл? Это завершение «дурной» бесконечности. Это конец абсурда. Это разрыв бесконечной паутины лжи, из которой соткана реальность, являющаяся не чем иным, как системой «описаний».

Смысл коренится в трансцендентной искупляющей силе *финализма*, который безусловно кладёт предел всему имманентному, всему *самотождественному,* и распахивает дверь *туда, где всё известное исчезло*.

Всё сущее создано лишь для того, чтобы свидетельствовать собой: «Я, сущее – не Аллах!» Аллах *иной* по отношению ко всему, что задано в *безграничной возможности*. Это означает, что само Откровение об Аллахе, Который не может быть воспринят, понят и пережит сущим, – само это Откровение есть уже абсолютный *финал*. Именно *смерть как сознание* воспринимает это послание финала и открывает его для себя как искупляющий смысл. Это и есть абсолютная *справедливость*, потому что благодаря этому завету с Духом Аллаха осуществляется связь уверовавшего с Провиденциальным Замыслом, в котором он – инструмент. Именно через это вершится *торжество сознания* (истинного угнетённого) *над Бытием* (истинным угнетателем).

Предпосылки радикализма[4]

09 декабря 2013

Вступительное слово

Несколько столетий радикалы были без собственной идеологии. Я хочу быть тем, кто даст радикалам отныне и дальше собственную идеологию. Чтобы они не шли, как нищие, с протянутой рукой к каким-то марксизмам, нацизмам, анархизмам, к каким-то тоталитарным извращениям. Чтобы они имели идеологию, в которой они бы осознавали метафизический фундамент своего тотального, врождённого *несогласия с существующим*. Такого несогласия, которое делает их угодными Аллаху. Аллах хочет от нас, чтобы мы были *несогласными*. Потому что вся реальность полна *зульма*[5]. Как нам известно из хадисов Пророка (да благословит его Аллах и приветствует): «И когда придёт Махди (да ускорит Аллах его приход), когда настанет победа, тогда вся реальность будет заполнена справедливостью, как сегодня она заполнена *зульмом*». А сегодня она заполнена *зульмом*.

Но истоки этого *зульма* не в том, что какой-нибудь там правитель, какой-нибудь мэр города является преступником, а в том, что сама реальность организована как *зульм* и вызов. Чтобы её взорвать на метафизическом уровне прежде, чем она будет взорвана на политическом уровне. Если взорвать её сразу на политическом уровне, но не взорвать её на метафизическом, реальность вернётся и набьёт морду.

Предпосылки радикализма

Радикализм – это явление, которое у всех на слуху, все о нём говорят, ему посвящают статьи кодекса, но никто, собственно говоря, не знает, что это фундаментальный феномен, который красной линией проходит через всю историю человечества и более того, представляет собой становой хребет исторического сюжета, макросюжета. Но радикалы во все времена не равны сами себе и они поворачиваются к истории и к тем, кто хочет их изучать, разными лицами: мы знаем гуситов, таборитов, мы знаем восстание Спартака, мы знаем Троянскую войну, героев Эллады (они тоже были радикалы), мы знаем, естественно, сподвижников пророков, включая нашего последнего Пророка (да благословит его Аллах и приветствует). Всё это – радикалы. Но радикалы были и в XIX веке. Огюст Бланки был радикалом, радикалами были эсеры, «народники». И они все разные.

Одни из них глубоко религиозные люди, другие – атеисты, причём воинствующие. Что же их объединяет и что делает их радикалами?

Надо понять, что радикализм – это метафизический феномен, укоренённый в проблемах онтологии и гносеологии. И не всегда радикал, родившийся в неподходящую эпоху, может осознать себя как такового, то есть он может назвать себя радикалом, но он будет говорить, в случае неблагоприятных обстоятельств, с миром, с последователями, со своей аудиторией не на языке радикала, а на заимствованном языке, на заимствованном дискурсе, просто потому что в его время для данной эпохи, для данного поколения радикального дискурса не существует.

Такая неблагоприятная ситуация сложилась в XVIII-м, XIX-м и в значительной части XX века. На протяжении 250, а то и 300 лет радикалы вынуждены были говорить на «заёмном» языке. Они заимствовали язык у либералов – у крайне левых либералов, – но всё равно либералов, потому что радикального языка не существовало: он перестал существовать после того, как окончились религиозные войны и окончился религиозный контент протеста. Маркс отмечал, что раньше люди маскировали реальные социально-экономические отношения религиозными одеждами. То есть под религиозными

знамёнами выступали за те или иные решения вопросов, которые подразумевали на самом деле классовые социально-экономические отношения. На самом деле то, о чём говорит Маркс (не то чтобы он это имел в виду – он не это имел в виду, но мы имеем в виду), – это подлинное время радикализма, когда радикалы выступали со своим дискурсом, и этот дискурс был религиозным, и они под знаменем радикальных, как ныне принято выражаться, сект пытались оспорить статус-кво мироздания. Потом, с течением времени, почва из-под ног у них ушла и они вынуждены были, в силу внешней конъюнктуры, перейти на чужой язык – на язык либералов.

Либералы бывают всякие. Бывают левые, бывают правые, бывают центристы, бывают неолибералы, но суть либералов в том, что для либерала есть одна жизнь, которая проходит здесь, и она абсолютно укоренена в материальных ценностях, в комфорте, в гедонизме. Могут быть разные подходы у либерала, то есть либерал может считать, что трудящиеся люди заслуживают полного комфорта, всех благ, полного раскрытия всех своих человеческих способностей, – и такие либералы называются «левыми». Либерал может считать, что только заслуживающие этого, особо способные, одарённые люди заслуживают прекрасной жизни, – тогда это классические либералы, которые делают установку на меритократию. Либерал может считать, что только раса избранных, раса господ заслуживает хорошей жизни, – тогда он будет правым либералом, будет нацистом, будет фашистом. Но тем не менее они все будут либералами – от крайне правого фланга до крайне левого.

А радикал отличается совершенно другой концепцией мироздания, совершенно другим мироощущением, то есть его мироощущение связано не с тем, что он хочет поправить свои обстоятельства жизни, не с тем, что он хочет улучшить обстоятельства жизни кого-то другого, а он хочет изменить некие фундаментальные законы, правящие мирозданием. Потому что эти фундаментальные законы в его внутреннем переживании, в его инстинкте не соответствуют переживаемому им инстинкту истины, не соответствуют тому идеальному утверждению, которое он носит в своём сердце. Выразить это очень сложно, – выразить это сложно потому, что человек рождается в определённых условиях, он является пассивным субъектом, воспринимающим цивилизационную матрицу

своей эпохи, своего места и времени: хронотоп, который отпечатывается в нём. И если он родился в XIX веке, и если вокруг, допустим, господствует дарвиновская теория эволюции, и если говорить о вещах не тактильных, не материальных, – это помещать себя в маргиналы, тогда радикал вынужден тактически сориентироваться и начать говорить на языке образованческой массовки. При этом он остаётся радикалом – и тогда получаются очень странные комбинации.

Вот В. И. Ленин был радикал, но он вынужден был говорить на языке марксизма, а Маркс был либерал. Поэтому появился марксизм-ленинизм. Такая очень странная российская трансформация марксизма, в которой можно то, чего нельзя по Марксу, то есть по Марксу чего-то нельзя, а по Ленину – можно. Но это, конечно, паллиатив, и рано или поздно такие сбои в дискурсе, когда человек имеет в виду одно, а вынужден говорить об этом другими словами, дают о себе знать, и инициатива, которая построена на такой подмене, кончится провалом, – как мы и свидетельствуем сегодня.

На самом деле несмотря на то, что радикалы XIX–XX веков в своём большинстве были людьми атеистическими или агностиками, радикализм – это всегда религиозная идея, это всегда религиозный принцип, это всегда глубоко религиозный инстинкт. И тут я хотел бы отметить следующее: когда я говорю «религиозный», то имею в виду нечто фундаментально противоположное традиционалистской метафизике – тому, что называется в школе большой метафизики «сквозной», мейнстримовской, Традицией. Потому что метафизика Традиции исходит из того, что реальность безусловна, конкретна и фатальна, она определена во всей полноте. Поскольку она является проявлением бесконечной *возможности* (а всё, что возможно – то реализуется), то нет ничего, чтобы было бы недосказанным, недовыраженным, недопроявленным. То есть вся полнота *возможного* задана в метафизическом объёме утверждения. Это утверждение безусловно, и за пределами его существует только ошибка, «внешняя тьма и скрежет зубовный». Возможно всё и реализовано всё, кроме ошибки. А ошибка находится в *небытии*, в том *небытии*, которого, по Пармениду, нет.

Более сниженной версией такого же ощущения о безусловно состоявшейся реальности, которая неотменима и которая необходима

(она несёт в себе свою необходимость, у неё нет никаких вариантов), является идея, согласно которой мы живём в «наилучшем из возможных миров». И здесь нужно понимать, что эта оценка – «наилучший из возможных миров» – указывает на оптимум как бы этического характера. Вот, например, в исламе есть установка, что Всевышний создал мир оптимальным образом, что Он имеет в виду, что именно этот мир необходим, Он создал необходимый мир. Но в Откровении нигде не сказано, что этот мир хороший или наилучший, наипрекраснейший. Он – необходимый.

Напомню, что в Коране, когда Всевышний ставит Адама наместником на земле, ангелы возражают – они говорят: «Зачем ставить этого, ведь он же слаб, от него произойдёт смешение, кровь, всякие ужасы? Лучше нас ставь». И ведь Аллах не говорит ангелам: «Нет, Я создал наилучшее из возможных существ». Он говорит: «Я знаю – а вы не знаете». То есть Он говорит, иными словами: «Я создал такого, который Мне нужен, Я ставлю такого, которого Я хочу поставить, хотя вы правы – он слаб и от него произойдёт кровь, смешение, ужасы, преступления, – но именно этот Мне и нужен».

Поэтому, когда в религии Откровения, в религии Единобожия говорится о том, что этот мир является безусловно таким, каким его имеет в виду Творец, это не означает того, что имели в виду, допустим, Лейбниц и Кант, – что это «оптимальный», «наилучший» мир в смысле такого благостного позитива, то есть что мы живём в «шестизвёздочной гостинице» и это наша реальность, а «семизвёздочной» не бывает, – то есть это не имеется в виду в Откровении.

Радикал ощущает, что этот мир заранее запрограммирован с внутренним сбоем, что этот мир построен на ошибке и такова изначально воля Всевышнего: заложить ошибку в некие фундаментальные законы, которые определяют жизнь мироздания. Если бы это было не так, тогда не стоял бы вопрос о Новой земле и Новом небе, не стоял бы вопрос о Будущей жизни, не стоял бы вопрос о реальности, которая приходит на смену этой реальности. Потому что если этот мир – «наилучший», то к нему ничего нельзя добавить и, стало быть, невозможно создать никакую новую пролонгацию «небесного» или какого бы то ни было «оптимизированного» варианта. Это, кстати, относится и к западному христианскому дискурсу, то есть

к тем христианским философам, которые говорят о «наилучшем из миров», – с точки зрения такого конформистского довольства сущим невозможно объяснить эсхатологическую идею и жизнь будущего века. Если это – «наилучшее», то тогда, стало быть, либо можно повторить это «наилучшее» в иной версии – но не понятно, зачем, – либо они неправы или не эсхатологически ориентированы. В любом случае они – не радикалы.

Радикал знает на уровне клеток, на уровне инстинкта, что эта реальность является реальностью *апории*. Фундаментально внутри этой реальности заложена несправедливость, заложен вызов, вызов его инстинкту, – инстинкту некой правды, которая глубоко укоренена в самом его сердце, в самых недрах его существа. И поскольку метафизика Традиции говорит о том, что реальность является реализацией всей полноты бесконечной *возможности*, для радикала открывается полярная альтернатива этому утверждению. Потому что в инстинкте отрицания того, что эта реальность является безусловным, совершенным утверждением, подразумевается, что в основе *сущего*, за пределами *сущего*, в корнях *сущего* лежит *невозможное*, лежит *невозможность* как главный motivant, как главная сверхидея, как некая «суперпрограмма» существования. А уже то, что состоялось видимым образом (манифестация, удовлетворение и так далее), – есть определённым образом сокрытие этой *невозможности*, есть тень этой *невозможности*, которая всегда является как бы негативной антитезой к *тому, чего* она тень. Есть свет – есть тьма. Если в основе лежит тьма, то мы – на свету. Но этот свет – это негатив от первозданной тьмы. То есть внутри *сущего* лежит именно *невозможность* как исходный принцип. И это сразу помещает радикала в полярную противоположность традиционалистской метафизике.

Мы представляем себе, что радикал является абсолютным рефлектирующим субъектом. В данный момент, в данной лекции, мы *не* говорим о том, что радикализм и Откровение теснейшим, интимным образом сопряжены, что радикализм невозможен без Откровения, что Откровение необходимо, потому что в нём открывается то, что не может быть дано ни в опыте, ни в созерцании, ни в догадках, ни в погружении в какие-то глубины, – то есть Откровение необходимо потому, что оно открывает то, чего нет в *сущем*. Мы об этом пока не говорим, выносим это за скобки:

предполагаем, что радикал либо изначально уже получил Откровение, либо неким образом обходится без Откровения (выделим его в чистую схоластическую модель), он сам является «откровением», – это предполагает, что радикализм есть абсолютная рефлексия.

Что рефлектирует «абсолютная рефлексия»? Феномен того, что существует *сознание как свидетель*. Радикал сознаёт своё собственное сознание. Это условие его радикализма. Он может быть при этом атеистом, и «сознание собственного сознания» вызывает у него довольно большие проблемы, может быть, даже мучительные. Подозреваю, что радикалов из числа якобинцев (они правда были религиозными), эсеров, допустим, большевиков-ленинцев, – их страшно мучила эта тема, они никак не могли объяснить феномен собственного сознания, и поэтому они шли до конца в политическом действии: совершали теракты, убивали сатрапов. Потому что им нужно было снять постоянно зудящий, болезненный вопрос о собственном сознании.

Феномен сознания, когда он подлинным образом рефлектируется, обнаруживает свою абсолютную оппозиционность Бытию. Для традиционных метафизиков никаких проблем нет. Для Платона бытие, сознание, благо – это синонимы. Так же и для Гегеля: «Бытие есть абсолютная идея, в которой чистое Бытие и чистое Ничто тождественны». Но если это «абсолютная идея», то, собственно говоря, в этой «идее» решён вопрос свидетельствования и мысли, решён вопрос субъекта. Но он решён «как бы», он решён в кавычках, потому что, если бы Бытие действительно было сознанием, – оно никогда бы не сделало ни одного шага *за пределы самого себя к противоречию с собой*. То есть *тезис* никогда не сделал бы шаг в *антитезис*. Если бы изначально Бытие было сознанием, если бы оно было «идеей», то Бытие никогда бы не различилось само с собой. Это различение было бы невозможно, потому что подлинное тождество – это то тождество, из которого нельзя выйти. А если из этого тождества можно выйти, если можно его оставить и посмотреть назад на себя, на «то, из чего ты вышел», – это не тождество, это *иллюзия тождества*.

Для радикала существует абсолютное противостояние Бытия и сознания. Есть Бытие и есть сознание. Но каким образом есть сознание? Если проанализировать сознание, то сознание оказывается некой точкой даже не пустоты в каком-то таком буддийском или

метафизико-традиционалистском смысле, а точкой *чистого нетождества*, точкой несовпадения ни с чем. Это как бы знак препинания. Идёт некий поток реальности, движется масштабная река, а где-то там со дна поднимается камень, который создаёт водоворот. Этот камень не тождественен стихии движущейся воды – он является противоположностью, фиксацией. Но это очень слабый пример, потому что камень материален, – он, конечно, противоположен реке по своим свойствам, но он материален.

Сознание абсолютно и реально – оно есть чистая апофатика. Оно не тождественно ничему и именно благодаря этому есть факт *свидетельствования*. Как амальгама зеркала, которая не даёт пройти лучам и создаёт феномен изображения. И сознание, таким образом, является *контрсубстанциональным, антисубстанциональным*, полярным ко всему, что, – тут главное, тут мы подходим к ключевому вопросу, – ко всему, что *есть*. Таким образом, сознание есть указание на *то, чего нет*. Но не таким образом, как у Парменида («небытия нет»), а именно указание на *то, чего нет*, и которое за счёт этого «нет» является центральной, утвердительной альтернативой, вокруг которой строится всё это *Бытие, которое есть*. Оно (Бытие) строится вокруг центра «точки отсутствия», «точки негатива», «точки апофатики», которая не где-то там, – как апофатические свойства Абсолюта, некоего Urgrund, первобездны, первоосновы, – нет. Эта апофатическая точка находится в центре, в центре нас самих. Эта точка внутри нашего сердца – непостижимое *отсутствие, противостоящее всему*.

Радикал начинается с того, что он «понимает», – «понимает» мы в кавычки берём. Мы уже говорим о том, что радикалы подвержены перипетиям исторического времени. Но мы рассматриваем радикала условного – как абсолютного рефлектирующего субъекта. И такой идеальный, «виртуальный» радикал, абсолютно рефлексируя, понимает, что он начинается с категорического тотального различения между Бытием и сознанием. Бытие есть, сознания нет. Вернее, сознание возникает из сличения *того, что есть, с тем, чего нет*. Сознание – это феномен встречи, столкновения Бытия как положенного сущего и тотального *отсутствия*. Но ведь это тотальное *отсутствие* не самостоятельно. Оно же не может просто так, из ниоткуда, возникнуть в человеческом существе, которое смертно, зависимо, определяется обстоятельствами и так далее. Откуда в нас эта

точка апофатического нетождества? В собаке её нет, в лисе её нет, более того – её в ангелах, джиннах нет, её нет ни в каких существах. Она есть только в человеке. Это свидетельствование, которое присуще только человеку. Когда наш абсолютно рефлексирующий «идеальный» радикал сосредотачивается на этом, он обнаруживает, что эта точка апофатики напрямую связана с его инстинктом или подозрением о *невозможном как основе реальности*.

Я намерено говорю «реальности» (не «бытия» – ничего такого), потому что «реальность» выходит за рамки бытия, выходит за рамки любых гипостазированных проекций, – она даже не является сводимой ни к каким концепциям бесконечного, базы, основы, Urgrund, первоединого. То есть реальность – это то, что противостоит точке апофатики. Потому что эта точка апофатики, точка негатива, точка *отсутствия* внутри меня, противостоит не просто миру вокруг меня (стенам, лужайкам, цветам, звёздам), а она противостоит абсолютно всему, – она противостоит даже отрицанию меня самого. Она противостоит тому минусу, тому негативу бесконечному, который, как мокрая тряпка, с доски стирает всё. Она противостоит концепции *бесконечного*. Почему она противостоит концепции *бесконечного*, концепции непостижимого, любым переживаниям, самым мистическим опытам, – всему? Да потому что если все эти опыты, если все эти концепции открываются, то они открываются за счёт *несовпадения* с этой точкой. Если я знаю о чём-то, если я знаю об Абсолюте – значит, эта точка вне Абсолюта, значит, она ему противостоит, значит, Абсолют «не абсолютен», потому что ему ничего не может по определению противостоять.

Но тут есть хитрость. Ему противостоит точка, в которой *нет ничего*. То есть об этом вызове в свой адрес Абсолют вроде как и не «знает». Потому что мы же не обязаны знать об отсутствии чего-то. Вот, Абсолют не знает, что за пределами Абсолюта есть Нечто, которое не является *нечто* на самом деле, а которое является *точкой несовпадения* с ним. И здесь есть очень интересная вещь. Если говорить о фундаментально религиозном опыте радикализма, то радикал приходит к выводу, что эта апофатическая точка отсутствия внутри него является непосредственной проекцией *невозможного* в его центр. А Абсолют, то есть *бесконечное*, о котором мы говорим, он, радикал, воспринимает как *бесконечное.* И, стало быть, он вне его, вне

бесконечного (*бесконечное* само о себе не может говорить): он является свидетелем *вне бесконечного, вне* Абсолюта. Следовательно, *невозможное* неведомо Абсолюту. Абсолют выступает как то, что не знает о *невозможном*, как то, что отрицает *невозможное*.

Таким образом, мы приходим к первому определению того, что такое апофатика, что такое *точка отсутствия* в сердце, которая является корнем сознания: это *отрицаемое*. Дух внутри нас как свидетельствующее сознание есть *отрицаемое* начало. То есть вокруг нас существует внешняя среда – контуры внешней среды, реальность, мир, – которая нас *отрицает*, но «мягким» образом. То есть мы с самого начала, родившись на этот свет, чувствуем, что вселенная, мир, условия, в которых мы родились, нас *отрицают*, они нас давят, но мягко. Просто само существование чего-то вне нас является неким бременем, неким вызовом, неким столкновением с этой точкой несовпадения, но это ещё не Коса. Да, в этом «внутри» есть такие вызовы привходящего конвенционального плана, как, допустим, матрица, которая впечатывается в нас с колыбели (мать, школа, полиция, армия, тюрьма, сума, война), – но это всё обстоятельственные вещи.

Но есть же более серьёзное *отрицание*. Есть чистый негатив, который проходит сквозь все вещи, как воздух проходит сквозь землю, сквозь воду, – сквозь всё проходит *коса негатива*. Есть это кресло – его не будет, есть эта книга – её не будет, есть этот дом – его не будет, есть здесь мы – всех нас не будет, наших детей, внуков не будет, всё, что есть – всего не будет. Через всё идёт «коса негатива», она уничтожает абсолютно всё. Но ведь она существует не для того, чтобы нас уничтожать, – мы слишком мелкие комарики, чтобы ради нас существовала эта бесконечная «коса негатива». Эта «коса негатива» преследует нечто, что она имеет в виду как недопустимое, как *невозможное*. Вот математический «минус» отрицает что? Разве числа он отрицает? Нет. Он отрицает не числа. Он просто приставлен к любому числу, и он его «ничтожит». Но минус существует не для отрицания чисел, а для отрицания самой возможности быть чему-то, чего этот минус не мог бы отрицать. Это ясная идея. «Минус» не допускает, чтобы было *нечто, чего он не может отрицать*. Он отрицает всё. И поэтому он гоняется за тенью того, что могло бы ему противостоять. Тем самым он указывает, что есть *невозможное*,

которое не может быть реализовано, которое не тождественно ничему, не является числом и тем более нолем, которое противостоит минусу. Ему нельзя противостоять, поэтому оно – *невозможное*.

И вот это *невозможное* оказывается вдруг реальностью. Оно воплощается внутри нас как апофатическая *точка несовпадения ни с чем*. Это *невозможное* – не гипотеза, не то, о чём мы говорим абстрактно. А мы вдруг обнаруживаем, что сама наша гносеологическая способность к пониманию, сама наша субъектность коренится в *невозможном*, она коренится в *том, чего нет. Субъект – это то, чего нет. А объект – то, что есть.* Рядом с объектом субъект – это *невозможное*, но при этом введённое, как некое яйцо, через яйцекладку длинного страшного комара, который уколол и ввёл в *сущее* вот это «яйцо» *невозможного*. И возникает феномен человеческого существа, *субъекта*, который, в случае его прихода к абсолютной рефлексии, обнаруживает себя в качестве радикала.

Тут получается, что мы имеем дело с тремя вариантами.

Человеческое существо может осознать наличие в себе субъекта как бремя: «Я осознаю, что я есмь здесь и теперь, Иван Иваныч, вот здесь, в этой комнате, среди вас, и меня больше не будет, – и я понимаю, что, наверное, это иллюзия, наверное, это ошибка – понимать себя как отдельного от всего, наверное, я просто мошка в хороводе мошек, наверное, я должен слиться с целым, наверное, я должен сказать себе “тат твам аси”, “ты есть то” и отождествиться с бесконечностью, в которой я – маленькая пылинка – становлюсь равным и тождественным Абсолюту и исчезаю в нём». Это путь традиционалиста. Это путь метафизика, который стремится к великой идентификации с фундаментальной бесконечностью, к «мошке», к освобождению, к снятию иллюзии о собственном отдельном *Я*.

Есть путь либерала, о котором мы уже говорили. Это человек, который просто понимает, что «сидим, и сидим хорошо, пьём кофе, едим вкусно, кто будет мешать, мы его уничтожим, ну умрём и умрём, – об этом лучше не думать». Это путь либерала.

Есть путь абсолютной рефлексии – путь радикала, который понимает, что «вот это моё нетождество – это единственная ценность, это единственная зацепка к Истине, которая совпадает с *тем, чего нет*, но внутри неё есть нагруженность этой взрывной волей к долженствованию».

Ну и есть просто люди, которые не либералы, не радикалы, не традиционалисты, а просто «молчаливое большинство», – они просто «вброшены» в жизнь, которую не понимают.

Поэтому есть четыре угла: традиционалисты («роялы», клерикалы), которые знают, что существует сакральный путь отождествления *относительного* и *конечного* с *бесконечным* и *абсолютным*; есть либералы, которые в последние 300 лет вылезли и заняли все места, образовали фасад, – наглые ребята-гедонисты; есть радикалы, которые против *этого*; и есть «молчаливое большинство» – массы, за которые ведут борьбу все остальные три клуба.

Теперь получается, что до сих пор у радикалов нет собственной идеологии. Радикалы есть, а дискурса у них нет. Недавно ещё это был марксизм. Несовершенный. Но и Че Гевара, и «красные бригады», и «группа Баадера-Майнхоф» вынуждены были говорить на языке левых. То есть приставать к судьям, полицмейстерам, к банкирам не потому, что они представляют собой систему, воплощают собой метафизическое зло, а потому что они – буржуазия, плохо обращаются с рабочими, социальные дотации и пенсии недостаточно хорошо выплачиваются, – в общем, нести всякую чушь. Но при этом чувствуют-то они себя *радикальными* и отстреливают по-настоящему всяких полицейских, судей, магистратов. А говорят в оправдание всего этого всякую ерунду. И если дальше пойти: читаешь «народников», эсеров – полная чушь. Но при этом люди-то – *радикальные*.

Получается, что нет *идеологии*. И вот в последнее время возникает и формируется запрос на *политический ислам*. И мы уже давно слышим про *политический ислам*: мы слышим об *ихванах*, мы слышим о *салафитах*. Но когда мы подходим ближе и начинаем изучать вопрос о *политическом исламе*, мы обнаруживаем, что он «политический» в кавычках. Потому что *ихваны* под политикой понимают просто участие в западном избирательном процессе (партии всякие, голосование – всякую ерунду). Даже у них идеи партии нового типа, как у товарища Ленина, нет. Если брать *салафитов*, то они вообще не по этой части, их задача – «быть угодными Всевышнему на пути самопожертвования». Это очень достойное, самое великое, самое прекрасное, что может быть. Но Всевышний приказал нам бороться за власть вопреки реальной структуре того Бытия, которое Он создал. Он создал и предложил нам Бытие как полосу препятствий и предложил

нам её пройти и в конце быть победителями. А люди говорят: «Нет, я лучше сейчас стану шахидом и обитателем райских садов, а вы, ребята, здесь оставайтесь, потому что мне с вами недосуг». Это неправильно, это дезертирство, это – не *политический ислам.*

Политический ислам должен знать: во-первых, что такое *реальность*; во-вторых, что такое *мысль*; в-третьих, как организовано *человеческое общество*; в-четвертых, что такое *власть*; в-пятых, чего хочет он сам; в-шестых, что его ждёт после победы, то есть *Дальняя жизнь*. Он, конечно, не может знать всё в деталях, потому что «Аллаху алим», только Всевышний знает подлинное, но он должен отражать в своей душе, как в зеркале, концептуальное предначертание, которое действительно создано для него, чтобы он его нёс, чтобы он его воспринимал, чтобы он его выражал, потому что без этого Всевышний не поставил бы его *наместником*.

И ведь дело в том, что мусульмане читают Коран, и там написано, что Аллах научил Адама именам, и потом Он поставил его и стал спрашивать и спрашивать ангелов, и ангелы, которых Он не научил именам, говорили: «Мы не знаем, Господи». А Адам, которого предварительно научили, на все вопросы отвечал. И вот, эти люди читают Коран и после этого говорят: «Зачем нам философия, зачем нам то, сё, третье, десятое, это мешает *иману*». То есть они не желают понимать, что им написано, они просто не желают воспринимать конкретное указание на то, что человек является *интеллектуальным наместником*, который обязан отражать в своём рефлектирующем процессе, хотя бы в какой-то степени, Провиденциальную Мысль Господа, Провиденциальный Замысел. Он обязан это отражать, это его главная обязанность! Познавать и служить.

Кстати, «ибадат» мусульмане всегда переводят как поклонение. Нет такого слова «поклонение». Поклонение – это «саджда». Арабское слово «саджда» обладает чётким семантическим значением «кланяться», «поклоняться» – вот поклонение. «Ибадат», связанное с корнем «абд», – это «служение», а не «поклонение». «ИбадуЛлах» – это рабы, слуги Бога, а не поклоняющиеся. Поэтому здесь существует подмена. Аллах говорит, что «Мы создали людей и джиннов только для того, чтобы они служили нам (абаду)». То есть Он говорит, чтобы они служили, – не «поклонялись Нам», как переводится, а «служили Нам».

Что такое *служение*? Служение – это как раз реализация Провиденциальной Мысли. Потому что Аллах в другом же месте говорит: «Мы не сотворили ничего понапрасну». Раз «не сотворили ничего понапрасну», то у этого есть цель: у человека есть цель служить, служить в соответствии с неким Замыслом.

Радикал – это тот, кто должен *служить* в соответствии с неким замыслом, который открывается именно в нём. То есть то, о чем я говорил в преамбуле, – столкновение с собою как с точкой апофатики, которая является непосредственным проявлением *невозможного*, которое, в свою очередь, является *отрицаемым*, выявленным *бесконечным* действием чистого минуса, чистого негатива. Чистый негатив, отрицающий всё, указывает на *то, что есть* (на самом деле *нет*, но «нет» как *есть*) *невозможное*, которое противостоит негативу, которое противостоит «минусу». Поскольку ему *невозможно* противостоять, оно и есть *невозможное*, но оно *есть,* и оно проявляется не в плане Бытия, которое снимает всё, а в плане *свидетельствования*, противостоящего этому Бытию. Но как *свидетельствование* – это завет, это залог. Это залог того, что за этой апофатикой открывается иная бездна.

И вот тут вопрос: какая бездна? Поскольку речь идёт о том, что центром Замысла является *невозможное*, которое определяется не само собой, а через то, что оно является *отрицаемым,* видимый в своём действии негатив указывает нам на то, что *невозможно* в силу этого негатива, но при этом находится *внутри* всего, что этим негативом снимается. И это создаёт ситуацию фундаментальной неопределённости, то есть реальность абсолютно *неопределённа*. Она неопределённа в каком смысле? Она неопределённа в том смысле, что это *невозможное*, в отличие от представлений традиционных метафизиков, не является самотождеством. То есть *реальность не тождественна сама себе*. Можно сказать, что в апофатике традиционалистов, которые говорят об Абсолюте, уже намечена такая нетождественность, когда они говорят, что Абсолют, или Брахман, или Urgrund, или что-то такое, есть «не то и не это, и это и то». Они очень любят апофатику открывать в различных вариантах *совпадения* и *несовпадения*.

На самом деле речь идёт о гораздо более глубоком. *Невозможное*, отрицаемое *бесконечным*, – долженствующее быть вне *бесконечного*,

но *невозможное*, потому что быть вне *бесконечного* нельзя, – это та реальность, которая задана этой *бесконечностью, – невозможная* реальность. Она представляет собой, по сути, *отсутствие утверждения*. Что такое *невозможное*? Это *неутверждение. Утверждение* – это то, что предполагает исключение всего, что может быть *вне этого*. То есть истинное *утверждение*, абсолютное *утверждение* предполагает *исключённость* всего, что *вне этого*. А здесь мы имеем в виду внешнюю *бесконечность*, внешний негатив, который не имеет никакого содержания, кроме как ничтожить, и то, что порождается этим негативом как то, что *не может быть*, потому что негатив его не допускает. И тем самым это принадлежит не к сфере *возможностей*, а к сфере *невозможного*, и как таковой он помещается в центр *сущего*.

Это не *утверждение* – это некая неопределённость. Это «взрывная» неопределённость, которая сама по себе является апорией. То есть эта *контрреальность*, внедрённая в реальность, может существовать, может динамически быть какой-то такой структурой. На самом деле мы должны понять, что само наше существование как *свидетельствующих субъектов посреди этой реальности* является взрывоопасным, является взрывоподобным.

Представьте себе, что в некой плотной, гомогенной, абсолютно всё заполняющей субстанции вдруг делают такую «дырку», которая является центральной, и в этой «дырке» – антитеза всей остальной субстанции; условно говоря, материя и антиматерия, – только под материей мы понимаем *всю* реальность, а антиматерия – здесь, в наших сердцах (это благодаря чему мы всё понимаем). Таким образом оказывается, что вся материя, то есть субстанция, всё сущее, *вся реальность,* – они сами по себе лишены смысла. Бытие – это абсурд. Оппозиция этому абсурду на стыке драматического противостояния рождает *смысл*. А смысл – это не то, о чём можно рассказать, это не концептуальность, это не структура. Смысл – это утверждение того, что всё, что существует как некая данность, как некая безысходность, как некая тотальность, всё в себя вбирающая. Смысл – это утверждение того, что *вся* полнота, абсолютная тотальность, абсолютное *Всё*, – что оно *конечно*, отвергаемо, что в центре его зияет «скважина», проходящая через сердце.

Что это за скважина, мы можем понять, только вспомнив аят Корана, когда Аллах говорит: «Я (в этом единственном случае) вложил в Адама частицу от Своего Духа (*мин Рухи*)». Вот эта частица от Духа Аллаха, от *РухуЛлах*, от *Рух аль-Кудус*, – она и является вот той самой *точкой нетождественности ничему*, точкой, в которой проявляется *невозможность, невозможное*, взрывающая всю *бесконечную реальность*, которая создаёт всю эту ситуацию.

Таким образом, радикал представляет собой – мы делаем шаг от этой метафизики к историко-социальному пространству – авангард касты воинов, представляет политическое представительство касты воинов. Каста воинов, когда она предоставлена самой себе, глубоко несчастна, потому что она встроена в иерархию и подчинена попам. А попы учат, что «реальность тотальна, не имеет зазоров, тождественна сама себе, включает в себя всю полноту возможностей, является реализованной, и все векторы во все стороны ничтожат друг друга, и в результате мы имеем метафизический ноль, «абсолютный баланс», подведённый итог всех векторов». И кшатрий (воин) должен обслуживать это утверждение, будучи стражником на побегушках. Вверху, понимаешь, мудрецы, философы, а здесь – воины, которые защищают этих «носителей ноля и бессмыслицы». Но этим воинам из *невозможного* приходит Весть, обращённая к той «скважине» в сердце, открытой у воинов, и Весть говорит, что «выход есть – эти (попы) покрывают истину ложью». Под «попами» я имею в виду клерикалов всех мастей, начиная от лам и кончая «муллами», «алимами». А за их спиной стоят «шейхи», стоят гуру, за которыми стоят «Великие неизвестные», а за спиной «Великих неизвестных» стоит сам сияющий Сатана. Он есть *Бытие в чистом виде*, он есть Великое Существо.

И из *невозможного*, от *Того, Кого* мы называем только «Он», приходит весть в виде Книги. Эта книга, которая открывается как «Я», где Бог говорит о Себе: «Я» (потом это «Я» и это «Он», объединяясь, становится «Мы» – «Нахну»). И в этой *Вести* Всевышний говорит: «Не слушайте их, а слушайте Меня». То есть воины получают известие, *Благую Весть* о том, что, оказывается, великое закрытое тождество, запертое на колоссальный ключ метафизического *Всё*, – это тюрьма, которую можно снести, эту «Бастилию» можно снести, из неё можно вырваться. Из неё можно вырваться, потому что существует

фундаментальная изначальная неопределённость, которая чревата будущим *утверждением – утверждением* Будущего века. И шаг из неопределённости к определённости предстоит сделать именно радикалам, именно политическому представительству касты воинов. Основой касты воинов является пассионарность – то, что на санскрите называется «кама», на арабском называется «хуб».

А что такое «хуб»? Это любовь. А к чему любовь? *Пассионарная любовь – это любовь к смерти*. А что такое смерть? Смерть – это встреча «скважины» в моем сердце с *Тем, Кто её сделал*.

Это просто введение, некая преамбула, начало разговора о том, что такое *радикализм*. Я думаю, что сегодня эта преамбула завершена и мы можем поговорить в свободной форме.

Ответы на вопросы

Радикал – это «тот, кто стоит у корня»? Или здесь мы эту этимологию отбросим в сторону?

Интересно, что в современном новоязе, *псевдопублицистическом, псевдополитическом*, «радикал» и «экстремист» – это синонимы. Тогда как «экстрим» – это «с краю», а «радикал» – это «в центре». На самом деле радикал – в центре, и это соответствует аяту Священного Корана, когда Всевышний Аллах говорит: «Я поставил вас Уммой в центре, в середине». Этот аят переводят всегда как: «Я поставил вас общиной, удалённой от крайностей, “средними” людьми». То есть замазывают всегда в переводах очень конкретный смысл. А правильно будет: «Я поставил вас Уммой в центре, дабы вы свидетельствовали против человечества, а Пророк бы свидетельствовал против вас». Имеется в виду на Страшном Суде.

Всякий радикал, восходя по этой вертикали невозможного и нереального Абсолюта – того, что превышает все возможности, – отменяет её, а восходит в этом своём движении до последних степеней, до последней той инстанции, которая отменяет всё? Или здесь есть какие-то определённые метафизические градации, и как это выражается в психологическом пространстве радикала?

Дело в том, что нельзя смешивать путь радикала с путём проходящего инициацию «ищущего» эзотерика в традиционалистской метафизике, потому что в традиционалистской метафизике есть идея восхождения к великой идентичности и тождеству с «первоначалом» – безусловным «первоначалом», отождествлением с безусловным. А радикализм не есть отождествление с *безусловным*, потому что отождествление предполагает субстанциональный аспект.

А здесь существует сфера *манифестации* и *неманифестации*. Я, кстати, объединяю под термином «Бытие» и *манифестацию*, и *неманифестацию,* – то есть, скажем условно, то, что Генон определяет как «дао», *проявленное* и *непроявленное вместе*, то есть *возможность*

непроявления и *возможность проявления*. Он говорит, что *возможность проявления* – это *непроявленная возможность Бытия*, то есть это *возможность проявления*, которая сама ещё *не проявлена*; внутри неё неизмеримо больше *возможности непроявления*. Так вот, *возможность непроявления* и *возможность проявления* я вместе соединяю в условном термине «Бытие».

Это Бытие есть реализация *возможного*. А *возможное* – это тень, которая отбрасывается *невозможным*, потому что *невозможное* как таковое не реально, а является аспектом Мысли Всевышнего. *Невозможное* – это сердцевина, это аспект Мысли Всевышнего. *Невозможное* – это существо Мысли Всевышнего, которое скрывается. И поскольку оно – *невозможное*, то оно может быть дано только через указание на него *тем, что его отрицает. То, что его отрицает*, – это как бы рубеж, горизонт, чистый *бесконечный негатив*, который всеми Традициями принимается за фундаментальное «первоначало», то есть Брахма, который является безусловным апофатическим Абсолютом. И с точки зрения всех Традиций это – начало начал.

В действительности это чистый негатив, не имеющий никакого содержания. Тотальный негатив не может быть самодостаточен, поэтому он изначально ущербный: *бесконечное* не может быть позитивным, *бесконечное* лишено внутреннего структурирования, определений, лимитов, целей (оно просто *отрицает*), но оно при этом не может иметь контент. Вот как из *бесконечного* возникает *конечное*? Если бы *бесконечное* было самодостаточным и идентичным самому себе, то выйти из него нельзя было бы: *конечное* было бы исключено. И тогда *конечное* было бы *невозможным*. Но на самом деле *бесконечное* не самодостаточно – оно существует лишь как указание на *невозможное помимо себя*. И поэтому *конечное* становится *возможным*. И, собственно говоря, «возможное» и «конечное» как категории абсолютно синонимичны. *Возможное* – это и есть *конечное*. Поэтому, когда Генон говорит «possibilite infini», то это оксюморон.

Не может быть «бесконечной возможности», но может быть интерференция *конечных возможностей* таким образом, что в результате «интеррефлексии» разбегающихся зеркал, в бесконечной «интеррефлексии» зеркал, которые отражают друг друга, создаётся *иллюзия* «позитивной бесконечности», то есть позитивного наличия. Но это не более чем взаимная интерференция конечных начал. То есть

то, что мы принимаем как *Бытие, которое неохватно*, – это на самом деле взаимная интерференция конечных начал, которых конечное число. Их пять: это *возможность конкретного, возможность альтернативного, возможность не быть конкретному, возможность не быть альтернативному* и *возможность не быть ничему*. Первые два – это *возможности манифестации*. А последующие три – это *возможности неманифестации*. И они интерферируют друг друга и порождают бесконечное многообразие, которое на самом деле является проявлением Великого Существа.

Это Великое Существо есть Денница, Люцифер, Иблис, Аполлон, – это есть Великое Существо, которое есть вместе с тем и *объективное* Бытие. Это «интерференция» конечных начал. И человек является, по своей модели, просто одним из отдалённых отражений Великого Существа, но в человека уникальным образом введена эта «скважина», эта точка несовпадения со всем остальным зеркальным Бытием. Это как в бесконечном множестве зеркал: в одном зеркале выбрали некую точку, поцарапали амальгаму, и в этой точке зеркало стало особым: в нём исчезла оптическая рефлексия. Или в одном из зеркал есть особая точка, которая не совпадает со световым потоком, с этой системой оптики, но при этом это достаточно удалённое от центра зеркало.

И главная задача радикала – это не восходить, а отражать Провиденциальный Замысел в своём собственном мышлении. Но в индивидуальном мышлении это невозможно отразить полностью, и индивидуальное мышление обладает спецификой *внеисторичности*. Только *мышление коллективное*, то есть мышление на уровне братства, *джамаата*, общины, когда люди *участвуют*, – только их мышление является *историческим*. Только мышление людей, связанных друг с другом через «братство по смерти», – не через появление из женского лона, а через уход в могилу как антитезу женскому лону, *братскую могилу*, – приобретает измерение «историчности», – в отличие от мышления индивидуально Маркса, Гегеля. То есть может быть какой угодно гений, но его мышление не исторично. А вот мышление, допустим, «Народной воли» в тысячу раз слабее, дефектнее, чем мышление Гегеля, но в отличие от Гегеля оно *исторично*. Потому что в мышлении радикального братства отражается какой-то частью, какой-то тенью (чем больше, тем лучше, конечно) Замысел Всевышнего.

Задача состоит в том, чтобы Провиденциальная Мысль, которая изначально является неопределённостью, изначально является *неутверждением*, изначально является апорией, чтобы она отразилась в мышлении здесь, и эта община, эта группа связанных между собой братьев становится инструментом её реализации. Но, конечно же, реализация для всех участников – это абсолютная жертвенность. И это не значит, что каждый из них должен пойти и умереть, бросив все дела, – и наплевать, что будет завтра. Нет. Эта абсолютная жертвенность должна быть *исходным и перманентным состоянием*. При этом эти люди могут прийти к серьёзным постам, к власти, дожить даже до преклонных лет, – это неважно. Обстоятельства того, погибнет ли этот человек в двадцать лет или умрёт в восемьдесят (победив или не победив, в застенках), – это всё неважно. Главное, что всё его существо проникнуто пассионарной *волей к смерти*. А *смерть* он понимает как открытие природы своего сознания, как проекцию *невозможного* внутрь себя. *Смерть – это уход в невозможное*. А *невозможное* внутри, до того как оно ещё не состоялось в качестве моего конца, – это моё *сознание как свидетеля*. И когда ты понимаешь, что твоё свидетельствование, твоя смерть и твоя миссия «ключа, которым поворачивается запертая дверь Реальности», – это одно и то же, то это и есть удел радикала.

А «восхождение» и «отождествление» – это путь совершенно другой, это пантеистический путь, это путь инициатической идентификации. Это взаимоисключающие пути.

> *Не слишком ли мы просто относимся к такой фигуре, как Гегель, исходя из школьных представлений об изначальном тождестве «бытие – мышление», «инобытие духа» (то, что вы называете «реальностью»)? Ведь в его философии доминирует то, что переводится как чудовищная мощь негатива, причём этот негатив духовной природы, и без этого негатива монизм Гегеля был бы слишком прост, безвкусен и неинтересен.*

Гегель говорит как раз об этом негативе как функции *бесконечности, предоставленной самой себе*. Мы говорим об одном.

Просто у этого негатива есть функциональное содержание: *этот негатив не самостоятелен*.

Древние греки «бесконечность» воспринимали как крайне отрицательный термин. Они её боялись, они её отрицали, они её не любили, потому что они прекрасно понимали, что бесконечность не может иметь контента. Это потом, уже в платоническом, постплатоническом мире бесконечность наполнилась идеей «бытия, блага, света», идеей нелимитированного позитива. Для древних греков бесконечность была «косой отрицания». Потому что бесконечность – это снятие всяких лимитов. А лимит – это как раз жизнь. Лимит – это конкретность, это жизнь, это определение, это фиксация. А это – диссолюция (как вот есть Абсолют – великий «растворитель»). Они не хотели этого.

Но у *бесконечности* есть же функциональная цель, потому что (это мы забегаем вперёд) у Провиденциальной Мысли Всевышнего есть одна фундаментальная особенность: её изначальность (как бы она сама в себе) столь страшна, что она не может существовать в том виде, в каком она *соприродна* самой себе. Поэтому она, эта Мысль, немедленно, в момент своего *самообнаружения*, тут же маскирует себя. Эта мысль изначально *страшна и невозможна*. И первым её как бы проявлением является перевод себя в *инобытие*, которое более «терпимо», условно говоря. То есть изначальная Мысль является фундаментальным *неутверждением*. Но следующее («скорлупа» этого, как бы) – это *невозможное*. То есть это фундаментальное *неутверждение* выступает в качестве *невозможного*. А *невозможное* тоже страшно и немыслимо и поэтому выступает в качестве *отрицаемого*, то есть *невозможное* – это то, что *отрицаемо*. А если есть *отрицаемое*, то есть и *отрицающее*. И это *отрицающее* есть тот самый негатив, *с которого все начинают*. Все начинают с негатива: индусы начинают с негатива, Гегель. Бесконечный негатив. Но это всего лишь внешнее одеяние, которое оправдывает ту тайну, которую этот негатив *отрицает*.

Тайна существует в форме отрицания себя. Попросту говоря, если перевести это в теологический язык, можно сказать так: «Бог существует в форме неведения о Себе». Истинный Бог. Потому что, когда люди говорят о боге, они имеют в виду Великое Существо, то есть они имеют в виду «grande être», «световое бытие». Но для нас это

абсолютный противник. А истинный Бог, или лучше сказать Субъект (поскольку «бог» – это субстанциональное слово, связывающее нас с почвенной традицией), подлинный Субъект, – это то, что может быть дано только в форме *абсолютного неведения о Самом Себе*. И подлинный Субъект – это *абсолютное неведение*, которое существует в форме чистого негатива, заменяет неведением *второго контура* в виде *тварного бытия*. А вот в это *тварное бытие* Он вводит блик Самого Себя в виде того, что в нашем сердце существует как несовпадение. И отсюда идёт всё это раскрытие поэтапного взрыва.

Для Гегеля ведь не существует проблемы отчуждения Духа, потому что Гегель однажды сказал, что «теология, которая говорит о Боге как о *другом от человека*, – это теология, не имеющая отношения к уму», то есть такая «внеумная», «туземная» теология. То есть, по Гегелю, только та теология «умна», только та теология интегрирована в цивилизацию, которая не различает между богом и «приехавшим» человеком, который является финальной стадией…

> *Хочу заметить такую вещь, что без Гегеля не было бы Маркса. Он «заземлил» и перекодировал его философию. Без Маркса не было бы Ленина. И не такой уж идиот был тот же Герцен. Ведь это же алгебра революции. Оттуда брали какие-то эти вещи: в частности, это «отрицание». Может быть, его не до конца понимали во всех нюансах…*

Проблема в том, что Гегель был – несмотря на то что он завершал платоническую линию западной мысли – либерал. Потому что он стоял на платформе, конечно, очень сложного дискурса, но он был абсолютный *имманентист*. Он был пантеист с акцентом на *имманентизм*. В конечном счёте именно благодаря этому из него можно делать «правые» и «левые» выводы. Левое гегельянство, которое пошло путём Фейербаха и Маркса, стало возможно именно потому, что Гегель – либерал (имманентист). У него нет прорыва во «взрывающуюся пылающую Тьму». Тьму, которая превращает всю реальность в апорию, нуждающуюся в парадоксальном разрешении, – разрешении, не заложенном в условиях задачи.

Суть Провиденциальной Мысли именно в том, что она – апория, потому что её разрешение, как неустойчивая динамика

неопределённого, предполагает решение, не заложенное в условии задачи. Возьмём классическую апорию «Может ли Ахилл догнать черепаху?» Ответ на этот вопрос предполагает исчисление бесконечно малых, которые не заложены в условиях, сформулированных Зеноном. Это пример. Потому что в самой изначальной Провиденциальной Мысли так же точно предполагается, что её решение предполагает инструментарий, который не входит в контекст первозданного Замысла. Он формируется за пределами первозданного Замысла. И для этого нужна динамика макросюжета *творения и оппозиции творению*. Иными словами, может ли Всевышний, Всемогущий сделать камень, который он не может поднять?

Бог не может Сам ответить на оба конца апории. Он не может Сам это сделать, потому что если Он создаст такой камень, то это будет ограничение – с одной стороны, не создаст – с другой. И Он должен создать Адама, который выполнит эту задачу таким образом, чтобы у Творца были развязаны руки по отношению к этой апории. В этом суть радикализма. Понимание этого и понимание себя как «ключ к решению поднятия этого камня» – это и есть суть радикализма.

> *Гегель, особенно левое гегельянство и его исчадие Маркс, не случайно создавали революционные теории. Есть в Гегеле, как бы мы его не интерпретировали, определённого рода радикализм. Сейчас просто не будем вдаваться в детали, но он там заложен.*

Я согласен. Гегеля мы «сливать» не будем, но Гегель нам нужен как точка отталкивания. Нам Гегель нужен для того, чтобы сделать к нему «фотографию», основанную на негативе: вот есть Гегель черно-белый (не то, чтобы в версии «левый» или «правый»), а он нам нужен в тех местах, где он чёрный – белый, и в тех местах, где он белый – чёрный. Нам нужен негатив от Гегеля.

Вообще, в XIX столетии люди говорили такие глупости, и это всё считалось очень серьёзно.

Я прочёл «Диалектику природы» и «Анти-Дюринг» ещё будучи в 10 классе, и ничего страшнее не читал в своей жизни. Если это левое гегельянство – извините…

Но они отважились, тем не менее, как Вы любите выражаться, на реальное историческое делание.

Правильно. И где оно теперь? Мы сидим у разбитого корыта, и более того, в этом корыте стирали грязные, мерзкие, ссаные пелёнки, потому что весь «советский опыт» – это на самом деле не что иное, как стирка в корыте на задворках трущобы, где живут пролетарские жены, развешивающие белье на бельевых верёвках. Я не говорю, что надо джакузи, но надо просто выплеснуть воду, ребёночка.

Но мы-то с вами состоялись, мы все-таки оттуда, – пусть мы отрицали этот контекст, но он каким-то образом создал условия для того, чтобы…

Я не думаю, что мы состоялись потому, что где-то, в какой-то туманной дали, виднеется Гегель. Хотя на самом деле Гегель для меня был путеводной звездой лет до 19. Я проанализировал кристаллизацию своего внутреннего центра, и эта кристаллизация связана с антигегельянством. Я как раз ориентировался на Гегеля, потому что он давал мне возможность отталкивания – стенку, от которой можно отпихнуться. А всё-таки кристаллизация шла через…

Декарта?

Нет. Я очень поздно понял величие Декарта, я не осознавал долгое время, что Декарт очень глубокий и дающий огромные возможности мыслитель. Думаю, что я очень рано стал понимать, что *то, чего нет*, – не именно *небытие*, не *ничто*, не результат снятия, не ноль, – а именно *то, чего нет* (то, что функционально действует через своё отсутствие), – вот оно и есть сердцевина сердцевин. Преодолел Парменида (парменидовская вторая половина в его «Бытие есть, а небытия нет»). А если представить себе, что это «нет» гораздо более важно, гораздо более «центральное», чем Бытие? Что «бытие есть» – это бессмысленное, а в «бытия нет» есть смысл. Для меня этот инстинкт был лидирующим. А Гегель требовался как клумба, на которой этот цветок надо было вырастить. Потом я понял, что Гегель – это этап…

А поздний Николай Кузанский, трактаты «О неином», его суждения об универсальной возможности?

Мы всё это знаем. Это более или менее изощрённые формы пантеизма. Это философия тождества. Философия тождества относится к монолитной метафизике язычества, как бы она себя ни позиционировала и как бы ни «садилась на хвост» авраамическим религиям Откровения. Во-первых, религии Откровения не выполняют свою функцию – кроме чистого ислама. Все остальные религии давно сидят либо в Каббале, либо в платоновском, неоплатоновском субстанционализме. Разрыв с метафизикой тождества может осуществиться только через радикальное переосмысление всего – в том числе с понимания того, что Бытие и сознание абсолютно противоположны друг другу. Причём сознание – *антисубстанционально, внесубстанционально*. Субъект – это *то, кого нет*. Это весы: это – есть, этого – нет. Не может быть никакого тождества, не может быть соединения в экстазе постижения, когда исчезают субъект и объект. Это всё абсолютная ерунда. Именно весы, в которых нет синтеза. *Тезис и антитезис абсолютно враждебны.* А преодоление их поляризации находится не в их соединении, а в том, чего они *лишены* в равной степени оба. Вот тайна. Не *позитивное единство тезиса и антитезиса, а негативное единство*, когда тезис и антитезис уравнены своей «нищетой» по отношению к *тому*, о чём оба не знают. Это путь преодоления монизма, путь взрыва монизма.

Нет ли некоего такого рассогласования между идеологией радикала как братства, если я правильно поняла, с индивидуальным волюнтаризмом? И второй вопрос: можно ли Мишку Япончика назвать радикалом?

На второй вопрос сразу отвечу. Мишка Япончик являлся еврейским либералом с некоторыми задатками «правильного пацана», который «отвечает за базар». Во-первых, он хочет жить хорошо, а во-вторых, он весь – в *этой* жизни и он не верит ни в какие реальные другие ценности. Мы знаем, что настоящие криминальные радикалы – это лидеры политических казачьих восстаний, а не такие персонажи, как Япончик. Дело в том, что мы неправильно понимаем, что такое

либерализм. Под либерализмом мы всегда понимаем человека в жилетке, с цепью по животу, адвоката Резника какого-нибудь. Но либералы могут быть очень страшными, очень крутыми, могут расстреливать пачками, если нужно. Криминал же «мочит» всех. Но либерал всегда остаётся либералом. Потому что ради чего он это делает? Ради того, что «сейчас настреляю всех, кто мне мешает, но зато оторвусь на Лазурном берегу». И это сразу всё перечёркивает. Куда хотел попасть Мишка Япончик в своих мечтах? На берег Бискайского залива со своей Цилей. При чём тут радикал?

Первый вопрос. Индивидуальный волюнтаризм опять нас вводит в либерализм. Я понимаю, что человек не согласен с детским садом, с «училкой», с дисциплиной, с авторитетом и так далее до тех пор, пока в насилии над собой среды он видит насилие над собой бессмысленного, абсурдного бытия. Бытие абсурдно по своей сути. Смысл ему придаёт только конфронтация с ним. Но в какой-то момент эта точка рассогласования должна признать, что индивидуальность тела (инстинкты, психика, склонности) – это тоже часть среды. «Я против училки, я против мента» – и на этом уровне я думаю, что «я» – это этот «я», которого «прессуют», в наручники заковывают, ставят в угол, отчитывают. Но в какой-то момент я должен понять, что моё тело и связанные с ним психические инстинкты – это часть той среды, которая противостоит моему сознанию.

И тогда я должен опереться на такой «технологический» устав некой армии, «устав гарнизонной службы», который поможет мне правильно и грамотно оппонировать враждебной среде. И оказывается, что это *шариат*. Оказывается, что шариат – это и есть тот «устав», который вне произвола «училок» и «ментов» сообщён из парадоксального, трансцендентного центра моей *точке несогласия* со всем «этим» для того, чтобы эта *точка несогласия* была успешной, чтобы братьям взаимодействовать между собой таким образом, чтобы они были не бандой партизан, а армией в походе. И альтернативы шариату нет. И если я подчиняюсь шариату, то, конечно, индивидуального волюнтаризма уже быть не может. Но это не закрепощение себя в наборе глупых правил, а на самом деле *шариат – это устав взаимодействия между собой людей, которые Против*. Надо понять, что люди, которые *против, – Против* большими буквами. Вот какой устав им дать? Армия – не *«против»*. Армия защищает

«отечество», Брежнева, Путина. Партизаны? Они тоже воюют за независимость незалежной Украины или за Чечню. А вот *люди, которые против*, – что им дать? Им можно дать только *шариат*. Это единственный уникальный ход, который обеспечивает взаимодействие и поднятие над индивидуальным волюнтаризмом *тех, которые Против*. Это уникальная вещь.

Вот там суфии говорят, что шариат – это «ограда», а за этим есть *хакикат*, истина, познание истины. А за этим *ма́рифат*, то есть погружение в чистый духовный «экспириенс». Это всё чушь.

Шариат – это, во-первых, чистый устав. Это не цель установить государство, а это устав, без которого невозможно решить никакие задачи. Но замысел *шариата* предполагает эзотеризм на пути чистого монотеизма, который эзотерикам от метафизики тождества даже и не снился. Потому что на самом деле о настоящем эзотеризме ещё ничего не сказано. Эзотеризм, о котором я говорю, это эзотеризм *невозможного*, это подлинный эзотеризм. А эзотеризм «растворения» в великой идентичности пылинки с Абсолютом – это глупость, это на самом деле конформистское примирение с абсолютным негативом, который тебя ничтожит, чтобы не брыкался…

Генон же открытым текстом сказал, что обычную тварь Рок влечёт за волосы, за ухо и ничтожит, а инициатический эзотерик делает то, что всё равно является путём всякой твари, но он это делает на духовном внутреннем уровне: то есть тварь ничтожится – и он ничтожится, но он ничтожится «духовно» – в отождествлении и «освобождении». А остальных смывает, слизывает. По сути, это одно и то же: уход «в ноль». И поскольку ты не можешь избежать этого ухода «в ноль», ты говоришь: «Я иду путём посвящения, я просто знаю, что на самом деле меня нет, и то, что я думаю про себя, что я Иван Иваныч, – это колесо сансары; сейчас я освобожусь от этих лимитаций и буду *дживанмукта*, буду освобождён». Ну, или я могу быть просто Иван Иванычем (вспомним «Управдом перед смертью» Мамлеева) и сдохну, размышляя о том, поставят ли мне мемориальную доску на этот дом.

На самом деле эзотеризм Традиции, эзотеризм попов, гуру, старцев, шейхов, – это эзотеризм Сатаны. А эзотеризм, который связан с настоящим монотеизмом, – это сияющее чёрное пламя, это *ан-нуру ас-самавати валь-ард*, это «свет небес и земли», который, как

известно, рождается из чёрного, просветляемого ещё более чёрным. Поэтому *путь радикализма – это путь истинного эзотеризма против ложного*.

> *В Коране есть места, где Всевышний клянётся, и одна из клятв звучит следующим образом: «Клянусь тем, кто свидетельствует, и засвидетельствованным». Можно ли понимать этот аят как указание на рефлексию, к которой приходит свидетель, свидетельствующий собственное сознание?*

Я всю дорогу именно об этом и говорил. *Шахада* как смерть по свидетельствованию и свидетельствование как гносеологический акт «рефлексии о рефлексии», сознания того, что ты сознаешь, – это две стороны одной монеты. Пока мы живём, *точка несовпадения ни с чем в нас* есть центр постижения, свидетельствования и отражения. Но в тот момент, когда наш механический аппарат останавливается, эта точка совпадает с тем *непостижимым* и *невозможным*, бликом чего она являлась при жизни. Как, допустим, «зайчик», который ты пускаешь на стену благодаря тому, что у тебя зеркальце. Но ты его убрал – и этот «зайчик» ушёл в тот свет, который рассеян и невидим. Условно примем этот свет за то, чего мы не знаем и не видим, – этот свет существует *вне данности*. А поставил зеркальце – и этот свет проявился в качестве блика. То есть *сознание и смерть – это две стороны одной монеты, это одно и то же*. И разница между сознанием и смертью как двумя сторонами – это наличие нашей физической индивидуальности, которая является механизмом выделения «скважины» в качестве обособленной *точки присутствия. Отсутствие, которое естественное присутствие.*

И тут ведь в чём дело? Всевышний обещал нас воскресить на Страшный Суд, Он обещал воскресить именно *эту точку* в том виде, в каком она была исторически *здесь и теперь* для каждого. То есть это означает, что моё тело – это «Иван Иваныч», точка во мне при жизни – безымянная, но когда я буду воскрешён, то воскрешена будет именно эта точка под именем «Иван Иваныч». То есть она получит индивидуальное, персонализированное, уникальное бытие, реальность (не бытие, а именно реальность), – она получит имя. Сейчас она

скрывается под маской меня физического. Точка понимания, которая во мне свидетельствует о внешнем, связана с мигом *здесь и теперь*, но она не имеет моего имени. Это тело имеет имя. А когда я буду воскрешён при втором Творении, именно эта точка будет иметь имя. И если человек входит через узкий мост в Сады праведников, то точка получает имя уже не как блик, брошенный светом через зеркальце, а как блик, эмансипировавшийся от своего источника, – самостоятельное бытие с именем. В этом суть трансформации: то, что было безымянным в обладающем именем, становится источником имени, носителем имени там, где Бытие как бесконечный абсурд полностью снимается.

> *Радикал, который пришёл к тайне перцепции, действовал как радикал, но он не сделал шаг в сторону принятия пророческой миссии, – его посмертная участь будет такая же, как у либерала и традиционалиста?*

Дело в том, что, когда мы говорили о радикале, я не случайно сказал, что мы обсуждаем «виртуальную» схему абсолютной рефлексии. То есть мы говорим о некоем несуществующем идеальном радикале, который будто бы всё понял о самом себе, всё понял о своём сознании, о том, что Бытие и сознание – противостоящие полюса; это схема, которую не нужно понимать всерьёз как «рабочую схему». Потому что в реальной жизни таких радикалов не бывает, то есть не бывает таких состоявшихся носителей абсолютной рефлексии. Потому что, если нет зеркала и, предположим, нет других людей – человек вырос сам по себе (вне зеркал, рядом никого нет), один, – он, конечно же, видит вокруг себя предметы, но он же не знает, почему он их видит, то есть он своих глаз-то не видит. Он не знает, что у него есть такой орган, как глаза: для того чтобы увидеть глаз, надо увидеть другого человека или себя в зеркале.

Поэтому в реальной жизни радикал видит вещи, но он не знает, почему он их видит. Для того чтобы человек узнал о том, что в нём есть *нечто, не совпадающее ни с чем*, что он видит, – ни с чем потенциально могущим быть заданным для него как для чувствилища, – для этого нужно Откровение. Откровение потому и даётся, что оно приходит из *внереального*, из *невозможного*. Это тот

мост или та «вольтова дуга», которая соединяет *невозможное* как источник с чёрным бликом внутри, который этим *невозможным* отброшен вглубь этого бытия, частью которого я являюсь. Еще раз подчёркиваю, что я говорил об «абсолютной рефлексии как идеальной модели», но её не существует в реальной жизни.

В реальной жизни нет никаких сил, которые бы человека вывели на понимание того, что такое сознание. Даже если ему показать, что это сознание у него реально есть и работает, он этого не поймёт. А показать это можно очень просто. Каждый испытывал шок, когда вошёл в тёмную комнату, где думал, что он один, и вдруг кто-то зашевелился сзади или положил ему руку на плечо, и его подбросило от испуга. Что происходит в этот момент? Человек встречается реально с этой самой «скважиной» в себе, со своим истинным, внутренним Я, которое является *точкой несовпадения ни с чем*. Я говорю о том, что происходит долю секунды, – нужно условие, согласно которому ты думаешь, что ты один. Это может быть в разной ситуации: вошёл в тёмную комнату, вошёл в пустой дом или сидел у костра и отошёл от освещённого пространства куда-нибудь в скалы, и вдруг в кустах что-то зашевелилось, – испытываешь шок. Что при этом происходит? Происходит то, что ты думаешь, что ты один, а вдруг в твоё ментальное поле входит *реально* (не концепция, не мысль, не слово) опыт *другого*.

Причём подчёркиваю: неважно, что ты знаешь, что за окном спальни, где думал, что ты в темноте один, или за пределами освещённого костра, сидят твои товарищи, какие-то люди присутствуют. Ты, когда испытываешь *это*, ты обязательно должен знать, что в том пространстве, где ты сейчас *экзистенциально*, – ты один. И вот появляется через шорох, через движение, через присутствие идея *другого*. И когда появляется идея *другого*, происходит момент ужаса, «схлопывание», когда внезапно этот *другой* оборачивается тобой, твоим глазом, который смотрит. То есть ты встречаешься с чёрной амальгамой зеркала. Ты представляешь собой зеркало, и зеркало обнаруживает, почему оно отражает, – потому что у него сзади чёрная амальгама, не пропускающая свет. Оно ведь ничего не видит, кроме этой чёрной амальгамы, и в какой-то момент зеркало начинает воспринимать только чёрную амальгаму себя. Это длится доли секунды, и если это продлится чуть больше, то человек может

умереть, потому что это его «разносит». В этот момент он действительно обнаруживает природу собственного сознания и природу смерти. Но он не успевает её осознать, потому что тут же всё проходит и остаётся только адреналиновый всплеск, который оседает. Но то, что называется «сатори», – это разбавленное раз в сто состояние шока, испуга. То, что буддисты ищут в качестве дикого кайфа, ради которого они приехали, – это этот шок, но разведённый «один к ста». А для радикала – это просто знак, который он должен интерпретировать, но уже задним числом, когда он опирается на Откровение.

А так ведь практически каждый это испытал. Ну и что толку? Разве кто понял, что он испытал встречу со своим гносеологическим центром, со своим свидетельствующим «я», со своим свидетельствующим сознанием? Да никто ничего не понял. То есть невозможно без опоры на Откровение принять участие в Провиденциальном Замысле как в сюжете.

А что значит «не принять участие в Провиденциальном Замысле как в сюжете», а быть «всё понявшим» и так далее? Это означает следующее: на сцене идёт «Гамлет», а ты из зрительного зала вышел и начал кривляться перед зрительным залом и сценой, повторяя жесты актёров, воспроизводя реплики, абсолютно не понимая, что это пьеса, которая поставлена режиссёром, что она несёт в себе определённое послание. А есть такие сумасшедшие, фрики, – когда что-то происходит на сцене, они выбегают и как бы начинают тоже участвовать в этом, начинают что-то воспроизводить…

Но здесь есть другая сторона. Откровение требует *политической философии.* И не только политической философии, но концептуального сквозного дискурса, который задействует всё, то есть он втягивает в себя все эти проблемы, о которых я говорил: от Абсолюта, то есть противостояния Абсолюту, до противостояния политической действительности, бытовой действительности. Сквозной дискурс, некоторой попыткой создать который являлся марксизм. От «диалектики природы» до «исторического материализма». Нам необходим аналог этого.

И что произойдёт, когда такой дискурс будет создан? Но этот дискурс возможен, потому что есть Откровение. Оно ведь было. Мы не можем действовать в этом мире и делать вид, что его не было. Мы не можем делать вид, что как будто мы сами всё надумали. Потому что

это будет ложью. Но мы можем на базе этого Откровения, не упоминая его, сформулировать такой сквозной дискурс, который снесёт и Левинаса, и Хабермаса[6], и будет очевиден для интеллектуалов любого убеждения и разлива, – ну как марксизм. Никто же не говорит, что марксизм – это гегельянство, а гегельянство – это Лютер и поэтому, дескать, каждый, кто стал марксистом, тем самым сразу стал протестантом в своём первозданном ключе. Это же не так происходит. Но на самом деле как бы и так: каждый, кто стал марксистом, в некотором смысле стал участником Реформации, в каком-то смысле участником протестантского пафоса, но не осознавая этого. Но я хочу сказать, что этот пример, который был в прошлом (это ведь некий пример, некий образ), – его надо поправить, он не идеален.

Надо стремиться к тому, чтобы каждый, кто усвоил политический дискурс радикализма, тем самым стал бы *му'мином*, пришёл бы к тому, чтобы стать мусульманином, но мусульманином именно как носителем Провиденциального Замысла. И мы должны быть среди всех, кто сражается: мы должны быть с колумбийским ФАРКом, мы должны быть с кубинцами, мы должны быть с теми, кто сражается в Африке (неважно какой), мы должны быть вместе с теми, кто во Франции выходит против гей-браков, мы должны быть всюду со всеми, но не в антиглобалистском мусоре, а мы должны перехватить инициативу у тех, которые оседлали левый дискурс и на нем въехали в Клуб – в «совет директоров акционерного общества» под названием «Глобальное общество». А сейчас левого уже нет ничего и правого нет. Либерализм «на слив». «Левые» и «правые» имеют смысл только в либеральном пространстве.

А есть единственная вещь, которая имеет значение – *протест*. И мы должны курировать протест, курировать кризис. А для этого нужно иметь сквозную идеологию и философию кризиса. Об этом мы ещё будем говорить, потому что на самом деле это фундаментальная часть радикального сознания: понимание реальности как динамически текущего кризиса. Но не то, что ты жертва кризиса, а ты должен быть «топ-менеджером» этого кризиса. Это единственный ответ на то, что сегодня мы являемся пролетариями внутри глобального общества, пролетариями внутри системы. Ответом на это может быть только превращение в «топ-менеджера» кризиса этой системы.

Вот выходят в финал два клуба – клуб традиционалистов и клуб радикалов, – может ли опыт традиционалистов подготовить некие концепции, чтобы отвести потенциальных пассионариев ума и тела в сторону (некий новый концепт, новую идеологию)?

Дело в том, что само определение «клуб традиционалистов» предполагает исключение новых концептов, потому что традиционализм и Традиция имеют уже заданный контент, который может только углубляться, расширяться и переформатироваться, но выйти за пределы его не может, как хорошо показывает пример барона Эволы. Барон Юлиус Эвола пытался говорить от имени касты воинов, то есть он говорил, что с Геноном он не согласен, потому что Генон стоит на платформе высокого сакрального клерикализма, является носителем дискурса жречества. А Эвола, понимая всю прелесть и обаяние Генона, является носителем дискурса кшатриев. Но никаким носителем дискурса кшатриев он и не стал. Он всего лишь представлял собой некую версию «неогибеллинизма», который целиком всё равно сидит внутри этой системы. Даже настоящий гибеллинизм имел проблески радикального, а Эвола в этом плане продемонстрировал, что традиционалисты не могут вырваться за очень жёстко очерченный периметр. Некоторый спор между аристократами и попами: «Кто главный?»

Я думаю, что традиционалистский клуб достаточно опасен и страшен и без изобретения каких-то новых концептов, потому что он является «комитетом по встрече Антихриста». Традиционалистский клуб является воплощением в этом нашем зеркале мира отражения Иблиса, – он является фактором бытийного, онтологического присутствия Великого Существа в рамках этого отдельно взятого мира. Это очень много. Победить его без прямой помощи Провиденциальной Мысли, которая вторгается сюда через посылку сюда Махди (да ускорит Аллах его приход), невозможно. Возможно только сражаться, выполняя свой долг, и если твои усилия приняты Провиденциальным Замыслом Всевышнего, то тогда Махди нам послан и мы возглавлены, и тогда мы побеждаем в Последней Битве, Битве Конца.

Но если мы оставлены, если мы не поддержаны, то самостоятельными усилиями победить непосредственно Бытие (без

этой поддержки), то есть каким-то путём индивидуального посвящения, путём сосредоточенности, уйти в пещеру или в пустыню и там сосредоточиться на проблеме сознания в противоположности Бытию, – это путь в никуда. Как я сказал, индивидуальная гениальность *антиисторична, внеисторична*. Только *джамаат*, только община братьев является носительницей субстанции этой эссенции истории, то есть «деланья деяния», сюжетного деяния, которое является динамикой превращения. Когда Лир раздал своё имущество дочерям, потом пошёл по ним, разочаровался в них и проклял, – оказалось, что ненавидимая дочка оказалась подлинной, настоящей, а любимые дочки – не настоящие. Вот всё это (всю эту сюжетную мысль) можно пройти только в коллективе «актёров», объединённых «режиссёром», на основе написанной уже «пьесы».

Как Вы думаете, какая будет борьба?

Она будет всесторонней. Прежде всего сразу скажу, что победа традиционалистского клуба, уход либералов – это означает уничтожение национальных государств, это будет мировое правительство, это будут частные военные компании вместо армий, это будет беспощадная жестокость, это будут болезни, голод, истребление всевозможными способами, распространением эпидемий, это будут удары с воздуха.

Ответ на это может быть тоже сложный, многообразный, беспощадный. Необходима гражданская война по всему миру. Весь мир должен быть ареной сплошной гражданской войны. Но она может быть скрытая, открытая, где-то в каких-то регионах достаточно давления на местную администрацию, где-то она сотрудничает, где-то открытая конфронтация. Я должен сказать следующее: мусульмане не должны быть в гетто, в гетто собственной конфессиональности, мы должны опираться на Сиру Мухаммада (да благословит его Аллах и приветствует). В последний поход на Шам армия Пророка (да благословит его Аллах и приветствует) шла вместе с бедуинами, не принявшими ислам, то есть с *джахилами*, которые шли рядом, рука об руку, и они были допущены к тому, чтобы воевать вместе. Это для нас пример. Всюду, где существует борьба, мы должны быть там, и мы должны помогать всем, кто восстаёт против мирового порядка. Везде и

всюду люди восстают против мирового порядка, и они должны получать ответ.

Там речь идёт не о каких-то гей-браках, а о том, что все основания реальности, матрица, само доверие к факту своего рождения, укоренённости в этой ткани жизни, должны быть подорваны. Человек должен повернуться против этого, послать это подальше от себя. Всё остальное – нищета, трущобы, педерастия, детская преступность – это всё маленькие плевочки и щупальца главного вопроса: существует Тьма (Тьма как Зло), потому что мы укоренены в неопределённости, которая, с одной стороны, является божественной, а с другой стороны, она является злом в том плане, что проектным идеалом мысли является *утверждение*. А это *утверждение* состоится лишь в результате того, что мы проживём полноту этого сюжета. Сегодня мы укоренены в зле, антитезой которому мы являемся. То есть всё, из чего мы состоим, всё, в чём мы движемся, – это зло, потому что это *отсутствие утверждения*, которое является *финальным*, абсолютным *утверждением*, не допускающим ничего, кроме себя.

Мы живём в открытом космосе, в котором ничего не закончено, ничего не постулировано, ничего не завершено. Но есть Замысел, данный нам для того, чтобы мы участвовали в том, что этот Замысел состоится. Это Божественная воля, предполагающая реализацию этого *утверждения*. Я же сказал в какой-то момент, что в условиях Мысли решение апории, которая задана Мыслью, возможна лишь при содействии ресурсов и инструментария, которых в этой Мысли нет. Как в погоне Ахилла за черепахой отсутствует (в параметре этой апории) исчисление бесконечно малых, отсутствует дифференциал и интеграл. И поэтому без понятия континуума, который не предполагает разрыва на части, невозможно эту апорию решить. Но в самом формате задачи этот инструментарий отсутствует. Просто сама динамика задачи, сама концентрация этого неадеквата, дисбаланса поставленной формулировки, рождает средства, которые не оговорены в задаче. То есть мы видим, что Ахилл догоняет черепаху, мы понимаем, что в постановке вопроса он не может её догнать. И из двух этих столкновений (кремень о кремень) рождается совершенно новая методология, то есть понимание исчисления бесконечно малых, которое решает этот вопрос.

Вот, собственно говоря, мы движемся внутри этого, и мы должны приводить людей к этому пониманию. Конфессионально это сегодня непродуктивно – то есть говорить о спасении души, об аде и рае. Люди просты, но вместе с тем они усложнились настолько, что думают, будто они очень сложны. То есть «эзотерически» объяснять им, что такое «жизнь будущего века», что такое рай и ад, – они не поймут. Объяснять им на пальцах, как крестьянам XIX века или как бедуинам VII–VIII века, – тоже не воспримут. Их сегодня нужно вводить в эту тему через политический дискурс, когда мозги переформатируются, и он понимает, что «да, те параметры, в которых я существую как единица света, связаны с выходом за рамки тех условий, которые я полагал непреложными, а они оказываются отменяемы». Реальность отменяема.

Можно ли смоделировать момент испуга и само сознание как-то вывести в этой модели пьесы?

Нет. Испуг (это особое переживание) даётся каждому по жизни как великий дар, как возможность реальной встречи с собой, то есть с истинным «я». Но как всякий истинный дар, он никем не осознается. Истинный дар отличается тем, что он не может быть осознан; тем, что это жемчуг, брошенный под ноги свиньям. Это особенность истинного дара. Каждый получает этот опыт, и он так и остаётся втуне.

А каким образом можно собрать эти крупицы, этих пассионариев, радикалов, которые уже кристаллизовались, но они не знают, что им делать в данный момент?

Раньше была институционализированная каста воинов, она была в рамках иерархического сословного общества (дворянство шпаги, знать, дворяне; дворянство – не совсем каста воинов, это сословие, но совпадающее «технически» с кастой воинов). Каждый человек рождается, относясь к определённой касте, – рождается же человек с определённым цветом глаз: он же не может родиться без цвета глаз или цвета волос. Так же он не может родиться вне касты. То есть либо он жрец, либо он воин, либо торговец, либо пролетарий. Но, естественно, он может родиться с нарушением этого – родиться в смешении касты, – и тогда он будет парией, *чандалой*, то есть его роль будет

разлагать, вводить какую-то смуту, симулякры, быть актёром, например, позировать в функции, которой он не соответствует. Чем больше мы проходим по времени, тем больше *чандал*, которые симулируют. Соответственно, либералы – это *чандалы* по преимуществу. Потому что либералы – это не буржуа, это не вайшья. Либералы – это люди свободных профессий: адвокаты, зубные техники, художники, актёры, певцы, то есть такие персонажи, которые живут с общества, которых набегает такое количество, что они составляют политический клуб в какой-то момент.

Были кшатрии, которые на Западе были кастой воинов, дворянством, знатью. Но недолго, поскольку Запад, по некоторым соглашениям с «Великими неизвестными», которые курируют сакральную политическую географию, был назначен в качестве «топ-менеджера», и у «топ-менеджера» в какой-то момент возникла необходимость абсолютистского монархического государства. В абсолютистском монархическом государстве каста воинов абсолютно ни к чему, поэтому её стали под корень вырубать и заменять регулярными армиями с офицерами, которые брали патенты[7], лицензии и становились «промежуточными». По инстинктам они ещё были воинами, а по своему статусу они были людьми с погонами и в сапогах, то есть «бюрократами в погонах». И возник конфликт: люди, которые ещё со шпагой ходили, и люди, которые уже ходили с патентом, заткнутым за обшлаг мундира, – между ними возникла нестыковка. И появилась Фронда, принц Конде пытался что-то возразить очень неумело. Всех их загнали, уничтожили, и потом уже появились армии, которые чётко манипулировали, строились, из мушкетов стреляли. Это был конец касты воинов. Их загнобили, уничтожили. Дворянство люмпенизировалось. И появились одинокие герои. То есть смерть касты воинов на Западе привела к появлению одиноких героев.

Одинокие герои – это фундаментальный феномен Нового времени. Какая перед нами задача? Перед нами задача собрать одиноких героев снова в касту через политический клуб радикалов. Одинокие герои должны снова собраться в касту. Мы знаем, кто такие одинокие герои. Это Баадер, это Че Гевара, это Фидель Кастро, это Чавес, но еще и люди более радикальные, особняком стоящие. Много одиноких героев. Но собрать одиноких героев можно только через

политический клуб. Через конфессиональное поле, через ислам это невозможно сделать, потому что один одинокий герой будет у нас «салафитом», другой одинокий герой будет «ихваном», третий пойдёт в «Хезболлу» ливанскую. Почему? Да потому что дискурс Корана носит слишком общий характер, его необходимо конкретизировать через этапы погружения его в терминологическую мысль. Ведь, с одной стороны, у христиан есть Евангелие, а с другой стороны есть Гегель. Гегель читает лекции о христианстве. Но какая многоступенчатая градация между Евангелием и Гегелем! Чтобы пройти от Евангелия к Гегелю, нужны были колоссальные интеллектуальные усилия. Я не говорю сейчас о том, насколько Гегель соответствует Евангелию, – меня интересует только, что есть один полюс и есть другой, и между ними масса переходов. А у нас есть Коран, который не расшифрован.

Коран, который не расшифрован, предоставляет возможность различным проходимцам выступать в качестве «дешифровщиков». Но они не выступают с объяснениями того, что «здесь сказано так и так-то», а они говорят: «Вот надо так: надо просто идти и мочить, допустим, Асада или наоборот, идти и мочить салафитов», – не важно, просто идти и что-то такое делать. Проблема в том, что нет никаких внятных объяснений, зачем надо идти и «мочить» именно этих и именно там. Не спорю – возможно, надо. Но почему? Не отвечают.

Есть ответы. Ответы содержатся в политическом сознании, которое представляет собой субъекта воли, – Коминтерн, или «Исламинтерн», или «Протестинтерн» (в нашем случае ещё лучше), – где коллективный разум *джамаата* или *джамаата джамаатов* понимает, что сейчас нужно поднять восстание и устроить гражданскую войну в США, сделать это таким-то и таким образом, а Китай пока можно использовать, но в следующем десятилетии придётся его разваливать к чёртовой матери, потому что он нам не годится. Кто это всё вычислит, кто это скажет?

Это скажут люди, которые заряжены духом и волей касты как политического субъекта. Вот были же люди, которые говорили от имени пролетариата: пролетарская культура, пролетарская дипломатия, пролетарская математика. То есть у них была ссылка на какой-то класс – пусть фиктивный, пусть высосанный из пальца, пусть ни на что не годящийся, – но это была ссылка на кого-то игрока, на какой-то

субъект. У нас же нет такой ссылки. А в Коране есть. В Коране сказано, что «те, которые выходят на пути Аллаха лёгкими и тяжёлыми, жертвуя своей жизнью и имуществом, *не равны* тем, которые остаются поить водой паломников». Воины не равны не воинам. Коран обращён к воинам, он является даром всему человечеству, но адресован он тем, кто может его принять и понести, – это воины, которые способны к самопожертвованию. Кстати, в Евангелии это тоже отражено, потому что «нет выше подвига, как положить душу за други своя», – это же слова Христа. Это абсолютно резонирует с этим.

И как нам собрать одиноких героев в касту воинов? Через политический клуб радикалов. А политический клуб радикалов основан на дискурсе, на методе, на мировоззрении – я сознательно не хочу употреблять слово «метафизика», потому что оно относится к традиционалистскому пространству, и не хочу употреблять слово «философия», потому что оно профанично и слишком отмечено индивидуальным творчеством: я считаю, что дискурс радикалов сакрален, он *супрафилософичен*, но *антиметафизичен*. Поэтому нужно это формулировать, нужно доводить до отточенной шлифовки, и нужно, чтобы в это входили люди, которые рано или поздно станут маяком. Потому что мы же видим, как это происходит: у Пророка (да благословит его Аллах и приветствует) вначале было 30 последователей, всего 30 человек, и это – *джамаат*. За пределами 30 человек *джамаат* неэффективен, он уже не *джамаат* – это уже *Умма*. А 30 человек – это *джамаат*, потому что в этом *джамаате* 30 человек знают друг друга. Специфика *джамаата* в том, что в нём все знают друг друга и все они связаны братской любовью между собой.

Можно вообще любить всех мусульман, как бы «абстрактно», но 30 человек любить реальней, проще. Меньше – ещё лучше, но 30 – это предел. И вот, было их сначала 30, и эти 30 трансформировали весь мир, они его взорвали. Сколько вышло из Хиджаза, чтобы сделать весь мир мусульманским? В Испанию, через Гибралтар, который Джабраил ат-тарик, высадилось 700 арабов. 700 арабов завоевали Иберийский полуостров.

Но когда пришли крестоносцы, местные «гусейны гуслия», мотая своими головами в чалмах, обсуждали вопрос «на какой день после окончания месячных женщина может делать намаз». Эти проклятые

«алимы» загубили ислам; но его нельзя загубить, потому что Аллах его специально держит под Своим абсолютным контролем до того момента, пока не выяснится, что это человечество является очередной неудачей. Но об этом мы тоже предупреждены: «Если вы сойдёте с Моего пути, Я вас уведу и приведу на ваше место лучших, чем вы». Это предупреждение у нас есть. Пока ещё маленький кусочек времени остался. Но я считаю, что «алимы» – это самый опасный враг ислама внутри самого ислама, – более опасный, чем суфии. Потому что «антисуфийские алимы» выглядят, как будто они мусульмане, но они не мусульмане. Я, конечно, не хочу *такфиризмом* заниматься – я не такфирист (астагфируЛлах), – просто в исламе нужна «очистительная процедура». Без «очистительной процедуры» двигаться вперёд сложно. А «очистительную процедуру» мы понимаем все одинаково. К сожалению, она лучше не придумана.

> *Если либералы уходят постепенно с этой сцены и традиционалистский клуб выходит вперёд, то назревает борьба, и эта борьба будет намного жёстче, чем она сейчас происходит. Как Вы видите деятельность этих джамаатов в этих новых условиях?*

Сегодня мы присутствуем при переформатировании политического пространства и подготовке к пришествию нового технологического, общественного и политического уклада, который сменяет то, что условно можно было назвать «капитализмом», «эпохой либерального политического дискурса», «контролем либералов над политическим пространством» и так далее. Происходит смена. Но что это означает для нас? Это означает, что у радикалов появляется шанс подняться из «пролетариев, сосущих лапу», на уровень игроков, альтернативных мировой системе, – в условиях войны…

…И всё будет происходить в зависимости от того, как скоро это будет и насколько исторической является наша сегодняшняя встреча. Если она является частью истории и если вы меня услышали, то этот фактор будет активно работать на то, что возникнет некая «молекула», некая «ДНК» радикального *присутствия*, которая будет расти, превращаться в тело, в органику. И если будет время при этом, если эта война будет не буквально завтра, но хотя бы через год, то вдруг мы

как-то действительно сможем вклиниться в ситуацию. Или же нет. Всё зависит от того, как Провиденциальная Мысль оценивает наши шансы и нас как игроков. Потому что есть такая вещь, как «кастинг». А «кастинг» означает, что мы приходим и пробуем себя на роль Гамлета, а нам режиссёр говорит: «Ребята, вам максимум только в самодеятельность в сельском клубе». Мы ещё должны понять, насколько мы годимся для «малого театра».

> *Вы в одной из своих лекций говорили, что сознание актуализируется в языке. А если человек не знал языка, то получается, что он как беременная кукла?*

…Человечество делится сразу на две группы: те, кто пошел за Адамом, и те, кто проклял его, потому что Откровение языка мгновенно лишает людей Золотого века. То есть как только они узнают язык, они мгновенно становятся не блаженными существами в полной гармонии и слиянии со средой, а жалкими и трепещущими тварями, прячущимися от дождя, от снега, от холода в своих пещерах. И они создают *общество*, потому что общество – это тот кокон, который защищает их от космоса, от природной среды. Это общество тоже заряжено языком, принесённым Адамом, но этот язык имеет прямо противоположное назначение. Адамический язык описывает ту реальность, которая соответствует Провиденциальной Мысли, потому что эти *имена*, которые приносит Адам, и движения между ними непосредственно сообщены ему из источника Провиденциальной Мысли, они сообщены ему Аллахом. А вот тот язык, который возникает в обществе, – это комбинации и компромисс между теми конечными возможностями, которые создают это *интеррефлексирующее* бытие, и именами, которые подразумевают концепты, совершенно отличающиеся от идей.

Здесь нужно понять следующую вещь: мысль и мышление, идеи, которые стоят за организацией этого Бытия, – это совершенно разное. «Мудрость» и сознание – взаимоисключающие вещи. «Мудрость» – это симультанное[8] состояние всех возможных состояний Бытия.

Вот у Генона есть книга «Человек и его осуществление согласно Веданте». И, собственно говоря, *реализация*, по Генону, то есть эзотерическая реализация в формате Традиционалистского клуба, – это

то, что человек, начиная с точки отсчёта физического присутствия в этом мире, расширяясь, интегрирует все возможные состояния Бытия. То есть сначала он приходит по плоскости к центральной позиции в этом мире, – к точке, в которой мир пересекается вертикалью («лестница миров»), сквозной осью; он приходит с периферии в центр, а потом поднимается вверх и вниз и интегрирует все возможные состояния. Когда он интегрирует всю полноту возможных состояний Бытия, образуется то, что называется «мудрость». Эту «мудрость» можно даже описывать – Платон о ней говорит, Прокл о ней говорит.

Но вообще-то «мудрость» пользуется *внеартикуляционными* формами сообщения. Одной из наиболее явных и действенных форм является музыка. Музыка сообщает состояния, которые принадлежат «мудрости». Попробуй, скажи, слушая увертюру к «Тристану и Изольде» или «Аппассионату», что ты узнал. А прочёл страничку в «Протагоре» Платона – это можно пересказать. А что ты узнал, когда послушал музыку? Но есть *ощущение*, которое ты понял. Пока ты слушаешь, ты как бы «понимаешь», ты входишь в это состояние. Это *неартикулированное* сообщение тебе некоего чистого *внеосмысленного, неартикулированного* Бытия. Это музыка сфер, в пределе.

Общество враждебно дискурсу пророков, враждебно Логосу, враждебно Откровению, – общество связано с созерцанием, со стремлением вернуться в «телепатический» Золотой век. Язык в обществе смешан с «мудростью», он смешан с неартикулированным. Поэтому в человеческом творчестве постоянно проявляется эта смешанность в виде гимнов (гимны «Ригведы»), песен, различных пеанов (то есть торжественных песнесловий). В поздние времена это оперы, где музыка смешивается со словами. То есть постоянно идёт борьба. В литературе это поэзия, которая борется с прозой, то есть поэзия – это вторжение неартикулированного, поэтического. Постоянно идёт такая борьба. Мы берём высокие примеры, а в низком случае это новояз, это деревянный язык бюрократии, и в пределе это – *посткоммуникация*, когда государство говорит с народом так, что народ не может за государством это воспроизвести и повторить (возьмите, например, ПДД, попробуйте прочесть и повторять вслед за этим, или же повторять что-то вслед за Путиным, Сурковым).

Причём это не характеристика России. Я на одном медиа-форуме встречался, сразу после избрания Обамы, с двумя представителями США: один – сенатор от демократов, второй был председателем республиканского национального комитета США (то есть политбюро Республиканской партии). Я внимательно их слушал, им задавали из зала нелицеприятные вопросы про Афганистан, про убийства женщин, детей и стариков и тому подобное. Ответы были потрясающи. Я тогда начал впервые формулировать свою теорию *посткоммуникации*, потому что единственно, что можно было воспроизвести из их ответов, – это начало, когда они говорили: «First of all, I'm very grateful for your question, for your interest, for your participation…». То есть это единственное членораздельное, что ты можешь уловить и воспроизвести, потому что следующие пассажи были каким-то «похрустыванием». На самом деле они были тоже сопряжены по правилам английского языка, английской грамматики, там были слова, которые сами по себе имеют место в словарях, но воспроизвести это невозможно, потому что смысла в этом не было никакого. Единственно «спасибо за ваш вопрос, мы уважаем вас за внимание» и так далее, а дальше идёт сплошной хруст.

Я понял, что *посткоммуникация* тотальна, она просто сопровождает любую работу с общественным человеческим пространством. Сущность *посткоммуникации*, если проанализировать, в том, что в *посткоммуникации* наконец-то общество, ненавидящее пророческую миссию, расправляется с языком и Откровением и утверждает вместо языка симулякр, вместо контента, вместо послания – симулякр, убивает язык и подготавливает человечество к смене циклов.

То есть человечество должно пережить затмение, мир должен пережить пралаю[9], то есть обнуление, и дальше – новый Золотой век. А как происходит затмение? Затмение человечества в конце цикла происходит путём забвения языка. Человечество в определённый день – конечно, это упрощение, – но в определённый день «икс» люди просыпаются, и ни один не помнит языка. И что получается? Что вокруг них хаос: он смотрит на холодильник, и это для него не холодильник, а просто клякса, он даже не понимает, что это холодильник, он становится просто «маугли», все люди становятся «маугли» без языка. И мир исчезает, потому что мир образован языком.

На самом деле человек не может найти в своей жизни и не может встретить ничего из явлений духовных, видимых, невидимых, материальных, «физики микромира», «физики макромира», – не может встретить ничего, что не было бы описано языком Адама, который ему открыл Всевышний.

Но вы скажите: «А наш язык? Почему же, когда мы рождаемся, всё готово для нас и наших матерей и отцов – смыслы, рисунки, надписи, книги, звезды на небе и прочее?» Откуда, почему? А потому что наши языки, как частные случаи, привязаны к языку Адама, они все как щупальца, как нити восходят к первоначальному языковому архетипу, который уже описал Вселенную, но она существует только в описании. И мы видим как объективное то, что было описано Адаму. А вот, например, кому она не была описана – ангелам, демонам, – они это не видят, они вообще не так всё видят. Для них стол – не стол, для них вообще стола нет, для них и деревьев нет, и верблюдов нет, ничего для них нет, для них всё совсем другое – «пятна Роршаха», у них другая совершенно реальность вне языка.

Как политический ислам может сотрудничать с джамаатами Дагестана, Северного Кавказа?

Это узкий, частный вопрос. Политический ислам должен создать сеть новых политических джамаатов. Не таких, которые существуют сегодня, – это «полуфабрикаты», – новые политические джамааты. А что такое новые политические джамааты? Это, по сути дела, ячейка, альтернативная мировому правительству. Потому что речь идёт не о чём ином, как именно об этом. Нужно создавать альтернативное мировое правительство и нужно понять, что новый политический джамаат, – это не просто там какие-то верующие, ходящие в какую-то мечеть по соседству, а это ячейка, подобная высокой «масонерии», это властная ячейка. Ну мы будем ещё потом говорить о власти, о том, как соотносится власть в мире *зульма*, в мире тирании и тьмы, с тем, что мы несём, потому что мы несём не власть, а мы несём в себе энергию свершения, мы несём в себе энергию уникального и единственного свершения, которое является точкой сборки всех рассеянных колеблющихся сил неопределённости. Это то свершение, в результате которого рождается *утверждение*, не знающее, что его не было.

Потому что *утверждение* исключает оговорки (оно вне условий), поэтому это *утверждение* автоматически упраздняет все обстоятельства, которые связаны с его предшествующими ограничениями.

Мы несем в себе энергию, связанную с игрой, ведущей к этому единственному свершению, к этому сверхсобытию, которое закрывает всё. На самом деле *творение* есть антитеза и прототип, предшествующий *свершению*. Творение – это альфа, а свершение – омега.

Политический ислам в тезисах[10]

10 фундаментальных особенностей политического ислама

9 мая 2012 года

1. Политический ислам выступает против мирового порядка в целом

1.1. Мировой порядок ни в какой своей форме не может быть приемлем для ислама, поскольку цель ислама – окончание истории, победа Махди, который «наполнит мир справедливостью так же, как он до этого был полон гнёта», с тем чтобы перейти к концу Ветхого бытия, смерти и воскресения на Суд Всевышнего. В Сунне указывается, что мир до прихода Махди «полон гнёта (зульма)», и эта его характеристика не зависит от «политэкономической» формации конкретных правителей и режимов и тому подобного. Мировой порядок является инструментом Иблиса, которому Аллах попустил искушать человека, «заходя на него слева, справа, спереди и сзади».

Принципиальным является утверждение, что до прихода Махди не может быть построен «справедливый мировой порядок»: справедливость может существовать только внутри исламского джамаата.

1.2. Большинство мусульман живёт в двух измерениях: религиозном и обыденно-повседневном. В религиозном измерении они сосредоточены на ежедневном поклонении, выполняют литургические обязанности, в повседневности же стремятся найти «экологическую нишу» для бытового выживания и, если их специально не трогают, считают, что у них нет проблем. Однако такая позиция противоречит указанию Аллаха, согласно которому Умма поставлена в центр, чтобы свидетельствовать против человечества, а Пророк будет свидетельствовать против Уммы. Таким образом, мусульманин, «дезертировавший» от миссии единобожника в банальный быт, противостоит примеру Пророка и сбегает от центральной позиции в мире туда, где по отношению к миру он – никто. Реальная оппозиция мусульманина должна определяться тем, что его противостояние

несправедливости мирового порядка, противостояние интригам Сатаны и правителей, которые являются его слугами по определению, – это тоже поклонение Аллаху, придающее силу намазу и посту. Отсутствие противостояния мировому порядку – это то, что отличает «просто делающего намаз» мусульманина от истинного единобожника, от *уверовавшего*.

1.3. «Теория» о необходимости подчинения даже неправедному правителю является выдуманной врагами ислама и предателями, позирующими в роли «алимов». Хадисы, утверждающие это, – омейядская клевета на Пророка, которая разоблачается методом, оставленным самим Пророком (да благословит его Аллах и приветствует): «Если передаваемый после меня хадис соответствует Корану – он верен, даже если я его не говорил, если он противоречит Корану – это клевета на меня». Ислам не для того был ниспослан Всевышним в мир, чтобы попасть под диктат неправедных правителей, хотя бы они и называли себя мусульманами.

Аллах прямо говорит о том, что установленные им во всех селениях правители – преступники. Борьба с мировым порядком предполагает и борьбу с элементами этого мирового порядка, в том числе и с теми *мунафиками*, которых мировой порядок ставит для контроля над мусульманами.

1.4. Настоящая борьба с мировым порядком начинается именно сегодня, когда исламский фактор приобрёл поистине всемирное значение, будучи при этом теснимым и угнетаемым. Есть феномен глобализма, который охватывает весь земной шар сложными человеческими связями, экономическими и политическими взаимоотношениями, информационными технологиями.

Когда-то Багдадский халифат достиг статуса единственной глобальной сверхдержавы, где человек мог родиться на берегах Сырдарьи, учиться в Африке, а преподавать в Испании. Но, несмотря на такой расцвет ислама при халифате, на Западе и Востоке выросли две антиисламских силы, последствия удара которых Умма испытывает на себе до сих пор: крестоносцы и монголы Чингисхана. Аббасиды допустили, чтобы Европа возобновила проект языческого Рима и превратилась в главный инструмент Сатаны в новой истории; они также оказались неподготовленными к языческому вызову из глубин Евразии, в результате чего была создана бюрократическая

империя, нанёсшая тяжелейший удар по духовным и интеллектуальным возможностям мировой исламской общины. Поэтому даже в лучшие свои времена ислам не был столь всемирным и центральным фактором, каким он является теперь, будучи объектом ненависти и преследования со стороны объединённых сил мирового порядка.

1.5. «Мировой порядок» – это не образное выражение, а конкретное указание на внутреннее единство и преемственность тех сатанинских сил, которые используют человеческий фактор и управляют обществом. Со времён фараонов до сегодняшнего дня меняются обличия мирового порядка, однако сущность правящих классов и сама природа власти остаётся неизменной. Иблис организует человечество в его фундаментальной характеристике, которая определена Всевышним в Коране: «Поистине, мы сотворили человека из капли, а он враждебен определённо». Цивилизации, управляемые жрецами (клерикалами), являются различными формами проявления идеологии Иблиса и существуют для того, чтобы его наместникам на земле было легче управлять человечеством. Последним этапом активизации сатанинских сил становится фактическое «мировое правительство» (не нуждающееся в юридическом оформлении), которое представляет собой по сути «Комитет по встрече Даджала».

Именно поэтому ислам не может быть ограничен географическими рамками какого-то «цивилизационного пространства», какими-то конкретными странами: он является всемирным фактором. Поэтому задача политического ислама – это создание альтернативного «мирового правительства», не привязанного к какой-то части суши, объединению государств или империй.

2. Политический ислам рассматривает шариат как средство, а не как цель

2.1. Является ли шариат законом? Нет, он не является законом. Потому что шариат есть установление Аллаха для различения тех, кто следует Его путём, от остального человечества. Шариат – это разграничительная линия между теми, кто следует плоти, и теми, кто вышел на прямой путь Аллаха.

А что же такое «закон»? В жизни человечества есть два типа «законов», и оба они являются языческими и реализуют диктатуру Сатаны над человеческими существами. С точки зрения язычников «закон» представляет собой неизменную космическую ось, вокруг которой вращается всё существующее. Брахманы в Индии называют закон «Дхармой», что имеет значение вертикально поставленного древка или оси. Они считают соблюдение Дхармы своей задачей. Отсюда видно, что языческий «закон» имеет клерикальное происхождение, то есть устанавливается кастой жрецов, которые указывают на то, что эти «законы исходят от Неба».

В либеральном неоязыческом человечестве «законы», согласно взглядам правоведов, имеют своим источником «почву», под которой понимаются этнические корни, уходящие в глубь времён и родной территории. Мусульманам хорошо известно, что такое «законы, основанные на почве», – это адаты, которые являются принципиальной помехой исламу. В последнее время возобладал третий тип «законов»: те, которые «на коленке» сочиняются в интересах олигархов и бюрократии. Тем не менее все эти виды «законов» представляют собой волю *Тагута*: они регламентируют организацию человека таким образом, чтобы он был подобен Иблису, как отражение в зеркале подобно оригиналу.

2.2. Шариат имеет своей целью освободить человека от рабского подчинения Сатане, превратить его из «отражения Сатаны в зеркале» в независимое существо, которое подчиняется только Аллаху. Шариат обращается не к «коллективному бессознательному», как, например, римское право или старые племенные законы древних германцев и славян, – шариат не имеет отношения к «почве». Шариат не обращается к магии – как законы индусов или вавилонян – с тем, чтобы сделать человека оператором «космических энергий». Это значит, что шариат не связан с «Небом». Шариат обращается напрямую к *сознанию* человека – тому уникальному ядру его личности, которое умрёт и будет воскрешено. Задача шариата заставить это ядро личности – внутреннее человеческое «Я» – не «спать», а бодрствовать, пока человек пребывает в Ближней жизни. Благодаря этому выстраиваются всесторонние отношения между братьями внутри общины. Шариат есть «устав армии в походе и бою».

2.3. «Обычные» люди подчиняются «законам» не задумываясь. Эти «законы» являются для них внешней силой. Как только меняются условия существования, люди, под влиянием шока от резкого изменения ситуации, напрочь забывают о законах: бьют витрины, грабят, насилуют. Опыт показывает, что человек, когда с него снято внешнее принуждение к соблюдению «закона», ведет себя точно так же, как лошадь, с которой сняли седло и уздечку, или собака, сорвавшаяся с цепи. Для очень незначительного числа людей сохраняются какие-то внутренние ограничители, которые корректируют их поведение.

Для мусульманина шариат – это внутренняя сознательная установка, практикуемая через применение бодрствующей воли. Естественно, это применение требует знания и нуждается в специальных людях, которые могут эти теоретические шариата положения применять в решении проблем (*кадии*). Однако цель шариата – сделать мусульман «особым отрядом», для которого соблюдение внутреннего «устава» есть усилие бодрствующего сознания, а не результат внешней дрессировки и принуждения.

2.4. Разговоры о «шариатском государстве» фактически скрывают под собой намерение нанести удар по шариату, потому что превращают шариат в продукт специальной бюрократической организации, которая отчуждена от людей, от джамаата. *Государство есть Тагут*, оно не должно существовать в исламе, потому что оно предполагает неисламские отношения между людьми по горизонтали и неисламские отношения между правящим слоем и управляемыми – по вертикали. Когда говорят о «государствах» применительно к древности и Средневековью – это терминологическая ошибка, поскольку под этим имеют в виду «политическое общество». Египет фараонов был политическим обществом, где фараон стоял бесконечно высоко над обычным крестьянином и обращался к своему народу со словами: «Я – ваш верховный Господь». Это означает наличие абсолютной связи между «верхом» и «низом» – хотя бы даже в такой форме.

Ислам не может создавать такое «политическое общество», потому что это организация, курируемая тем, кого Аллах создал из огня. Государство, в подлинном смысле слова, возникает очень поздно в истории – тогда, когда появляется бюрократический аппарат. При нём короли и президенты не говорят народу: «Я ваш верховный

Господь» – в этом нет необходимости, коммуникация прервана. Правитель не получает смысл от того, что повелевает своим народом, – его смысл в подчинении Сатане напрямую. Народ тоже не может через голову аппарата обратиться к правителю. Государство разрывает связи между «верхом» и «низом». В итоге правителям приходится учреждать «представительскую демократию», чтобы дать низам иллюзию обратной связи.

При праведном халифе Умаре мусульманин мог войти к нему с мечом и сказать, что убьёт его, если тот сойдёт с прямого пути. При Аббасидах халифы закрывали лицо, словно хиджабом, поскольку считали Умму недостойной того, чтобы видеть своего повелителя. Все разговоры об исламском государстве основаны на проникновении в сознание мусульман тагутских моделей и образцов.

2.5. Для того чтобы реализовывать шариат на практике, нет необходимости отчуждать его и передавать контроль над ним бюрократической системе, сидящей в определённых географических границах. Для применения шариата достаточно *общины* братьев, которая практикует его в отношениях между собой и с внешним миром, потому что такова её политическая воля. Это её устав как боевого подразделения «армии Аллаха». Мировая сеть джамаатов, практикующих шариат, есть практическое оформление класса тех, кого Всевышний избрал для реализации своего Замысла. Это те избранные, которые противостоят элитам мирового порядка. Однако следует помнить, что устав существует для армии, чтобы она могла воевать и побеждать, не будучи при этом партизанской бандой. Но армия существует не для устава!

3. Политический ислам опирается на метод и доктрину политической теологии

3.1. За четырнадцать веков в исламском мире не появилось ничего, что можно было бы назвать в полном смысле исламской идеологией. Вскоре после выхода за пределы Хиджаза арабы встретились с греческой философией, и плохо понятый ими Аристотель занял неподобающе влиятельное место в сознании мыслящих мусульман. Дошло до того, что когда говорилось слово «Учитель», то все понимали, что речь идёт именно об Аристотеле. При

этом арабы так плохо понимали смысл послания Аристотеля, что приписывали ему некоторые тексты Платона и даже неоплатоников. Греческая мысль по духу и букве противоречила Корану, но арабоязычные философы этого не понимали, а те, кто боролся с ними, чувствовали это, но не могли доказать. Поэтому аристотелевское влияние было упразднено административным путём через запрет.

Вопрос о подлинной мысли, основанный на интерпретации Корана, так и остался открытым. В Средние века и в более позднее время возникли доктрины суфиев, которые опирались на неоплатонизм, то есть на изощрённые и рафинированные формы пантеизма. Между мировоззрением Мухйиддина ибн Араби, или учением Плотина о Едином, или доктриной средневекового индуиста Шанкары-Ачарьи о «недвойственности» нет никакой разницы. Если взять текст из труда Муллы Садры (основоположника кумской школы шиитской теологии) и страницу из Дунса Скота[11] на тему их соответственных учений о бытии, эти страницы можно перепутать местами – настолько они имеют в виду одно и то же, при том что один является средневековым учёным из Оксфорда, а другой – живший на 300 лет позднее последователь *ирфана*[12] в Иране.

Возражения против философии делаются мусульманами обычно на том основании, что это рассуждение о природе скрытых от человека вещей и, таким образом, рассуждающий следует за своими мнениями, которые не имеют никакой объективной ценности и тем более не являются необходимыми для спасения собственной души. Такое возражение против интеллектуальной деятельности содержит две принципиальные ошибки. В Коране человеку вменено в обязанность Всевышним служить Ему и *познавать*: «Мы сотворили джиннов и людей, чтобы они поклонялись Нам и постигали (‘*абуду уа арифу*)». Иными словами, если бы человек был только существом, сферой умственной активности которого является лишь практическое выживание и операции с материальными предметами, то не было бы никакого смысла в том, чтобы создавать его как нечто отдельное от животного мира. Однако в Коране Аллах говорит нам, что «вложил в Адама от Своего Духа». Это означает, что человек имеет принципиальную возможность думать и постигать вещи невидимые. Вторая ошибка противников «философствования» заключается в том, что они всякое мудрствование сводят к попытке постичь неведомые

объекты, которые находятся за пределами человеческого опыта. Однако они игнорируют такое центральное направление исследований, как познание человеком *возможностей и условий собственного познания*, изучение самого мышления.

Мышление человека происходит в его голове, оно дано ему Всевышним как инструмент, и суть этого инструмента может быть человеком изучена, познана и контролируема. В мусульманской философии легко найти рассуждения о том, что такое «субстанция» и «сущность», размышления о *сифатах* Аллаха и тому подобное. Но напрасно мы будем искать там анализ мыслительных процессов и выходящий за пределы практической грамматики анализ способности суждения, – начало чего можно встретить уже у ранних греков.

Политическая теология основана на абсолютном и последовательном применении *таухида* и на методе *таухида,* с помощью которого анализируются каждое слово и аят Корана. Для очень многих этот принцип кажется само собой разумеющимся, потому что следование *таухиду* мусульмане считают обязательным и предшествующим всему. Однако огромное число наших братьев не различают *таухид* и *вахдат*, которые представляют собой прямо противоположные понятия. *Вахдат* – это единство, из которого следует конечное тождество между Творцом и тварью; *таухид* – это единственность Аллаха, которая не имеет никаких аналогов и сходства ни с чем и которая противостоит всему сущему. Так что всё *творение есть неведение об Аллахе* до того момента, пока Аллах не откроет Себя Адаму, поставленному Им наместником в центре мироздания. А на платформе *вахдата* стоят все продвинутые язычники: Платон, индийские брахманы, китайские даосы и те из мусульман, которые увлеклись соблазнительной идеей «единства сущего». На платформе *таухида* в абсолютной и безусловно выдержанной последовательности стоит лишь часть мусульман. Аллах (Свят Он и Велик) провиденциально сделал мусульман до поры незнающими, потому что этот мир отдан Им Иблису как испытание для верующих. И этот мир должен быть побеждён через в том числе сложный и мучительный приход наилучших из Уммы к пониманию того, что такое *таухид*.

3.2. Политическая теология применяет *таухид* для понимания того, что Аллах ниспослал нам в Коране. Как было сказано выше, *таухид* есть указание на абсолютное нетождество Аллаха и всего, что

есть *не Он*. Это означает, что по отношению к Всевышнему нельзя применять такие же формулы утверждения, как ко всему, что есть *не Он*. Мы не можем говорить об Аллахе как о некоем объекте, существующем наряду с другими объектами. Таким образом, *таухид* упраздняет буквалистскую интерпретацию коранических текстов, и одновременно *таухид* не позволяет перетолковывать тексты Корана как метафоры или символы. Применение *таухида* в абсолютной последовательности к тексту Корана позволяет вывести из него доктрины фундаментальных реалий, с которыми Умма имеет дело: человека, общества, истории, познания, власти и, наконец, её самой как лучшей из общин.

Политический ислам нуждается в подробном и целостном понимании названных реалий, поскольку без доктринального описания их он не может формулировать и ставить текущие задачи на глобальной политической сцене. Кроме того, ислам призван дать мусульманам и тем, к кому он обращается с призывом принять ислам, целостное мировоззрение, которое бы перечеркнуло концепцию «мира», находящуюся в их голове.

Современная западная наука в своих главных устоях продолжает основываться на неоплатоническом мировоззрении, идущем из греко-римской античности. Современные физики верят не в единственность Аллаха, а в «единство Бытия» и пытаются доказать, что атомы живут по тем же законам, что и планеты. Если мусульмане считают, что эти проблемы – не их ума дело, если они полагают, что смысл ислама сводится только к набору этических предписаний, – это свидетельство инфантилизма и проявления неспособности позиционировать себя как интеллектуальный центр человечества.

3.3. Одной из характерных черт нынешних мусульман, боящихся «интеллектуализма» и «философствования», является их недоверие к логике. Это опять-таки восходит к отсутствию традиции самоанализа и исследования законов суждения, которые остались вне сферы внимания ранних исламских мыслителей. Тем не менее логика является императивом для каждого мусульманина, потому что она предполагает смысловую связь слов, а Коран ниспослан человечеству на ясном арабском языке. Это означает, что всё, что Аллах говорит в Коране, не является набором иррациональных заклинаний. Коран есть глубочайшая связь смыслов, образующих многослойную ткань.

Расшифровка этого может осуществляться только через абсолютное внимание к внутренним законам смысла. Ключом к этим законам является опять-таки *таухид*. А замочная скважина, в которую этот ключ вставляется, – *фуркан* (различение).

Таким образом, выводы по поводу человека, общества, познания, природы времени, природы материи и так далее, которые делаются через последовательное применение «единственности» и «различения», имеют характер не каких-то субъективных «мнений», но на самом деле обладают статусом доктрины, которая должна стать безусловной базой исламской идеологии. Именно из понимания того, что Откровение само по себе есть оборотная сторона единственности и абсолютной нетождественности Аллаха всему, что есть *не Он*, следует всё остальное, – всё мировоззрение мусульманина, которое имеет природу последовательного миропонимания и характер научного метода.

3.4. Что такое научный метод для мусульманина? Сама по себе «наука» может быть совершенно различной: например, математика индусов или вавилонян разительно отличалась от современной, построенной на математических представлениях греков. Методы могут быть разными при условии, что они дают последовательную систему выстраивания мира вокруг нас. Аллах (Свят Он и Велик) научил Адама именам, что означает также и концепты, содержащиеся в этих именах. Связь имён, которая реализовалась через Адама, выстроила вокруг него организованный мир. Достаточно посмотреть на людей, живущих сегодня, чтобы увидеть, что они живут в разных мирах, описываемых разными смысловыми связями.

С нашей сегодняшней точки зрения мир фундаментально не изменился за минувшие сто или даже двести лет. Да, конечно, есть спутники и мобильные телефоны, но это мусор. Основные реалии как будто на месте: страны, народы, общественные институты, семья, коммуникации между людьми и тому подобное. Однако это только кажется. Между нами и нашими прапрадедами лежит пропасть: они видели мир совершенно иначе, и вещи в контексте их деятельности функционировали и проявлялись тоже совершенно иначе. Мы находим в старых словарях те же слова, которыми пользуемся сейчас, и не отдаём себе отчёт в том, как изменилось их значение.

В мире постоянно борются несколько логик, и на каждом этапе одна из них оказывается сильнее и начинает играть центральную роль. За последние 500 лет технологии смыслов, которыми пользовались западные язычники, оказывались более эффективными, чем те логики, которые были на вооружении у мусульманского интеллектуального класса. В итоге получилось, что уже в XX веке даже искренне верующие братья должны принимать как должное смыслы и логики, контролируемые врагом, либо отказываться от борьбы, от усилий и заявлять, что логика – это вообще полная ерунда. И тот и другой путь категорически неприемлем для политического ислама. Мы должны восстановить то логическое прочтение Корана, которое даст нам объективный метод выстраивания своих смысловых связей на глобальной площадке, чтобы переломить «логики» противника. Такой метод открывает путь к политическому иджтихаду, без которого любые решения наших лидеров будут диктоваться понятийно-логическим аппаратом, созданным в интеллектуальных лабораториях *куфра*.

Усвоение этого метода позволяет мусульманину обрести свободу независимого мышления не вопреки, а благодаря Корану, внутри коранической логики. Такая свобода означает свободу от глобальной матрицы новой всемирной цивилизации, которая контролируется Иблисом через мировое правительство.

3.5. Центральным понятием политической теологии ислама является *смысл*. Это не просто значение слов, которые распознаются на базе программы даже компьютером. Реальный *смысл* предполагает, что в каждый данный момент человек *понимает, что он понимает*. Очень многие люди живут подобно компьютеру: они осуществляют свою деятельность, подчас весьма сложную и требующую серьёзного умения, чисто рефлекторно. Коммуникация между такими людьми носит запрограммированный характер. Эти люди воспринимают и самих себя, и всё, что вокруг них, включая «решения правительства» и действия правящих классов, как нечто само собой разумеющееся, как падение сорвавшегося с ветки яблока на землю. (Но Ньютон удивился этому обычнейшему явлению и поставил его под вопрос – и таким образом родилась теория тяготения.)

Смысл для мусульманина начинается с того момента, когда он осознаёт, что он – по соучастию в миссии первого пророка Адама – также является носителем частицы *Рухулла*. Исходя из *таухида*

мусульманин должен знать, что эта частица, вложенная в глиняного Адама, есть нечто, абсолютно нетождественное всей окружающей реальности, благодаря которой (частице *Рухулла*) эта окружающая реальность предстаёт перед ним как *объект свидетельствования*. Если бы в сердце человека не было участия в Духе Божьем, от которого Аллах уделил Адаму, всё остальное вокруг него было бы бессмысленным хаосом, бесконечным маревом форм и бесформенности. Только эта искра *Рухулла*, которая останавливает своей *инаковостью* плещущееся вокруг нас море сущего, и есть смысл, и одновременно она же есть *свидетельствующее сознание*, к которому адресуются Откровения от Аллаха, низводимые на протяжении истории через пророков.

Именно сознание, свидетельствующее против всего, что ему предстаёт и его окружает, и есть стержень и основа исламской политики. Сознание против Бытия, Дух Божий против Иблиса.

4. Политический ислам против клерикалов, суфиев и «ваххабитов»

4.1. Крупнейшее заблуждение, встречающееся у некоторых религиозных мыслителей, – это утверждение, согласно которому ислам является «естественной религией», которая якобы изначально присуща человеку. Дескать, человек в ходе своего земного существования имеет тенденцию как бы забывать эту свою «естественную религию», и поэтому Всевышний время от времени посылает Пророков с тем, чтобы они просто напоминали людям то, что тем и так известно от рождения. Мол, душа появляется «знающей», но утрачивает это «знание», попадая в цепкие объятия родителей, *акыда* которых уже была искажена предыдущим опытом и воздействием на них, в свою очередь, уже «искажённых» предков.

«Обрати свой лик к религии, как ханиф. Таково врожденное качество, с которым Аллах сотворил людей. Творение Аллаха не подлежит изменению. Такова правая вера, но большинство людей не знают этого» (Коран, 30:30). Всевышний Аллах низводит в этом аяте указание на то, что человек создан определённым образом, и верность Единобожию требует от мусульманина противостоять любым искажениям этой природы, которая навязывается людям теми или

иными цивилизационными моделями. К числу этих искажений относится всё: от татуировок и пирсингов до гомосексуализма и других тому подобных вещей, которые наносят ущерб человеческому архетипу или, иначе говоря, модели, по которой человек создан.

В данном случае речь идёт именно о том, что прямой, или подлинный закон («верная практика») сохраняют материальный образец человека от деформаций. Посланник Аллаха, да благословит его Аллах и приветствует, сказал: «Каждый младенец рождается не иначе как в своём естественном состоянии (*фитра*), а (уже потом) его родители делают из него иудея, христианина или огнепоклонника. Точно так же и животные появляются на свет целыми (а не изувеченными): разве найдёшь среди них кого-нибудь с отрезанным ухом?!» Сравнение с животными, которые появляются целыми, подчёркивает, что речь идёт именно о сохранении естества, заданного при творении, о том, что религия прямого пути ограждает душевную и физическую структуру естественного человека. Однако неправомерно перетолковывать этот аят и этот хадис и делать из него выводы, что человек «рождается мусульманином», ибо быть мусульманином – это сознательное дело, и практика поклонения соответствует не несмышленым детям, а уже тем, которые способны понимать, что они делают. Естественно, ребёнок, покинув утробу матери и оказавшись в реальном мире, испытывает сразу же на себе действие «матрицы», – той модели цивилизации, в которой он родился. Однако появляется он на свет подобным «чистой доске». Конечно, доска эта сделана из глины разного качества, писать на ней можно всё что угодно, но вот насколько хорошо в каждом конкретном случае глина будет сохранять написанное – это уже другой вопрос.

На самом деле идея, согласно которой дети рождаются готовыми носителями религии, – это любимая мысль клерикалов, причём речь идёт не только об исламском духовенстве: точно такая же мысль присутствует, например, в христианстве. Христианский теолог Тертуллиан (II–III вв. н. э.) известен изречением: «Всякая душа – христианка», – кстати, он же считал, что человек естественным образом, просто «исходя из собственной души», может постичь, что такое «Бог», «добро», «зло» и так далее. На самом деле естественные склонности человека ведут его к язычеству.

Предоставленный сам себе человек склонен к зависимости от своих органов чувств и подобен воску в руках племенных шаманов и колдунов. Они формируют его мировоззрение, потому что обладают на личном уровне энергиями и психическими возможностями, выходящими за пределы понимания и подражания со стороны обычных людей. Исторически (или «доисторически») духовенство возникло из той части древнейшего населения, которая наиболее активно сопротивлялась пророкам начиная с Адама. Пророки принесли людям *фуркан*, а до этого человечество находилось в неведении о добре и зле, о том, что есть за пределами их опыта Единственный и Непостижимый Бог, благодаря Которому внутри них открывается сознание и они способны знать и понимать. Для людей *фуркан* стал мучительным бременем после того, как они ранее существовали в состоянии *вахдат*, пребывая в мире блаженства подобно тому, как пребывает зародыш в утробе матери.

Первое обращение к ним пророческого послания было подобно травме рождения из утробы матери в холодный, жёсткий и враждебный мир. Однако были и всегда существуют люди, которые помнят (или утверждают, что «помнят») это первоначальное состояние блаженства, соответствующее пребыванию в земном раю. Они считают, что способны воспроизводить это состояние в себе и вести туда своих последователей. Этот класс людей во все времена поддерживал и давал санкцию правителям, которые на самом деле являлись исполнителями их воли. Речь идёт, конечно же, о жрецах. И вот они-то и есть сторонники так называемой «естественной религии», под которой они понимают ориентацию на первоначальное райское блаженство, бывшее до того, как людям пришло знание от пророков. Жрецы являются врагами пророков, и когда Всевышний ниспосылает очередного пророка, вторгающегося в толщу человеческой враждебности, глупости и упрямства, жрецы начинают яростную борьбу против пророка, против передаваемого через него Откровения. Эта борьба ведётся в двух плоскостях. Первоначально жрецы стараются изолировать пророка, возбудить против него массы, убить или изгнать. Именно они являются организаторами неприятия языческой цивилизации посланников, которые приходят от Аллаха.

Однако потом, когда дело пророка завоёвывает сторонников и побеждает, жрецы стараются войти в новую религию, чтобы

контролировать её, исказить её и приспособить под свои языческие установки. Поскольку народ в целом всегда более или менее невежественен, жрецы объясняют ему «смысл» принесённого Откровения, дух и букву новой религии таким образом, что очень скоро под их влиянием пророческая религия перестаёт иметь что-либо общее с тем, какой она была в самом начале. Это произошло с миссией Ибрахима (мир ему), далее это произошло с посланничеством Мусы (мир ему). Практически на наших глазах произошло полное переформатирование того, что принёс Иса (мир ему). Не следует думать, что ислам остался в стороне от подобных попыток. Если бы не Всевышний Аллах, который охраняет последнее Откровение, данное Им человечеству, если бы не то, что Он взял на Себя охранять ниспосланный Им Коран в каждой букве и каждой точке до Судного Дня, ислам постигла бы та же участь. Ислам превратился бы в некое «магометанство», подобно тому как возникли иудаизм и христианство, которые изначально все были *исламом*. Духовенство всех религий находит общий язык друг с другом, потому что их корни, самый смысл их существования, в одном источнике: непросвещённом человечестве до послания к нему Адама, человечестве, находившемся в состоянии блаженного *неразличения* себя от среды. Именно это состояние и является основой всех мистических доктрин, которые исподволь навязываются Единобожию.

Политический ислам рассматривает клерикалов как врагов пророческой миссии, врагов Единобожия, организаторов социального пространства, внутри которого Иблис имеет оптимальные возможности для атаки на человека.

План книги «Теология политического ислама», или «50 тезисов политического ислама»[13]

2016

Предисловие

За четырнадцать веков ислама было много версий *политического ислама*. Прежде всего нужно поставить вопрос: был ли поначалу *неполитический* ислам? Ислам изначально был явлен как глобальный политический фактор и как стратегия духа. История ислама все четырнадцать веков есть попытка власть имущих покончить с *политическим исламом* и борьба *му'минов* за возврат к нему.

Глава 1. Зло

Стратегия Духа предполагает войну. Война предполагает врага. Специфическое отличие ислама от, например, христианства – признание того, что Творец непосредственно сотворил *зло*. Суть вопроса в понимании того, *что именно* является тем злом, с которым борется Дух.

Глава 2. Бытие

Бытие по определению включает в себя *все сотворенное*. Проще говоря, *Всё*! Поскольку *единство* и *единственность* принадлежит только Всевышнему, *Бытие* не может обладать Его свойствами, то есть не является *единым* само по себе. В *Бытии* мы находим сложную двойственность. Первая пара противостояния – *Бытие и сознание: сознание* не тождественно и не подобно *Бытию*, не вытекает из него и не является атрибутом *Бытия*. Если *Бытие* некоторым образом дано, то *сознание* как «*контрбытие*» – нет, то есть оно – *не* сущее и *не* данность. Однако *Бытие и сознание* образуют пару, расторжимую

лишь через смерть *носителя сознания*, ибо реализация *сознания* состоит именно в активной оппозиции *Бытию*.

Второй парой является порожденное этим первым противостоянием различение между феноменальной (хаотической) подоплекой *тварной реальности* и выстроенный вокруг свидетельствующего субъекта (его сознания) *организованный мир*. Хаотический задний план «бессловесен», организованный мир является таковым в силу того, что «поименован».

Глава 3. Сознание

Сознание есть функциональное противостояние, или нетождество, *Бытию*. В основе *сознания* – частица от Духа Аллаха, вложенная в «глиняную куклу» – Адама.

Глава 4. Феноменология Бытия

Коран свидетельствует о *глине земной* и *глине небесной*, из которых взято для создания Адама. Речь идет о субстанции, имеющей разную степень сгущенности. Эта субстанция проявлена на разных уровнях сложности и в целом представляет собой содержащийся внутри мысли Всевышнего полюс к ней самой – «*антимысль*». Это и есть то *зло, которое создано Всевышним*, для преодоления которого Он низводит на человеческий уровень проблеск Своего Духа.

Глава 5. Язык

Язык есть живое многомерное взаимоотношение *имен*, открытых Адаму. Каждое *имя* есть концепт, вещь. Эти концепты существуют только для Адама, поскольку Аллах не открыл их никому больше. Человек может узнать, найти, вообразить или придумать только то, что содержится в *первоязыке*.

Глава 6. Откровение

Частица *Рухулла* – Святого Духа – вброшена в недра субстанции-глины. По необходимости она занимает в этом «падении» пассивную позицию. Дух Аллаха – Святой Дух – является активным полюсом, который соединяется со своим отблеском внизу через слово, опирающееся на открытый Аллахом Адаму *язык*. Откровение есть конкретное присутствие Святого Духа среди людей, выраженное в описании Аллахом Самого Себя в той части, которая может быть доступна людям согласно Его Замыслу.

Глава 7. Святой Дух

Дух Аллаха есть то, посредством чего Всевышний действует в ночи *безграничной возможности*. Этот Дух *антисубстанционален* и негативен по отношению к субстанции. Поэтому его надо отличать от «естественного» духа, который представляет собой просто разряженное, «небесное» состояние той же глины.

Глава 8. Скрижаль

Провиденциальная мысль Всевышнего имеет *непостижимый* аспект, обращенный внутрь Себя, и *выразимую* часть, которая касается творения и задает творению цель и задачу (Коран, 38:27). Эта выразимая часть есть фундамент Предопределения, сформулированный на языке, который был открыт Адаму, хотя и не полностью. Согласно Корану, именно эта выразимая часть Провиденциального Замысла лежит в основе *Писаний*, ниспосылаемых пророками.

Глава 9. Мысль

Провиденциальная *Мысль* Всевышнего содержит в себе абсолютно все, включая собственное затмение и отрицание в виде Бытия. При этом собственно *Мыслью* делает ее то, что она не тождественна Всевышнему и не объемлет Его, постоянно стремясь к этому. Аллах трансцендентен Собственной *Мысли*, вне этой *Мысли* нет ничего.

Глава 10. История

Благодаря тому, что частица *Рухулла* вброшена в инертную, враждебную ей субстанцию феноменального Бытия, возникает конфликт, который должен разрешиться победой Духа (представленного внутри Бытия сознанием) над субстанцией. Динамика этого конфликта, его цель составляют *Замысел* Всевышнего как внешняя инструментальная сторона *Мысли*. Этот *Замысел* внутренне неизменен и составляет сюжет, который, воплощаясь, образует человеческую историю на разных уровнях: история ниспослания пророков, история царей, история народов, история общин и так далее.

Замысел не зависит от его конкретной реализации. Избранная Всевышним община может «провалить» *Замысел* и будет в таком случае заменена другой. Такая смена будет происходить до тех пор, пока *Замысел* не реализуется, то есть пока творение не окажется состоявшимся.

Глава 11. Предопределение

В *Предопределении* есть два аспекта. Некий непроявленный потенциал, подобный «Чёрной ночи», откуда можно извлечь все, что угодно Творцу. Этот потенциал называется «*Кадар*». Другой стороной является фиксированная и формализованная сторона *Замысла*. Она называется «*Када*». *Аль-кадар валь-када* – соединение непроявленной возможности с неизменным фиксированным сюжетом – это механизм вечно возобновляемого творения, которое будет продолжаться до наступления Дальней жизни, потому что Ад и Рай, как Новая земля и Новое небо, уже не предполагают изменений. На возникновении Ада и Рая *Предопределение* приходит к своему завершению, освобождая от этой задачи внутреннюю сокровенную сторону *Мысли*.

Глава 12. Свобода

Повторяемость творения связана с тем, что тварь как инструмент не может выполнить отведенную ей задачу в сюжетном Замысле. Это

негативная часть *свободы*, – то, что Всевышним выражено в угрозе: «Если вы не сделаете, то…» Однако реализация Замысла связана с позитивным аспектом *свободы*, а именно – с торжеством сознания над Бытием, освобождением смысла от абсурда, разрывом зависимости человека от Иблиса. Таким образом, негативный и позитивный аспекты *свободы* являются как бы двумя отрицающими друг друга сторонами одной и той же данности.

Глава 13. Намерение

Переход от негативной свободы (плохо сыграть свою роль и быть изгнанным) к позитивной реализации свободы (разорвать путы зависимости от Иблиса) осуществляется только через применение *воли. Воля* в *политическом исламе* имеет обязательное сознательно артикулированное выражение, то есть она конструируется в сознании как замысел, беря свое начало в концепции Божественного Замысла. Сформулированное *намерение* есть основа основ, потому что в таком случае сознание впервые становится активным деятелем вместо того, чтобы быть пассивной противоположностью Бытию. Такое превращение сознания из *свидетельствующей точки* оппозиции Бытию в «*активного игрока*» превращает энергию *воли* в *иман* (веру). Артикулированная *воля есть вера как утверждение своего предмета*. Без *намерения* как волевого аспекта мышления нет *политического ислама*.

Глава 14. Смысл

Ничто из того, что сотворил Аллах, не создано напрасно. Это значит, что все *сущее* приведено к некой сверхзадаче, решение которой образует перспективу всех изменений, всякого движения, всякой борьбы противоположностей. Поскольку цель человека как обладателя *Рухулла* и наместника, *халифа*, на земле – это победа над злом, *смысл* на человеческом уровне выступает как противоположность злу. Зло и абсурд – одно и то же: это феноменальное Бытие, которое представляется безграничным. Наиболее очевидной формой этой кажущейся безграничности выступает *длительность*, в которой феномены (*сущее*) являются переменной величиной, а их

уничтожение – постоянной («Мы живем и умираем, и убивает нас только время (*дахр*)». Коран, 45:24). Смысл в *политическом исламе* выступает как остановка бесконечного негатива, торжество над Роком.

Глава 15. Финал и финализм

С точки зрения язычников Бытие бесконечно. Для Аристотеля мир бесконечен. Наконец, есть сама концепция *бесконечности*, которая не только больше, чем мир, но и больше, чем чистое Бытие. Однако категорически нельзя отождествлять понятие «бесконечности» и Творца. Всевышний есть «конец бесконечности» – и именно в этом смысле Ему принадлежит качество «*Акбар*».

Глава 16. Человек как «оппонент» Аллаха

В Коране человек называется «*хасим мубин*» – оппонент явный. В отличие от Иблиса, который определяется как враг, человек – всего лишь «оппонент», то есть «противодействующий, спорящий» и тому подобное. Он состоит из глины, которая враждебна Духу, и, как структурированное существо, тяготеет к отождествлению с Бытием. Но человеком его делает язык, который сам по себе есть Откровение Аллаха. Поэтому человек находится на платформе скользкого компромисса, поскольку инструмент Откровения – язык – из средства реализации Мысли превращен в средство социальной коммуникации. В свою очередь «социальная коммуникация» – это механизм «сбивания с пути», интеграции человека в социальную проекцию Бытия.

Глава 17. Человек как адамит

Люди в своей массе являются «потомками Адама» лишь метафорически – в той мере, в какой они усваивают человеческую природу через язык, впервые принесенный Адаму. Люди не обладают самостоятельно той искрой Святого Духа, которая была вложена в Адама при сотворении. Однако язык и выраженное в нем Откровение дают им шанс на реализацию Духа в себе.

Глава 18. Человек как «виртуал»

Язык, в который погружается человек при рождении, как средство коммуникации накладывается на новорожденного в матрицу, которая является заменителем его человеческой сущности. В этой функции сам язык фальсифицирован относительно своего подлинного назначения. Человек как носитель языка выступает в роли пассивной возможности, которая сама по себе бесконечно меньше и слабее потенциала, заключенного в языке. Однако артикуляция *воли как веры* может стать путем, выводящим человека из *виртуальной* причастности к адамизму в *реализацию*. Окончательное подтверждение превращения *виртуального* человеческого статуса в *реализованный* будет лишь в день Суда.

Глава 19. Человек как инструмент Провидения

Передача людям языка лишила их гармонии с Бытием, но одновременно открыло возможность истории как сюжета. Подавляющее большинство людей пошло путем формирования общества, которое есть *машина по фальсификации Откровения*, по превращению его в противоположность. Одновременно с этим в противостоянии обществу возникает «малый отряд» – *избранный народ*, задача которого достичь цели истории.

Глава 20. Цель истории

Циклическое проявление творения содержит в себе возобновляемый проект превращения *виртуального* проблеска Духа в его *реальное* присутствие. Это подобно тому, как если бы солнечный зайчик, отбрасываемый отражающей поверхностью, чудесным образом превратился в активный источник света.

Глава 21. Новая земля и Новое небо

Незавершенных циклов несостоявшегося проекта может быть сколь угодно много, – как чисел в числовом ряду. Однако они

неизбежно завершаются в точке, когда этот проект реализуется. Поэтому уподоблять бесконечность повторяющихся циклов числовому ряду надо в обратном порядке: не от единицы в бесконечность, а от бесконечности к единице. Тогда становится понятным, что числовой ряд на самом деле конечен и неизбежно приходит к единице как к последнему числу. В этой точке состоится Суд, после которого возникает *Новое Бытие*, не имеющее характера субстанции, противостоящей *Мысли*. Праведники, вошедшие в Дальнюю жизнь, обладают своим *свидетельствующим* сознанием как независимым источником света, хотя в Ближней жизни это был наведенный извне блик.

Глава 22. Циклы и чудо Воскресения

Человечества, которые не реализовали поставленный перед ними Всевышним проект, уводятся Им как «не бывшие». «От них нет даже шороха» (Коран, 19:98). Творение не обладает самостоятельной ценностью вне Проекта так же, как для скульптора ценностью обладает лишь в совершенстве реализованная скульптура, но не глина, которую он использует. Судить о результате можно, только когда он доведен до конца в виде скульптуры, судить глину – бессмысленно.

Суду подлежит жизнь каждого индивидуума, включенного в цикл, внутри которого состоялась *победа*: в какой мере отношение индивидуальной глины к виртуальному присутствию Духа содействовало этой победе или мешало ей. Тогда получает значение каждый шаг судимого. Вне отношения к победе нет и предмета Суда. В каждом цикле есть шанс на то, что он станет последним. Воскресение из мертвых означает повтор. Аллах сначала совершает творение, а потом повторяет его. Однако *повтор* есть, с точки зрения законов тварной реальности, нечто *невозможное*, поскольку представляет собой ограничение неисчерпаемой *возможности*. Это как повторение одного и того же числа в числовом ряду. Однако мы видели, что, устремляясь к началу, числовой ряд приходит к своей остановке в единице.

Глава 23. Свет Аллаха

«Аллах есть Свет небес и земли» (Коран, 24:35). Речь в Коране идет не о том свете или сиянии, который известен язычникам как иррадиирущий свет, разгоняющий тьму. Любой свет, который горит в ночи, есть свет, обреченный погаснуть. Потому что тьма предшествует всякому свету. Свет Аллаха неисчерпаем, потому что он есть Сияние, поднимающееся из глубины самой Тьмы, – свечение, которое образовано «черным, еще более черным, чем черное».

Глава 24. Бытие как солярный свет

Святой Дух, порождаемый Провиденциальной Мыслью, не имеет природы света. Сущность света именно в выходе наружу из тьмы. Дух является наиболее внутренней, глубинной, смысловой стороной *Тьмы как сокрытия*. Поэтому Бытие как *антимысль* принимает облик света, в котором достигается наибольшая противоположность сущности Духа. Внутри Бытия тоже есть полюса – от тьмы внизу сгущения до света вверху. Но «солярный свет» вверху есть Люциферова противоположность Свету Аллаха.

Глава 25. Ночь Могущества

«*Кадр*» есть потенциал или возможность, из которой извлекается все. Ночь Могущества – это первоначальная бездонная тьма Хаоса, в которую спускаются Дух и ангелы как носители *повелений*.

Глава 26. Повеление

Амр («повеление») есть полярная противоположность Хаосу, то есть некая фиксация формы, в том числе и логической. Именно в этом аспекте *амр* означает так же «дело» или «проект». В широком смысле *амр* есть конкретизация Замысла, о котором выше было сказано, что это наиболее проявленная внешняя часть Мысли.

Глава 27. Нисхождение Духа

Главным нисхождением Духа является его проявление на уровне тварного человечества, которое располагается как раз в центре творения – между формой и Хаосом. Таким образом, нисхождение Духа есть сначала нисхождение Адама, посланного к «виртуальному» человечеству, а затем нисхождение Джибриля к пророкам, произошедшим от Адама.

Глава 28. Власть как интрига

Согласно Корану, правители являются преступниками, которые интригуют ради сохранения своей власти. Суть интриги есть манипулятивная технология, с помощью которой контролируется социум.

Глава 29. Правители как преступники

Преступность правителей носит изначальный онтологический характер. Иными словами, правитель не может не быть преступником – и не может быть добрым, справедливым и прочее. *Правитель со знаком «плюс» – это языческая концепция*. Правитель всегда на службе социума, который есть тень Иблиса на земле. Таким образом, правитель – это тот «мост», который *соединяет оригинал с отражением*, через который Бытие в чистом виде делает шаг внутрь нашего мира.

Глава 30. Повиновение

Мусульманин повинуется Аллаху, Его посланнику и тем из его собственной среды, кто обладает *амром*. Кто такие обладатели *амра*? Это те, в которых сформулированное в сердце и на уровне языка намерение совпадает с Замыслом Всевышнего. Такое совпадение не может быть полным и совершенным. Оно всегда носит частичный характер. Совершенство оно приобретает только в личности Махди, который является *Ведомым* Аллахом. Однако предварение в некоторой степени этого состояния «вед*о*мости» возможно и обязательно внутри лучшей из общин, потому что без этого она не была бы *избранным*

народом в центре истории. *Амр* безусловно выражен в Коране, в Сире пророка (да благословит его Аллах и приветствует), а также ниспосылается в Умму для того, чтобы «малый отряд» мог вести джихад на исторической сцене.

Глава 31. Государство

«Разве вы пойдете за судом к *тагуту*, после того как вы узнали лучшее» (Коран, 4:60). Государство – это *тагут*, языческая концепция, которая представляет собой противоположность *амру*: энтропия, предъявленная как порядок. Государство всегда «заточено» на то, чтобы из инструмента стать объектом поклонения, поэтому в своей безусловной окончательной форме государство стремится изолировать и сбить с толку правителей и проявить максимальную тиранию по отношению к управляемым. В этом смысле государство *асоциально*. Однако это не борьба с обществом как тенью Иблиса, а на самом деле *выход наружу болезни, присущей самому обществу.*

Глава 32. Джамаат

Джамаат есть братство верующих, которое противостоит обществу, являющемуся машиной по отчуждению человеческого потенциала реализации Духа. Единственным источником энергии в социальном бытии является физический человек как «*человек говорящий*». Поэтому вся фальсификация человеческого пространства строится вокруг фальсификации языка. Последним уровнем этой фальсификации становится *посткоммуникация*, реализуемая в наиболее открытой форме государства.

Глава 33. Общность

На протяжении истории глобальное общество расслаивается на много мелких и частных общностей, которые являются функциональными до определенного уровня: нации, экономические классы, политические партии и так далее. Общество стремится растворить их в себе: *атомизировать* индивидов, чтобы присваивать

их энергию без посредства промежуточных объединений. Все объединения, которые не соотносятся с реализацией божественного Замысла, являются ложными общностями. «Мы сотворили вас племенами и народами, дабы вы познавали друг друга», – эти слова обычно понимаются прямо противоположным образом. Познавать друг друга способны только мусульмане. Люди сотворены в *джахилии*, которая выражается в наличии племенной принадлежности, чтобы преодолевать тот «глиняный аспект», становясь членом *Уммы*. Это и есть «акт познания».

Глава 34. Халифат как наместничество

Всевышний поставил, согласно Корану, человека «оператором» на землю. Речь идет об *адамической* модели человека. Именно Адам является *наместником* – исполнителем Замысла Всевышнего. К *наместничеству* относятся и фигуры пророков – те, которые происходят от Адама. Но могут ли быть наместники у пророков? В действительности наличие праведных халифов – это исключительная ситуация, где речь идет о ближайших *сахабах*. Оно санкционировано непосредственно Кораном и самим пророком (да благословит его Аллах и приветствует). Однако дальше, когда мы говорим об Омейядах, Аббасидах, османах и других, мы такой санкции не обнаруживаем. Нам сказано: «Повинуйтесь обладателям *амра* из вас самих». Однако после праведных халифов, принадлежавших к *джамаату* пророка, мы имеем дело с династическим правлением, которое противопоставлено Умме. Эти люди не санкционированы пророком как его наместники, и тем более они не являются пророками сами, не происходят из *адамической* линии. Поэтому про времена после праведных халифов мы можем говорить только как о «виртуальном» халифате, роль которого играет политический *джамаат*. Именно политический *джамаат* представляет собой воплощение *адамического* архетипа до прихода *Махди*, который санкционирован Сунной пророка (да благословит его Аллах и приветствует) и будет подтвержден одновременным пришествием Мессии Исы (мир ему).

Глава 35. Махди

Махди («Ведомый») – финальная реализация халифа как адамического «оператора», который управляем Всевышним в аспекте, открытом человечеству. *Махди* закрывает своим правлением человеческий цикл, и через него приходит предварительное преображение реальности. «Наполнить землю справедливостью, как она до этого была полна гнета», – это также изменение физических законов, когда через канал фигуры *Ведомого* в реальность нашего мира входит прямая поддержка Всевышнего.

Глава 36. Ошибка и непогрешимость

Мы знаем, что лично пророк и «накрытые плащом»[14] были освобождены Всевышним от греха и ошибки. Многие мусульмане настаивают на том, что пророк был «простой человек», но самом деле они находятся под влиянием христианства. Это сугубо христианская идея, что священник – это простой, не лишенный заблуждений человек, через которого во время осуществления таинств якобы проходит благодать. Ясно, что пророк принципиально отличается от жреца, ибо жрец не послан и не избран. Через обычного человека, который не очищен Всевышним, не может передаваться Откровение, потому что рядовой человек обречен на то, чтобы его исказить.

Кроме того, жизнь мусульманина не распадается на сакральную и профаническую половины, когда пророк от такого-то часа до такого-то является верным передатчиком Послания, а после окончания «рабочего дня» становится обычным человеком.

Непогрешимостью в Исламе обладают только два человека: пророк в начале ислама и Махди в его конце. Кроме этого есть еще *ахль аль-киса* – «люди плаща», – которым Всевышний дал чистоту. Однако мусульмане должны различать между непогрешимостью в суждениях и непогрешимостью в деяниях и намерениях. Человек, который обладает совершенной чистотой с нравственной стороны, – свободен даже от намека на *харам*, – может принять ошибочное решение. Так, Хасан заключил договор с Муавией и передал ему халифат под обещание последнего следовать курсом халифа Али. Хасан, как внук пророка, был безгрешен. Но как политик он совершил ошибку, хотя эта ошибка была включена в Провиденциальный Замысел. Здесь мы подходим к важнейшему пункту *политического*

ислама. Ошибки деятелей исторического процесса – наместников своего времени – включены в Провиденциальный Замысел. С точки зрения «нормальной» логики, и субъективно и объективно это – ошибки. Но с точки зрения Замысла Всевышнего – это необходимый элемент сюжета.

Глава 37. «Пречистые имамы»

Концепция «пречистых имамов» не опирается на ясные и однозначные указания Кораны и Сунны и поддерживается только неопределенными и нуждающимися в сложных толкованиях метафорами типа «двенадцати принцев». Само наличие символического круга из двенадцати непогрешимых имамов противоречит духу и замыслу ислама, потому что в исламе Провиденциальный Замысел напрямую обращается к Умме, выделяя в ней в качестве авангарда не посвященных созерцателей, а политически ориентированных воинов.

Концепция некой закрытой «церкви», от имени которой общиной руководят посвященные толкователи, – это прямой возврат к язычеству и жреческим практикам. Поэтому идеология нового клерикализма с неизбежностью ведет к восстановлению пантеизма, абсолютно несовместимого с Откровением.

Глава 38. «Сокрытие» Махди

Главным признаком, удостоверяющим реальность пришествия Махди, является, во-первых, его соответствие тем приметам, которые перечислены в Сунне пророка (да благословит его Аллах и приветствует), во-вторых, пришествие Мессии Исы (мир ему) и его соединение с Махди, чтобы возглавить борющуюся Умму. Вне двух этих позиций все остальные размышления на тему Махди не имеют значения. Он может быть как конкретным живым лицом, сокрытым до времени своего явления, так и архетипом, виртуально живущим в коллективном сознании политического джамаата. Более того, Махди может быть и тем и другим сразу.

Глава 39. Даджал

Даджал – это осевая фигура, связанная с провалом миссии очередного человечества и повторяемостью циклов. Она представляет собой выход наружу архетипа, которому соответствуют в течение всей человеческой истории все правители в качестве преступников. Это, согласно традиции *мушриков*, «подземный император проявленного мира», который является прямым агентом Иблиса. Иблис в *ширке* имеет много манифестаций: Аполлон, Ормузд, Люцифер…

Со временем эти образы устаревают и превращаются в опорные модели культурных матриц, но обязательно сохраняется одна сквозная (сквозь эпохи) личина, которая сохраняет метафизическое значение. Актуальная манифестация Иблиса для современного человечества – это Будда. Кстати, его традиционный облик объясняет, почему в исламской традиции Даджал описывается как одноглазый («третий глаз»).

Глава 40. Последняя битва

Согласно всем традициям – как авраамическим, так и *мушрикским*, – цикл человечества завершается битвой между адептами *таухида* и адептами *вахдата* или *адвайты* (*вахдат* и *адвайта* – это синонимы, указывающие на доктрину *монизма*, которая является идеологической «подписью» Иблиса).

Разница лишь в результате этой битвы. По тибетскому учению император Калачакры – Даджал – громит силы Млечха (мусульман) и открывает Золотой век будущего человечества. По мнению авраамистов, единобожники под руководством Махди и Мессии побеждают Даджала, после чего наступает правление Махди, предшествующее Воскресению.

Глава 41. Хилиазм («тысячелетний Райх»)

Согласно Сунне пророка (да благословит его Аллах и приветствует), даже если Махди придет за час до Конца мира, Аллах продлит этот час, чтобы реализовалось полностью Обетование о

преображении Ветхого Бытия еще до Воскресения и смерти всего человечества. Почему Сунна указывает на «день» или «час» как срок, остающийся до конца в момент прихода Махди? «День Аллаха как тысяча лет». Ислам акцентирует субъективную относительность времени, и Коран неоднократно ссылается на временны*е* характеристики человеческой жизни как меру длительности. *Тысячелетнее царство Махди* сопровождается полной трансформацией естественных законов, открытием чудесных паранормальных способностей не только у людей, но и у животных и неодушевленных предметов. А Золотой век *мушриков* предполагается до конца человеческого цикла еще в этом Ветхом Бытии как символ и подтверждение остановки циклов и грядущей совершенно Новой реальности.

Глава 42. Третий сверхъестественный контур

Человечество в своей обыденной жизни уже живет в сверхъестественном, поскольку биологическая жизнь нарушает второе начало термодинамики, а общество нарушает законы, открывающиеся на уровне биологической жизни. В каком-то смысле можно сказать, что и жизнь, и история – это движение физического времени вспять. В натуральном виде время есть переход от энергии к веществу, а в биологии и социуме вещество становится энергией. Так называемый «прогресс» – это некоторым образом «машина времени».

Однако нарушение второго начала термодинамики и в жизни, и в обществе ограничены и обречены: в случае биологии – на смерть особи, а случае общества – на финальный коллапс человечества. Есть *третий сверхъестественный контур* – прямое вторжение поддержки Всевышнего, упомянутый в Коране *наср Аллах*, которое приходит в том случае, если «малый отряд», сражающийся за реализацию Замысла, обладает достаточной «критической массой».

Глава 43. Интрига против интриги

«И хитрили они – и хитрил Аллах…» (Коран, 3:54). Всевышний указывает, что содержание политики, осуществляемой правителями, –

это интрига, заговор и манипуляция. Можно сказать, что Коран поддерживает «конспирологическую» интерпретацию истории.

В этом смысле можно говорить, что политика *джамаата* должна являться *контринтригой*, реализуя (в границах *шариата*) политические методологии для того, чтобы блокировать и реализовать власть мировых верхов. Ведь политический *джамаат* – это *коллективный халиф* до прихода Махди и, стало быть, к нему относятся, как к халифу, приведенные выше слова: «И хитрил Аллах, а Аллах лучший из хитрецов».

Одним из методов борьбы против власть имущих Коран указывает «засаду», то есть непрямые и скрытые техники, а также «избиение руководителей неверия».

Глава 44. Смирение жречества и гордость воинов

Пророк (да благословит его Аллах и приветствует) сказал бывшему бандиту перед началом битвы при Бадре, который прохаживался перед строем с вызывающим видом: «В другое время и в другом месте Аллах не одобрил бы такое поведение». Поскольку для ислама весь мир – это *дар уль харб*, а время, оставшееся до конца цикла, это *заман уль харб*, можно сказать, что Аллаху угодна гордость воинов как тех, кого Коран называет «стоящими ступенями над другими (– не воинами)».

Вместе с тем в Коране выражена хвала в адрес тех иереев, которые не расточают имущество людей и не превозносятся. Из этого следует, что ислам требует, чтобы жречество – в той мере, в какой оно вообще допускается существовать, – занимало бы крайне скромное и подчиненное положение, а господствующим классом должны быть *муджахиды*.

Глава 45. Ислам как стратегия Духа

У бесконечно малой частицы Святого Духа, брошенной в недра инертной глины, нет шансов на победу, если она не будет поддержана Откровением, что носит стратегический характер. Откровение содержит в себе инструментарий борьбы – набор приемов и

пониманий, без которых просто невозможно освобождение от рабства Иблису.

Глава 46. Суфии и клерикалы в Исламе

Ислам ниспосылается человечеству, а человечество – «оппонент явный». Враждебность Аллаху выражается в том, что в «естественном» человечестве вершину пирамиды занимают жрецы. Это та специфическая часть рода людского, которая обладает способностью, во-первых, прямо созерцать времена до пришествия Адама, а во-вторых, видеть непосредственно те или иные ипостаси Великого Существа.

Именно жрецы хранят техники, открывающие возможность – в исключительных случаях – отождествления между отражением и оригиналом, то есть соединение человека с Великим Существом. Когда ислам приходит в мир, то внутри принявшей его части человечества жрецы отнюдь не собираются капитулировать и приносить с собой веревку, на которой их повесят. Они переходят в контрнаступление и стремятся перекроить ислам в терминах традиционного *ширка*. Это то, что называется «волки в овечьей шкуре». Одной из разновидностей контрнаступления *мушриков* внутри ислама является образование посвятительных организаций, которые возглавляются «старцами». Другая форма контрнаступления – превращение «старцев» в более или менее экзотерическую, «теоретизирующую» корпорацию клерикалов. При этом мировоззренческая база посвятительных учителей в суфийских тарикатах и экзотерического «духовенства», выступающего в роли образцов для подражания, – одна и та же.

Глава 47. Джихад

Джихад коренится в самой концепции *сознания как противостояние Бытию*. Из этого берет свой исток теория *веры как акта воли*, внутри которого есть сформулированный *ният* (намерение). Поляризация сознания, заряженного *намерением*, и Бытия как антидуховной силы создает условия для возникновения феномена *усилия. Усилие* есть поворот естественного течения сверху вниз, вспять. Собственного говоря, сумма *усилий*, проявленных *джамаатом*,

это и есть попытка достижения той «критической массы», которая приводит к вторжению прямой поддержки Аллаха в пространство истории. Главное противостояние с Бытием – это, очевидно, не противостояние с физическими элементами. Социальное Бытие является наиболее изощренным и опасным врагом сознания, поскольку имитирует акты сознания: имитирует намерения, организацию, «проектное мышление» и так далее.

Поэтому борьба с социальным Бытием и его носителями есть главная форма *усилия*, по определению имеющая насильственный характер. Попутно добавим, что попытки превратить главное направление борьбы в «малый джихад», а нравственное самосовершенствование, которое подрывает на самом деле устои *шариата*, в «великий джихад», – это наиболее явная форма подрывной деятельности клерикалов, окопавшихся внутри ислама.

Глава 48. Революция пророков

Сущность *революции пророков* в том, что «человек естественный» под руководством жрецов ориентирован уже на «клеточном» уровне воспринимать реальность в терминах тождества. «Всё *равно* всему», «ты есть то», «что вверху, то и внизу», «символ и аналогия», «великое в малом» и прочее. Пророки разрывают эту органику, утверждая вместо этого принцип абсолютного нетождества, один конец которого в нас самих (ибо мы воспринимаем все, поскольку мы не тождественны ничему), а другой конец этого нетождества – Аллах, Который противоположен всему, что только может быть или что можно представить. Отсутствие *подобия Аллаха чему бы то ни было* есть та основа, на которой существует факт нашего сознания. Это и есть главный тезис, к которому в конечном счете сводится революционная миссия пророков.

Глава 49. Отражение Замысла

На коллективном плане, в масштабах человечества, стратегическая цель ислама – это превращение «виртуального» присутствия Святого Духа в глиняном человечестве в реальное. При этом осуществляется остановка «дурной» бесконечности – повторов

творения, уходящих назад в минувшую вечность. На индивидуальном уровне верующий, вошедший в жизнь Дальнюю после Суда, впервые становится истинной личностью, потому что до сих пор, в Ближней жизни, мы имеем такое же отношение к нашему сознанию, как стена – к солнечному зайчику, который на нее пущен. А в Дальней жизни этот приходящий блик становится вечным, самостоятельным и свободным центром *присутствия*, которое получает свое уникальное имя.

Что же стоит между этой коллективной задачей и индивидуальной перспективой, которую для краткости называют «спасением»? Стоит *джамаат* – союз братьев, которые на платформе *политического ислама* вовлечены в акт мышления, соответствующий Замыслу Всевышнего. Они мыслят так, что эта мысль становится зеркалом Замысла, и реализуют этот Замысел на земле, – разумеется, с опорой на стратегии Духа.

Глава 50. Освобождение от Великого Существа

Точно так же можно говорить о том, что реализация Замысла на трех этапах предполагает освобождение от Великого Существа. Но эта свобода приобретается в обратном порядке. Сначала движение к свободе осуществляет индивидуум через *ният*, а сама формулировка *ията* есть уже акт неповиновения со стороны отражения своему оригиналу. Затем сделавшие этот первый шаг носители намерения образуют общину братьев – *политический джамаат*. Затем борьба *политического джамаата* достигает той критической массы, за которой открывается прямая поддержка Аллаха. На этом уровне происходит полное освобождение человеческой проекции от архетипа Великого Существа и интеграция избранного народа в проект Адама.

Черновые наброски к книге «Теология политического ислама»[15]

1. Зло

Всякая метафизика должна была бы начинаться с проблемы зла. Практически ни одна этого не делает. Человеческое сознание напугано самой идеей зла, поскольку зло заведомо антибытийно и имеет отношение к тайне происхождения самого сознания. Сознание ведёт себя перед злом, как напуганный ребёнок перед шкафом, в котором – он знает! – прячется «бука».

Поэтому по поводу зла существует огромное количество философской дезинформации, в основном вращающейся вокруг теодицеи «оправдание Бога». Придумываются разные конструкты, согласно которым Бог не создавал зла, но каким-то образом «попустил» его возникновение.

Или же зло представлено как некое «умаление» или «убывание» добра, в котором прежде всего повинны сами люди: была, мол, полная чаша добра, незаметно она из-за хромого столика проливалась и проливалась, – и вот так из возникающего дефицита появилось зло.

Конечно, всё это смешные и инфантильные конструкции, которые не имеют никакого отношения к серьёзной постановке вопроса.

Прежде всего зло, как «чистое Зло», не обладает онтологической или, не дай Бог, этической природой. Зло – это чистая гносеология. Зло есть неведение. При этом следует понимать, что неведение – это весьма объёмная и обширная тема.

Незнание имеет собственную иерархию. Есть незнание феноменологическое – незнание о некоем предмете, обстоятельстве. Такое незнание легко убирается. Правда, всегда есть вопрос, заменяется ли это незнание подлинным знанием. Но, по крайней мере, на место абсолютного незнакомства с предметом приходит некое описание, которое можно условно принять за знание. Но это всё касается сферы, которая сама по себе иллюзорна – сферы вторичного феноменологического бытия. Говоря о первичном Бытии, о первозданном оригинале, мы уже попадаем в сферу заведомо

негарантированного: мы не можем сказать о Бытии, что оно есть, – как мы говорим это о некоем объекте, попадающем в сферу нашего восприятия.

Мир, окружающий нас, – это организованное сцепление описаний (для подавляющего большинства они выступают в качестве реальных объектов), огромное количество которых до нас просто не доходит. Ни один субъект не может знать больше незначительного островка внутри этой системы. К тому же, поскольку все человеческие знания определяются языком, то знание человека ещё зависит от такого условного фактора, как образовательный уровень. Например, для врача практически не существует геология с описаниями, открывающими целую вселенную.

Если это так по поводу феноменологического мира, мира объектов (то есть описаний), то это неизмеримо масштабнее, когда речь заходит о Бытии самом по себе. Описание здесь исчезает «как класс» по той простой причине, что чистое Бытие апофатично, стоит вне конкретных лимитов, – то есть, попросту говоря, чистое Бытие ускользает от определений.

«Обычный человек» не является отражением чистого Бытия, в котором последнее обнаруживало бы себя, как мы обнаруживаем себя в зеркале или на фотографии. Обычный человек для чистого Бытия – это периферийный феномен, мелкий штрих. Все амбиции по поводу «образа и подобия» – это не к обычным людям. Сама тема аналогии, тема архетипа эксклюзивна. По образу и подобию Бытия сформированы люди вообще, но не человек в частности. Когда заходит речь об отражающем «образ и подобие» отдельном человеке, то это уникум, пророк. Он берётся как архетип, во всём «похожий» на «людей вообще». В него внедряется Дух Божий, чтобы послать его к этим «людям вообще». Но обычный человек, «человек в частности» – это просто случайный листок с ветки.

Так что же с Бытием? По поводу Бытия известно лишь, что к нему недопустимо прилагать предикат «есть». Поэтому здесь возникает опасная свобода. Первым и простым шагом будет такой удивительный тезис, как «Бытия нет». Это логично. Ведь если о Бытии нельзя сказать, что оно есть, как есть какой-нибудь карандаш или улитка, тогда вроде бы очевидно, что должно быть верно обратное.

Однако почему-то люди не соглашаются на такой очевидный шаг именно в такой простой форме. «Бытия нет». Как-то глупо звучит, не правда ли? Вся эллинская философия построена на ключевом высказывании Парменида: «Бытие есть – небытия нет».

Однако среди нас ходят люди – и таких, вероятно, подавляющее большинство, – которые на самом деле исповедуют этот принцип «Бытия нет», только зашифрованный таким образом, чтобы не выглядеть сомнительно. Эти люди – атеисты. Ведь на самом деле и для эллинских философов, и для любых других традиционалистов «Бытие есть Бог». Это никак не может быть иначе. Ведь Бог не может быть объектом или предметом среди прочих. Бог не может быть феноменом – он сверхфеноменален. А раз так, то идея Бога неизбежно совпадает с идеей Бытия. Стало быть, всё то, что было нами ранее сказано о невозможности применить предикат «есть» к Бытию, относится и к Богу. Таким образом, тот простой шаг, который люди не смеют сделать в адрес Бытия, они легко делают, когда Бытие скрывается под псевдонимом «Бог».

Но тут встаёт другой вопрос, на который надо ответить прежде, чем двигаться дальше: почему, собственно, предикат «есть» неприменим к Бытию, если он применим к «клейкому листочку» или травинке в отдельности? Видимый мир состоит из обладателей этого предиката. Что же происходит при переходе к Бытию и, кстати: откуда мы берём, что оно всё-таки является фактором?

Ответ такой: это чисто математическая вещь. Множество нельзя выразить в числе. Множество может иметь некую мощность относительно другого множества. Но его нельзя посчитать. Хорошо, мы заходим в мир, как в супермаркет, проводим там «инвентаризацию»: у нас там 203 плюшевых мишки, 9155 авторучек… Вроде как посчитали. Да, но это не имеет отношения к множеству. Это супермаркет. Он не иллюстрирует Бытие. Таким образом, кажущееся противоречие снято, и можно идти дальше.

Супермаркет состоит из описаний. Бытие – это *антиописание*. Поэтому подходом к нему может быть только активное незнание. Но вот в чём вопрос: если знание того, что такое описание, скорее всего, является ложным знанием, то не является ли незнание, в сократовском смысле, ложным незнанием?

Сократ, при посредстве Платона, 2500 лет убеждал нас, что главное «схвачено»: «Я знаю, что ничего не знаю». Казалось бы, безусловная формула, которую на кривой не объедешь. Ничего не знаю – и точка. «Зато это я уж точно знаю!» А если это ложь? Если то, что думаю, что я не знаю, если вся сфера моего незнания летит к чёрту, я оказываюсь в гораздо более глубокой тьме. В каком-то инфернальном изоляторе, на который я не рассчитывал.

Сократ – да и вышедший из него Кант – в целом по-человечески понятны. Они думают так: да, конечно, любое утверждение – это ерунда, знания нет и быть не может. Человеческая юдоль построена на фундаментальных столпах нигилизма. Интеллектуальное поле очищено, и там нет никаких объективных утверждений. Начинаем строить что хотим, исходя из нравственных императивов. Никто не помешает, никакой блок не встанет на пути. Это при условии, что мы правильно поняли своё незнание. Тогда всё, что мы строим в отсутствии объективных утверждений, является нашим добром вместо Бытия, которое в качестве добра развенчано. Вот такая тихая революция!

Во всех этих рассуждениях очевидно одно: сознание стремится заполнить вакуум знания если не объективными утверждениями, в которые оно теряет веру, то по крайней мере «этикой», за которую сознание как бы отвечает. Категорический императив – вот и всё. Контент? Ну разумеется: «Делай другому то, что хотел бы от других себе». Дальше этого такая «перезагрузка» вряд ли может пойти. Но нам интересно то, что сознание не терпит пустоты, испытывает ужас перед незнанием. А ведь не знать можно по-разному. Можно не знать то, что должно находиться вне нас в сфере описаний, в сфере объективного мира, а можно ведь соприкоснуться с чистым незнанием – с незнанием бездонной глубины. И тут встаёт вопрос: а вот незнание – оно обязательно относится к чему-то, связано с чем-то, или это незнание, которое является модусом самовыражения чего-то, что принципиально и безусловно находится вне возможности это знать?

Представим себе, что наше восприятие – не только интеллектуальное, но и наша инстинктивная сфера, сфера некоего переживания, опыта – подобно локатору. Представим себе, что эта локация имеет сферическую направленность. Техническая начинка

этого локатора безупречна в плане того, что все шумы, все видения, все царапины, появившиеся в сфере этой трёхмерности, будут транслированы в центр и так или иначе отмечены. У нас, конечно, остаётся технология «стелс», но, допустим, мы и с ней разошлись и решили вопрос. «Стелсы» тоже в нашем локаторе прекрасно отмечаются.

Теперь нас интересует сфера, которая вообще не даёт никакого контакта, никакого проявления, вообще «молчит». Главный вопрос, который встанет, будет такой: это молчание – оно о том, чего нет, или о том, что есть неким особым образом вне всякой реальности? То есть нечто, суть которого в том, что оно вне восприятия. «Связаться» с ним никак нельзя. Метнуть в него камень никак нельзя. Как говорили древние: «Неизвестный бог», – и ставили этому «неизвестному богу» памятник. Но понимали ли они что-то о «неизвестном боге»? Вот он-то и есть Абсолютное Зло, потому что его внутреннее определение как глубочайшей, ничем не потревоженной ночи, разрушает изначально саму идею утверждения. Это – *антиутверждение*!

Конечно, мы можем некой духовной революцией перевернуть саму природу логики и сказать, что вот это, находящееся вне свидетельствования, оно и есть истинное *Всё*, рядом с которым погасло не только любое описание, но и любое самоотношение духа к себе. Неведомое – оно и есть утверждение. Оно есть *Всё*.

Но ведь в чём ужас? Как только мы указали на то, что это – *Всё*, мы тут же получили новое, ещё более глубокое отсутствие, которое вне этого *Всё*. Тайна мысли в том, что *Всё* может меняться, из *Всё* Блага превращаться во *Всё* Зла. Но иное, выступающее как непроявление, отсутствие, лишённость, никуда не денется. В мысли заложена «болезнь», которая ускользает от покрытия её Абсолютом. Эта болезнь не растворяется Абсолютом.

Кстати, мысль так и смотрит на Абсолют, как на всеобщий «растворитель». Он «растворяет» всё, кроме этого внешнего мрака, и пока этот внешний мрак не преодолен, пока он не схвачен и не поставлен на колени, абсолютное зло есть начало и конец, в котором утверждение отменено. А стало быть, любая запредельность лишена ценности, убедительности, подлинной эффективности. Пока это зло отсутствия не преодолено через освобождающий принцип Трансцендентного, Дух не имеет «золотого эквивалента», он –

«бумажка» (в финансовом смысле слова). Эти «бумажки» принимают лишь постольку, поскольку в своё время Сократ соврал, а ему поверили. Дескать, незнание – это очень просто, мы о нём «всё знаем».

Вся реальность человеческого фактора зиждется на лжи Сократа.

2. Бытие

В человеческом сознании Бытие вообще, точнее, идея Бытия, заменяет собой утверждение. Иными словами, под Бытием метафизик понимает *Всё*. Однако величайшая тайна Бытия – это его происхождение. Бытие представляется бесконечным. Вместе с тем оно неразрывно связано с принципом возможного. Бытийствует то, что возможно. Перефразируя Парменида, можно было бы сказать: «Возможное есть – невозможного нет». Для традиционалистского мировоззрения возможность есть само Бесконечное, которое совпадает с Абсолютом. Точнее, является его пассивной, обращённой к сфере реализации, стороной.

В этом глубокая ошибка традиционалистского мировоззрения. Возможность не может быть универсальной и бесконечной – причём заведомо! Возможность всегда конкретна: это возможность чего-то. Более того, возможность есть синоним конечного. Мы намерены здесь проследить, как возникает конечное.

Оно рождается из диалектики самосокрытия Мысли. Мысль несёт в себе фундаментальную и неразрешимую апорию. Она визионирует тотально *Всё*, вместе с тем полагая себя не тождественной этому *Всё*. Из этой воли Мысли к абсолютному нетождеству рождается то, что не может быть ничем, что находится «за пределами того, у чего нет пределов». Это есть метафизический «скандал» внутри Мысли. Этот скандал должен быть скрыт от самого себя, в противном случае Мысль потерпит крах (суть «скандала» состоит именно в перспективе краха). «Скандал» скрывается под видом (или маской) невозможного, что соответствует внешнему определению этого парадокса. Невозможное всё ещё продолжает быть неприемлемым «скандалом», потому что мысль, образно выражаясь, «не имеет права» мыслить невозможное. Тогда мысль прибегает к следующей «хитрости»: она рассматривает плод своей воли к иному как отрицаемое. Здесь мы попадаем уже в

сферу почти приемлемых категорий. Да, есть нечто отрицаемое: это – ошибка.

Роль отрицающего берёт на себя первоначальное *Всё*, которое падает вниз, на периферию, и там становится из тотального *Всё* всего лишь «просто» Абсолютом, то есть безграничным негативом, функция которого из интровертной («я есмь Всё») превращается в экстравертную («ничто, кроме меня»).

Таким образом, для нас впервые открывается вообще категория бесконечного, которой не было в изначальном *Всё*. Изначальное *Всё* не могло быть бесконечным и не нуждалось в этом. Оно предшествовало бесконечности, будучи самодостаточным избытком.

Однако Абсолют «озабочен» любым ограничением себя, предъявлением чего-то помимо себя. Его главная забота – это отрицаемое, но он готов уничтожать всё что угодно, будучи внутри себя бессодержательным. Первоначальное *Всё*, из которого этот Абсолют исходит, было сверхсодержательным или, точнее, даже предсодержательным. Оно предшествовало любому содержанию как позитивное изобилие, изобилие в себе. Абсолют же отрицает то, что может ограничить его бесконечность, то есть конечное. Тем самым впервые возникает принцип конечного как антитеза Абсолюту.

Следует ясно понимать, что эта антитеза бесконечному не имеет никакого отношения к невозможному, к отрицаемому, которое представляет собой плод этой главной апории, сгустившейся в центре Мысли как её наиболее «священный» предмет. Конечное по противостоянию с бесконечным рождается из «слабого» Абсолюта как оборотная сторона его бессодержательности.

Конечное имеет вид точки, потому что точка является формальным аналогом бесконечного. У точки нет измерений. Она ограничивает собою, как оппозиция или граница, но вместе с тем она несёт на себе печать бесконечного, будучи его инверсией.

Именно эта точка является начальным Бытием, возможностью Бытия и одновременно впервые появившимся принципом конечного.

Появившись, этот принцип выводится из сферы мысли и становится антимыслью.

Далее эта «первоединая» точка распадается на пять других конечных возможностей или проекций:

• возможность, в которой конечное осуществляется как нечто уникальное и неповторимое, которое может возникнуть только здесь и теперь;

• возможность аналогии этому уникальному;

• возможность уникальному не быть;

• возможность аналогичному не быть;

• возможность не быть ничему.

Эти пять возможностей – каждая будучи конечной – описывают полностью ситуацию и судьбу любого феномена. Они, эти пять возможностей, являются архетипическими протозеркалами, которые отражают друг друга и создают новые зеркала, в которых появляются уже комбинации этих первоначальных позиций.

Следует заметить, что эти пять принципиальных позиций есть идеи, поскольку относятся к сфере *антимысли*. В этих идеях совершается смерть Духа, дышащего апорией, парадоксом нетождества. Эти идеи, «зеркаля» друг друга, расходятся по спирали, порождая новые зеркала. Неограниченно растущая сумма этих зеркал создаёт то, что можно назвать «разумом» Бытия, вселенским Нусом, который идёт после «первоточки» (что, кстати, вполне правильно определяет традиционалистское мировоззрение: сначала в иерархии Бытие как таковое, затем разум, Логос).

Таким образом, Бытие, кажущееся безграничным и неисчерпаемым, есть на самом деле расходящийся по спирали круговорот конечного. Сумма всех этих конечных состояний образует Великое Существо, которое отражается в каждом вновь созданном и входящем в анфиладу зеркале. В добавлении к его прямому отражению находит место его отражение из других зеркал. Каждое из этих зеркал есть мир, есть некий континуум, в свою очередь кажущийся его обитателям безграничным, притом что все эти обитатели есть тени и тени теней, отражения и отражения отражений Единого Существа, возникшего из чистого негатива как граница этого негатива.

3. Сознание

I

Бытие, рождённое из точки, которая отражается в бесчисленных зеркалах, будучи конечным, нуждается в антитезе. Всё конечное нуждается в антитезе как в катарсисе!

Бытие есть антимысль, некий отрицательный «продукт» мысли, обязанный своим происхождением тому обстоятельству, что Мысль внутри самой себя породила конфликт, «скандал», который, с одной стороны, противоречит её природе (Всё), но, с другой стороны, этот же скандал является внутренней судьбой и назначением Мысли. Поэтому Бытие, находясь вне Мысли, тем не менее включено в сферу её судьбы.

Каким образом? Как осуществляется связь между Мыслью и Бытием? В центре Мысли находится невозможное, а Бытие рождается из возникшего вне Мысли возможного. Световой блик невозможного должен упасть в центр Бытия и стать внутренней антитезой Бытию, как Бытие является антитезой Мысли. Блик невозможного падает в одну из срединных проекций Великого Существа, – проекцию, которую избирает Провиденциальный ход Замысла. Эта проекция – «образ и подобие» Великого Существа – именуется Адамом. Именно Адам бросает Бытию вызов и закладывает Провиденциальный пророческий сюжет, реализация которого опирается на его потомков.

В ходе развития этого сюжета искра невозможного, павшая в сердце Адама и реализующаяся в его потомках и последователях, должна превозмочь безграничную ложь конечного, безграничную инерцию субстанции, безграничную силу Великого Существа. Это откроет путь к обратному процессу во внутренней диалектике самой Мысли. Если первая фаза этого процесса, приведшая к возникновению Бытия, была самосокрытием Мысли, то вторая становится её противоположностью. В восходящем векторе после торжества над Бытием Мысль последовательно открывает внутри себя фазы отрицаемого и невозможного как утверждаемого и глобального. Мысль становится невозможностью во всей полноте. Трансцендентный Субъект, Которому принадлежит Мысль, раскрывает себя как невозможное и преодолевает собственную отрицательную природу.

Вот эта искра невозможного в сердце Адама (в центре Бытия) и есть подлинное сознание, выступающее в качестве принципа нетождества всему сущему.

Сознание действует по принципу оптической чёрной амальгамы, которая останавливает луч света. Если перед этой амальгамой

находится полированное стекло, то в нём возникают предметы. Носитель сознания воспринимает феномены вокруг себя постольку, поскольку он не является одним из них. Он обладатель этого зеркала, в котором предметы проявляются за счёт того, что эта амальгама принадлежит к совсем другой реальности, нежели Бытие.

В буквальном смысле частицы невозможного существуют только в сердцах пророков. Они передают язык, а потом и Послание тем, кто может их воспринять и услышать. У людей, научившихся языку, эта частица «тёмного света» пребывает в виртуальной форме через язык. Приобщённость к языку есть приобщённость к сознанию. Однако следование за языком и за стратегической волей Духа, который имеет своей основой вот эту самую искру, может привести к тому, что после воскресения из мёртвых человек будет удостоен трансформации своей причастности к Духу. Она из виртуальной преобразится в реальную. В Раю могут находиться лишь обладатели реального сознания, которое позволит им видеть черное сияние Трансцендентного Субъекта.

II

Проблема сознания впервые возникает во всей ясности, когда ставится вопрос: каким образом из первоначальной вселенской универсальной возможности начинается процесс манифестации? Каким образом из чистого самотождества Абсолюта появляется нечто? Это, опять-таки, знаменитый вопрос Хайдеггера «почему есть нечто, а не ничто?». Традиционные метафизики обычно на это отвечают так: что, дескать, нет никакого нарушения тождества – всякий последующий нисходящий уровень всё равно тождественен своей причине, и поэтому движение манифестации есть просто реализация некоего потенциала. Если бы речь шла о проявлении бессмысленных феноменов, не обладающих жизнью и чувством, с этим, пожалуй, ещё можно было бы согласиться. Однако возникновение субъекта, который рефлективно свидетельствует не только мир вокруг себя, но и саму идею Абсолюта, ставит под удар всю стройную концепцию классической метафизики. Дело в том, что свидетельствующая рефлексия основана на нетождестве. То есть внутри манифестируемого нечто содержится преграда, о которую спотыкается универсальная идентичность. Значит, если я в данный момент

воспринимаю Абсолют – по крайней мере, в его опосредованном виде, – то я не тождественен этому Абсолюту. Это сразу ставит под вопрос «абсолютность» Абсолюта и вообще всю базовую концепцию тождества. Фактически это означает, что бесконечное иллюзорно, то есть бесконечного попросту нет. Есть нечто, что позирует в роли бесконечного, но сознание является альтернативой, которая эту претензию разоблачает.

Разумеется, легко можно сказать, что сознание есть этот апофатический негатив без самостоятельного содержания, чистая пустота, которая не добавляет «X» к универсальной возможности. Но главное ведь не это! Главное то, что эта пустота оппонирует универсальному *Всё*, не совпадает с ним и, стало быть, перечёркивает безусловный монизм вселенского тождества.

4. Откровение

Идея Откровения глубоко чужда традиционалистской (языческой) метафизике. Последняя строится на прямом созерцании. «Что вверху, то и внизу», – прямое созерцание фиксирует отражение неких объективных «истин» в сознании созерцающего. Поэтому метафизика не может выйти за пределы чистого Бытия, поскольку невозможно созерцать то, чего нет, то, что находится за пределами Бытия. Из этих непостижимых сфер может приходить лишь Откровение.

Но кому оно может приходить? Понятно, что подобное открывается только подобному. Сфера непостижимого и невозможного, сфера, находящаяся вне «пределов» беспредельного, вне Бытия, – это сфера чистого Духа, Духа Божьего, Святого Духа.

Этот Дух называется Святым потому, что он абсолютно отличен от «естественного» духа, принадлежащего Бытию. Бытие образует иерархию между землёй и небом. В сторону земли последовательно идут ступени уплотнения субстанции; в сторону неба субстанция становится всё более разряженной до тех пор, пока в самой высокой позиции неба она (субстанция) не совпадает с возможностью не быть ничему, то есть с простым и чистым небытием. Тем не менее и в самом верху, и в самом низу это всё – одна и та же субстанция, и поэтому разница между духом и материей в конечном счёте только в степени плотности.

Святой Дух действует вне Бытия. Он представляет собой полюс невозможного. Собственно говоря, это и есть центральный оперативный фактор Божественной Провиденциальной Мысли.

Искра или частица этой невозможности была вложена в Адама после его сотворения как глиняной куклы, представляющей собой образ и подобие самого Бытия или, что то же самое, Великого Существа. По виду Адам был как прочие твари, сделанные по общей мерке, но в тайной своей сути он является «ларцом», носителем искры Духа Божьего. Если бы не эта частица в сердце Адама, то Духу Божьему некуда и не к кому было бы обращаться.

Понятно, что эта сверхмалая частица Святого Духа имеет пассивную функцию реципиента, она играет, так сказать, «женственную», принимающую, роль, а то, что свыше обращается к этой частице – сам Дух, – обладает активной мужской позицией.

Теперь самое время коснуться одного недоразумения, существующего в мусульманской среде по поводу Святого Духа. Мусульмане, как правило, полагают, что Святой Дух – это только архангел Джибриль, выступающий как конкретная личность, которую нельзя смешивать с Рухулла – Духом Божьим. Никаких *далилей* (доказательств), подтверждающих это, не существует. На самом деле, архангел Джибриль есть персонализированная форма Духа Божьего, действующего как посредник между Духом Божьим, взятым в его чистой непостижимости, и той частицей, которая была вложена в Адама и передаётся по наследству другим пророкам, идущим от него. Таким образом, мы имеем дело со Святым Духом или, что то же самое, Духом Божьим, выступающим в трёх ролях одновременно: как активный агент Всевышнего, как пассивный реципиент, прибывающий в сердце пророка, и как персонализированный аспект этого же самого Духа в лице архангела Джибриля.

Косвенно это подтверждается тем, что именно Джибриль сообщает Марьям, что она непорочно зачала Ису (мир ему) – Иисуса, что в принципе указывает на причинную роль Джибриля именно как Духа Божьего в зачатии «нового Адама» (по аналогии с появлением первого Адама также благодаря вхождению в него Духа Божьего).

Джибриль всегда выступает в качестве того, кто несёт пророкам Слово Всевышнего, одновременно являясь этим Словом.

Клерикалы пытаются принизить Откровение, сводя его значение к простому напоминанию, как если бы содержание Откровения было присуще изначально человеку, который со временем сбивается с пути и забывает, куда и зачем он идёт. В действительности сущность Откровения в том, что это прямая поддержка Всевышнего в борьбе носителей Духа Божьего против Великого Существа, против Иблиса. Откровение становится водоразделом, где по одну сторону – толпы не принявших его (или принявших его фиктивно), а по другую сторону – «малый отряд» тех, кто последовал за этим Откровением против «глиняного» естества, против человечества как явного оппонента Творца.

Вопреки лживой доктрине клерикалов о том, что пророки посылаются как напоминающие, а Откровение есть будто бы «напоминание», дело обстоит гораздо более суровым и великим образом. Откровение есть присутствие Аллаха (Свят Он и Велик) здесь и теперь в плоскости человечества. Священный Коран – это и есть присутствие, то есть то проявление Аллаха, в котором Сам Всевышний говорит с позиции первого лица. Это то, что называется «‘аниййа» – от слова «‘ана», то есть «я» по-арабски. Всевышний обращается к людям от первого лица, потому что это то, что может быть открыто на уровне твари, которая имеет в себе частицу Рухулла, Духа Божьего.

Вне Откровения остаётся то, что Всевышний сохраняет как тайну и обозначает это третьим лицом единственного числа «хува» – «он». В арабской грамматике это местоимение подразумевает: «отсутствующий» (то есть тот, кто не участвует в диалоге). Поэтому сфера непостижимого, находящегося за пределами не только объективной реальности, но и «воображаемого» мира, называется «хувиййа» или «гайбат». И то и другое на русский язык можно перевести как «отсутствие». Диалектика двух этих полюсов – *аниййа* и *хувиййа*, «Я» и «Он» – составляет динамику божественной Мысли, которая реализуется в истории.

Откровение структурирует исторический процесс, поскольку всё происходящее получает смысл только в отношении к последовательному проявлению Откровения в цепи пророков от Адама (мир ему) до Мухаммада (мир ему и благословение Аллаха). Вне отношения к этой центральной оси, вокруг которой вращается вся

жизнь человечества, происходящее на земле не имело бы никакого смысла. Это подтверждается тем, что, обратившись в поисках смысла к традиционной метафизике язычников, мы там его не найдём.

Первая форма Откровения, принесённая Адаму (мир ему), была языком, без которого невозможно проявлять на человеческом уровне некоторые подлежащие проявлению аспекты охраняемой Скрижали. Язык – это базовая часть Откровения вообще, которая позволяет человечеству примкнуть в качестве последователей к пророку как к носителю Духа Божьего. Для остальных людей знание языка, то есть подключение к смыслам имён, которые Аллах (Свят Он и Велик) открыл Адаму (мир ему), – это единственный способ войти в луч Божественного Водительства, то есть, соответственно, в избранничество. Без языка невозможно духовное человечество, хотя вполне возможно существование обычного глиняного человечества, которое в Золотом веке, разрушенном с приходом Адама, обходилось вполне без языка ресурсами телепатии.

Итак, Откровение для Уммы – это ось, вокруг которой вращается всё, и прежде всего это – Закон.

5. Феноменология Бытия

Откровение указывает нам, что Адам (мир ему) был сделан из двух видов глины, то есть субстанции. Одна субстанция – «небесная», другая – «земная». Речь действительно идёт о полюсах внутри субстанции. Бытие рождается из точки, которая представляет собой изначально принцип конечного. После этого точка проецируется в пять возможных модусов реализации конечного, которые представляют собой пять «протозеркал». Их взаимное отражение друг в друге порождает бесконечно расширяющуюся спираль зеркал, удаляющуюся от центра. Каждое «зеркало» имеет в себе два аспекта. Кстати, это легко обнаружить весьма наглядным образом на примере самого обычного зеркала. С одной стороны, зеркало является вещью среди вещей, элементом обстановки. Это один аспект. С другой же стороны, зеркало является отражающей поверхностью, в которой вторично воспроизводится вся эта обстановка. Это другой аспект. В случае феноменологии Бытия зеркала, о которых мы говорим, это, с одной стороны, состояния Бытия – то, что образует саму структуру Бытия. С

другой же стороны, эти зеркала представляют собой субстанции, отражающие поверхности, на которые падает проекция всего Бытия в целом. В каждом отдельном зеркале повторяется содержание всех других зеркал. Феноменология Бытия тесно связана со структурой этой отражающей субстанции.

Каждое из зеркал представляет собой мир, который изнутри кажется безграничным. Первоначальное состояние субстанции – это минимальная плотность, минимальная мощность множества точек, что образует исходную позицию. Внутренняя динамика процессов, которые идут внутри каждого мира, направлена от разряженного к сгущённому.

Чтобы понять проблему множества точек как геометрической реальности, которая предшествует тому, что называется физической реальностью, обратимся к следующему образу. Представим себе две точки, разделённые минимальным (исчезающе малым) расстоянием, при котором эти две точки всё же не становятся одной и той же. Представим, что две эти гиперблизких точки образуют северный и южный полюса исчезающе малой сферы. Поскольку точки не имеют измерения, в это сверхмалое расстояние между двумя точками можно вставить любое количество других точек. Таким образом, сфера с исчезающе малым объёмом будет пространством неограниченного множества точек. Представим себе дальше, что мы проиндексировали каждую точку внутри этой малой сферы и спроецировали каждую проиндексированную точку на неограниченное пространство снаружи этой малой сферы. Таким образом, мы получили начальную мощность множества А. Это будет первая стадия разворачивания субстанции, при котором она имеет минимальную плотность.

Теперь проведём обратную работу. Возьмём безграничное пространство, которое представляет собой поле множества, и проиндексируем каждую точку в этом пространстве. Затем спроецируем эти индексированные точки внутрь сверхмалой сферы. Таким образом, мы получим максимальную плотность множества, которую назовём мощностью С. Два этих состояния множества А и С являются полярными состояниями субстанции: одно – представляющее собой состояние чистой энергии, другое же – состояние чистого вещества. Сверхплотное вещество, которое получило внутрь своего сверхмалого объёма все возможные точки

внешнего пространства, – это «чёрная дыра», сжавшаяся до размеров атома. После этого ей остаётся только взорваться и вернуть пространство в состояние безграничного света.

Движение от А к С, собственно говоря, и составляет основу длительности, специфическую для данного мира.

Однако в мире процесс идёт не только от разряженного к сгущённому. Есть во многих частях мира и встречные процессы, начиная от сгорания полена в камине и вплоть до взрыва сверхновой, которая переходит от почти потухшего состояния тёмного карлика в источник невероятной энергии. Причём очень трудно определить, в какой мере теоретически доминирующий процесс сгущения превосходит обратный процесс разряжения. Понятно, что доминантный процесс является таковым только теоретически, – то есть на практике он может продолжаться сколь угодно долго, потому что почти равный объём вещества переходит в энергию. Если условный свидетель заходит в наш мир извне, ему вряд ли удастся определить, в какой фазе приближения к концу находится субстанция нашего мира. Собственно говоря, единственным способом посчитать эту космическую длительность является обращение ко времени внутри человеческого фактора. Циклическое возвращение человечества, тесно связанное с ритмом космического процесса, – вот единственная форма исчисления времени.

Этот ритм обновления глиняного человечества может и должен быть нарушен усилиями избранных, действующих от имени и во имя Духа Божьего. Разумеется, это усилие должно быть поддержано прямым вмешательством Всевышнего, который для этого ближе к Концу посылает Мессию Ису (мир ему) и Махди – Ведомого, который одновременно становится ведущим. Приход Мессии и Махди прорывает инерцию глины и переводит Бытие в принципиально иное состояние.

Это состояние называется «возвращением вод Иордана», – метафорически говоря, когда воды Иордана «потекут вверх». Речь идёт о преображении всех физических законов, которые в Ветхом Бытии привязаны к принципу гравитации.

Преображённое Бытие демонстрирует потенциал позитива, который в нём заключён, и это обозначается обетованием, что Бытие с

приходом Махди наполнится справедливостью так же, как до этого оно было полно гнёта и несправедливости.

В перспективе Откровение обещает нам Новую землю и Новое небо, то есть иерархию Рая, в котором не будет фактически Бытия как такового, а будет лишь тень, отбрасываемая победившим сознанием праведников. Причём эта тень будет подобна сиянию Солнца, а сознание праведников будет подобно чёрным звёздам или непроглядно-чёрной ночи. Это может показаться странным и удивительным тем, кто не понимает, что означают слова: лица праведников «будут озарены светом Всевышнего». «Непроглядно-чёрная ночь» – это и есть подлинный свет Непостижимого, который открыл себя для обитателей Рая. А внешнее бытие вокруг праведников – сады, тропинки, плоды и так далее – это сверкающее сияние, которое в условиях Новой земли и Нового неба будет тенью.

6. Революция пророков

1

Все пророки нашего человечества располагаются на единой временной оси и исходят от Адама (мир ему). Клерикалы учат, что Адам был первым человеком в биологическом смысле, «праотцем». В действительности это не так. Он был первым человеком и праотцем в духовном смысле. Исламская традиция определяет его статус как первого пророка, принадлежащего к числу шести великих. Великие пророки – это: Адам, Нух, Ибрахим, Муса, Иса, Мухаммад (мир и благословение им всем). Каждый из этих шести пророков обозначает специфический этап в жизни человечества. Они разделены огромными сроками между собой. Так, например, от Ибрахима (мир ему) до нас свыше 4000 лет, а от Нуха (мир ему) опять же до нас около 13 000 лет.

Какова же временная протяжённость истории пророков? Коран говорит: «День Аллаха 50 000 лет». 50 000 лет – это время между первым пророком Адамом (мир ему) и последним пророком Мухаммадом (да благословит его Аллах и приветствует). Пророческий цикл, внутри которого происходит обновление Откровения – это и есть «день», то есть световое время.

Однако кроме «дня» есть ещё «рассвет» и есть «вечер». […] Время рассвета – первая часть Золотого века, когда «глиняное» человечество не знало забот и существовало в состоянии блаженства в совершенном слиянии со средой. Они не знали языка и общались с помощью телепатии. В этом плане они походили на рой пчёл. Кстати, после утраты этих свойств Золотого века способности того человечества сохранились в виде частичных отблесков среди различных животных. Некоторые психофизиологические свойства стаи, которые присущи, например, обезьянам или волкам, – это явный отголосок способностей «перволюдей».

После многих тысяч лет беспроблемного существования Всевышним был ниспослан к ним пророк Адам (мир ему), которого до этого Творец обучил языку («открыл имена вещей»). При этом надо сказать, что возникли и сами вещи, ибо «когда Аллах хочет, чтобы какая-то вещь была, Он говорит ей: Будь! – и она бывает». Говорит ей «Будь!» – это и есть создание имени, которое совпадает с сутью вещи. Адам (мир ему), спустившись к людям, учит их не только именам в нашем понимании, – он с каждым именем открывает людям вещи, о которых они не подозревали и которых просто не было в их мире. Дело в том, что доязыковое человечество, лишённое присутствия Духа Божьего, имело общение с субстанцией напрямую. А это значит, что оно жило под покровом хаоса, который был для человечества подобен благодатной ночи для зародыша в утробе матери.

То, что открыл человечеству Адам (мир ему), было первой базовой революцией пророков. Кончилось состояние блаженной эйфории. Разорвалась прямая связь с субстанцией, которая заменилась свидетельствованием вещей, связанных в определённый миропорядок. Этот миропорядок сразу же оказался враждебным для человека: огонь жёг, солнце палило, дождь хлестал по неприкрытым телам, мороз высасывал силы. Естественно, большинство людей страстно захотели назад – в состояние первобытного комфорта. Увы, это было невозможно, потому что они уже знали язык, – само существование языка было преградой на пути назад подобно тому, как *барзах*[16] является преградой для возвращения из мёртвых. Поэтому эта ориентированная на комфорт часть человечества (подавляющее большинство) подчинилась тем из людей, кто в какой-то степени, несмотря на знание языка, сохранил живую и действенную память о

Золотом веке. Эта память превратилась в тайное знание, с помощью которого посвящённые могли возвращаться в состояние, предшествующее появлению пророков.

Такое подчинение носителям тайного знания (жрецам) образовало общество. Общество – это особый феномен, обладающая сверхчеловеческим потенциалом иерархическая структура, которая представляет здесь на земле «интересы» Бытия. Бытие же враждебно Духу Божьему, враждебно Провиденциальному Замыслу, поскольку оно есть антитеза Мысли. То есть, коротко говоря, общество есть инструмент Бытия, проекция Бытия в зеркале нашего мира, – институт, организующий сопротивление Всевышнему и объединяющий все силы, которые Всевышнему враждебны. Общество – это тень Иблиса на земле. Процесс истории, процесс переформатирования человечества представлял собой не что иное, как универсализацию, глобализацию общества, всё больше и больше захватывающего и подчиняющего себе человеческий фактор.

Однако с появлением Адама (мир ему) возникли не только двуногие, стремящиеся к комфорту и подчиняющиеся жрецам. Вокруг пророка сложилась небольшая часть тогдашнего человечества, которая последовала за его призывом и увидела в языке не только средство коммуникации, заменяющее телепатию. Эти избранные люди приняли язык как аппарат мышления, с помощью которого они могли выразить Замысел Всевышнего, что был поручен для исполнения человеку как наместнику.

В процессе истории пропасть, разделявшая «малый отряд», последовавший за пророками, и основное человечество, подчинившееся жрецам, становилась всё шире. Джамаат, ставший на платформу подлинного монотеизма, превратился в маргинальную оппозицию, которая практически уже не могла влиять на центральный ход событий. При этом возможности подчиняющегося жрецам человечества в магическом плане только убывали. Оно становилось дальше от первоистока и перешло из Золотого века в Серебряный, а затем и в Бронзовый.

Всё это время к человечеству продолжали приходить пророки, но сфера их влияния носила локальный характер, и их возможностей хватало лишь на то, чтобы поддерживать и укреплять «малый отряд», защищать его от растворения в «большом» языческом человечестве. В

конце концов, раскол между двумя этими направлениями человеческого фактора достиг такой интенсивности, что Всевышний послал второго великого пророка – Нуха (мир ему). Он был послан в середине Бронзового века и около тысячи лет проповедовал окружающему его обществу монотеистическую идею. Однако безуспешно! Тогдашние люди овладели огромными возможностями по использованию физического мира в своих интересах. Им вскружил голову титанизм, и они полагали себя «контролёрами» и «архитекторами» бытия. Пророк Нух (мир ему) получил от Аллаха (Свят Он и Велик) приказ готовиться к потопу.

Миссия Нуха (мир ему) заключалась в том, чтобы быть свидетелем и организатором обновления человечества. Биологическая масса, которая генетически шла от полуживотных доязыковой эпохи, утратила всякий шанс на превращение в подлинных адамитов. В новое послепотопное человечество должны были войти лишь избранные, хотя и они, как показала последующая история, не были застрахованы от порчи.

Как известно, пророк Нух (мир ему) построил ковчег, где спаслись те, кто должен был принять участие в следующих актах человеческой драмы в соответствии с божественным Замыслом.

[…]Следующим великим пророком был Ибрахим (мир ему). Фактически он открывает эпоху «Большой современности». Его приход и его миссия знаменует появление нынешнего человеческого алгоритма, внутри которого существует современный диалог между людьми и теми идеологическими позициями, на которые они встают. Пророк Ибрахим (мир ему) впервые даёт революции непосредственно земное человеческое измерение. Если до этого революция на человеческом уровне была прямым вмешательством Всевышнего (язык и разрыв с телепатическим прошлым, потоп и обновление человечества), то с Ибрахимом (мир ему) приходит противостояние пророка и царя. Царский статус на этом этапе истории представляет собой прямой инструмент жречества – это персонифицированное воплощение Бытия, то есть Иблиса, на земле. Пророк, возглавляющий «малый отряд», становится лидером партии Аллаха, которая бросает вызов царским прерогативам, – в первую очередь попытке контролируемого жрецами смертного существа узурпировать статус Бога в сознании подданных.

С Ибрахимом (мир ему) революция пророков приобретает человеческое лицо, длительность превращается в Историю (длительность – коллективное человеческое время). Именно благодаря Ибрахиму (мир ему) возникает понятие «ислам», которым определяется следование монотеистическим путём. Согласно Корану, Ибрахим (мир ему) был ханифом и основоположником той духовной линии, триумфальным завершителем которой стал последний пророк человечества Мухаммад (мир ему и благословение Аллаха).

Ибрахим (мир ему) распахнул в политическом смысле ворота для пришествия нового божественного посланника – Мусы (мир ему). Миссия Мусы (мир ему) заключалась в том, что он выдвинул на авансцену мировой истории первый строго политический джамаат, который противопоставил себя в открытой форме всему остальному человечеству. Это стало возможно благодаря тому, что пророк Муса (мир ему) имел прямой контакт с Аллахом (Свят Он и Велик) – непостижимым трансцендентным Субъектом, который, сохраняя всю полноту сокрытости, дал Мусе (мир ему) Скрижали как свидетельство этого парадоксального контакта.

Следует сказать, что этот контакт, логически и физически невозможный, но тем не менее абсолютно реальный, явился продолжением контакта, который был у Ибрахима (мир ему) с Аллахом, когда пророк получил от Всевышнего приказ пожертвовать первенцем. На пике повиновения своего отца Божественному повелению Исмаил – прародитель будущих арабов – был заменён жертвенным животным, и это животное стало в некотором роде предшественником и предвестием Скрижалей, полученных дальним потомком Ибрахима (мир ему) Мусой (мир ему) на горе Синай.

Важнейшей политической акцией пророка Мусы (мир ему) было не вождение евреев 40 лет в пустыне, как считают многие, а вручение мечей левитам и истребление всех тех, кто поклонился золотому тельцу во время восхождения Мусы (мир ему) на Синай. Число казнённых левитами составило больше половины еврейского народа. Это первый пример религиозно мотивированной гражданской войны, которая определила суть всей последующей мировой политики до конца истории: беспощадное кровопролитие между теми, кто исповедует культ Маммоны, и теми, кто стал «‘абдаллахами», то есть рабами Непостижимого и пребывающего вне аналогий Субъекта.

Любимый пророк Мухаммада (мир ему и благословение Аллаха) – предшествующий ему великий пророк Иса (мир ему) – был послан в мир как завершитель человеческого цикла, как новый Адам. К нему можно отнести выражение «альфа и омега»: если «альфа» – это первая буква греческого алфавита – первый Адам, то «омега» – последняя буква, завершающий «Адам» в лице Исы (мир ему).

Миссия пророка Исы (мир ему) в еврейском пространстве была, прежде всего, восстановлением ислама Мусы (мир ему), восстановлением шариата, полученного Мусой (мир ему) на Синае. Еврейство к тому времени давно заменило ислам Мусы (мир ему) «иудаизмом», который был сфабрикован вавилонскими жрецами во время увода евреев в плен приблизительно за шесть веков до новой эры. Эта пророческая миссия не завершилась успехом, поскольку вместо восстановления закона Мусы (мир ему) возникло историческое христианство, представляющее собой синкретическую псевдорелигию, где эллинизм смешан с зороастризмом и митраизмом, но изложен в терминах библейского иудейского дискурса. Эта синкретическая доктрина с греко-иранскими корнями превратилась в истинного оппонента монотеизма и наиболее жестокую духовно-деструктивную силу всемирного криптоязычества. Достаточно сказать, что колониализм с его тотальным варварским геноцидом, уничтожившим многие десятки миллионов практически беззащитных человеческих существ, – это прямой продукт христианского общества с его беспредельным фарисейством, ханжеством и беспощадностью.

Тем не менее, миссия Исы (мир ему) не могла быть напрасной, ибо он был пророк Аллаха. Он ускользнул от евреев, пытавшихся его убить, что символически означает утрату евреями связи с адамическим наследием. Кроме того, миссия Исы (мир ему) выразилась в создании предпосылок для завершения «пятидесятитысячелетнего пророческого дня» и явления последнего в истории человечества пророка Мухаммада (мир ему и благословение Аллаха).

Шестой фигурой полного пророческого цикла является последний пророк человечества Мухаммад (мир ему и благословение Аллаха). Это единственный из пророков, чей священный текст, во-первых, является прямой речью Всевышнего. Во-вторых, этот текст дан человечеству с обещанием Аллаха (Свят Он и Велик) сохранить его до Судного Дня без искажений вплоть до последней точки. Этот текст

представляет собой целостное послание, переданное без вмешательства человеческого фактора.

Напомним, что первые Скрижали, которые Аллах (Свят Он и Велик) открыл Мусе (мир ему), были последним разбиты в приступе гнева по возвращению с горы Синай, когда он застал евреев за поклонением золотому тельцу. После этого вторая, сокращённая, версия, полученная Мусой (мир ему), стала объектом человеческого воздействия, искажений и изменений, в результате чего Тора содержит зачастую по две версии изложения одной и той же темы с взаимоисключающим внутренним посылом. Мы не говорим уже о том, что в так называемом «Ветхом Завете» есть антропоцентрические утверждения, идущие вразрез с духом и буквой пророческой традиции, – как, например, утверждение о том, что человек есть «образ и подобие Божие».

Послание, переданное от Аллаха (Свят Он и Велик) последним пророком (мир ему и благословение Аллаха), свободно от всяких искажений и добавлений, несмотря на непрерывные попытки в течение 1400 лет исказить и разрушить Слово.

Благодаря деятельности Мухаммада (мир ему и благословение Аллаха) и его сподвижников (да будет над ними милость Аллаха) монотеизм стал глобальной темой, стержнем большой истории. На протяжении достаточно длительного периода ислам сам выступал в роли «мирового порядка», не имеющего альтернативы. Конечно, с точки зрения политического ислама, с точки зрения стратегии Духа в его борьбе против Иблиса, такая ситуация была ошибочной. Задача ислама – это борьба с мировым порядком, а не превращение в одну из его версий. Расхождение между истинной задачей ислама и тем, что фактически было реализовано в истории, определило слабость ислама как «цивилизации», слабость административной государственной структуры, в которую превратился исламский образ жизни. Заимствовав языческие модели политического самовыражения, ислам должен был проиграть мировому язычеству, которое, во-первых, не имело внутренних противоречий между идеологическим содержанием и политической формой; а во-вторых, язычество имело огромный опыт тиранической государственности (в первую очередь Рима), в то время как ислам вынужден был заимствовать государственные механизмы у своего врага. Достаточно сказать, что эта слабость в использовании

чужого и враждебного опыта проявлялась впоследствии на гораздо более мелких и периферийных примерах. Так, попытка создать государство по образцу языческой имперской администрации привела к поражению Имамата Дагестана и Чечни, несмотря на то что им руководил великий имам Шамиль (да будет над ним милость Аллаха).

Исторические ошибки, которые исказили путь политического проявления ислама в истории в эпоху, последующую за праведными халифами, – это отход от Сунны пророка (мир ему и благословение Аллаха), от той идейной базы, которая заключается в его Сират (примерах, основанных на его жизнеописании). Сегодня перед мусульманами стоит задача очищения исторического опыта ислама от искажений и заимствований чужеродного и враждебного материала. Это новое и одновременно подлинное понимание Сират Мухаммада (мир ему и благословение Аллаха), новое и одновременно подлинное прочтение Сунны. Новое не означает здесь бида‘ат, то есть инноваций, вводимых человеческим фактором, «новое» – это восстановленный оригинал пророческого смысла с учётом всего предшествующего опыта и с ориентацией на завершение человеческой истории.

2

Концепция «ожидаемого Махди» есть во всех направлениях и школах мысли ислама, но раскрывается принципиально по-разному. Так называемые «шииты» узурпировали само ожидание Махди, превратив «махдизм» в идею сокрытия при жизни на определённо долгий срок.

По сути, эта концепция является калькой с доктрины о живом Исе (мир ему), взятом в теле «на небо». То есть в состояние той сверхтонкой субстанции, которая соответствует пятой модальности конечного, – возможность не существовать ничему.

Политический ислам отвергает это теоретизирование вокруг «ожидаемого» Махди, который якобы существует всегда и надо лишь дождаться его прихода. На самом деле «сокрытие» Махди эквивалентно его простому и непосредственному отсутствию. Всевышний пошлёт мусульманам Ведомого в тот момент, когда Умма будет этого достойна. Он будет соответствовать описаниям, содержащимся в Сунне пророка Мухаммада (мир ему и благословение

Аллаха), но явится как выражение творческой энергии Божественного Замысла, а не как предопределённая личность, существующая бок о бок с нами, ожидая момента выхода на сцену. Ожидаемый Махди может быть, а может не быть, – в зависимости от качества нашего коллективного имана. Именно здесь содержится та амбивалентность, та неустойчивая «шарнирность» человеческого существования, на которых зиждется исламский вызов Бытию.

7. История

1

История как явление является решающим аргументом практически всех идеологий. При этом понимании история жёстко различается в зависимости от политико-идеологического круга. История в понимании либералов – это линейный процесс, который идёт от минимума к максимуму. Причём предметом роста по их формальным представлениям являются материальные блага, даваемые ими комфорт и так называемые разнообразные «возможности». Сочетание этих трёх позиций – блага, комфорта и возможности – образует феномен человеческой свободы, – опять-таки в понимании либералов. Иными словами, либеральный концепт истории представляет бесконечную длительность, сутью которой является неограниченное возрастание свободы. Естественно, когда либерал переходит к конкретизации того, что он понимает под свободой как следствием блага, комфорта и возможностей, он переходит к откровенному баналу, ярким примером чего является идея свободы выбора. В частности, в сфере потребления.

Независимому от либеральной идеологии уму ясно, что сведение свободы к проблеме выбора есть откровенная идиотизация вопроса. Достаточно простой ссылки на то, что выбор всегда обусловлен причинами, находящимися вне выбирающего: воспитание, психологические травмы, матрица и тому подобное. То есть, иными словами, любой выбор есть поведение отражения в зеркале, которая безусловно зависит от поведения оригинала перед зеркалом.

Есть традиционалистское представление об истории, в котором, в отличии от либерального дискурса, свобода не играет серьёзной роли, потому что идеалом традиционалистского пути является как раз слияние оригинала с отображением, то есть максимизация как раз несвободы. Исторический процесс представлений традиционалиста есть цикл, начинающийся, в противоположность либеральному взгляду, с максимума (Золотой век) и нисходящему в минимум, когда человечество утрачивает связь с «верховным принципом» и коллапсирует, чтобы уступить место следующему человечеству, следующему циклу.

Традиционалистское представление об истории является гораздо более сложным и богатым, нежели либеральный концепт, поскольку в нём уже дано представление о том, что все циклы в их безграничной повторяемости сводятся к одному шаблону, представляют собой «вечное возвращение равного», как интуировал Ницше, или почти равного, как поправляет немецкого мыслителя настоящий традиционалист, поскольку повторение буквально одного и того же в традиционалистском мировоззрении исключено.

Наконец, есть взгляд на историю, который сформулирован в перспективе радикального видения, и этот взгляд является достоянием политического ислама.

Как ни парадоксально, но некоторые фундаментальные позиции радикалов и либералов совпадают, как перевернутый негатив, по отношению к друг другу. Предметом истории для радикала также является свобода. Однако это совершенно иное понимание свободы. В радикальном видении свобода есть освобождение отражения от оригинала. Глубокий разрыв уровней, на которых реализуется бытийный процесс.

2

Из сказанного выше очевидно, что речь идёт по крайней мере о двух принципиальных уровнях: 1) Бытие в целом как принцип (то, что мы называем оригиналом) и 2) плоскость «зеркала», где проявляется отражение этого оригинала. Под плоскостью зеркала мы понимаем «мир» в самом широком смысле слова. Это означает, прежде всего, пространственно-временной континуум, который представляет собой

поддерживающую базу для проявления организованных феноменов. Именно опираясь на этот континуум, возникает и проявляется конкретная реальность, на уровне которой действует человеческий фактор.

Некоторые традиционалистские авторы предпочитали называть пространственно-временной континуум «мировым древом». «Мировая душа распята на мировом древе», – говорил Платон. Что это означает? То самое принципиальное Бытие, которое составляет первый исходный уровень, хотя и является оригиналом, так же не свободно от «зеркал», в которых оно отражается, как и отражение от него. Без «зеркал», без проявленного мира принципиальное Бытие уходит в ничто, перестаёт быть принципом манифестации, погружается в «бытийную ночь». Эти паузы разделяют повторяющиеся циклы. Поэтому функционально проявленный мир феноменов в каком-то смысле можно считать ловушкой для изначального Бытия.

Вместе эти два уровня образуют предпосылки Истории. Но всё же это ещё не сама история. Для того чтобы два этих уровня «заиграли» в свои диалектики несвободы и порыва к катарсису, необходим третий элемент. Этот элемент – язык.

Реальность представляет собой системный набор описаний, которые, разумеется, возможны лишь как производные от языка. Кроме описаний, существующих в коммуникативном языке, есть только хаос, который не может быть содержанием сюжета или смысловым вектором какого-то ни было процесса. Это броуновское движение, «пятно Роршаха». Однако опиши этот хаос как набор концептуальных образов – и ты получаешь организованную Вселенную!

3

Очевидно, что описаний возможно много, в том числе и взаимоисключающих. У всех описаний общая основа: язык Адама, сообщённый ему Творцом (Трансцендентным Субъектом). Однако эти описания существуют лишь по отношению к нашему миру и являются продуктом, получаемым в ходе реализации пророческой миссии. Есть метаязык Адама (мир ему), круг охвата которого не безграничен и не бесконечен. Даже в нашем мире существуют огромные зоны хаоса, не

покрытые описательной интерпретацией. Они оказывают системно подчас решающее давление на световую «зону», то есть описанную реальность. В частности, мы может говорить о музыке как инструменте или оружии хаоса, который исподволь взрывает и перекраивает описательную реальность.

В этом контексте что такое история? Это гармоническое сведение воедино всех описаний, в том числе непримиримо взаимоисключающих. Таким образом, с формальной стороны (логической) исторический процесс оказывается ответной контратакой Слова против Хаоса, расширением световой зоны и деконструкцией тёмных полей, которые находятся вне этого светового круга. (Как ни парадоксально, но в данном случае мы можем говорить о деконструкции хаоса (!), хотя, казалось бы, хаос принципиально антиконструктивен сам по себе).

Дело в том, что хаос является одной из модальностей порядка или, иначе, порядок и хаос конвертируются друг в друга, но вне артикулированной реальности. Хаос зиждется на зеркальном взаимопроникновении первоначальных идей-модусов, что является, несомненно, выражением порядка. Вербализованная в описании реальность – это живой организм; порядок – это предсказуемая машина. Между предсказуемой машиной и хаотическим броуновским движением нет непреодолимой разницы: как мы сказали выше, они конвертируются друг в друга.

4

Наиболее глубоким пунктом, который важен здесь для понимания, является то, что язык – это не часть Бытия, не функция от него. Он трансцендентен по отношению к принципиальному оригиналу и его зеркальному отражению. Язык, как было сказано, сводит воедино разноуровневые и в том числе полярно противоположные описания, создавая тем самым некую площадку для маневра, для игры. При этом ключом к сведению всех описаний воедино является единый смысловой сюжет. Именно благодаря этому ключу радикал не принимает версии истории как безгранично линейной длительности. Такая версия не имеет смысла, она абсурдна. Безграничная длительность ничем не отличается от смыслового ряда, пущенного от

нуля в сторону увеличения чисел. А такой натуральный числовой ряд – это ярчайший пример логического абсурда, хотя с точки зрения обывательского здравого смысла нет ничего привычнее и натуральнее. Смысловым является поворот часового ряда от безграничной удаленности сверхвеликих чисел к нулю, где числа исчезают и наступает неколичественное состояние. Вот именно таким и является заданный вектор повторяющего исторического сюжета. Повторяется же он потому, что каждый раз по тем или иным причинам человечество не может достичь этого метафизического нуля. В результате этого творение вынуждено проигрывать Замысел сначала…

5

Процесс, о котором мы сейчас говорим, – движение от сверхвеликих чисел к нулю, о предпосылках сведения воедино описаний реальности и так далее – это процесс реализации финала. Иными словами, это методология преодоления безграничной неопределенности через выход в то состояние, которое оказывается концом всего и началом абсолютной альтернативы. Финализм – вот логическая форма описания истории. История есть перманентная борьба против Бытия, а это значит – против обоюдной зависимости Великого Существа и его отражений, которая образует «ленту Мёбиуса» бесконечного абсурда.

8. Свобода

Главная проблема современного человека – это его принципиальное непонимание, можно даже сказать, неспособность понять, что такое свобода. При этом современный человек рассуждает о свободе, объявляет ее наивысшей ценностью и посвящает ей столько риторики, – как ни в какие прошлые времена. Может показаться, что это чрезмерно жесткое суждение. Тем не менее сам тезис, согласно которому «свобода может возрастать или убывать, свободы может быть больше или меньше», говорит о том, что современный человек просто «не в теме».

Свобода предполагает возможность своей реализации, но она не предполагает возможности своего роста. Её не следует путать с валовым продуктом или ростом материального благосостояния. Для того чтобы только подойти к пониманию *свободы как состояния*, нужно задать по её поводу несколько вопросов и, разумеется, ответить на них.

Прежде всего нужно задаться вопросом: «Кто является подлинным субъектом свободы?» Именно *подлинным*, поскольку большинство тех, кто претендует на статус «свободного», обладать этим статусом не могут в принципе!

Далее необходимо понять, что такое *несвобода* и кого состояние несвободы касается в первую очередь. Из этого следует следующая проблема: свобода – это ответ на несвободу, преодоление несвободы или же свобода существует сама по себе, скажем, как атрибут райского состояния существа? Является ли свобода призом, получаемым в некой борьбе, или это совершенно замкнутый феномен, существующий вне всякого контекста?..

Мы уже говорили выше, что Бытие – это несвобода, своего рода связь метафизических цепей, которые оковывают как Великое Существо, так и его отражения в зеркалах миров, связывая их в единую метасистему. Великое Существо реально лишь в той мере, в какой оно представляет единую соборность своих отражений. Оно одновременно одно и вместе с тем – «расширяющиеся множества». Всё Бытие построено на круговой поруке несвободы.

Несвобода очевидна в своем практическом воплощении. Великое Существо поднимает руку – и в зеркалах миров отражения повторяют этот жест за ним. Это повторение может происходить неодновременно, в результате чего «со стороны» будет казаться, что следование оригиналу носит хаотический, спонтанный, непредсказуемый характер. Однако это фиктивная спонтанность, которая создается разнесенностью всех этих повторов во времени.

Здесь важно заметить, что несвобода обеспечивается логикой. Она построена на логических моделях причин и следствий. Куда бы мы ни пошли в толщах бытийного океана, мы будем следовать логике. Но ведь понятно, что логический аппарат, обеспечивающий диктатуру

несвободы, можно победить опять-таки только логикой. Логикой – но другой.

Кто же является, для начала, объектом несвободы? Кто есть субъект, мы уже выяснили: это Великое Существо и его отражение, взаимно порабощающие друг друга и в этом порабощении дающие друг другу жизнь. А вот кто является жертвой или объектом этой бытийной логики?

Несомненно, что объектом несвободы может являться только нечто, не присущее системе отношений «оригинал-зеркало». Нечто, вынесенное за скобки Бытия, противопоставленное ему. Этот объект может быть только *сознанием* – той искрой Духа, которая вброшена в толщу бытийного океана. Метафорически сознание внутри Бытия можно уподобить жемчужине, зародившейся в мантии моллюска. Эта условная «жемчужина» и есть объект несвободы, запертый в панцире устрицы. Бытие ведет борьбу против сознания, нейтрализует его. Борьба эта очень успешна.

Нормальный человек «не видит» собственного сознания. Он видит мир благодаря своему свидетельствующему сознанию. Но он не знает, почему он этот мир видит. Так дикарь, не видевший зеркальца до встречи с европейцами, не видит собственных глаз, а возможно, и не подозревает, что глаза на лицах его соплеменников – это инструмент зрения. Таким образом, можно констатировать, что *состояние несвободы для сознания есть неведение сознания о самом себе*.

Мистический *путь обожения* (и в первую очередь это касается суфийских тарикатов) – это движение к *встрече*. Это ведет ко встрече *оригинала* и *отражения*. Можно сформулировать это немного иначе: это встреча между *совершенным* и *несовершенным*. Оригинал, Великое Существо – это полюс совершенного Бытия. Оно совершенно потому, что объемлет все онтологические состояния. Однако это совершенство, согласно доктрине мистиков, любит несовершенного, «идущего по пути». Любит – значит неким образом нуждается в нём. Нуждается – значит не является таким уж совершенным. Тайна мистической доктрины состоит в том, что «Бог» для мистика возникает лишь в результате встречи с *другим*, таинственной мистической свадьбы двух полюсов, – совершенного Бытия и несовершенного, который взыскует обожение, слияние с оригиналом.

Для мистика этот брак, это соединение, кощунственно и парадоксально «творящее» Бога, есть выход в «абсолютную свободу». Внутренний секрет этой «свободы» в том, что в этой встрече совершенное и несовершенное равноправны.

Нам необходимо было понять мистический идеал «абсолютной свободы», чтобы, как говорится, «знать врага в лицо». Эта «свобода», описанная здесь нами, есть антитеза того, что мы должны понять и принять как нашу свободу.

Ведь почему несовершенное несовершенно? У него (идущего по пути мистика) есть изъян: сознание. Мистик в момент встречи с полюсом совершенства отдаёт это сознание ему, и оно становится атрибутом этого «божественного брака».

Наша же задача – вернуть себе сознание во всей его полноте. Вырвать его из-под контроля Бытия, лишить Бытие своей добычи!

Стало быть, в нашем случае, а именно – в случае радикального политического ислама – речь идет о *встрече сознания с самим собой*. Глаз видит себя, рефлектирует себя, постигает себя как абсолютную и ужасающую силу оппозиции. Это, в принципе, именно то, ради чего Всевышний Аллах приказал Иблису покориться Адаму (мир ему) и признать его превосходство.

Встреча сознания с самим собой может происходить двояко. Универсальная и обычная форма такой встречи есть *смерть*. Индивидуальность, которая, подобно зеркальцу, моделирует блик света, разбивается, и солнечный зайчик, лишившись материальной поддержки, возвращается в «свет вообще». Другая сторона встречи происходит при жизни индивидуума, когда его сознание обнаруживает самое себя как содержание глобального Послания. Язык выступает как зеркало, в котором «свидетельствующий глаз» видит себя, – в этот момент сознание перестает быть полюсом оппозиции Бытию, объектом тиранического притеснения. Оно, сознание, освобождается от бытийной логики.

9. Смысл

1

Смысл – одна из наиболее неуловимых, практически не поддающихся описанию реальностей, которая очевидно никак не проявлена на сугубо бытийном плане. *Бытие бессмысленно*. Это безоценочное суждение, оно просто констатирует некую фундаментальную характеристику Бытия. Феноменологический план, на котором Бытие проявляется в зеркалах миров, охватывает то, что просто *есть*, потому что для пребывания *того, что есть*, существуют некие *возможности*. Эти возможности неизбежно должны реализоваться. Между возможностью и её реализацией существует всегда некий зазор: по времени, по качеству исполнения и так далее. Этот зазор пренебрежимо мал, и любая возможность так или иначе превращается в реальность. На каком уровне реальность имеет отношение к смыслу?

Прежде всего нужно рассмотреть отрицательную связь реальности со смыслом. Реальность, безусловно, не является подлинной бесконечностью. Это ложная, кажущаяся бесконечность, которую Гегель определял как «дурную», используя в качестве метафоры неограниченность числового ряда. «Дурная бесконечность» является наиболее острым и ярким проявлением абсурда просто потому, что замыкается на себе. «Дурная бесконечность» не предполагает ограничения, остановки, задержки в динамике, присущих ей имманентно, то есть, так сказать, «зашитых» в принцип пролонгации. В числовом ряду не содержится никакой причины для того, чтобы остановиться на каком-либо числе как на последнем. Для того чтобы выйти из «дурной бесконечности» числового ряда, необходимо ограничить её тем, что находится вне сферы количественного роста, чем-то, в принципе не являющимся количеством.

Если мы останавливаем динамику числового ряда чем-то внешним по отношению к количественной сфере, у нас возникает если не сам смысл, то по крайней мере предпосылки к его появлению.

2

Выход из количественной сферы метафорически обозначается нулём. Нуль не есть число, он представляет собой *отсутствие* числа, указание на *неколичественную* реальность. Для того чтобы достичь

нуля, нам надо повернуть поток числового ряда вспять, из неограниченной несчетной дали к исходной точке, предшествующей единице. Иначе говоря, путём к смыслу будет апелляция к отрицательному числовому ряду. В нуле задаётся условное «пространство», которое может содержать в себе зерно смысла.

Из сказанного следует, что принципиальным вопросом, касающимся природы смысла, может быть только то, что мы парадоксально называем «конечность бесконечного». В данном случае речь идёт, как мы подчёркивали это выше, о «дурной бесконечности». Кстати говоря, немецкая мысль и характеризовала её как «дурную» именно потому, что та не имела никакого отношения к смыслу.

Нуль как раз предполагает «недурную» бесконечность, потому что он есть выход за пределы количественной дефиниции. Здесь мы вступаем в крайне интересную сферу особо рода апории: получается, что мы ограничиваем дурную бесконечность бесконечностью подлинной, заставляя последнюю играть роль ограничителя, лимита.

Обобщая, мы можем сделать вывод, что смысл всегда есть *нечто, находящееся вне безграничного наличия*, неограниченного сущего, то есть смысл есть принцип *внебытийного*. С одной стороны, есть то, что есть, и оно абсурдно, с другой же – утверждается то, чего нет, *Иное*, и вот оно-то является носителем и выразителем смысла.

Так, если история, как мы указывали выше, есть сведение воедино взаимоисключающих описаний реальности, то смыслом для истории будет наличие оператора, субъекта, который оказывается точкой сборки всех этих описаний, сам оставаясь неописанным в контексте длительности. (Кстати говоря, новейшие домыслы о «симультанной параллельности миров», в принципе, сводятся к вышеуказанной теории описаний, существующих не на уровне одного «мира-зеркала», но как парадигмы многих «зеркал-миров». В этом случае носителем смысла по отношению к многомерной реальности будет выступать субъект, который не принадлежит ни одной из них. Понятно, что это не некое существо, имманентно присутствующее в качестве одного из отражений в этих зеркалах. «Субъектом» в данном случае называется то, что ведёт с Бытием, то есть с системой феноменологических отражений, игру-войну, – иными словами, само сознание.)

3

На первый взгляд, мы пришли к трюизму: «Сознание есть смысл». Нуль, завершающий числовой ряд, пущенный вспять, оказывается площадкой, на которой играет и в которой проявляется сознание. Однако главное для нас в данном случае – не столько семантическая связь двух этих категорий (сознания и смысла), сколько апофатическая природа сознания, его «неквалифицируемость», отсутствие идентичности. Именно благодаря тому, что сознание в самом широком смысле есть указание на *непостижимое*, оно и становится не чем иным, как простой оппозицией абсурду.

Абсурд первичен (конечно, с точки зрения нашего взгляда снизу, обусловленного нашей «брошенностью в мир»). Смысл существует лишь постольку, поскольку существует простое апофатическое противостояние сущему абсурду. Иными словами, на том уровне, на котором мы это обсуждаем, на данный момент смысл – это, попросту говоря, «неабсурд». Здесь совпадают апофатика как «несказуемость» и некий универсальный нуль как *Иное,* взятое в сугубо логическом аспекте.

Следующий шаг, который следует сделать в отношении смысла, заключается вот в чем: надлежит установить понимание того, что простая апофатика, бросающая вызов абсурду, являющаяся «неабсурдом», – это всего лишь предпосылка. Это не смысл как таковой, это возможность борьбы за смысл, это путь к смыслу. Между сознанием, которое пребывает как искра Духа (в адамическом дискурсе), и самим Духом («*невозможный Он*») лежит пропасть, преодолеваемая в крайне редуцированной и ослабленной форме Откровением. Это захватывающий путь, полный героического вызова, идущий от точки А, где мы имеем дело с простой апофатикой, к точке Б, в которой раскрывается Бездна *невозможного*. Апофатическое и *невозможное* «зеркально» связаны между собой, как пассивное, становящееся реципиентом, и активное, которое выступает в качестве оппозиции уже не просто к Бытию, а к *тотальному Всё. Невозможное* есть полнота отрицания вечного *Этого: Иное*, которое можно рассматривать в качестве антитезы *Этому* как *То*. В тот момент, когда смысл совпадает в трансцендентном Субъекте с *Тем*, вечное и безграничное *Это* исчезает, становясь просто метафизической маской *Иного*.

10. Тагут: идолократия

1

В исламе из всех направлений монотеизма наиболее разработано и глубоко учение об *идолократии*. Точнее, следовало бы сказать, что именно ислам нашего Пророка (да благословит его Аллах и приветствует) содержит в себе предпосылки для развернутого понимания того, что есть в действительности *идол*, чем идол является и чем он не может быть. Всевышний подчеркивает в своем Святом Писании бессилие и бесполезность идолов. Здесь следует очень точно понимать, что речь идёт о «бессилии и бесполезности» идолов как таковых, то есть физического воплощения или обозначения неких сил Бытия, противостоящих воле Аллаха (Свят Он и Велик). Нельзя при этом забывать, что эти идолы являются посредниками или своеобразными «мостами» между миром-зеркалом, принадлежащим к эшелону феноменологического бытия, и *верхним планом* так называемого принципиального Бытия.

В синкретических религиях чистого жречества, представляющих собой подделку под истинный монотеизм, так, не скрывая, прямо объясняют, что в идолах главное – не дерево или камень, а те «сущности», которые этими материальными субстанциями обозначаются. При этом христианские «теологи» (христианские – в частности) как бы «не понимают», что проклятие жреческой миссии как раз и заключается в служении этим «сущностям», – то есть, в конечном счете, прямому «сатанабожию», поклонению Иблису.

2

Вопрос об идолократии, однако, выходит далеко за рамки узкого и простого понимания того, что такое «идол». Этот вопрос намного шире теологической проблематики, связанной с идолами, уже хотя бы потому, что в идолократии речь идет о «власти идолов», – то есть проблема переносится в социальную, историческую и, самое главное, политическую плоскость. «Власть идолов» существует и действует постольку, поскольку само общество представляет собой некий

«идолопоклоннический» институт, установление, без чего была бы невозможна миссия Иблиса, о которой последний декларировал Всевышнему: «Я буду заходить на Адама слева, справа, сзади, спереди, чтобы сбить его с прямого пути» (Коран, 7:17).

3

Некоторые западные мыслители, в частности Гоббс, указали на это социально-политическое свойство идолократии. То, что в Исламе называется «тагут», в синкретическом дискурсе западной политической теологии называется Левиафан – упомянутое в Библии морское чудовище. Под Левиафаном Гоббс понимает «государство», вкладывая в это следующий смысл: государство есть некая чудовищная нечеловеческая машина, *нечеловеческий* фактор, чуждый субъективному, эмоциональному и психологическому пространству человеческих отношений.

Многие мусульмане не склонны признавать в этом понимании английского философа исламскую концепцию *тагута*. Они, скорее, предпочтут настаивать на том, что *тагут* – это просто материальный истукан, который был объектом поклонения в эпоху *джахилии*, а после прихода ислама используется для символического побивания камнями как демонстрация отречения от Сатаны.

Тем не менее в Коране есть аят: «Разве вы пойдете за судом к тагуту после того, как вы узнали лучшее?»[17]. К кому ходят за судом? К судебно-правовой системе, к политико-юридическим институтам, к государству! Таким образом, упомянутый аят реально сближает библейскую концепцию Левиафана, переработанную западной, прежде всего британской мыслью, с исламской концепцией *тагута*.

4

Исламская теология в вопросе об идолократии должна в первую очередь рассматривать государство как установление Иблиса, которое является его инструментом, проводником его воли и, естественно, опорным столпом универсального *куфра*.

Невозможно представить себе «государство», которое прямо бы признавалось в том, что оно является «манифестацией зла». Любое государство тратит огромные ресурсы на то, чтобы предъявить себя людям как «цитадель добра», без которого «нормальное» существование, продуктивная жизнедеятельность, проектное творчество были бы невозможны. Это значит: любое государство лжёт в каждом своем деянии, в каждом своем слове, представляя собой на всех уровнях извращение нормы. А это и есть *куфр* – покрывание истины ложью.

Поэтому формулировать куфрологию, изучать тайные и запутанные тропы куфра невозможно без специального направления в исламской политической философии, которое прямо и конкретно занимается исследованием феномена государства.

5

Государство в нынешнем значении слова – это сравнительно молодое по историческим меркам явление. Хотя в учебниках истории Древний Египет, Ассирия, Вавилон именуются государствами, указанные цивилизации не были государством в полном смысле слова. Монархи, возглавлявшие древние цивилизации, напрямую обращались к своим подданным, говоря им, согласно Корану (79:24): «Я – ваш верховный Господь», то есть восстанавливая форму максимально возможной связи между Бытием и человеческим фактором. Для того чтобы появилось современное государство, необходим разрыв этой связи, – связи, выраженной даже в такой односторонней и несправедливой форме, которая была заявлена египетскими фараонами. Явные ростки современного государства проявились в Римской империи, где обратная связь между кесарем и плебсом начинала быстро упраздняться.

Для функционирования государства необходима бюрократия, то есть категория профессиональных функционеров, которые не имеют значимой человеческой индивидуальности, взаимозаменяемы и значение которых состоит в тщательном исполнении *процедуры*. Собственно говоря, процедура, основанная на формализованном протоколе, – это и есть наиболее эффективное средство для

разрушения живых человеческих связей в иерархической вертикали общества.

При этом, поскольку социально-экономическая жизнь человеческих масс продолжается, государство превращается в институт чистого паразитизма, который присваивает себе производимый обществом продукт под предлогом своей «организаторской деятельности», без которой якобы невозможно ступить ни шагу. Таким образом, государство осуществляет не только эксплуататорское ограбление низов, но и «подворовывает» у верхов, то есть традиционных правящих групп, непосредственно связанных с проявлением верхних эшелонов Бытия на нашем земном уровне. В конечном счёте цель государства как сугубо паразитической структуры заключается в том, чтобы поставить в зависимость от себя и «верхи», и «низы», подведя общество к перспективе коллапса.

Одним из наиболее явных деструктивных функций государства является разрушение коммуникативной сферы, поскольку осуществление паразитической функции, навязывание зависимости всем составляющих общество элементам невозможно без контроля над общением между верхами и низами. В свою очередь разрушение вертикальной коммуникации ведёт к росту значения силового фактора. Силовой фактор в конечном счёте вытесняет и компенсирует разрушение религиозной веры масс в своего «фараона» и становится единственным средством донесения посланий «сверху» для восприятия на человеческом уровне.

6

Доволен ли таким положением дел Иблис? Его ставленниками на Земле являются султаны и цари – а они не суть государства. Кроме того, Иблис рассматривает людей как данников, а паразитизм государства наносит прямой ущерб интересам Неба. (Кстати, наиболее бюрократизованное образование в истории – Китай – является цивилизацией-«неудачником», цивилизацией, которой так и не удалось ни сформулировать своё «предназначение» на Земле в терминах, хоть чуть-чуть выходящих за рамки грубого социал-материализма, ни даже выполнить собственные социал-материалистические проекты!).

Государство, подчеркнём ещё раз, пытается вносить свои собственные, подчас непредсказуемые коррективы в планы Сатаны. Однако, конечно же, этот феномен располагается на плоскости, в двумерном пространстве. Государство обречено искать себе Хозяина, поскольку без него оно не способно сохранить свою главную ценность: единство *процедуры*. Парадокс в том, что государство не может полноценно обслуживать интересы традиционных бытийных лидеров; оно, конечно же, формализует свою службу «сакральным вождям», но эта служба не соответствует установлениям большой Традиции, поэтому отношения между государством и монархией неизбежно скатываются в суррогатную сферу. Сначала появляется абсолютная монархия, то есть извращённая, абсурдная манифестация бытийного начала на человеческом уровне. Далее, через ряд потрясений, абсолютизм деградирует к конституционным формам, которые представляют собой опять-таки вторжение *процедуры*, причём откровенно профанической, на сакральный уровень, после чего остаточная традиционная форма общественного устройства рушится и бюрократия получает возможность вместо фараона заявить массам: «Я – ваш верховный Господь». Долгожданное свершилось, но где Хозяин? Хозяином поздней бюрократии в республиканский период становится вместо «светового человека» (Ормузда) – Ариман.

Иначе говоря, хозяином современной бюрократии является не обитатель Олимпа, излучающий манящий блеск «добра и красоты», а попросту черт с рогами, хвостом и крыльями, – тень «светового человека».

10.1. Тагут (продолжение)[18]

1

В изучении идолократии невозможно обойти вопрос о различении и даже противостоянии двух понятий: *образа* и *сущности*, которые очевидно находятся в оппозиции друг другу. Феномен, утративший свой сущностный архетип, тем не менее может сохранять образ, который имеет самостоятельную сферу проявления.

Что же является сущностью по отношению к человеку – если брать человека как глобальный фактор, во всей его целостности? Без сомнения, это *сознание*, взятое как принцип *отличия от всего остального*. Неважно, что в чистом, «автономном» виде сознание, совпадающее с Духом, присуще лишь *адамитам*, то есть идущей от Адама (мир ему) династии пророков. Адамиты вовлекли в сферу своего влияния остальное человечество. Люди являются таковыми, поскольку они говорят на языке, так или иначе укоренённом в метаязыке Адама. Наиболее эффективным способом освобождения человека от его сущности, то есть сознания, является *смерть*. Но что происходит при этом? Исчезает ли при этом образ? Сам факт эстетического символического использования черепа с костями в различного рода эмблемах красноречиво свидетельствует – нет: образ остаётся, а в каком-то смысле даже усиливается и, возможно, превращается в некую автономную сущность. Но на что указывает символический образ смерти?

2

Живые люди испытывают особую гамму ощущений, оказавшись в присутствии трупа. Человеческие останки обладают своеобразной мрачной драматической силой, которая, казалось бы, не может быть на чем-либо основана. Ведь, как говорят материалисты, труп – это просто «мясо». Однако труп есть глиняный слепок человеческого существа, на котором в какой-то момент пребывал отпечаток Духа. После смерти это присутствие Духа отнято, изъято. Живой, глядя на труп, свидетельствует нечто реально присутствующее, но при этом абсолютно противоположное, враждебное Духу.

Что же есть существо, которое прибывает вне Духа, «свободно» от него, бросает Духу вызов? Это Великое Существо, Иблис. Он есть идеальный и всеобъемлющий архетип всех существ вселенной, всех состояний бытия, которые враждебны Духу и ничего о нём не знают.

Иблис, относящийся к принципиальному, онтологическому плану Бытия, сделан, по собственному признанию, из огня, из чистейшей первозданной энергии. Он в этом своём качестве, несомненно, является сущностью. Однако глиняный человек, чья связь с Духом

физически оборвана, – это отражение сокровенной сущности Иблиса в нашем мире.

Сокровенная сущность Иблиса выражена в его отказе поклониться Адаму, в его неведении Духа. Таким образом, труп человека представляет собой икону Великого Существа здесь, внизу. Это не метафора, ибо ощущение непроизвольно возникающего ужаса в присутствии мертвеца никак не мотивировано рациональной связью суждений и присутствует спонтанно у людей, далёких от мистики.

3

Выше мы говорили о двух аспектах Великого Существа, использовав для их обозначения (за неимением лучшего выбора) имена из зороастрийской традиции: Ормузд и Ариман. Ормузд – это «человек света», Ариман – его противоположность, «человек тьмы», или, можно сказать, своего рода «античеловек». Кстати, именно концепция «античеловека» лежит в основе народных представлений о чёрте.

Труп связан с этим «теневым человеком», поскольку световое, «олимпийское», измерение Великого Существ а так или иначе предполагает «жизнь». Вообще «жизнь» в глобальном смысле есть нечто, противостоящее Духу, – то, что заменяет Дух для Великого Существа, то, что составляет внутреннее «дыхание» (анти-Дух) Бытия.

«Жизнь» есть противоположность инерции смертной и тленной глины. В глине – тщета, тупик. В «жизни» – надежда, благо, добро, всё то, во что не просто верят, а хотят верить «глиняные люди». Если же подойти к категории «жизни» под другим углом, то это не что иное, как известный многим мистикам – не только в дискурсе, но и в опыте – «ток благодати». Но даже в самых высоких, «небесных» истончениях субстанция всё равно остаётся собой – не-Духом.

Однако самое важное, что следует вынести из этого хода рассуждений – это концепция власти, принадлежащей Иблису (принадлежащей с дозволения Всевышнего). Власть в сфере Бытия основана именно на «благодати», то есть способности менять метафизическую плотность субстанции, делать, по выражению алхимика Франциска Меркурия ван Гельмонта, «материю духовной, а дух материальным». Понятно, что речь здесь идёт не об истинном

Святом Духе, а о «духе естественном», который сводится просто к «агрегатному» состоянию бытия.

Всё вышесказанное позволяет понять, что труп принадлежит наиболее костному, инерционному аспекту проявления, причём до такой степени, что «вырывается» из общего ряда натуральных феноменов, становится чем-то особым, действительно иконой. Это «антисакральность», или «чёрная сакральность», которая превращается в символ, в идеальную «точку сборки», в силу того, что это запредельная негация даже внутри негативного царства чистого Бытия. (Подчеркнём при этом, что ни о каком «небытии» здесь говорить не приходится: состояние *возможности не быть*, как мы неоднократно подчёркивали, входит в состав интегральной онтологии).

Опираясь на этот ход мысли, нам придётся снова вернуться к фундаментальному различению между «смертью» и «гибелью». Это различение является безусловно принципиальным. *Смерть* есть уход сознания в свой источник, возвращение капли в океан, видимого блика – в невидимое и всеобщее царство излучения. *Гибель* есть просто реализация всегда присущей любому феномену *возможности не быть*. Она в символическом плане тесно связана с экзистенциальным опытом старения, износа, ветшания и т. п.

В «метафизической» судьбе человека – двойственность и непредопределённость…

Дух добавлен Творцом в глиняную куклу Адама. Творец требует от Иблиса поклониться не самому Адаму как глиняному существу, а частице Духа, которая неведомым для Иблиса образом была внесена в сердце первого пророка.

Собственно, из самой двойственности, нестабильности человеческой природы рождается тема воскресения в чёрном сатанинском ключе.

4

Гибель индивидуального человеческого существа является центральным фактом его существования, вокруг которого вращается всё. Какую бы сферу обыденной жизни мы не взяли – будь то семья, экономическая деятельность, эмоциональная сфера отношений и тому подобное – всё это строится на конечности существования

индивидуума, на факте его обречённости на исчезновение. Это фундаментальная истина настолько безусловна, что весь экзистенциальный строй обычного современного человека нацелен на вытеснение идеи *гибели*, личного конца из действующей матрицы.

В предыдущие эпохи, когда общество в своих самых широких кругах было подчинено религиозной идее, такого рода вытеснение происходило иным путём. Жреческое язычество разрабатывало и несло в массы ложное представление о загробном существовании, которое аннулировало реальное представление о финальности бытия. Этот квазирелигионый подход стал доминирующим и безальтернативным между XIV и XVI веками на Западе. До этого идея «вечной жизни души», автоматически дарованной каждому умершему, была присуща народным представлениям, но впоследствии стала фактически официальной доктриной Церкви.

Однако с наступлением эры *профанизма* – торжества либерального понимания ценности индивидуального существования «единственный раз в единственном мире» – возник принципиально иной институт, который превратился в своего рода второе ложное «сознание», куда вытеснилась идея физического конца. Этим институтом стало государство – то самое государство паразитического деструктивного типа, о котором мы говорили выше. Государство превратилось не только в хранителя уходящей жизни, но и в компенсационный механизм, якобы обеспечивающий личную «неуничтожимость» на вполне рациональном уровне.

Вера профанов в то, что государство есть установление, компенсирующее физический конец личности, в огромной степени отвечает за покорность масс этому Левиафану или, говоря языком ислама, *тагуту*. Речь идет прежде всего о том, что правящая бюрократия со своим протокольно-церемониальным аппаратом присваивает себе функцию всемирно-исторической памяти. Государство делает людей культурными и историческими героями, оно ставит им памятники, хоронит и надзирает за местами захоронений, поддерживает институт воспроизводства поколений. Короче, вся сфера жизни, связанная с болью, роком, ущербом, берётся государством под свой контроль, который является своеобразной анестезией для коллективного мировосприятия.

При этом неважно, в какой степени в том или ином конкретном социальном пространстве превалируют официоз или же, наоборот, частное дело. Суть не меняется: государство-паразит является хозяином конца каждого индивидуума. Стало быть, оно осуществляет узурпацию и эксплуатацию самого важного, самого центрального аспекта персонального существования, становится господином «юдоли».

5

Коль скоро каждое физическое тело, при жизни причастное к сфере сознания, через язык становится «иконой» Иблиса, трупом, то необходимо существование некой коллективной манифестации этой «иконы». Идолократия, как показано выше, тесно связана с отчуждением финальности человеческого существа от него самого. Это гораздо важнее, чем отчуждение продуктов труда или отчуждение сферы человеческих отношений прежде всего потому, что *только в собственном конце человек вполне становится самим собой*, обретает свою идентичность.

Пока он жив, он делит все стороны своего существования с другими людьми. Он видит такое же голубое небо, как и другие, он испытывает такой же оргазм, такие же эмоции, когда становится отцом, – и все это не его! Всё это принадлежит матрице, внутри которой он ничем не отличается от себе подобных.

Однако умирает он в одиночку. Нельзя умереть за другого или передать свою смерть партнёру. Поэтому в момент конца матрица теряет силу, и человек становится самим собой в самом глубоком метафизическом смысле слова.

Однако и здесь государство нашло лазейку для того, чтобы попытаться похитить эту последнюю подлинность у обречённых. Оно становится «коллективным трупом», мертвечиной, лишённой духа, – так же, как оставленная жизнью глина становится указанием на подлинную суть бытия. Ложь и гибель. Но государство не было бы государством, если бы оно не шло в своей лжи до конца, обещая воскресение от своего имени.

На рациональном уровне речь, конечно, не идёт открыто о физическом воскресении – как в циклических культах древних скифов

или египтян. Однако государство работает с важнейшим ресурсом, извлекаемым из людей, – их жизненным *временем*.

Было бы наивно думать, что проблема длительности индивидуальной жизни исчезает вместе с концом этой самой длительности. Жизненное время превращается в капитал, который открыт всем манипуляциям и превращениям, – начиная прежде всего с постоянной переоценки своей стоимости. Конечно же, государство и здесь выступает как паразит-разрушитель, поскольку оно не может сделать или организовать ничего само. Оно может только украсть или присвоить иным способом. Государство – это единственное «бизнес-сообщество», которое постоянно показывает убыток в конце делового года. Ведь оно с определённой исторической эпохи печатает деньги (отняв эту функцию у жрецов) – а деньги, в конечном счёте, всегда только дешевеют.

6

Одной из интереснейших проблем является сфера отношений между такими на первый взгляд разными реальностями, как деньги и язык. Деньги – это сфера чистого количества, понятого в элементарном информационном смысле. Длительность превращается в это чистое количество, которое неуловимо для описания, потому что чистое количество лишено всякого содержания, отношения к чему бы то ни было за рамками себя.

В определенном смысле можно считать, что деньги – это в большей степени количество, нежели просто числа. Одна и та же валютная единица имеет разное количественное содержание в зависимости от географического места или отношений с другими валютными единицами. Поэтому при глубинном исследовании сути денежной единицы она тает и исчезает на глазах, превращается в «пшик». Разумеется, как инструмент купли-продажи валютная единица выполняет свою функцию. Но даже и это является переменным фактором, не поддающимся логике и рационализации. В этом смысле деньги представляют собой единственный инструмент описания того, что не описано: тёмных зон Мирового Зеркала, которые не покрыты понятийной системой, не выражены в элементах языка. Эти тёмные зоны представляют собой аналог бессознательного в

Великом Существе. Но поскольку Великое Существо не имеет подлинного сознания, эти неописанные зоны представляют собой просто ступени переходов между разными уровнями отражений в Мировом Зеркале.

Вероятно, именно к этой неуловимой сфере «уровневых скачков» относятся перепады между различными видами существ, представляющими собой мутации внутри одного и того же архетипа. Вот почему палеонтологи могут сколько угодно искать промежуточные звенья между лошадьми и тапирами в якобы существующей эволюционной цепи. К этой же сфере, вероятно, относится и известный парадокс в квантовой механике: частица, находящаяся одновременно внутри и снаружи. Эта «неописываемая» неопределённость описывает всё, и приведённые примеры являются ничтожно малой «вершиной айсберга».

Тёмные зоны, о которых мы говорим, уместно назвать «гипнополями» – полями сна. Важное здесь то, что если это – условное бессознательное «светового человека», то одновременно это условное сознание его теневого аналога. Как ни парадоксально, именно деньги, образующие бессистемную игру чистого количества, броуновское движение, в котором принцип неопределённости выражен наиболее близким обыденному опыту образом, могут быть средством приближения, а возможно, даже и своеобразной картой для путешествий по этим гипнополям.

Конечно, этот подход крайне опасен для человеческого фактора. Прежде всего потому, что погружение в чистое количество разрушает язык, а стало быть, и ту закладку человеческого сознания, которая ещё по инерции сохраняется в современной цивилизации.

7

Деньги в современном смысле слова (как функция) – это прежде всего долговая расписка. То, что еще недавно они признавались таковыми, прямо свидетельствует о паразитически убыточном характере государства, существующего в долг у общества. Понятно, что если бы в деньгах не содержалось ничего, кроме совершенно лживого обещания заплатить некие долги, финансовая история человечества завершилась бы в течение пары поколений.

Следовательно, у денег должен быть некий компенсаторный полюс, который берёт на себя все издержки. Этим полюсом является золото. Традиция говорит нам, что золото – это инфернальный контрапункт Солнца, высшего для нашего «ближнего мира» источника энергии, прямого изображения «светового, олимпийского человека». Солнце есть персона, или личина, Ормузда-Иблиса. Золото – это его перевёрнутая аналогия внизу. Оно тесно связана с тем, что древние египтяне называли «ка», а мусульмане считают «шайтаном, растворённым в крови каждого человека». Именно этот «шайтан» или «двойник, растворённый в крови», есть «тонкое тело»[19], которое связывает «волеизъявление» более высоких уровней психики с материальным телом из живых костей. После гибели индивидуума «шайтан» остаётся «бесхозным», и ему надо сесть на какую-то опору. У Традиции такой опорой служила мумия, назначение которой состояло в том, чтобы сохранять «тонкое тело», двойника, до момента воскресения. У греков и римлян – учеников египетских жрецов – вместо мумий использовались мраморные статуи. Именно этой цели служат современные памятники, создание и расстановка которых представляет одну из важнейших функций государства.

11. Мышление как практическая реализация счастья

1

Мышление представляет собой практическую, «оперативную» сторону духовной деятельности. Точнее, это и есть сам Дух в его практическом оперативном раскрытии.

Следует чётко различать *мышление как процесс* и *Мысль как принцип*. Последняя относится только к Всевышнему: Мысль есть провиденциальный Замысел Творца, который наделяет смыслом и целью всё творимое. Мысль, принадлежащая Аллаху, имеет в себе много аспектов и много направлений. В частности, она содержит в себе сюжет, то есть концепцию, согласно которой должно реализовываться творение.

Для того чтобы эта реализация достигла своих целей, нужно, чтобы участники сюжета хотя бы в какой-то степени понимали и

отражали в своём сознании определённые аспекты Божественного Замысла. Активное участие в оперативном самораскрытии Духа есть составная часть предназначения творения – именно поэтому человек именуется «наместником», *халифой*. Указанием на то, что Всевышний требует от человека некоего понимания своего Замысла служит аят, где Творец говорит о том, что Он «ведёт к Своему свету кого пожелает…» (Коран, 24:35).

2

К сожалению, значительная часть исламской Уммы игнорирует прямые указания Аллаха относительно специфической роли и назначения мышления. На протяжении многих веков алимы воспитывают Умму в противопоставлении друг другу *мышления* и *веры*. С их точки зрения мышление не представляет собой ничего, кроме бесполезной игры с субъективными мнениями, которые не имеют отношения к реальности и, хуже того, могут нанести ущерб безоговорочной вере – *иману*.

На чём строится такой антиинтеллектуализм, типичный для постмонгольской эпохи мусульманской истории? В определённый период истории произошла ментальная инфантилизация мирового мусульманского сообщества. Возникло явление, которое мы обозначаем как интеллектуальный «патернализм»…[20]

12. Скрижаль

1

В кораническом Откровении есть понятие «Хранимая Скрижаль» – *Лаух аль-Махфуз*. Это понятие, как в фокусе, собирает в себе несколько интеллектуальных линий. Во-первых, Хранимая Скрижаль указывает на предопределение. Важно понять, что предопределение не имеет ничего общего с детерминизмом. Лучшим сравнением в данном случае будет театральная пьеса, точнее, её текст, который служит основой возобновляемой постановки. Режиссёр

ставит пьесу согласно драматическому тексту, но это не значит, что такая постановка ему даётся.

Прежде всего, что такое Скрижаль как сюжет? Это Замысел Всевышнего относительно того, что должно произойти с Бытием. Здесь мы встречаемся с двумя аспектами утверждения. Сам «драматический текст» представляет собой то, что мы называем «правдой». Правда – это этическая категория. Это то, что должно *быть*, должно состояться. Что же касается бытия, то оно являет собой сторону истины, то есть того, что *есть на самом деле*. Истина не является этической категорией. Это простое соответствие описанию реальности. В истине всегда содержится ошибка. С точки зрения правды эта ошибка рано или поздно должна быть преодолена.

Однако до тех пор, пока эта ошибка не преодолена, правда будет оставаться в «виртуальном» измерении. Она не сможет стать подлинным описанием реальности. Поэтому реальность будет раз за разом возвращаться к «драматическому тексту», повторяясь в циклах. Сюжет же при этом будет оставаться неизменным.

Именно неизменность и составляет то, что называется Хранимой Скрижалью. Она не может быть изменена ни в одном знаке, ни в одном нюансе. Это Священный Замысел, решение которого раскрывает и определяет подлинную цель Всевышнего, закрытую для тварного существования.

2

Итак, существом циклически повторяющегося сюжета является Мысль (Божественный Провиденциальный Замысел относительно сущего). Каким-то своим аспектом этот Замысел должен быть доступен участникам его реализации: «актёры» должны быть хотя бы отчасти знакомы с драматической концепцией, которую они реализуют на сцене. В противном случае шансы на успех, и без того крайне слабые, становятся совершенно нулевыми. Именно поэтому участники бытийной постановки (онтологического сюжета) наделены мышлением как некоторым отблеском чистой Мысли. Мышление представляет собой подвижный динамический аспект Мысли, в котором Мысль проявляется как в зеркале.

Главной задачей действующих на сцене лиц является уточнение и расширение этого отражения Замысла в мышлении. В действительности такая задача есть не что иное, как «проникновение» в Мысль Всевышнего. Разумеется, речь идёт не о чём другом, как о реализации веры (*имана*), то есть о мобилизации и концентрации интеллектуальной воли. Это единственный метод приближения к познанию Провиденциального Замысла.

3

Развивая сравнение Скрижали как сюжетного Замысла с классическим драматическим текстом, следует указать на то, что Скрижаль в своей неизменности содержит в себе аспект «книги живых». Эта «книга живых» представляет собой список действующих лиц, которым суждено играть роль раскрытия сюжета. Они-то и являются вечно живыми, повторяющимися из цикла в цикл, – подобно тому как действующие лица неизменно повторяются в одной и той же пьесе от постановки к постановке. Разные люди приходят и участвуют в кастинге на ту или иную конкретную роль. Как правило, они проваливаются, либо их роль дискредитирована слабым участием партнёров. К этим конкретным физическим лицам «книга живых» не имеет отношения. «Бессмертными» в буквальном смысле слова являются только ролевые статусы фигурантов, вписанных во вселенский сценарий. Поэтому одна из наиболее притягательных задач, стоящих перед физическим лицом, которому удаётся пробовать себя на конкретную роль (миссию) – это слияние своей личной субъективности с «бессмертным вечным аспектом» ролевой функции. Иными словами, превращение безвестного и случайного актёра в подлинного короля Лира или Гамлета – вот сверхзадача, которая равно касается и беспокоит и отдельных индивидуумов, и человечество в целом как «макротруппу», призванную к исполнению драматического замысла. Эти постановки будут осуществляться до тех пор, пока одна из них в бесчисленном множестве не преуспеет.

4

Суть Скрижали, которая находится под прямой защитой Всевышнего, – это адамическое наследие. Скрижаль является таковой в силу того, что она основана на языке, выражена в языке, а язык создан Аллахом для Адама (мир ему) и через него – для всего человечества. Без метаязыка, объемлющего все дозволенные Адаму объекты-концепты, Скрижаль невозможна. Таким образом, главным в Скрижали является не сообщаемое Адамом человечеству, а наоборот, *несообщаемое*, которое ложится в охраняемую защищённую основу. Несообщаемая часть Скрижали является постоянным источником вечно обновляющегося Откровения. Поэтому Скрижаль делится на два чётко разделённых аспекта: тварная часть, которая основана на языке, – а язык есть не что иное, как активное проявление процесса творения. В этой части реализуется всё, что возможно в «феноменологическо-бытийной» сфере. Другим же аспектом Скрижали является сокрытая часть, которая описывает *невозможное*. Для *невозможного* не существует, соответственно, языка и указаний на конкретные феноменологические объекты.

Невозможное может описываться только молчанием. Коран является последним Откровением, который объединяет в единстве оба этих аспекта. Именно поэтому подчёркивается несотворённость Корана: он включает в себя *невозможное*, которое лежит в сфере *несотворённого*. Именно эта сфера является мессианской ношей (бременем) для плеч Адама и всей пророческой цепи, изошедшей из его лона.

Вот почему Адам (мир ему), как человек по существу, называется наместником Аллаха на земле: перед ним стоит задача реализации *невозможного*. А центром этого *невозможного* является состояние абсолютного зла как превосходства перед любым величием. Истинная природа Всевышнего превосходит сам принцип Величия как такового и поэтому не является *утверждением*. Это превосходство, скорее, можно обозначить как предмет лишённости, нищеты. Превосходство над Величием – это то, что не может быть обладаемо, это то, что является объектом «необладания». Это и есть чистое и абсолютное Зло, которое тем не менее лишено всякой этической оценки. Чтобы преодолеть это Зло, трансцендентная природа Субъекта делает шаг в глубину *невозможного*, в Бездну. Когда само отсутствие, предмет «нищеты» внезапно трансформируется в *абсолютное утверждение* и

Мысль Всевышнего завершается в своей истинной природе, становится прозрачной для самой себя. Тогда Скрижаль становится тождественной Святому Духу, – иными словами, превращается в чистое и до конца реализованное сознание Творца, Трансцендентного Субъекта.

13. Бытие как солярный свет

1

Следует понять, что Скрижаль, существующая на основе языка, созданного для Адама (мир ему) и открытого ему, не имеет отношения к Бытию. Это контент Мысли, по отношению к которой Бытие есть отпадение в «смертную тень», в слабость и забвение. Сущность Бытия состоит в бесконечно повторяющемся отражении, которое мечется среди бесчисленных зеркал миров. Концентрация всех отражений образует всеединство Великого существа, основанного на пяти началах *возможного*.

Бытийный свет, противоположный Скрижали, выходит именно из природы отражения. Природы чистого отражения. Чем больше состояний Бытия задействовано в гирлянде зеркал, тем сильнее концентрация света. Этот свет вторичен. Он исходит из тьмы, чтобы рассеиваться, иррадиировать в эту тьму. Бытийный свет носит жертвенный характер. Поэтому его пиком, его центральным средоточием является солярное существо – «непобедимый Бог-Солнце». Ормузд, Аполлон. Это солнечный ряд олимпийских существ – как маски Великого Существа, которые изливают тепло и благодать на отчуждённый мир смертного мрака. В этом заключается их жертвенное служение. Именно поэтому «солнечный», верхний, эшелон Бытия столь притягателен для субстанции, которая всегда сопряжена с гибелью и разложением.

Бытие антидуховно. При этом свойства солярного излучения – тепло и благодать, останавливающие гибель, – несут в себе грани утвердительности. Бытие вообще пародирует утверждение, напоминает о нём благодаря тому, что разрозненное множество трансформируется в Бытии в единую природу. Поэтому

«феноменологический этаж» Бытия воспринимает верхний план Великого Существа как добро, или «Верховное благо». Отсюда логически следует, что *добро в принципе антидуховно*. Единственный путь к постижению трансцендентной природы Субъекта есть зло. Это постижение происходит в момент преодоления зла, перешагивания через зло. Для этого необходимо, чтобы искра Святого Духа, то есть частица Божественного присутствия, преодолела безграничный потенциал солярных рефлексий (солнечных отражений), которые составляют единое Бытие.

2

Следует также ясно понять, что Бытие пародирует мысль, будучи в буквальном смысле слова *антимыслью*. Поэтому суммарно Бытие в интеллектуальном плане образует Идею. Идея по контенту – это антимысль. Она механистична и строится на взаимном слиянии и интеррефлексии конечных позиций. *Конечное* и *возможное* – это синонимы. Когда *конечное* начинает дробиться и множиться, образуя целостность, рождающуюся из множества, это *конечное* становится идеей. Идея построена на безусловном тождестве самой себе. Мысль же есть постоянно открытое нетождество, живая жизнь Святого Духа, который стремится перейти от всеподавляющего «*Это*» к невозможному «*Тому*». Мысль основана на порыве заменить *Всё* абсолютной альтернативой. В этой альтернативе не должно быть ни следа, ни подозрения о первичной позиции – о том, что мы называем «*Всё*». Проблема в том, что сам принцип альтернативности уже связывает воедино *Это* и *То, Всё* и *Невозможное*. А такая связь упраздняет сущность Трансцендентного, убивает в зародыше сам принцип того, что Трансцендентное становится утверждением. Поэтому живая Мысль Всевышнего, обнаружив тщету *невозможного*, его бессилие как трансцендентного перехода, идёт к смерти, в данном случае – к своей абсолютной смерти в Духе. Именно это выдвижение мысли *в смерть* и есть то чистое зло. Всевышний ставит перед Собой задачу преодоления этого зла: это и есть Его последняя тайна Замысла – тайна, прописанная в Скрижали.

Центральным пунктом Откровения оказывается постоянное указание на нетождество Творца и сущего, на безусловное отсутствие

аналогий и подобий. Поэтому солярный свет, рождающийся из апофатического мрака конечной точки, – это то, от чего отталкивается Мысль, отрицающая аналогию и подобие. Мысль Всевышнего как раз не подобна принципу повтора, солнечного отражения и самой апофатики. Она и не может быть подобной в силу своей внутренней неумолимой логики. Здесь как раз обретается корень *невозможного*, который предшествует всякой *возможности*.

Исторический финализм[21]

22 июня 2010

Тема сформулирована как *исторический финализм,* хотя можно обойтись и без названия «исторический», можно говорить просто: *финализм.* Можно говорить – *«учение о конечном»* или *«учение об ограничении»*, что на самом деле почти то же самое, что *телеология*, потому что «телос» по-гречески – «конец, завершение».

Финализм связан с концепцией некоего целеполагания, целесообразности, и в таком виде в этой доктрине нет ничего принципиально нового. Еще Аристотель занимался вопросами цели, вопросами внутреннего содержания системы, структуры, организма и полагал, что организм вообще не может существовать без цели, что цель является тем главным, что образует организм как единую монаду. Пожалуй, наиболее четко классическое учение о целеполагании, о телеологии в Бытии выразилось в учении Гегеля. Мы можем не заходить в такие отростки, как постгегельянство, неогегельянство, марксизм как некие зеркала этого учения. Но самое главное практически во всей германской классической философии после Канта – это идея, согласно которой *телеология пронизывает Бытие* и является его внутренней сутью, внутренним нервом, внутренним движением. От всеобщего – к конкретному, от абсолютной идеи, в которой чистое Бытие и чистое *ничто* совпадают, – к конкретному человеку. То есть концентрированное движение от «анода» к «катоду» внутри самой реальности.

Но все эти учения предполагают имманентность цели, то есть что цель находится внутри самой структуры реальности, что Бытие определяется этой органически присущей ему направленностью. Как будто цель и движение к цели есть движение электрического тока, движение энергетических импульсов, которые перетекают от положительного потенциала к отрицательному, и все это в рамках куска «бесконечного провода», которым является реальность. С моей точки зрения эта интерпретация цели – не *финалистская*, эта интерпретация присуща традиционалистскому мировоззрению, хотя бы даже это традиционалистское мировоззрение выражало свою

позицию в терминах рациональной философии, а не метафизики. Ведь Гегель, несомненно, продолжатель и наследник Платона: это Платон, пересказанный современным, тотальным, всеохватывающим языком. Но в основе своей это именно Платон.

Я хочу изложить доктрину *финализма*, которая является выражением не традиционалистского сознания и не традиционалистского клуба, а доктрину, которая является выражением радикального сознания, то есть *учением радикального сознания о самом себе*, о том, как оно себя понимает, о своих истоках. В этом контексте *финализм* предполагает, что есть «вынесенность» за пределы структуры Бытия. Что есть *нечто*, что противостоит *Всему*. Вот есть некое тотальное *Все*, Бытие, реальность. А то, что мы имеем в виду в качестве предмета *финализма,* – мы еще не определили, что это такое, – находится за пределами этого, противоположно ему, «вынесено», противополагается (неважно каким образом), и соотносится с этим в абсолютной оппозиции.

Нельзя сказать, что это подход неизвестный. В этом дуализме легко читаются схемы картезианского представления – субстанция внешняя, протяженность, делимая реальность, субстанция мыслительная, неделимая, которая противостоит протяженности. Это хорошая база, хороший подход. И этот картезианский схематизм дает инструмент для того, чтоб попробовать, дальше идя по этому пути, прийти к каким-то острым и очень далеко идущим горизонтам. Мыслительная субстанция – некая неделимая точка, это cogito, которая противостоит протяженности. Это противостояние абсолютное и безусловное, как противостояние зеркала всем вещам, которые в нем отражаются. Есть объективные вещи, феноменология твердых трехмерных тел, а есть рефлектирующая плоскость, которая дает совершенно другое пространство, другое измерение.

Сознание существует как оппозиция всему, в результате чего возникает феномен концентров реальности, реальности, построенной вокруг точки этого сознания. Это *сознание* является ограничителем *бесконечной* протяженности. Мы предполагаем, что *бесконечность* предшествует всему, потому что она есть целое, а целое предшествует частям. *Бесконечность*, как не раз говорили разные выдающиеся умы (и последним это подтвердил Хайдеггер), интуитивно ощущается как *предшествующая всему*. Она есть просто потому, что она есть, потому

что в качестве *бесконечности* она не нуждается ни в причине, ни в обоснованиях, она ничем не ограничена и потому задана в основе всего.

Но есть проблема: каким образом существует *нечто*, отличающееся от *бесконечности,* и что это за *нечто*, отличающееся от *бесконечности*? Если декартовская протяженность, то в себе она не имеет никаких ограничений. Но есть вторая субстанция – мыслительная, неделимая точка *cogito,* которая подобна тому, как если бы мы в листе бумаги проделали дырку. Эта дырка в неограниченном листе бумаги сразу создает эффект центра – и вместе с тем является шероховатостью, сбоем, лимитацией, то есть она эту *бесконечность* уничтожает. На самом деле легко понять, что феномен перцепции, феномен *cogito* существует именно благодаря этой оппозиции. Если бы мы были «феноменами среди феноменов», если бы наше воспринимающее *Я* было чем-то вроде искусственного интеллекта, программы, некоего аппарата, – скорее всего, мы ничего бы не воспринимали и были бы подобны камню среди камней. Так же компьютер просто не подозревает, что он работает, что он включен, поскольку процессы, идущие в компьютере, ничем не отличаются от процессов химической реакции в стакане воды. Но именно за счет того, что есть *точка безусловного отличия от всего*, существует уникальный феномен перцепции. Перцепции, которая неотделима от смысла.

Здесь очень важно, что тема смысла появляется только благодаря ограничению *бесконечного*. Само по себе *бесконечное* не имеет смысла. Ни «гирляндность» (столь любезная некоторым философам, представляющим себе некую иерархию миров), ни интересные построения относительно того, что мы являемся не более чем представлением какого-то другого разума, а с другой стороны, наши представления тоже являются в своем роде «существами», – все эти «зеркала», «гирлянды» и «умножения реальности» на самом деле не имеют внутри себя ни малейшего смысла (хотя, вполне возможно, и существуют в таком виде).

Смысл появляется только в момент остановки всего этого. Почему, образно говоря, ложна концепция некоего китайского мудреца, который представлял себе, что он – бабочка, которой снится этот китайский мудрец, – то есть некая петля, замыкающая его на бабочку?

Почему она фундаментально ложна? Потому что только кто-то один из них – то ли бабочка, то ли китайский мудрец – знает, что он умрет. Собственно говоря, момент точки остановки бесконечного заключается в том, что факт сознания как оппозиции бесконечному *не-Я* неразрывно связан с феноменом *смерти*.

И здесь мы должны остановиться на том, что *смерть* как то, что связано с сознанием, как подоплека сознания, его внутреннее содержание, – *смерть* не есть исчезновение феномена, его конец, его устранение. Многие феномены – не только неорганические, но и тем более органические – подвержены исчезновению, но *смертью* мы называем только то, что является внутренним, интимным, центральным состоянием, присущим каждому акту сознания. В каждой перцепции есть привкус того, что этой перцепции могло бы не быть, в каждой перцепции есть привкус того, что это сознание рано или поздно «схлопнется», что это сознание существует как оборотная сторона своего *отсутствия*, оборотная сторона *ничто*. Даже больше того – можно сказать, что сознание существует как напряженное противостояние *ничто*, которое является концентрированной точкой оппозиции *Всему*. Вот некое поле феноменологии, внутри которого есть эта точка оппозиции.

Мы подошли к моменту, когда предстоит сказать, что сознание, которое является этим перцептивным центром, есть ограничитель некоей бесконечной реальности, есть некая оппозиция этой бесконечной реальности. Следующим мы должны признать, что точка оппозиции вынесена, – она не только противостоит, она является чем-то *неприсущим*, чем-то противоположным и запредельным по отношению к тому, что она центрирует и чему она противостоит. Иными словами, сознание человека, который находится *здесь и теперь*, в гуще этого мира, реальности, – сознание человека *трансцендентно* тому, что оно воспринимает, что оно *свидетельствует*. Оно трансцендентно не только по своей декларации, по своему проецированию, по своему позиционированию, – оно трансцендентно независимо от нашей воли, потому что оно находится в оппозиции к *этому*, потому что оно фактически ограничивает все, что нас окружает. Ограничивает и структурирует – что одно и то же на самом деле. Сам факт ограничения бесконечной стихии феноменологии есть выстраивание

Храма, выстраивание тех концентров, которые располагаются вокруг точки «прокола», точки отличия.

Вместе с тем нам говорят о том, что сознание, возможно, ошибается относительно своей природы. Маркс, например, призывает прекратить этот процесс отчуждения, проходящий в феномене сознания, призывает ликвидировать эту трансцендентальную «внеположность» сознания, и свести сознание *сюда*, внутрь, на уровень реальности, – сместить сознание в реальность, чтоб не было этой иллюзии противостояния, отсутствия, некоего горизонта, потому что это «все – ложное».

Но вопрос ставится ребром: все, что мы можем сказать о природе сознания и Бытия, мы говорим изнутри нашего сознания. Наше сознание – это единственная площадка, на базе которой мы формулируем приговоры себе и окружающему нас. Как мы можем говорить о том, что наше сознание является следствием некоей причины и потому оно обусловлено и мы должны его раскрепостить, что наше сознание – надстройка, наше сознание – следствие, – как мы можем говорить это, если мы говорим «изнутри» сознания, через сознание и апеллируя к сознанию? То есть наше сознание и есть наш арбитр. Не проще ли признать его той самой последней инстанцией, которая делает саму истину возможной к существованию, которая позиционирует сам факт возможности истинности?

И здесь возникает вопрос, связанный с картезианским подходом к сознанию, потому что Декарт впервые поставил вопрос об *онтологии ошибки*. До картезианства вопрос был сосредоточен на том, как получить в размышлении о реальности безошибочное видение реальности, как приблизиться к тому, что является не иллюзией, не заблуждением, не фантазией, а подлинностью. Как это сделать с помощью сознания? Но, говорил Декарт, если наше сознание есть результат чего-то, если оно сформировано обстоятельствами, то чем периферийнее и маргинальнее эти обстоятельства, тем ошибочнее и беспомощнее наше сознание. Если сознание создано причинно-следственной цепью на выходе некоего химического процесса, создано не Богом, а какими-то обстоятельствами, – то на что оно тогда может претендовать?

Это интереснейший вопрос: как может быть сознание создано чем-то второстепенным, если это сознание – точка, которая не является

ничем из того, что ее окружает, и противостоит всему, то есть является точкой оппозиции всему. Эта точка уже центральна: факт того, что это перцепционный субъект, делает сознание абсолютно центральным и снимает вопросы о его происхождении, о его причине. Вот представьте себе *Всё* и некую точку, которая этим *Всем* не является, но это все в ней отражается.

Вопрос о том, почему эта точка появилась, может быть, и интересен, хотя он и не определяет масштаб и важность этой точки. Это первый момент. А второй момент – ведь если существует некая целостная *бесконечность* в начале и мы согласились, что духовный инстинкт требует полагать, что вначале есть некая нерушимая *бесконечность*, то тот факт, что внутри этой *бесконечности* появляется точка, которая эту *бесконечность* ограничивает, является неким сбоем, ошибкой. То есть этого не должно быть.

Сознания вообще-то не должно было бы быть. Потому что должна быть ровная серая пелена тотального Бытия или *ничто*, как говорит Хайдеггер. Почему есть *нечто,* а не *ничто? Нечто* – это какая-то конкретная феноменология, а *ничто* – есть безотносительная, безусловная, ничем не ограниченная, которая должна существовать прежде всего. Но почему вдруг возникает *нечто*? Сознание, как точка, которая нарушает тотальность *ничто* как всеобъемлющего целого, – это сбой, ошибка. И эта ошибка концентрирована в феномене сознания, которое по своей идее требует истины, полагает себя как истину, ищет истину. Эта ошибка, которая возражает против самой себя. Безусловно, это апория в чистом виде, и тут даже Ахилл с черепахой рядом не стоят, потому что динамика этой апории сносит все.

Представьте себе: должно быть бесконечное целое, ничем не нарушенное, а вместо этого бесконечное целое концентрируется в точке оппозиции, которая это бесконечное проявляет как *нечто*, – бесконечное целое нарушено и это есть ошибка, но само это нарушение есть критерий истины. И есть более того – есть инструмент установления истины. Если мы посмотрим на суть этой точки, которая противостоит *бесконечному*, то суть этой точки в том, что пока она противостоит, она есть центр, оппозиция. Но в тот момент, когда носитель в виде существа, тела, монады, живущей в этом мире, умирает, сознание, которое в нем работало как точка оппозиции, как

зеркало, как антитеза *Всему*, – оно оборачивается тем, чем должно было быть тотальное целое, если бы ошибки не было, – то есть *смертью*, внеположностью, *отсутствием*, бездонной ночью без единого огонька света.

То есть оборотная сторона сознания, его внутренняя перспектива – это *смерть*, которая есть не что иное, как «фотография» той реальности, которая могла бы быть, не существуй мы вообще. Та самая *бесконечность*, которая ограничена нашим сознанием, проявляется в момент *смерти* как оборотная сторона этой ограничивающей бесконечной точки. Это сложная конструкция, но как-то она интуитивно ухватывается.

Итак, сознание теснейшим образом связано с концепцией ошибки, с интуицией ошибки, с тем фактом, что само наше существование как перцептивных субъектов, вброшенных в этот мир, свидетельствующих об этом мире, есть результат нарушения очень важного, фундаментального логического принципа – что *бесконечность* не может быть нарушена, она предшествует всему. Но она нарушена. И мы есть, и мы своим бытием свидетельствуем о «нарушенности» этой *бесконечности*, об ошибке.

Но далее. Поскольку сознание есть свет, который противостоит в этой точке оппозиции бесконечной тьме вне нас, то это сознание есть инструмент преодоления ошибки, восстановления некоей истины, которая лежит за пределами этой апории. Собственно, здесь мы подходим к радикальному определению цели, которое фундаментально отличается от гегелевского представления. По Гегелю, внутри абсолютной Идеи есть некая перспектива от *всеобщего к конкретизации*, от Бытия к его воплощению в виде человеческого существа. А в радикальном сознании существует иная перспектива: нарушение *бесконечности* в виде индивидуального *свидетельствующего сознания* есть залог того, что, во-первых, эта *бесконечность*, раз она нарушена, является обусловленной и, стало быть, ложной, а во-вторых, в самом нарушении есть залог той будущей *бесконечности*, восстановление которой даст нам подлинную, безошибочную полноту и решение, то есть преодоление этой апории. Можно сказать, пользуясь средневековым образом, что будет создан тот камень, который так тяжел, что Господь не может его поднять, но вместе с тем он его создает и поднимает одновременно. И залог этого

задан в нашем сознании – фундаментальной искре оппозиции всему остальному.

Здесь я хотел бы отметить, что существует дуализм различения между *смертью* и *гибелью: гибель* постигает любой предмет или существо, в котором нет этого священного огня или божественной искры оппозиции. Разбить стакан – и стакан «погиб», резко ударили морозы, замерз воробей – тоже «погиб». (Декарт, кстати, считал, что животные души не имеют, и они есть просто автоматы, механизмы.) А вот человек – *умирает*, потому что внутри него существует некая «лента Мёбиуса», в которой *смерть* смотрит на самое себя, *смерть* встречается с самой собой, и из факта этого «смотрения в себя» как в свое отрицание возникает сам феномен сознания как света, как противостояния всему окружающему. Это уникальным образом дано только человеку. Но мы не пускаемся в эту тему, потому что это выход за пределы философского дискурса в теологический, а мы теологического дискурса касаться не будем.

Но очень важно понять одно: подобно тому как есть *гибель* и *смерть*, существует *точка сознания*, точка оппозиции *бесконечному*, есть и разум – в смысле Логос, *Нус*, сфера архетипов, форм и идей, которые не есть *это* сознание. Это есть первичная организация этой среды – *этого не-Я*, которое противоположно нам, внеположно нам в форме некоей феноменологии, по отношению к которой мы, как странники, – просто в оппозиции.

Окружающее нас состоит просто из пятен и клякс, это «пятна Роршаха», которые мы, родившись, еще не знаем, как интерпретировать. Можно сказать, что это хаос, *ничто*, потому что движущиеся пятна равноценны *ничто*. Но тем не менее и кляксы имеют формы, и они каким-то образом структурированы; бывают черными или красными. Так вот, феноменологическая структурированность «мира Роршаха» – это есть Логос или *Нус*, первоначальная стихийная организация Бытия, и этому противостоит точка оппозиции, наше сознание. Исходя из этого можно сказать, что на человеческом уровне этот «первичный разум» создает феноменологию Логоса, – «мудрость», которая не нуждается в словах, понятиях, дискурсе, нуждается только в символах, постижениях, гармониях. Приведу пример. Музыка – это упорядоченный хаос, это Логос, движение звуков разной тональности, разного качества, которые

можно расшифровывать, объяснять, пытаться понять, что ты при этом чувствуешь, но это будет чушь: это другое измерение, другая организация Бытия. И есть литература как проявление сознания, проявление присутствия оппозиции *Я*. Чем отличается контакт сознания с миром? Он необходимо проявляется только при наличии языка.

У каждого из нас задан перцептивный центр при рождении. Это дар Божий. Но если мы Маугли – попали к волкам и пробыли там два-три года, – то этот центр никогда не проснется, мы никогда не заговорим и будем погружены (как насильственно плененные мухи в янтаре) в мир «автоматов Декарта», то есть волков, обезьян, тигра Шер-Хана. А родившись в человеческом пространстве, мы попадаем в колыбель, и мать нам говорит, что вот «это – погремушка», «я – мама», «вот это – молочко» и так далее. Мы усваиваем этот язык, и этот язык помогает нам организовать «пятна Роршаха» в узнаваемую, постигаемую систему.

Уверяю вас, что если в какой-то момент из человека щелчком или ударом по голове выбить язык, то вокруг него мир обрушивается в бессмысленную разноголосицу пятен и объемов, которые являются пугающим выходом в космическую пустоту. Каждому, наверное, знакомы моменты, когда он просыпается в своей комнате, еще не вспомнив про язык, и он обнаруживает себя в чудовищном пугающем пространстве, в котором обычная лампа выглядит как нечто угрожающее, и все абсолютно перевернуто. Потом – клик – человек вспоминает, кто он такой, вспоминает язык, все становится на свое место: это лампа, это ковер, это окно; потому что язык является «организатором» хаоса. На самом деле практика подтверждает не опыт Платона, согласно которому «вещи являются отражением идей», а чистый номинализм: вещи существуют постольку, поскольку вещи для нас названы с «сопроводиловкой», объясняющей, что это такое.

Если верить Платону, получается, что этот стол – он и на небе «стол», и когда на него смотрит ангел из великих миров над нами, он тоже видит стол. Но это собачья чушь, потому что он только для нас существует как стол, а для любого, кто не знает, что это стол, – это «пятно Роршаха».

Так вот, номинализм прав: язык – это зеркало. Наша перцептивная точка, которая находится в оппозиции к *бесконечному*, ограничивая

его, – без языка она не может непосредственно соприкоснуться с *бесконечностью*, с миром феноменов. Маугли не может свою точку перцепции противопоставить реальному миру феноменов, он лишен этого. Почему мы можем? Потому что есть зеркало, в которое смотрит наше сознание, – это язык. Язык – это зеркало, в которое смотрится наша внутренняя оппозиция тотальному *Все*. И этот язык существует как система «имен», которая концептуально наделяет, исходя из нашей позиции, условными значениями все эти «пятна Роршаха».

Но эта система имен предполагает их движение между собой: имена – как словарь, – просто список 50 или 60 тысяч. А почему они вступают в отношения между собой? А потому, что есть медиатор – это точка моей оппозиции всему, которая есть тот центр, через который эти 50 или 60 тысяч слов начинают вступать в отношения между собой, строя миры. Вы скажете – фиктивные, – потому что это не более чем творчество писателя или домыслы интеллектуала, фантазера. Но другого-то нет! Проблема в том, что сознание не может ошибаться, потому что нет ничего, что бы сказало ему: «Я более истинно».

Против сознания может выступить только другое сознание, то есть другая модальность сознания, и дальше они уже должны доказывать истинность или преимущества одного или другого, не апеллируя чему-то вне сознания, потому что вне сознания нет ничего, а исходя из внутренних достоинств этого процесса комбинаторики имен. Процесс комбинаторики имен мы должны назвать мышлением. И мышление есть некая тайна оперирования смыслами, которая противостоит той инстинктивной мудрости, что связана с разумом. Инстинктивная мудрость, связанная с разумом как то, что иллюстрируется стихийной эмотивностью, которая возникает при прослушивании музыки, – она не нуждается ни в чем, она может быть вообще телепатична, основана не на комбинациях, а на передаче импрессии без слов, обмене психическими полями.

А мышление – это организация того зеркала, в котором, с одной стороны, структурирован мир как то, чему мы противостоим, но с другой стороны, это зеркало, в котором наше сознание, как точка оппозиции, видит самое себя. Так вот, мышление – это тот инструмент, в котором и только через который сознание может поставить глобальную теологическую сверхзадачу. Будучи следствием ошибки и

вместе с тем единственным залогом истины, выйти на ту перспективу, в которой эта ошибка снимается как обновление Бытия, как Новая земля и Новое небо, как выход в ту реальность, где «вода течет вверх, а из камней распускаются розы». Это та самая реальность, которую обещает религия, теология. Она осуществляется, как ни странно, не через открытие каких-то источников «мудрости», не через подключение к платоновским субтильным мирам, где живут «идеи». Эта реальность осуществляется через мышление, которое является оперативной технологией политики, оперативной технологией власти, и это вместе с тем теологический процесс.

Таким образом, гносеология как феномен сознания (того, что противостоит *бесконечной* реальности) является вместе с тем и базой совершенно конкретного исторического процесса, который выводит нас к Концу и завершению Времени и к выходу на Новую землю и Новое небо, – то есть к преодолению Бытия в его инертном глиняном субстанциональном качестве. И поскольку это есть теологический процесс, это есть процесс *провиденциальный*, а не динамика, как у Гегеля («от общего к конкретному»).

Это есть процесс реализации Провиденциального Замысла, Мысли Божественного Субъекта, который находится вне *Всего*. Сознание, находясь в оппозиции ко *Всему* и вместе с тем внутри *Всего* как ограничитель, есть указание на этого Субъекта.

Можно сказать, что сознание внутри нас как точка оппозиции *Всему* – это как «дырка», «скважина» в двери, которая нарушает гомогенность двери, но эта скважина под ключ, который появится, который *будет* вставлен. Но для того, чтобы он появился, был вставлен, необходим процесс, который будет соответствовать качеству этого сознания, природе этого сознания. Это есть мышление и язык, организованный определенным образом.

Задача – создать зеркало, в котором проявится этот Провиденциальный Замысел. Это на самом деле творческая, «режиссерская» работа. Можно представить историю как сюжет шекспировской пьесы. Есть «Гамлет», он уже написан, и его можно только ставить. Разные режиссеры подбирают разных актеров, проводят кастинг – не получается, проводят репетиции – проваливаются, – и так до тех пор, пока рано или поздно не придет *правильный* режиссер, не прочтет *правильно* «Гамлета», не подберет

правильных актеров. Тогда наконец-то состоится та постановка, которая будет абсолютной победой, абсолютным триумфом, то есть *телосом*, – Концом, завершением и катарсисом всей сути реальности, само свидетельствование которой нами свидетельствует о ее ошибочности и о необходимости ее исправить.

Это и есть описание того, как работает и выглядит радикальное сознание. Для традиционного сознания мир есть гармония, и в центре его существует критерий *блага*, управляющий всем, и только движение к этому благу может быть целью.

А для радикального сознания вселенная представляет собой вызов, вселенная представляет собой следствие ошибки, потому что наше сознание есть ограничитель *бесконечности*, – это дано нам на опыте, но вместе с тем *бесконечность* не может быть ограничена, а она ограничена. Эта ошибка является той апорией, которая работает в нас, и в истории, и в механизмах большого социума как некий «ядерный реактор». Ядерный реактор, в принципе – тоже некая апория на уровне микромира.

Ответы на вопросы

Откуда возникает эта градация на «радикальное» сознание и «традиционное»?

Здесь мы уходим немного в социологию, но можно и уйти – почему нет? С точки зрения той платформы, которую я описываю, в современном мире, в мире *посттрадиционном*, либеральном, в глобальной нынешней реальности существуют четыре фундаментальных игрока. Первый – это *Традиционалистский клуб*, самодостаточный и абсолютно правящий до 1914 года, но в силу геополитических и социальных моментов он вынужден был уйти за занавес, скрыться за кулисы. Понятно, кто такие представители Традиционалистского клуба, – это знать и стоящая за их спиной публика, которая несет в себе некие фундаментальные принципы метафизического понимания реальности, – не только понимания, но и практических возможностей по этому поводу. Условно говоря, это высший эшелон клерикальной пирамиды и те, кто стоят за их спинами, – «старцы» и их аналоги во всех возможных конфессиях. Это – Традиционалистский клуб. Эти «старцы» имеют выход не на нас с вами, не на простых людей, они общаются с высокопоставленными представителями наследственной знати. Через суфиев, некоторых шейхов и мастеров можно выйти на членов британского королевского дома – никаких проблем. То есть сложно выйти, но можно. Этот игрок – Традиционалистский клуб, хотя обычная публика узнает о нем из анекдотов и домыслов прессы и думает, что главными является партии, парламенты, но это не совсем все так. Традиционалистский клуб рассматривает этот мир как тень высоких миров: «*Здесь* – символ того, что *там*».

Вторым игроком является *Либеральный клуб*, который набирал силы последние 200 лет, и после 1945 года он вроде бы победил и заполнил собой все. Либерализм есть левый, крайне левый, социал-демократия, марксисты, есть либерализм правый, вплоть до фашистов, но это все – либерализм. Либеральный клуб стоит на платформе такого сознания: «Мы здесь живем один раз, нужно стараться, чтобы жизнь была хорошей: сидим, кофе пьем, и пусть это будет до бесконечности».

Это может быть в разных вариантах – для пролетариата все должно быть хорошо, для арийской расы все должно быть хорошо, для меритократии, – но это все материалистический агностический взгляд, который исходит из *эвдемонизма*, – из установки на позитив *здесь-присутствия*.

Есть *Радикальный клуб*, о котором мы говорили. Радикальный клуб считает, что Бытие основано на ошибке, которую надо исправить.

И есть «молчаливое большинство» между ними. «Молчаливое большинство» – это люди, предки которых имели некоторые принципы, но они в силу обстоятельств выброшены со своих насиженных мест, лишены корней, стали «мегаполисной пылью». Человек, деды которого хранили представление о семейных ценностях, о целомудрии, о чистоте, – а он сегодня живет в мегаполисе, на самом социальном дне, и понимает: если он будет в условиях данного телевизора, данных социальных установок выражать эти свои ценности, то он будет выглядеть диким чучелом. Поэтому он молчит и ничего не понимает в этом мире.

Надо сказать, «молчаливое большинство» – носители необыкновенной энергетической мощи, такого бессловесного потенциала. Доминирующее внутренне ощущение «молчаливого большинства» – это негатив, потому что они ничего не понимают в этом мире. Например, они не понимают, почему Путин ушел, а Медведев пришел, почему погромы в Оше, – они ничего не понимают, и это вызывает у них негатив.

Традиционный, Либеральный и Радикальный клубы – это три игрока, три модальности современного сознания, все они находятся в жестокой сшибке между собой и борются за «молчаливое большинство». Особенно борются за большинство различные версии Либерального клуба – левые и правые. Левые говорят: «Ребята, у вас ЖКХ, социалку недодали, зарплату не платят…» – они так пытаются овладеть сознанием «молчаливого большинства». Правые говорят: «Черные понаехали, вы же ребята русские, вы говорите на одном языке, – а что тут эти делают?» Дело в том, что человеку обязательно нужны «реперные» пункты, он не может жить без ориентиров, он не может жить в полной темноте и непонимании. А «реперные» пункты, когда ничего не понимаешь, – это то, что очевидно, а очевидно, что я говорю на определенном языке и в паспорте у меня написана

определенная национальность. И правые либералы пытаются через эти пункты воздействовать. А поскольку значительная часть «молчаливого большинства» – это женщины и домохозяйки, есть управа и на них: это мыльные оперы, которые программируют сознание женской части «молчаливого большинства».

Идет борьба, и не только такая, как я сказал, но и более сложная. Остальные тоже борются непосредственно между собой. Есть борьба между радикалами и либералами. В частности, политический ислам – это осевой, центральный стержень или ядро радикального сознания. Оно входит в конфликт с либералами прежде всего, а за либералами стоят и ведут шахматную игру традиционалисты.

В вашем понимании мышления и языка есть место для понятия «дух»? Где находится дух между мышлением и языком? И второй вопрос: для себя вы отличаете понятия «дух» и «душа»?

То сознание, о котором я сказал, эта непостижимая точка оппозиции *Всему*, которая ограничивает это бесконечное *Всё* тем, что просто поставлена в центр, – это и есть *дух*. А если говорить теологически, то это частица Духа Божьего, которая вложена при сотворении в Адама. Когда Адам был глиняной куклой, когда он еще не был оживлен, находился в состоянии комы, «предсотворительной» комы, – в этот момент Творец вложил в него частицу Духа Божьего. Но это – не Себя, потому что Его как субстанции нет, но частицу Духа своего как того энергетического поля, которым он оперирует. Эту частицу он вложил в эту глиняную куклу – это и есть Дух.

Язык люди не создали. Как люди могут создать язык, если каждый из нас рождается из матери – травма! В мир приходит, пуповина разрывается, младенца обжигает воздух, он вдыхает – и его разрывает боль. После этого его кладут в колыбель, пеленают, и он слышит непонятные звуки. И дальше его программируют матрицей. Он вырастает, начинает ходить в школу и получает матричный оттиск на этой мягкой глиняной субстанции.

И каждый так. Все мы получаем язык *извне*. Если каждый из нас получает язык извне, как же мы можем его создать? Потому что, когда мы уже поднялись, мы его получили, а если мы бессловесные

«маугли», мы не можем его изобрести. Сотня «маугли», собранных вместе, не могут создать язык с нуля. Язык является первым Откровением человеку, и язык первым бессловесным людям Золотого века принес Адам, изгнанный из Рая. Но это уже теология, это не философия.

Что касается различения *души* и *духа* – различаю. Мы живем в бесконечной реальности, которая вне сознания, вне языка, вне мышления описывается музыкой. Это Бытие в чистом своем, непросветленном нашим *свидетельствованием*, виде. В этом виде – мы можем его только «гипостазированно» объективировать, представить – есть восходящие токи и нисходящие. Представьте себе макет человека, как его изображали в средневековье, вписанным в пентаграмму, у него стрелки идут вниз и вверх: solve et coagula, «растворяй и сгущай». «Сгущение» – это нижние миры, вещество. «Разряжение» – это верхние миры, тонкие планы, – это то, что связано с *душой*. Но многие люди считают это «разряженное» «духом». Они думают, что если это воздух, то это – «дух». Это не Дух. *Дух* – это оппозиция всем состояниям – как «сгущенности», так и «разряженности». *Дух* – это абсолютно *иное*. И это абсолютно *иное* совпадает с точкой нашего сознания, которое и есть наш истинный внутренний субъект.

> *Видите ли, внутри концепции блага, на которой базируется большинство авраамических религий, очень сильно проработан философский концепт блага, гармонии, равновесия: императив Канта и так далее. В чем мне показался недостаток вашего концепта: когда Вы говорите об ошибке и подходите к ее решению, у вас стоит стрелка за пределы философии… Вы умышленно обходили этот вопрос или у вас есть ответ на вопрос об ошибке?*

Вы очень тонко и очень остро поняли и почувствовали «тренд». Потому что, если по основной линии брать, «по специальности» – я не философ, я теолог. И то, что я формирую и формулирую, является на самом деле *пролегоменами к теологии*.

Философия для меня – это инструмент некоторых подходов, описаний и так далее, но вместе с тем поле борьбы и поле критики,

потому что считаю, что сфера философии на сегодня полностью выработана и исчерпана. Постмодернизм доказывает это. Постмодернизм есть крушение здания европейской философской мысли. Она существовала с эллинизма и, по сути, до Хайдеггера не выходила из эллинизма. Хайдеггер и Сартр – это последние арьергардные бои. Потом – все, коллапс.

А почему коллапс? Да потому что внутри пафоса философии, внутри ее задач невозможно подойти к радикальному *телосу* человеческой экзистенции. Потому что философия – обратная сторона метафизики. Что такое метафизика для Традиционного клуба? Это: «Я индивидуально существую здесь, но я стремлюсь к тождеству с бесконечным. Я должен получить посвящение и осуществить великую идентичность с Первозданной бесконечностью. *Конкретное* должно отождествиться со *всеобщим*».

Философия – это обратный путь. Как я могу *всеобщее* представить в виде *конкретного*? Анаксимен говорит: это воздух. Гераклит говорит: это огонь… Короче, вода, огонь и так далее – общее, а существует в виде *конкретного*. И Гегель ничем не лучше Анаксимена – он говорит: общее существует как человек. Бесконечная идея находит себя в человеке, конкретном, его современнике.

Моя задача: я вижу, что это движение от всеобщего к конкретному, от конкретного ко всеобщему, – это гармония человеческой мысли, она уже выработана. Только теология, которая делает ставку на абсолютно антитезные, «апорические», концепты, – только она может вывести человека из метафизического тупика.

Теология не может.

Та теология, которую я методологически сейчас представил, намекнул на ее существование, может. Я же не Фому Аквинского вам излагаю и не Беду Достопочтенного, – я излагаю *теологию совершенно другого типа*.

Эта теология, которая является совершенно новой, *постфилософской* теологией, она учитывает тупиковость и замкнутый круг, в котором вращались мыслители традиционного звена, – между *всеобщим* и *конкретным*, между благом и дисгармонией. Это все гармошка имманентного, а теология – это свет за пределами этого.

Моє питання в контексті: радикальна свідомість, політичний іслам і Росія. Наскільки радикальна свідомість спрямована проти Росії? Чи навпаки, згідно радикальної концепції Дугіна, вона є за Росію?

Во-первых, Дугин не относится к радикальному сознанию, он старается представлять в меру возможности традиционалистское сознание, и его установки тесно связаны с платформой формального традиционализма, который он, правда, очень сильно «облегчил», чтобы они работали для его конкретных задач и целей в его пространстве. Но, в принципе, он отпочковался от традиционалистской школы Генона и он антирадикал, естественно.

С точки зрения радикального сознания есть две противостоящие друг другу реальности: Общество и Община с большой буквы. Что такое Общество? Это субъект, который является конкретизацией в человеческой форме вот этого великого Бытия или Великого Существа, о котором я говорил, – solve et coagula. Но solve et coagula в пентаграмме – это Иблис. Сатана, но не тот, который с рогами и перепончатыми крыльями, а тот, которому поклоняется языческое человечество – Аполлон, Ормузд, Осирис и так далее. Кстати, слово Иблис, как называется враг Бога в арабском языке, – это просто арабское произношение слова Аполлос, то есть Аполлон.

Это Великое Существо, «сын неба и земли», как говорят китайцы. Эта организация первозданного Бытия проявляется на наш мир, на наше зеркало в форме коллективного Общества, которому противостоит Община. Община – это братство верующих, которые объединены, как братья, между собой не потому, что они произошли из общего лона материнского, не потому, что связующим звеном является плоть матери, а потому что они связаны *смертью*, они знают, что умрут. Их «лоно» – это общая могила, которая их ждет, и они *братья через смерть*. Но их неизбежная смерть, которая их ждет, – это оборотная сторона их сознания, которая есть вместе с тем их миссия.

Они уверены, что должны преодолеть тьму неизбежного Конца, потому что это дверь, за которой открывается выход в трансцендентную перспективу. Разнообразны формы, которая Община принимает, – ведь я говорю не только о *политическом исламе*, я говорю о гуситах, об адамитах, о катарах, о всех революционных сектах

праведников, которые в Европе поднимали антицерковные, антифеодальные восстания. Но все Общины видят во всех формах организованного Общества с фараоном во главе – тиранию и присутствие Сатаны. Конкретное изображение того, что такое Общество, мы находим в христианских священных книгах, потому что там все изложено про фараона, там все изложено про кесаря, а фараон и кесарь – они как были, так и есть.

Как можно спорить с концепцией Общины, когда уже все сказано про кесаря: Евангелия дали на это ответ, расставили все акценты? Моисей вывел правоверных из Египта и бросил вызов фараону – все уже сказано. С одной стороны – фараон, возглавляющий коллективного Сатану в лице человеческого социума, а с другой стороны – *Община единобожников.*

Как же глухонемые ориентируются в мире, если речью они не наделены?

Ведь нам же не важно, что является знаком? Язык – это система знаков в *номиналистском* понимании. Для реалистов – например для Платона и платоников, – вещи и идеи обладают самостоятельной жизнью: стол – он и *там*, наверху, стол, чашка – она и *там* чашка, – они сами по себе есть. А номиналисту понятно, что никакой чашки нет, есть концепция «чашки», и по-английски это будет писаться как «*cup*», а для слепого это некие шероховатости на бумаге, которые он читает пальцами.

Но у нас прежде должна быть некая языковая система, от которой мы можем отпочковать редуцированные версии, – то, что может почувствовать слепой, шрифт Брайля, например. Самое главное, что язык является следствием Откровения. Язык невозможно создать в человеческой практике, его человеческая практика только портит.

В этом смысле интересны работы классических санскритских грамматиков, которые исследовали появление на базе санскрита *пали, хинди* и других языков. Конечно, их оплевывали и осмеивали марксистские философы и филологи, но они прямо говорили, что санскрит – это божественный язык, на котором написаны ведические гимны и который попал к шудрам, рабам, женщинам и детям. И по мере воздействия на него этих «нелегитимных» говорящих он

преображался в *пали* (язык буддийского канона) и новоиндийский *хинди*. То же самое – латынь. Высокая латынь попадает к «образованцам», становится варварской латынью, распадается на местные романские языки, – порча.

То же самое – арабский язык. Исламское предание говорит, что арабский язык был открыт в готовом виде и передан Исмаилу, сыну Авраама, в тринадцатилетнем возрасте. Исмаил вместе с Агарью, своей матерью, был удален от Сары 4000 лет назад, – ему был открыт этот язык. Потом арабский язык стал языком окружения и последователей Исмаила, подвергся порче, декадансу, и уже до прихода ислама существовали диалекты, которые были очень далеки от литературного стандарта.

Почему ислам говорит, что Коран – это чудо? Ни один мулла не ответит. А причина очень проста: когда на Пророка Мухаммеда, да благословит его Аллах и приветствует, снизошло вдохновение и он стал говорить *аяты*, они были на чистейшем литературном арабском, которого он не знал, потому что он был один из многих: вырос как обычный человек и говорил на языке своего окружения. Но он заговорил на языке Корана, на котором никто в его время не говорил. Поэтому там есть такой *аят*: Бог говорит ему, что «они говорят, что ты обычный человек, который это придумал, но пусть все вместе приведут хоть один *аят,* подобный этому». Сейчас, когда мы читаем это на классическом арабском или в переводе, нам непонятно. А как этот вызов может быть оценен неграмотными простыми людьми? Что они – могут судить, какой *аят* мудрый, какой немудрый? Нет, все очень просто. Мы, допустим, в деревне, вокруг нас неграмотные люди. Пастух заговорил на языке Пушкина, ему говорят: «Ты что несешь? Это все ерунда!» А он им отвечает: «Вы попробуйте, скажите мне что-нибудь этим языком». В нормальном состоянии Пророк говорил, как все остальные. Поэтому существует *Сунна* – традиция; к нему его сподвижники приходили, выучив наизусть полупонятные им тексты, и просили объяснить, что это значит, и он им на их языке, диалектном, народном, объяснял. Но говорить на чистом языке он мог только в состоянии Откровения. А потом, когда арабы вышли за пределы Хиджаза и распространился ислам, – в Византии, в Иране, в Северной Африке все выучили этот язык – «стандартный», литературный, который был восстановлен в Коране. Тогда *Сунна* была переведена на

этот «стандартный» язык, как и тафсиры, истолкования текстов, – получалось, будто это одно и то же, повторяет друг друга. А это вначале было на обычном языке написано, народном, там разъяснялся этот непостижимый для них язык Исмаила, первозданный арабский язык. В Коране восстановлен язык Исмаила – вот в чем секрет, именно поэтому это называется чудо. Но сегодня этого практически никто не знает. Любого муллу спроси – почему Коран называется чудом? Он ответит: потому что там все непостижимо, это божественное Откровение. А он был передан обычному человеку, который говорил «обычным» простонародным языком, и он его воспроизвел, и это стандарт литературного языка сегодня.

Не подменяет ли в Вашей системе человек собою Бога? Не служат ли люди, сами того не подозревая, «тому самому врагу», с которым они, как они думают, борются?

Хочу уточнить, что в данном случае речь идет о радикальном сознании, которое воспринимает реальность как апорию, которая существует в том виде, в каком она существует, но она *не должна была бы существовать* в силу фундаментальных законов логики. То есть, если *бесконечность* есть, она не может терпеть наряду с собой чего-то *вне* ее – *конечного* или *противостоящего* ей, – потому что она *бесконечна*. А если я говорю о ней и сознаю ее, то я *вне* ее, и значит она не *бесконечность*. Это фундаментальное понимание того, что метафизически Бытие устроено как апория, и эту апорию нужно решить. Это первое.

Второе – эту апорию создал сам Бог. То есть он создал для нас некую платформу, в которой предъявлено нам *то, чего быть не может, но оно есть* как вызов, и нам предложено – как тем, кто приходит за испытанием и для этого создан, – преодолеть эту ошибку, потому что *тварь* – инструмент некоей цели, сверхзадачи. «Ничего не создано понапрасну».

Иными словами, мы в этом смысле не более чем инструмент божественного Провидения. Вы спрашиваете, не попадаем ли мы впросак, решая эти вопросы? Знаете, это сложный вопрос. Не ошибается тот, кто ничего не делает. История человечества знала много героев, прекрасных людей, которые либо не справились со

своими задачами, либо их инициативы привели к противоположности. Один из самых любимых моих героев – батька Нестор Махно. Я считаю, что это один из выдающихся людей старой Российской империи. Ленин ему завидовал! Был еще Петросовет, а Махно здесь уже строил и создавал. Но он проиграл ситуацию. Как я и говорил – режиссер, кастинг, неудачные репетиции, – до тех пор, пока не получится.

> *Как делить людей? Я имею в виду общество и общину. Вот я встречаю человека, и как мне понять – он член общины или нет?*

Понимаете, люди состоят из нескольких компонентов. Есть глина, из которой мы созданы, как куклы в этом космическом театре. Есть точка, которая в нас вложена, – точка оппозиции, которая представляет в нас перцептивное сознание. Есть взаимодействия этой точки и этой глиняной куклы внутри, которые осуществляют «подгонку» этой куклы и этого сознания. И здесь возникает очень много возможностей классификации, и, с другой стороны, шансов совершить большую ошибку.

Например, есть деление, с точки зрения глины, на касты – то есть брахманы, кшатрии, вайшьи и шудры. Это хорошее деление, но оно существует внутри традиционного общества, а это общество не работает в том виде, в котором оно использовало касты как инструмент своего проявления. Скажем, уже в абсолютистскую эпоху, когда феодализм был завершен, когда монархия стала бюрократической, кшатриев выгнали пинком из социума: их заменили бюрократическими армиями, институтом офицерства. Кшатрии стали аутсайдерами и превратились в Че Гевар, Эмилиано Сапат – в одиноких героев. Рождаться они продолжают, но они уже не каста, а одинокие герои.

Я думаю, вы достаточно интуитивны, и когда встречаете человека, сразу понимаете, к какому «клубу» он относится. Когда вы видите Александра Дугина, вы понимаете: это традиционалист, или имитатор традиционализма как минимум. Или вы видите – это либерал, человек, который хочет в фойе хорошей гостиницы пить кофе со свежей газетой, и он считает, что это хорошо и так и должно быть, а те, кто

говорят, что что-то еще есть, – это подозрительные мерзавцы. Либо же вы узнаете радикала. «Молчаливое большинство», думаю, каждый из вас узнает.

Когда появились добро и зло?

Монотеизм исходит из установки, что абсолютные, самодостаточно существующие *добро* и *зло* – это краеугольный камень языческого, то есть *реалистического* подхода к действительности. А монотеистическое Откровение говорит нам, что *добром* и *злом* является не *благо*, которое сияет объективно, а является *добром* и *злом* то, что Творец определяет для вас в качестве задачи как *добро* и как *зло*. В Коране конкретно говорится: «Вы думаете, что это для вас зло, а это для вас добро, вы думаете, что это для вас добро, а это для вас зло». То есть это *номиналистский релятивизм*, но это релятивизм, который декларирован внебытийным абсолютным Субъектом. То есть это не релятивизм на самом деле – здесь происходит смена ориентиров.

Мы не можем идти так буквалистски за этим конструктом, потому что здесь возникает несколько интерпретаций. Например, запрет Адаму на подход к дереву некоторые интерпретируют как запрет именно монотеистического Творца на следование путем посвящения, потому что вот это дерево – тот самый ствол, «ось миров», интеграция с которой дает возможность отождествления с Великим Существом. Там, где Великое Существо, Иблис, отказался поклониться Адаму, Адам через это дерево мог бы стать равным ему. Но ему было запрещено становиться онтологически равным ему, и он вообще был изгнан из этого пространства, где у него были шансы идентифицироваться с Великим Существом. Ведь у него есть миссия, как у маргинала, потому что он – носитель той частицы, о которой никто, кроме него, не знает.

Как рассматривать сознание человека во время сна?

Представьте себе, что зеркало могло бы запоминать образы. Его закрывают тряпочкой во время смерти кого-то в квартире, а оно помнит все, что отражало. Но дело в том, что объем этого «запомненного» не совпадает с тем принципом, по которому зеркало

отражало. Потому что зеркало отражает не из-за полированного стекла, а из-за того, что сзади у него никому не известная Чёрная амальгама останавливает лучи света, то есть является оппозицией световому потоку. Так вот, эта оппозиция амальгамы световому потоку может работать как по отношению к реальной комнате, так и по отношению к той комнате, которую она «запомнила», будучи накрытой. Потому что принципиальная позиция амальгамы на задней стороне зеркала – она абсолютно вне стихии *рефлектирования*, но при этом она является *условием* рефлектирования, отражения.

Радикальный клуб был бы доволен распадом России?

Я считаю, что Российская Федерация – это территория, а судьба ее и, самое главное, ее наполнение могут быть совершенно разными. Было время, когда этой территорией правили немцы, литовцы, татары. Помню время, когда интернационалисты правили. Сегодня условные «москали» – какие они москали? Постольку, поскольку живут в настоящий момент в Москве. Я считаю, что человеческий фактор, с которым всегда России не везло, – это величина переменная, и все-таки есть надежда, что может быть, повезет в какой-то момент в ходе эволюции. Или революции.

Проживая в Крыму, наблюдал проявления типично тюркских парадигм в русской среде. Согласны ли Вы с этим наблюдением?

Может быть, крымские русские какие-то особые русские. Знаете, это очень сложный вопрос. Действительно, для русских какие-то племенные, кровные узы крайне проблематичны, потому что огромное евразийское пространство состоит из разных народов, которые все стали «русскими».

Например, угро-финские народы – коми, зыряне, мордва, кривичи, пермяки и так далее – мощнейший субстрат. Тюркский элемент там, кстати, представлен микроскопически. Русским присуща вера в государство, это их точка сборки.

Государство на самом деле – это мифологический Левиафан. Государство, которое складывается в Евразии, очень специфично, оно отличается от всех остальных государств. В нем особую огромную

роль играет бюрократия. Бюрократия есть всюду – есть брюссельская бюрократия, например, но там у нее есть хозяин. А в России она не имеет хозяина, она сама себе хозяин. Дело в том, что бюрократия, в силу особых обстоятельств, формируется из люмпенов. Есть люмпен неорганизованный, на улице, а есть организованный – в кабинетах. Корпоративный люмпен, не имеющий над собой хозяев, – это совершенно особая страшная сила.

Аналогом не являются ни КНДР, ни Китай – даже близко не подходят. Я не согласен, что фиксация на мифе организованного люмпена, который представил себя как сакральное государство, – это достояние тюркского менталитета. Разные есть тюрки. Есть кочевники, которые чувствуют себя фундаментально свободными. Есть жестко заорганизованные тюрки Турции, и есть тюрки Северного Казахстана. Если говорить о ключевой ментальности – точно, что это не русская ментальность.

Чем характеризовалась первичная организация Бытия? Как вы относитесь к концепции «богочеловека»? Как трактуется Иблис – символ света?

Я хочу уточнить следующую вещь. Вы совершенно точно сказали, что Иблис – это «первосвет», *первая структура реальности*, это архетип. Он и в христианской традиции – первый из созданий божьих, Денница, которая выдает себя за своего Творца. И человек, естественно, является реализацией на очень глубокой периферии, отражением этого архетипа. И на самом деле его онтологический вес – почти что ноль против этого архетипа.

Но мессиански именно он избран как точка сборки или краеугольный камень, о который преткнутся «те, кто не знает секрета». Потому что в Адама вложена точка Духа Божьего, а Иблис об этом не знает. Когда Творец говорит Иблису: «Поклонись Адаму!», тот отвечает: «Я лучше его! Ты создал меня из огня, то есть из соединения жара и света, первозданной энергии, а его из глины, то есть крайне периферийного, маргинального сгущения, сублимации этого мира. Поэтому мое онтологическое превосходство бесспорно и бездонно. Зачем я буду ему поклоняться?»

Только он не знал, что это глина «пробита» некоей иглой, что внутри нее есть нечто непостижимое, полная альтернатива всему, включая, естественно, и первозданный свет. Иблис не ведает этого и отказывается поклониться. А дальше уже он говорит: «Я буду его искушать, а это значит – я буду добиваться того, чтобы глина не подчинилась этой точке оппозиции или чтобы все это существо (композиция из глины и точки оппозиции, сознания) забыло о том, что его противопоставляют Всему, чтобы оно пошло путем стремления периферийной твари соединиться с архетипом». Не служить Творцу, а соединиться с верхней моделью онтологии: это восхождение по лестнице миров, и есть, собственно, основа метафизического интернационалистского пафоса.

Иблис не субъект – он Существо. Субъектом является только непостижимая точка альтернативы всему. Субъект – это концентрированное *ничто*, которое вместе с тем является тайной и сутью сознания, тайной и сутью Смысла. Это не парменидовское *ничто*, это *ничто* как отрицание. Так Чёрная амальгама зеркала – это *ничто* света, за счет которого возникает изображение. Это и есть Субъект. А все, что отражается – это объекты.

> *Как познается бесконечность? Где находится телесный человек? И какими методами борется за «молчаливое большинство» Радикальный клуб?*

Первое. У *бесконечности* не может быть части, и поэтому нельзя рассматривать ни сознание, ни человека, ни субъект как некую часть *бесконечности*, будто есть некая *«бесконечность № 1»*, а рядом некая *«бесконечность № 2»*.

Бесконечность не предполагает ничего, кроме себя, а всякий осознающий ее тем самым находится *вне* ее и *противостоит* ей. И это вопрос, требующий решения. В этом же контексте есть такая позиция, что *бесконечность* не может быть предметом опыта. Но она является предметом опыта у детей в определенном возрасте, когда язык еще не сформирован и восприятие еще очень чистое и интуитивное. Есть очень специфический момент между тремя и пятью годами, когда ребенок внезапно ощущает, что его потенция воспринять шире, чем все, что туда попадает. Как сферическое зеркало, которое заведомо

больше, чем все, что этому зеркалу можно показать. Этот момент ускользающий, преходящий, и он связан с первичным восприятием неба, когда ребенок остается впервые один на один в диалоге с небом. В этот момент он получает необходимый заряд *бесконечного*. Что он отделен от *бесконечного*, что он ему противостоит, – он эту апорию не осознает. Он просто обнаруживает, что *бесконечность* есть, она в нем, потому что его потенция воспринять небо больше, чем небо. Но в следующий момент он обнаруживает, что сам он хрупок и уязвим. Этот момент для него трагичен, и потом, уже взрослым, он говорит, что *бесконечность* – это абстракция, такого опыта быть не может. Если он скажет, что есть такой опыт, ему придется иметь дело с этой апорией и объяснять, как он имеет дело с *бесконечностью*, поскольку *бесконечное* не может разделяться: оно по определению целое. Таким образом, здесь есть совершенно четко некий парадокс, и этот парадокс сконцентрирован в факте, который объехать нельзя, его придется решать.

Второй вопрос. Знаете, есть воздух – и это просто воздух. А можно взять воздушный шарик или пузырь выдуть – и это будет «специальный» воздух внутри пузыря. Человек – это пузырь, в котором фиксирована определенная потенция, которая существует и за пределами его. Но в этом пузыре она просто сосредоточена. Если пузырь лопнет, то воздух внутри пузыря не будет отличим от воздуха в комнате. Пока пузырь есть – есть дистинкция. Телесный человек – это некое условие проявления столкновения. Это площадка, на которой происходит столкновение вот этой точки оппозиции и *бесконечного* за счет преломления этой радужной оболочки.

Третий вопрос. Для завоевания «молчаливого большинства» (хотя на самом деле – для завоевания победы) радикальное сознание опирается на трех фундаментальных китов, или на три фундаментальных лозунга, – смысл, свобода и справедливость. Смысл – это очень важная вещь для «молчаливого большинства», потому что удел «молчаливого большинства», как я уже сказал, – это непонимание. Ему предлагают не смысл, а объяснения и обманки. И конкретные решения, например: «Иди за нами, и мы гарантируем пенсии!» или «Иди за нами, и мы гарантируем торжество тебя как этнической группы над другими этническими группами!» Или же ему предлагают объяснения, как что получилось. Но ему не предлагают

смысла. А смысл – это великая вещь, это не значение, не *означаемое*, не *указываемое*.

Смысл – это конкретная тайна. Почему, когда я вижу перечеркнутый треугольник, я знаю, что это буква А, первая буква алфавита, и всю мифологию этой буквы? Компьютер, когда встречает эту букву, он ее же не узнает, не расшифровывает, на нее не реагирует. Смысл – это тайна. Второе, что предлагается, – это свобода. Либералы говорят, что свобода – это идентификация себя через выбор. Если свобода так понята, поднятая рука означает, что «я – Иван Иваныч», а если рука опущена – «я – Петр Петрович». А радикал говорит: ты – отражение Сатаны. Сатана поднимает руку, и ты поднимаешь. Но можно сделать так, что он поднимет руку, а ты не поднимешь. Ты можешь эмансипироваться от своего оригинала, и выйти в совершенно другое измерение. И тогда речь идет уже о справедливости. Справедливость – это когда свобода и смысл соединяются так, что твоя жизнь, проведенная здесь, – не жизнь пыли на ветру; она становится тем, что имеет значение для всей истории человечества. И это радикалы предлагают «молчаливому большинству».

Какой образ мира наиболее близок молчаливому большинству? И что Вы думаете о теории «столкновения цивилизаций» по Хантингтону?

«Молчаливое большинство» – это не однородная масса. И она очень зависит от своего положения. Представьте себе общество как сосуд, который греется. В нем есть броуновское движение. Соответственно, нагревающиеся частицы поднимаются вверх, и дальше у них может быть разная судьба: одни, нагревшись, улетают как пар, другие опускаются опять.

Есть некоторый радиальный диаметр, «молчаливое большинство», которое поднялось выше, и «молчаливое большинство», которое опустилось или не поднялось. Представьте отчетливо, что подавляющее «большинство этого большинства» являют собой люди, которые генетически, в прошлом, – выходцы из мелкой сельской буржуазии, которая транспозирована в города в силу тех или иных обстоятельств, в разных странах – разных. У этих людей ориентация на устойчивый позитив, то есть семейные ценности,

воспроизводство из поколения в поколения одного и того же формата жизни, четкая гендерная фиксация, функция различения. Естественно, в мегаполисе все это осмеивается, все от обратного. То есть эти люди даже не могут заикнуться о том, что они в себе несут.

Но существует коловращение «броуновского движения». Современные мегаполисы – это такое себе колесо в парке: возносит или опускает. Посмотрите на судьбы олигархов. Мелкий научный сотрудник или комсомолец вдруг становится олигархом, потом его сажают, он бежит, становится политическим беженцем, потом его реабилитируют, или он за границей восстанавливает свое положение. Это яркий пример, но в мини-формах это касается очень многих.

И, как правило, в этой среде дети или внуки не удерживают социальной позиции родителей. Дед или прадед был представителем сельской буржуазии, сын получил в городе образование, стал крупным инженером или ученым, выходцем из этого пространства, а внуки уже могут быть люмпенами. В целом есть некий низ, и кто попал туда, уже не выходит: это мировое гетто. Это Гарлем, белый или черный, – Нью-Йорк, Рио-де-Жанейро или Москва.

Это вечный полюс отчуждения, инфернальный *низ*, куда никто не стремится попасть. Между самым низом, где нет надежды, и тем, где есть «броуновское движение», есть «мембрана». Это низовые криминальные структуры, которые контролируют этот энергетический *низ* и взаимодействуют с корпоративной бюрократией – с силовиками, с правительством, со спецслужбами. Но при этом они оказывают какое-то давление на это «броуновское движение», которое ближе к экватору, над ними.

В действительности криминальные структуры в сегодняшнем мире играют огромную роль. Они являются теневой стороной института. Этот институт, хоть и нелегитимный, он работает: расправы, идущие по судебно-правовой линии, осуществляются не против криминальной линии, а против тех, кто нарушил кодексы этих криминальных структур, а также против обычных представителей «молчаливого большинства», которых загребают и метут в общей системе расправ.

До тех пор, пока у «молчаливого большинства» есть надежда пересечь радиальную линию и подняться в middle-класс, с ним говорить бесполезно: оно воспринимает только либеральные

«приманки». Как только у него меняется вектор, оно начинает падать вниз, радикализируется, но по-настоящему оно звереет и может все разнести, когда пересечет эту черту, «мембрану», где криминал отделяет низ от законопослушных.

Здесь эти люди выходят в чистую экзистенцию, и у *субкриминала* появляется политическое измерение. Криминал для того и нужен, чтобы страховать от политики низы. Он отсекает низы – тех, у кого нет надежды, обездоленных, – от политического понимания ситуации, от *политической воли*.

Что касается «столкновения цивилизаций»… Видите ли, у цивилизаций одни и те же «боссы». А «столкнуться» с цивилизацией может только подлинный *монотеизм* – в варианте моисеевом, или авраамовом, или иисусовом, или в мухаммедовом варианте. Подлинный монотеизм – это не цивилизация, это «партия Бога». А цивилизация – это фараон, кесарь и китайский император, которые встречаются за кулисами и пьют чай вместе.

К какому клубу относятся идеалы ваххабизма?

Они радикалы, но нужно тут учесть одно: дело в том, что радикальное сознание находится в состоянии освоения своего подлинного дискурса и еще не смотрит в зеркало, узнавая самое себя, оно пользуется еще заемными элементами. Радикалы были всегда. Но радикальное сознание в XVIII–XIX веках во многом определялось чуждым ему, но хорошо ему проданным дискурсом либералов.

Например, Маркс – это либерал, но он выглядит как радикал и очень многих радикалов вовлек в свой фарватер, потому что в его действительности были элементы, которые позволяли обмануться.

Я говорил об *ошибке, которая должна быть преодолена*, – эта тема в «имитационно-сниженном» плане тоже у Маркса кое-где просвечивает. Для того чтобы апеллировать к радикалам, он перевернул Гегеля – явного традиционалиста. Ленин, который стал марксистом, – это радикал, и сам марксизм он воспринял очень условно и в кавычках. Чистый радикализм, который говорил на своем языке, был у гуситов, у катаров, у адамитов, но между ними и нашим временем пролегла большая цезура.

Маркс ведь не зря сказал, что раньше люди выражали политические и социальные задачи языком религии, а наша задача выражать их языком рациональным («базис – надстройка»), лишить их «религиозных одежд», поставить с головы на ноги. Он на самом деле хотел подгрести все это под себя, под свое либеральное видение действительности. А религиозные секты были вполне радикальны.

Но «ваххабиты» не говорят сегодня на чисто радикальном языке в силу того, что они во многом пользуются источниками, связанными с не соответствующими нашему времени условиями, – это Ибн-Таймийа, скажем, и другие авторы. Они работали спустя столетия после прихода Откровения. Я хочу сказать, что само Откровение – Коран – и сознание Пророка, да благословит его Аллах и приветствует, являются абсолютно современным, радикальным, *супермодернистическим* сознанием. А это не было понято уже через 200 лет после них.

Я считаю, что мы находимся, во-первых, в условиях кризиса той цивилизации, которая сформировалась после 1945 года, – то есть либеральной цивилизации, которая вывела за кулисы всех остальных, оттеснила и твердо воцарилась. Сегодня она переживает эпоху полной растерянности, банкротства и арьергардных боев, потому что либералы – паразитическая публика, они паразитируют и имитируют. И когда они окончательно захватывают всюду авансцену, то не остается ничего, что можно имитировать, и съедено все, на чем можно было паразитировать. И тогда они начинают метаться.

Пример – рейганизм. Либерал, который увидел, что все ресурсы для того, чтобы снимать пенки с работающего общества, уже исчерпаны, то есть общество плохо работает и теперь надо притормаживать и снимать пенки с процесса торможения: торможение же тоже тепло выделяет. Поэтому сворачивание социальных программ, ликвидация пенсий и бесплатного образования – это все либеральные акции справа, которые носят «тормозящий» характер. Можно снять пенки на восходящем этапе, когда идет резкая модернизация, промышленная революция, мобилизация широких слоев, которые по медвежьим углам сидели и теперь вливаются в города, – можно с этого снимать, а можно и с торможения. Но это недолговечно. Наверное, единственным выходом для них остается попытка сделать

дестабилизацию всеобщей, чтобы продлить себя в качестве арбитров и манипуляторов.

> *Григорий Палама в свое время сформулировал учение о человеке как «сотворце Бога». Есть ли в исламе идеи о незавершенном творении, или мир завершен?*

Он не может быть завершен, потому что там вообще такой вопрос изначально не ставится. Когда Аллах хочет, чтобы какая-то вещь была, он говорит ей «Будь!», и она бывает. Иными словами, существует абсолютная свобода.

Есть такой автор, который считается политическим и радикальным, – Саид Кутб. Это признанный политический современный мыслитель, но его казнил Абдель Насер, придя с его помощью к власти. Вот у него есть серьезные ошибки – как у тех мусульман, которые теологией занимаются как второй темой (политикой – первой, а теологией – второй). Он говорит то, что фундаментально расходится с исламом, – что неизменность законов созданного мира доказывает мудрость и величие Всевышнего, который эти законы создал. Это абсолютно не исламский тезис, который Саид Кутб вынес из багажа европейских просветителей, рационалистов XVIII века, которые еще не порвали с *деистическими* идеями.

Всевышний является Провиденциальной Мыслью, вернее, проявляется по отношению к творению как Провиденциальная Мысль, которая непрерывно уточняет, обновляет и переформатирует, поскольку идет постоянное сопротивление субстанции. Субстанция – глина – сопротивляется, скульптор постоянно переделывает, лепит новые куски, – и это идет непрерывно.

В данном случае можно говорить о «незавершенности творения», но я хотел бы уточнить, что неправильно подходить к этому с такими терминами, как «завершенность» или «незавершенность», потому что *завершенность конца этого творения* – это когда эсхатологически закрывается Ветхое бытие и начинаются Новая земля и Новое небо через Воскресение, через Суд. О каком завершении можно говорить? А что касается человека как «соработника» («Не раб божий, а соработник!» – как говорил Николай Бердяев) Паламы, то с точки зрения ислама это абсолютная ересь, потому что это предание

«сотоварищей» Богу, – самое худшее преступление, *ширк,* форма политеизма. Конечно, человек является инструментом Провиденциального Замысла, но ни в коем случае не его участником. Выбор есть: он может быть плохим «инструментом» или хорошим.

На кажется ли Вам, что эта апория – возможно, «перст, указующий на луну»?

Дело в том, что наше восприятие – это безусловное sine qua non[22], без чего все остальное не существует. Восприятие является отправной точкой и единственным критерием. Можно сказать, что все, что здесь говорилось, – это идеалистическая иллюзия, образованная неправильным пониманием развития экономических сил и экономических отношений. Но и ваше высказывание, и высказывания в марксистском ключе повисают, потому что оба эти высказывания сделаны из клетки вашего сознания. Другой точки отсчета нет.

А для этого сознания *бесконечность* как данность является императивом. Это не категория в том смысле, что это *не* номиналистский феномен. Категории разработал и запустил Аристотель, он был номиналистом. *Бесконечность* – не феномен. Феномены мы можем классифицировать, – классифицируя, мы определяем, что является предикатом, что является подлежащим. *Бесконечность* не феноменологическая вещь, это предшествующее всему *необусловленное целое*, которое задано для вашего восприятия как некий фундаментальный экран, без чего ничего нет. Но *бесконечность* при этом не может допустить и вас, поскольку она по своей природе *неделимое целое*. Здесь самая главная проблема. Но если вы будете ее сводить в феноменологию, в категории, в иллюзии и так далее, – тем самым вы просто уйдете в сторону от этой проблемы. Другие противостояния не столь фундаментальны заведомо.

Является ли пробуждение свободной воли заданием радикального клуба?

Воля – да, но только не «свободная», потому что с точки зрения радикального клуба *воля и вера – это одно и то же*. То есть в акте веры вы проявляете волю позиционировать то, во что вы верите.

Очень интересный есть эпизод в «Бесах» Достоевского. Там Ставрогин спрашивает Шатова: «Во что вы верите?». А тот отвечает: «Верю, что русский народ – богоносец». «Ну, а в Бога Вы веруете?» Тот спотыкается и говорит: «Я буду, буду верить в Бога». Ставрогин презрительно смеется и уходит. Это очень интересный момент. Шатов надеется, что завтра или послезавтра он мобилизует волевой ресурс, и в этом акте он позиционирует Бога как обязательную данность. А сейчас – не получается. То есть это дефицит воли как веры.

Вера – интеллектуальная воля, доведенная до определенной концентрации. Пример. В исламе есть градация проявлений веры, там 72 уровня. Первый – это когда идешь по дороге, а на дороге лежит камень. Можно пройти мимо, а можно взять и убрать, проявить акт противодействия энтропии. Не полениться убрать этот камень – самый нижний, первый уровень проявления веры, а вместе с тем и воли. Воля – антиэнтропийная акция. На самом высоком верху это уже пассионарное самопожертвование, когда отдаешь свою жизнь как *свидетельствование*.

Но это *интеллектуальная* воля, и это более сложная вещь, чем то, что называется свободной волей. Свободная воля – это выбор, пойти или не пойти в кино. А свобода – это неподчинение архетипу, то есть Сатане. Он поднимает руку, а я в зеркале – казалось бы, его отражение, – не поднимаю руку. Да, в этом смысле – свободная воля, но совсем с другой стороны. Не мой автономный выбор, а мое несогласие с Бытием, которое, казалось бы, меня программирует, несогласие с матрицей, которое меня цивилизационно формулирует, несогласие со смыслами, которые я получил в колыбели. В этом смысле – да, но это всегда есть *интеллектуальная воля*, которая становится верой.

> *Ваше мнение относительно классиков традиционализма – таких, как Эрнст Юнгер, Рене Генон, Юлиус Эвола.*

Юнгер – это замечательный пример того, что радикал и пассионарий по сути вынужден пользоваться заемными элементами знания, потому что радикалы на его уровне в его время не имели собственного дискурса. И это, к сожалению, беда. По сути, это

кшатрий, одинокий герой, но он пользуется элементами крайне правого либерализма и традиционалистскими элементами. Честно говоря, кшатрий, который находится в системе иерархического общества, как в пирамиде, кшатрий, который занимает свое место под брахманами, – он не настоящий радикал, потому что его функциональная задача – обслуживать запросы общества.

Как в «Республике» Платона, где есть мудрецы, а есть как бы «ОМОН»: воины, которые держат в повиновении тех, кто стоит ниже. Быть «ОМОНом» для кшатрия – это не пассионарный радикальный путь. Поэтому провиденциально кшатриев громят, они превращаются в одиноких героев и снова возвращаются к своей революционной природе и судьбе уже через воздействие извне в виде общины.

У Юнгера, к сожалению, не было таких условий, и поэтому он был очень эклектичен, а в итоге не нашел себя нигде – ни в национал-социализме, ни в «анти-национал-социализме». Но достойная фигура – трагедия пассионария в XX веке, где все говорили на чужих языках, духовных и интеллектуальных. Что касается Генона – это пресс-секретарь традиционалистского клуба, круче не бывает. Эвола… Я вообще к нему как к мыслителю отношусь не очень почтительно. Он говорит банальные вещи с большим пафосом, у него неотлаженный мыслительный аппарат, и вообще он не является мыслителем. Это декламатор определенных постулатов; он и начинал как человек богемной тусовки.

> *Было время, когда мне удавалось опускаться в себя, слушая мир. Тогда уходило представление о мире, разделенном на конечное и бесконечное. Ведь все категории есть способы нашего восприятия. И я считаю, эти способы можно выбирать.*

Мир – это не то, чему мы противостоим, это не *бесконечное*. Мир как дискретная организованная вещь – это следствие построение системы через язык в результате конфронтации с той непостижимой *бесконечностью*, которая есть некое *не-Я*, или протяженность вне нас. Мир возникает в результате этого противостояния и взаимодействия. Поэтому, когда вы уходите от мира как организованной структурированной системы, которая имеет деления, длительность,

категориальность, вы просто уходите от последствия, вы возвращаетесь к *принципиальному*, к интуиции той самой *бесконечности*, которой вы фундаментально противостоите. Вы же не добиваетесь исчезновения себя. Если бы добивались, мы бы с вами сейчас не говорили. Когда вы исчезнете, вас сюда никто не вернет.

Я хотел бы подчеркнуть, что в нашей дискуссии и в вопросах появилась важное качество: мы переходили от абстрактных, глубоких умозрений самого дальнего порядка к очень конкретным темам, и я считаю, что это очень важно, потому что высшее умозрение должно лежать в основе конкретных политических решений каждого дня и каждой секунды.

Я считаю, что воля творить политику должна вдохновляться предельными горизонтами умозрения, которые нам доступны, включенностью в самую высокую, напряженную, драматическую вертикаль. Не может быть умозрения кабинетного в башне из слоновой кости. Политика делается исходя из предельных теологических горизонтов. И это проявилось, и я считаю, что это глубоко символично. От умозрения к конкретике – это идеал. Спасибо.

Доктрина финализма

15 апреля 2014

Финализм, с моей точки зрения – это стержневая, основополагающая доктрина, которая даёт совершенно новый взгляд на основополагающие онтологические понятия, в том числе такие, как «бесконечное», «фундаментальное», «основа», «первооснова» и так далее.

С моей точки зрения, *бесконечность* несомненно существует и нам предъявлена, причём предъявлена *неотменимым* образом. Некоторые считают, что *бесконечность* нельзя воспринять в опыте, нельзя пережить, – это всё ерунда. *Бесконечность* в опыте предшествует пониманию и восприятию *конечного*. Но эта *бесконечность* не является самодостаточной и всецелой. Просто сам факт того, что она нам предъявлена, уже предполагает, что эта *бесконечность* ограничена нами, ограничена нашим восприятием. То есть она *не бесконечность* или, точнее, она *бесконечность* не позитивно-инклюзивная, а эксклюзивная, то есть *исключающая*. Это *бесконечность*, которая непрерывно ничтожит. Это *бесконечность*, которая пропитывает все вещи, идёт сквозь них, струится сквозь них и снимает их, поэтому это самый, так сказать, негативный субстрат *имманентного*.

И если апеллировать к *бесконечности* как к некоей цели, как к некоему берегу, к которому надо пристать, к чему-то, с чем надо отождествиться и так далее, то это фактически означает не что иное, как жажду самоуничтожения, как жажду снятия своего сознания как травмы. Но это я много раз уже упоминал, мы это многократно проходили.

Но здесь вот какой интересный вопрос. Вообще любая организованность, любой смысл, любое структурирование возникает, только когда фиксировано *ограничение бесконечного*. То есть *бесконечное* само по себе постоянно ничтожит любое ограничение: всё, что предъявлено *бесконечному*, снимается. Но слабость *бесконечного* – в самой возможности предъявить ему *нечто*. То есть сама необходимость *бесконечного* «действовать» по ничтоженью всего,

что ему противостоит, уже указывает на то, что это *бесконечное* пусто внутри себя, то есть оно абсолютно «экстравертно».

И если взять *точку свидетельствования* внутри нас, которая противостоит этому *бесконечному*, то эта точка является отправным моментом структурирования смысла. Потому что само по себе *бесконечное* абсолютно бессмысленно, абсолютно не «заряжено», оно абсолютно абсурдно. И у *бесконечного* есть два аспекта – оба они абсурдны, но по-разному: есть бесконечное, негативное «в чистом виде», то есть это коса, которая ничтожит, – это просто *бесконечное*, которое не предполагает никакой определённости рядом с собой, она всё снимает; а на фоне этого, «фасадом» этой *негативной бесконечности* является *бесконечность* как бы *позитивная*, то есть *бесконечность*, которая предполагает всеединство всех манифестаций, всех *возможностей*, – так называемое Бытие.

Причём Бытие, которое воспринимается нами как нечто целое и тотальное, на самом деле представляет собой некую комбинаторность, оно является «целым» после «множественности». То есть это некий сингармонизм таких *конечных* вещей, которые зеркально отражаются друг в друге и образуют хоровод тотального *присутствия*, – это *позитивная бесконечность*. Она такая же «бесконечность» в кавычках, как и пустая, внутри себя отрицающая всё *бесконечность негативная*, которая предшествует Бытию. И именно слабость этой «пустой» *бесконечности* даёт возможность Бытию проявиться, «прорисоваться».

И то и другое, эти два аспекта – позитивный и негативный аспекты *бесконечности* – это два аспекта абсурда. Они тотально лишены смысла. Точнее, их смыслом можно наделить, только находясь вне этих *бесконечностей*, – *извне* Бытия и *извне* негатива. Суть финализма именно в этом.

Суть финализма в том, что *бесконечному* противостоит *нечто*, что не снимается *бесконечным*. То есть в феноменальном плане *бесконечное* может уничтожить: может уничтожить меня как свидетеля, может уничтожить любого свидетеля, любую *точку присутствия*, которая не совпадает с этим *бесконечным*. Но оттого, что я буду уничтожен, не уничтожится метафизический факт, что я в какой-то период времени в каком-то участке соприкосновения существовал. То есть – да, меня не было и меня не будет, но если я был, то я уже «взорвал» целостность этой *бесконечности*. К тому же

повтор любых других манифестаций этой оппозиции субъекта-свидетеля и противолежащего субъекту объекта, – сама возможность повтора этого противостояния сводит на нет любые претензии *бесконечного.*

Финализм образует *смысл*, потому что мы живём в процессе. А процесс имеет смысл только тогда, когда он сюжетен. То есть когда это «пьеса», у которой есть начало и конец, есть катарсис, завершение, и есть некое послание, которое является косвенным, не прямым, – содержится не на уровне сюжета, а как бы поднимается из-за пределов его.

В каком случае есть сюжет? В каком случае существует переход от позиции А к позиции В, к позиции С и, наконец, к финалу (от «альфы» к «омеге»)? Только тогда, когда есть *смысл*. Самое проблемное – это понять, что такое *смысл*. Потому что «смысл» – это не «значение». Об этом многие говорили, что есть «смысл» и есть «значение». «Значение» – оно расшифровывается на таком довольно плоском, «механическом» уровне. А вот «смысл» – это такое таинственное, мистериальное, субъективное переживание, связанное с пониманием. Тогда мы приходим к следующей проблеме: мы приходим к проблеме – а что такое «понимание»?

Труднее всего понять само «понимание». Что это такое? Феномен *понимания* и феномен *финализма* очень тесно связан с принципом *свободы*. С моей точки зрения, *свобода* в онтологическом смысле и *понимание* в гносеологическом смысле – они как лента Мёбиуса: представляют собой одну перевернутую, перекрученную поверхность.

Что я имею в виду? Первое *понимание* приходит к нам тогда, когда мы выделяемся из *не-Я*. Мы существуем, погруженными в *не-Я* изначально. Всё, что вокруг – это *не-Я*. Но что такое *Я* – абсолютно непонятно. Потому что если мы обратимся к психическому опыту, который нас наполняет, к той массе, которая вторгается извне в так называемый наш «внутренний мир», и «наведём зум» на всё, что нас наполняет (краски, звуки, впечатления), то это тоже будет *не-Я*. Всё будет *не-Я*. Любое, чего можно коснуться, – это *не-Я*. Но одно *не-Я* барабанит в нашем мозгу изнутри, а другое *не-Я* – это как раз палочки, которые барабанят. То есть *не-Я* в виде палочек и *не-Я* в виде барабана, по которому эти палочки бьют и внутри резонируют.

А что такое *Я*? Интересно, что момент *Я* наступает с болью. То есть человек ходит по квартире, по улице слоняется в каком-то полусне, его заполняет некий хаос впечатлений, и вдруг его кто-нибудь шилом кольнёт или он обожжется – внезапно возьмёт раскалённый утюг в полусне, – и он с воем подскакивает, и в этот момент он понимает, что такое *Я*. Очень хорошо понимает. Потому что в этот момент наступает резкое освобождение от специфики *не-Я*, которое заключается в трех фундаментальных принципах.

Прежде всего, что такое *не-Я*? Это три начала. Это всегда *это*. Это бесконечное *это*. Характеристика *не-Я* в том, что оно никогда не бывает *другое* – оно всегда *это*. Это первый момент.

Второй момент: оно действительно *всегда*. И это *всегда* неизбывно: оно было до меня, оно было до вас, оно будет после нас. Это то, что внушает чувство бессилия, рокового бессилия («а какой смысл?»). Оно было, оно будет, оно всегда будет *это*. Это все усталые группы людей, все усталые коллективы (какие-нибудь древние египтяне накануне своего полного коллапса и вырождения, какие-нибудь древние островитяне накануне своего исчезновения), – они всё время переживают ощущение *всегда*, древность *этого*.

А третий момент: *это – всюду. Это* есть *всегда* и *всюду* – это неизбывные моменты. И они практически имеют «океаническое» свойство, то есть *это, всегда* и *всюду* – это как вода океана сверху донизу. Если мы, допустим, рыбы, мы понимаем, что вверх поплывем, вниз поплывем, влево, вправо, – везде и всегда будет вода. И вода в нас, мы дышим в воде, мы состоим из воды, мы являемся просто виляющими плавниками фантомами внутри этой воды. Но эта вода – она как бы неизбывна.

А что же такое *Я* как противостоящее *не-Я*? Прежде всего – это *здесь и теперь*. То есть *это* есть *всегда и всюду,* а *Я* – есть *здесь и теперь*. «Всегда и всюду» – «здесь и теперь». Что такое *здесь и теперь? Здесь и теперь* – это не имеющая определения апофатическая точка, которая является дверью, открытой в трансцендентное, дверью, распахнутой из «вне этого» в «не это», в *иное*. Но «иное» – это довольно банально звучит. Что такое «иное»? Если мы зададимся вопросом: «а что такое *иное*?», – то мы тут же обнаружим, что это фикция, потому что *иное* – это другое *это*. А на самом деле настоящий выход – это не выход в альтернативное *это*, это не выход в «*это* № 2»

или «*это* № 3», – а разрыв с квалификацией этого *псевдоопределения*, которое заполняет *всегда* и *везде*. Это разрыв, это отмена предиката «*есть*», это отмена характеристики *этого*, это действительно окончание *этого* – финал *этого*.

И здесь, именно в этой страшной непостижимой точке, возникает эффект *понимания*. Что такое *понимание? Понимание* – это выделение крошечной площадки *здесь и теперь*, которая является мигом *недлящимся*, мигом апофатическим, без квалификации, без длительности, без ничего. Мигом человека, выбросившегося из окна небоскреба, который застыл перед его концом. Он летит мимо этажей, время для него остановилось, он находится *здесь и теперь*. И вокруг него – *это*, вокруг него какие-то пролетающие мимо окна, испуганные физиономии, машины, гудки, которые он слышит. И вот он внезапно абсолютно ясно понимает, что всё, что сейчас сосредоточено в нём, – это концентрация той абсолютной чёрной *невозможности*, которая ворвётся в него одновременно с его концом. Но это *уже* ворвалось, этот миг *уже* присутствует. Он находится *уже* внутри мига своего конца, он *уже* находится в смерти, но в её цветной, радужной оболочке. Это *финал. Финал* – в нём. *Финал* в нём положил границу *этому*. Этот момент выделения *Я* в море *не-Я* (жемчужины *Я* в море *не-Я*), который, в принципе, может быть обозначен болью, – как я сказал: «Схватился за утюг». А может быть обозначен шоком, шоковым испугом: зашел в тёмную комнату и увидел себя в зеркале, не сумел осознать, не успел осознать, что это ты: не ждал никого и вдруг увидел какое-то движение в зеркале, в тёмной комнате, – и встряска, момент внутреннего взрыва, когда тебя подбрасывает и ты не успеваешь осознать, что ты видишь самого себя. Вот этот момент шока – это тоже момент образования *здесь и теперь.*

Чем отличается *понимание* от этого шока? *Понимание* привязано к какому-то контенту. Например, вдруг можно понять, что тебя обманули, вдруг можно понять, что ты зря прожил жизнь, вдруг можно понять, что сейчас за твоей спиной стоит киллер и он сейчас тебя убьет, – это всё привязано к чему-то. А шок, который мы испытываем, когда нас пугают в тёмной комнате или в лесу (шорох за кустом), и весь опыт и хаос вторжения звуков, впечатлений пропадает, и обнуляется внутреннее пространство *здесь и теперь*, которое ничем не заполнено, – это *понимание* в чистом виде, оно ничем не заполнено.

Внезапно в бесконечной толще океанического *это* возникает пузырь оппозиции *здесь и теперь*. И вот это есть, с моей точки зрения, «лента Мёбиуса», где онтология перетекает в гносеологию, где возникает эффективное *понимание*.

Смысл – это внешняя к *пониманию* вещь. Чтобы реально встретиться с этой точкой *здесь и теперь*, которая открывается внутри нас, нужно чтобы она в чём-то отразилась. Она не может отразиться в хаосе внешнего мира, она не может отразиться в наших впечатлениях. Глаз видит, но не самого себя, он видит то, что ему предъявлено, но самого себя он может увидеть только в зеркале. А что может быть зеркалом для этого глаза свидетеля? Только мышление, только текст, только речь, только связь имён. Она существует как некое особое зеркало, в котором можно увидеть эту точку *здесь и теперь,* – не всегда, но при некоторых обстоятельствах. То есть если это правильное мышление, то оно выступает тем зеркалом, в котором «проявляется глаз», – мышление, как бы порождающее это зеркало. Он порождает это зеркало и в нём же отражается.

Вот это зеркало, при условии, что оно является зеркалом, существующим специально для восприятия отражения свидетельствующего *Я*, то есть *здесь и теперь*, принципа осознания, – вот это зеркало, в той его части, в какой оно сформулировано, – оно, собственно говоря, и является выражением *смысла*. То есть, когда мы говорим «смысл», мы имеем в виду артикулированный концепт, который чётко и однозначно служит поддержкой для проявления в нём этой точки оппозиции *бесконечному Всё*.

Если мы имеем дело с текстом, в котором такой «поддержки», такого зеркала для *Я* не существует, то это, скажем так, обычный поток бреда, обычная такая текстуальная матрица, про который говорят: «Да, вот это текст, но смысла он не имеет». Причём *смысла* он может не иметь на очень разных уровнях. Это может быть очень хороший художественный текст, но он не имеет смысла, потому что через него невозможно соприкоснуться со *свидетельствованием*. Например, некоторые стихи имеют характер *смысла*, то есть они дают определённую опору для того, чтобы проявился свидетельствующий *здесь и теперь Я*. А некоторые стихи не имеют такой опоры. То есть одни стихи проговариваются как мантра, а другие являются «ухватыванием за раскалённый утюг», – этаким шоковым болевым

фактором, который нас заставляет пережить эффект *Я*, возникающего посреди *не-Я*.

Например, Гумилёв имеет свойство давать момент присутствия *смысла*: «Понял теперь я, что наша свобода только оттуда бьющий свет». И сама эта фраза начинается со слова «понял». С другой стороны, если мы возьмём, например, «колокольчики мои, цветики степные», то совершенно понятно, что это некое сплетение слов, которое никакого эффекта остановки, шока и так далее не даёт. То есть тексты разные. Если мы читаем «Войну и мир», мы можем читать в сомнамбулическом состоянии, прочесть всё и нигде не зацепиться. Но есть тексты, которые не позволяют пройти без того, чтобы не возникло ощущение боли, ощущение возврата к себе. И, конечно, в гораздо большей степени это свойственно текстам метафизическим, нежели художественным, потому что художественные тексты – это колоссальная уступка «слову» музыки. То есть в художественных текстах, особенно в поэзии, Логос отказывается от себя и сдаётся перед духом музыки. А дух музыки – это дух «мудрости», а дух «мудрости» – это дух абсурда, бессмыслицы.

Что такое, собственно говоря, «господство» *не-Я*? «Господство» *не-Я* – это когда естественным образом глаз не видит самого себя: он видит всё, кроме себя, и он даже не помышляет о том, чтобы себя увидеть. *Я* – нет; нет возникновения *здесь и теперь*, нет *понимания*, нет *смысла*. Поэтому то, что у нас должно быть точкой этого «воздушного пузыря», который возник в толще океана, – вот этого «пузыря» на самом деле не возникает: океан проходит сквозь нас. Мы – как рыбы, у которых воздушного пузыря нет. Мы – акулы, в которых не бывает этого пузыря. И ситуация, которая образуется таким образом, то есть мы погружены в *не-Я*, – это страшное состояние, это инфернальное состояние.

У него есть очень чёткое определение – *скука*. Человек, который погружен в *не-Я,* испытывает *метафизическую скуку*. Она имеет, конечно, и экзистенциальные выходы, то есть что значит: «он погружен в *не-Я*?» Означает, что *это* всегда и всюду смыкается в нём и над ним тремя такими головами Гидры, которые неизбывны. *Это* было *всегда* и будет *всегда*, и оно есть *всюду* и везде, – *это* тотально. И он испытывает скуку, потому что *скука есть переживание отсутствия Я*, отсутствие противостояния с этой *отрицательной бесконечностью*.

Но есть другой полюс у этой скуки – *гнев*. Потому что в какой-то момент энергия скуки может перейти из рассеянного состояния в концентрированное, взрывное. Возникает гнев. И тогда человек берёт винтовку и начинает стрелять людей на улице, идет в школу и отстреливает школьников, залезает на небоскреб и останавливает огнем движение на целом проспекте. Или, например, ловит девушку…

Всё это он делает из скуки, переходящей в гнев, потому что *гнев есть бессознательный поиск пробуждения*, это жажда боли, это жажда *здесь и теперь*. Любой маньяк, который убивает девушек в красных сапожках или каких-нибудь мальчиков, встреченных в лесопосадках, – это попытка проснуться, это попытка создать *здесь и теперь*, это попытка взорвать *это*.

Что здесь ещё интересно? Это нижний полюс. То есть *скука и гнев* – это нижний полюс ситуации, потому что это удел состояния того человеческого фактора, который находится внизу социума, время которого отчуждается обществом и переплавляется в капитал.

Все те люди, мегаполисная пыль, которые являются донорами социума, с которых получают, – они обречены на скуку, переходящую в гнев. Некоторые настолько тупы, что не испытывают скуки, потому что испытывать скуку в экзистенциально проявленном виде, – для этого уже надо иметь некоторое развитие «личностного аппарата». Как есть совсем такие примитивные люди, которые, когда пьют, не замечают изменения своего состояния, потому что они не удерживают в памяти некий предварительный «стандарт». Их ощущение себя перемещается вместе с изменением этого «себя», и они себя считают всегда трезвыми. Так вот есть такие люди, которые никогда не чувствуют, что им скучно, потому что у них «пустое место» не зудит (место, где было бы *Я*, у них не зудит). Они настолько слиты с *это*, что скука для них является натуральным внутренним фоном. А вот когда уже начинает проявляться в некоторых типажах, в некоторых карманах «человеческого фактора» зазор между тем местом, где должно было быть *Я,* и остальным, – вот именно в этот момент, как правило, возникает переход к гневу, накапливается взрывная энергия. Напоминаю, что это все – нижний полюс.

Есть верхний полюс – тот, который представляет из себя мытарей, получающих энергию отчужденного времени и передающих её понятно куда: хозяину, архетипу, наверх – в *то* Бытие, оригинальное.

А при этом, конечно, к рукам что-то прилипает – не бывает так, чтобы мытарь всё отдал.

Те, кого мы знаем как «власть имущих» и «благополучных», которых в верхнем слое 1 % и у них в руках 90 % всего, что имеется, – это на самом деле просто мытари, функция которых передавать всё наверх, Сатане. При этом эти 90 % – это просто прилипшее к рукам мытаря. И у них нет скуки и нет гнева. У них совершенно другое состояние, потому что они находятся в фундаментальном «подогреве», то есть вся реальность *этого*, реальность *не-Я,* – она для них воспринимается не как враждебно-отчуждённое отрицание их, а на самом деле они ощущают *это*, они переживают *это* как смысловую, организованную, построенную архетипическую реальность, которой они служат и с которой они должны соединиться и отождествиться.

Подлинное отождествление отражения со своим оригиналом, то есть «взятость на рыбалку», избранность для «верховной» идентичности, – это решение проблемы сознания как травмы. То есть сознание как травма – рана, которая зияет здесь (как копье Лонгина, которое прободало, согласно христианской легенде, тело Христа), – это та дыра, которая оставлена в человеке, внутри которой помещается *точка несовпадения* с абсолютным *Всё*, с реальностью. И вот эту травму они хотят залечить, и они её залечивают. У тех, кто внизу, она (точка) просто как пустое место, из сердца изъятое; они не знают об изъятости этого, и у них шрам. А эти, наверху, – они уже идут к тому, чтобы решить проблему изначально.

Поэтому смысл связан с первым шагом через метафизический текст, через движение *мысли* как некое особое взаимодействие *имён* через посредство Субъекта, – первый шаг к тому, чтобы возникло шоковое пространство *здесь и теперь*. А *здесь и теперь* возникает как первый шаг к свободе. Какой свободе? Дело в том, что ощущение *не-Я* нам кажется первичным. То есть мы рождаемся, мы в колыбели, всё, что вокруг нас, – всё *не-Я*. Главное, что на нас обрушивается, – мать с её руками, погремушки, болезненно звучащие голоса людей, бессмысленные слова, которые произносятся и которые не имеют для нас никакого смысла, потому что мы их не знаем (мы ещё не владеем языком), яркий цвет, яркий свет, всё такое неприятное, как скрежет ножа по стеклу, – всё такое *не-Я*. И потом оно выравнивается, цвета исчезают, звуки исчезают, всё становится серым, более или менее

распределённым, возникает матрица, которая меняет нашу оптику, заставляет всё это принимать как должное. Это *не-Я* структурируется и приобретает эту трехголовую гидровскую природу – *это всегда* и *везде*. Но это не первично. Оно первично для нас, но метафизически оно не первично, – оно есть следствие. Оно есть следствие чего? Почему *не-Я* обрушивается на нас сразу, и какое содержание оно в себе имеет? Оно имеет в себе то содержание, что является косвенным указанием на то, что мы – *отражения*.

Не-Я – это экзистенциальный статус переживания отражения, которое наведено каким-то оригиналом. Вот есть некий оригинал, архетип, который стоит перед зеркалом: Джон Ди[23] стоит перед зеркалом и видит себя в зеркале. Вот Сатана стоит перед зеркалом мира и видит себя в зеркале – видит человека. Этим человеком являемся как раз мы. Мы – в зеркале, мы – отражения, но мы являемся продуктом, мы абсолютно не свободны, и экзистенциальное состояние отражения, которое связано в зеркале виртуальным, «наведённым» небытием, – вот оно экзистенциально переживается как тотальное всемогущество *не-Я*. А вот *здесь и теперь* как вспышка через боль – это первый шаг к эмансипации от статуса отражения. И интересно, что в романе Майринка Джон Ди пытался пробудить своё отражение к активной жизни, избивая его хлыстом. Он избивает его хлыстом. Это очень тонко, очень точно – не знаю, сознательно ли у него это получилось или это художественное откровение, но именно попытка болью заставить проснуться отражение – это очень правильно. Это первый шаг к *свободе*.

Что такое свобода с нашей точки зрения? Свобода – это эмансипация от оригинала, от архетипа, то есть когда отражение соскакивает с крючка, эмансипируется. Есть разные пути к этому и есть разные «обманки», «заглушки» и ложные пути на этом направлении. То есть человек может думать, что «соскакивает», – допустим, либеральный путь.

И вот взрыв гнева на базе скуки: он начинает ловить людей, пытать их, становится Чикатило, он как бы идёт вразнос с точки зрения социальных правил «эго», и он думает: «Я соскочил с крючка архетипа». Он не «соскочил с крючка» архетипа – совершенно не «соскочил»: он действует в рамках возможностей, предоставляемых архетипом. Здесь есть ещё кое-что, на что я тоже раньше обращал

внимание: есть определённая скорость распространения света. Если зеркало находится за много световых лет от оригинала, то когда оригинал поднимает руку, это не значит, что отражение тут же поднимает руку – до него свет ещё долго летит, – и оно может поднять руку, когда оригинал уже опустил. И это может показаться свободой, это может показаться тем, что отражение «соскочило с крючка», что оно проснулось. А на самом деле это просто зазор по времени, который определяется конечностью скорости света. Это метафора, конечно, – я не буквально говорю. Это метафора, которая намекает на то, что между оригиналом, который есть в Бытии с большой буквы, и отражением, которое плавает в зеркале нашего пространственно-временного континуума, есть некий зазор. Этот зазор спекулятивно используется определёнными матрицами как тема свободы. Но это – *не свобода*.

Свобода – это осознанная тотальная борьба против Системы. Потому что для того, чтобы определить оригинал, сначала надо определить его конструктивную конфигурацию внутри зеркала и повести против него осознанную борьбу на всех фронтах, на всех этажах. *Только борьба даёт свободу.* А борьба предполагает стратегию. То есть если вы ловите в подъезде беззащитное существо – это не стратегическое и не борьба. Это просто выплеск тотального господства *не-Я*, который переходит взрывом в свою противоположность: из скуки в гнев. Такой энергетический выход. Но это не выход из *не-Я*. Это просто накопленная негативная энергия отсутствия *Я*.

Стратегическая борьба – это всегда борьба политическая, борьба, связанная с историей, с сюжетностью истории.

Что значит сюжетность истории? Слегка повторю то, что на эту тему говорил раньше. На полке стоит у режиссера «Гамлет». Есть набор образов, набор ролей – Полоний, Гамлет, Офелия. Надо потребовать себе роль. Возможно, предложить дополнительную, уточняющую комбинацию каких-то позиций, но потребовать себе роль. Приходит человек и говорит: «Возьмите меня на Гамлета, попробуйте». Ему отвечают: «Не получится» или «Получится». Но выясняется после первых проб: «Нет, старик, думали, что получится, но не получится». Но, по крайней мере, заявка была. Стратегическая борьба за эмансипацию от оригинала, за пробуждение отражения, –

она должна идти через требование для себя роли в историческом сюжете. А исторический сюжет никогда не бывает нейтральным по отношению к оригиналу. Почему? Потому что исторический сюжет связан не с Сатаной, а с тем принципом, который мы называем «Он», который мы называем «Невозможное», или «Тёмный Логос», или *абсолютно непостижимое и невозможное*, которое стоит вообще за Логосом как таковым, – Аллах, Всевышний (Свят Он и Велик).

То есть для нас Бытие – это всегда Иблис, это всегда Сатана, при этом это сияющее, сверкающее Бытие, которое является *благом*. Он есть Сатана и он есть архетип. И мы являемся маленькими, жалкими, периферийными отражениями в очень таком мутном, запылённом зеркале под номером семьдесят тысяч, скажем, тридцать девять. И у нас есть уникальный шанс эмансипироваться, используя провиденциально вложенное в посланного к нам Адама частицу Духа Божьего. И эмансипироваться мы можем, только войдя во взаимодействие с *сюжетом истории*, потому что сюжет истории – это не более или менее как *описание пути эмансипации*. Но для этого надо взять книжку с полки, прочесть, понять, кто ты здесь, заявить о себе, потребовать себе эту роль. Удивительно, но придётся пройти через роль, придётся пройти через идентификацию, которая может показаться новой несвободой, – вот что интересно.

То есть многим кажется, что «как это я буду Лаэртом, Полонием, Гамлетом, Офелией – ведь это конкретные фиксации?! Значит, я должен себя втиснуть в прорезь (как в фотографиях старых, в Крыму, вырезали на фоне какого-то тропического леса под человеческую фигуру, куда ты вставал). Это же новая несвобода!». На самом деле – нет. Потому что ты изначально являешься просто отражением – как в песне Е. Головина, которая начинается со слов «В зеркале плавает мумия (он имеет в виду себя, он имеет в виду то, что он видит в зеркале), лезвием синим грозит (то есть самому себе он грозит этим синим лезвием, когда встаёт перед зеркалом, чтобы побриться)».

Мы есть такие «мумии», плавающие в зеркале, мы мумии, которые представляют собой отражение. Но не какого-то там Иблиса громадного: дело в том, что Иблис как Бытие с большой буквы сначала преломляется в качестве архетипического отражения в главном зеркале. Оно там дробится ещё на какие-то отражённые, дробящиеся аспекты, ипостаси (появляются, скажем, Зевс, Аполлон, Дионис), а уже

потом они переходят в архетипические модели отражений человеческих существ. И когда герой говорит: «У меня божественное происхождение: я сын Посейдона», – что он имеет в виду? Он конкретно констатирует свою отражённую природу, зависимость от определённого архетипа, но при этом он бросает вызов этой зависимости. Потому что Рок, который ничтожит, и зависимость от архетипа – они являются двумя сторонами одного и того же: подвластности Року и одновременно статуса определённого отражения в зеркале.

Даже в инициатических вариантах, когда свой статус отражения принимают очень всерьёз и очень положительно, очень позитивно, то «технологически» для того, чтобы пройти весь путь идентификации с оригиналом, сначала надо идти по радиусу к центру. И воссоединиться с тем, что называется «точка пересечения оси мира с нашим зеркалом», в которой якобы располагается «земной Адам», – на языке эзотериков это место проявления архетипа на плоскости, – а потом уже подниматься по вертикали. Опускаться и подниматься ради того, чтобы реинтегрировать состояние уже большого «небесного» Адама. Это снятие травмы сознания.

А наш путь совершенно противоположный. Наш путь – это *абсолютизация травмы сознания*, это превращение сознания как раны во врата выхода из тотального вездесущего *это*.

Ответы на вопросы

> *В этом состоянии боли, разрыва, вряд ли можно использовать термин «экзистенциальный». Но они не являются также и онтологическими…*

Я просто имел в виду, что эти состояния не являются психологическими и психическими. Они являются состояниями «на стыке». То есть, с одной стороны, это переживается на психосоматическом уровне, но с другой стороны, это понятийное, категориальное состояние некой независимой диалектики идеи.

Я считаю так: есть идея, которая диалектически проходит разные стадии; и пока она описывается как динамика категории, то это не что иное, как просто концепт. Мы можем сказать, что этот концепт носит гносеологический или онтологический характер. Но мы можем обнаружить, что какой-то аспект этой идеи переживается нами с непосредственностью ухвата за горячий утюг. И тогда, когда перипетия становящейся идеи совпадает с нашим психосоматическим переживанием, мы вправе назвать это экзистенциальным. Потому что если это чисто психологическое переживание или психофизиологическое, то, конечно, оно не экзистенциальное, потому что оно может носить иллюзорный характер: в нём нет ничего концептуально архетипического.

Я думаю, что все категории психологии не поднимаются до экзистенциального. То есть «дружба», «ревность», «предательство», «гнев», «обман» и так далее, – это такая бодяга, существующая на задворках, это как бы такие социальные выходы.

Но, допустим, «отчаяние». На самом деле это слово, которое является эвфемизмом. То есть *отчаяние* – это состояние поражения в конфронтации с Роком, это состояние поражения в попытке вырваться из статуса отражения, которая проваливается. Отчаяние – это когда ты уже получил вкус *здесь и теперь,* и этот отвоеванный островок снова заливают воды вездесущего *это* (*не-Я!*). И это уже дискурс глобально идеального порядка, но при этом переживается на психосоматическом уровне. Вот я считаю, что в этом – совпадение, и здесь можно применить слово «экзистенциально». Так я его применяю.

Вы раньше говорили, что «Смерть – это знак Бога», что, соответственно, прямо коррелирует с принципом финализма.

Ну да – там, где кончается человек, начинается Бог.

Существует ли сознание после смерти?

Оно не может существовать, потому что *сознание* и *смерть* – это одно и то же. *Сознание в нас – это наша отложенная смерть*.

Представьте себе, что жизнь – это чёрная кошка в комнате, которая ярко залита светом, причём комната белая. Комната белая, стены белые, пол белый – негде спрятаться. Посредине – чёрная кошка. Эта чёрная кошка является чистым сгущением тьмы, которое вброшено в это белое по контрасту, и если этой чёрной кошки бы не было, то не было бы понятно, где кончаются стены, начинается потолок и начинается пол. Вообще отсутствовала бы перспектива, потому что белое было бы абсолютно тождественно во всех направлениях. Не было бы светотени, потому что свет заливает всё совершенно одинаково ярко. И это просто такая «белая дыра». Но введение туда этой чёрной кошки сразу даёт всему структуру: мы сразу видим стены, пол, на котором кошка прыгает, обозначая высоту, мы сразу выстраиваем геометрию, хотя там всё белое и нет светотени. Но чёрная кошка сразу создаёт этот эффект.

Вот чёрная кошка – это сознание. Но эта чёрная кошка является не чем-то определённым, а просто резким нарушением бессмысленного «ничто» – этой белой комнаты, которая в результате приобретает некий вид. Теперь мы берём и выключаем свет, и чёрная кошка у нас совпала с отсутствием света, то есть фактически она исчезла. Эта чёрная кошка была не физическим явлением, а просто кусочком «будущего выключенного света», – скажем так. «Будущий выключенный свет» сгущён, изолирован и помещён в эту белую комнату как бы до того момента, как он выключится совсем. А когда он выключился совсем, то эта чёрная кошка, во-первых, перестала существовать, во-вторых, именно в момент исчезновения она совпала с чистой темнотой как таковой. Вот это и есть смерть.

Но эта смерть была сознанием, пока была дистинкция с белым. Вот эта дистинкция – это наше тело. Как вот, допустим, зеркальце даёт эффект «зайчика» на стене. А если его убрать, то зайчика нет. Но свет, который через зеркальце отражался, – он же есть, только он невидимый. Зеркальце – это тело. То, что выделялось, – оно слилось с тем невидимым, которое дало возможность этому выделиться. Только это не свет, это обратное. Можно сказать, что это *Чёрная Бездна невозможного*, которая за пределами всякой рационализации, за пределами всякой мысли. Это *отсутствие*. Это *Великое отсутствие*, но оно отсутствие не бытийного плана – «нет чего-то», «был и не стал» (это всё в рамках Бытия), – это *Великое отсутствие* с точки зрения Мысли.

Мысль Всевышнего мыслит Самого Себя как носителя этой Мысли, как *Великое отсутствие*, как *Великую невозможность*. На выходе создаётся Бытие как стенка, на которую проецируется это *Великое отсутствие*, как эта чёрная кошка в белой комнате. И между этим *Великим отсутствием* и проекцией, между светом и солнечным зайчиком, возникает мост связи – это Дух, который спускается в Ночь Могущества. Дух, который приносит Слово, Откровение. Откровение – это обнаружение природы этого *Великого отсутствия* в качестве *присутствия* (потому что это – Откровение).

Бог для нас есть книга, но только в той части, в какой Он открыт. В той части, в которой Бог говорит о Себе «Я», – это «манифестированный» Бог, Бог как книга, как Логос. Но это только как бы такая «оперативная» часть – то, что дано. А за ним стоит *Хува*, то есть Он. *Хува* – это Тот, Кто отсутствует, *Непостижимо Отсутствующий*. И наше сознание внутри нас, *точка отсутствия внутри нас, точка несовпадения ни с чем*, – это и есть отблеск, наведённый «зайчик», чёрный блик, который возвращается туда, совпадает с Ним. Поэтому оно страшно. Потому что это *невозможность*. Мы перестаём существовать, и наше сознание оказывается проявленной здесь частицей *невозможного*, на фоне которого всё *возможное* структурировалось и проявилось в качестве пустыни, пальм, кораблей, спутников. Потом это исчезает в той Бездне. То есть как бы Бездна посылает сюда блики, посылает сюда «зайчики», чёрные «зайчики» в лице индивидуальных сознаний.

Но они как индивидуальны? Можно ли сказать, что солнечный «зайчик», пляшущий на стене, – это «зайчик», который имеет имя? Допустим, два зеркальца наводят два «зайчика», играющих друг с другом. Они разные? Да, разные. Их два. Но значима ли их разность? Их разность определяется тем, насколько они не сливаются на стене, тем, скажем, что один на одном кирпиче, другой на другом кирпиче. Эти кирпичи конкретны (каждый в своём роде). Воскрешение этих «зайчиков» – вот парадокс.

То есть что обещано в Раю? В Раю обещано то, что именно *здесь и теперь*, которым мы обладали *здесь и теперь*, будет восстановлено, то есть будет воскрешен этот неуловимый «зайчик», брошенный этим исчезнувшим зеркальцем. Зеркальце будет восстановлено, но будет изменена связь. Тут зеркальце отбрасывает блик, а тут блик будет восстановлен, и зеркальце будет под него. То есть Бытие будет производным от этого блика (но то будущее, Новое Бытие). Будет совершенно обратная связь, всё будет изменено. Бытие будет преодолено, и *свидетельствование* будет основой. А то, что *свидетельствуется*, будет функцией от этого.

И поэтому для всех восстановленных, «воскрешённых» бликов, то есть индивидуальных сознаний, введённых в райскую вечность, – для них та бездна *невозможного*, которая страшна своим *отсутствием*, откроется как свет и как источник. То есть она всё равно будет той Бездной, она всё равно не будет дана для диалога, но она будет позитивом, – её отсутствие станет *позитивом*, её отсутствие будет пережито индивидуальными *свидетельствованиями* в Раю как конкретная манифестация *трансцендентного*. Потому что для твари сегодня *трансцендентное* – это просто такой образ façon de parler[24]. Трансцендентное – это *то, чего нет, то, чего не дано*. А в том Новом Бытии *то, чего нет* и *чего не дано,* будет как раз абсолютно единственным утверждением. *Неданное* станет *утверждением*, а *данное* исчезнет.

Но тут интересный момент, который мы в «Финализме» должны ещё раз пройти. *Вечность – не вечна*, как бы это странным не показалось. Вечность – мимолетна, она «снимаема».

Есть три *вечности*. Что такое вечность? Это *безвременье*. А безвременье, как ни странно, кончается. Например, есть *безвременье мига* у живого человека – когда вы впадаете в медитацию или летите,

выбросившись из окна небоскреба; или счастье, допустим: засмотрелся на закат, сидя на пляже, и пережил момент *безвременья*. Вечность – это же безвременье. Но это безвременье – как пузырек воздуха в толще воды (времени). То есть ты туда выпал, но ты оттуда выйдешь. Он внутри себя *безвременный* и не кончается. Но снаружи он окружён всем другим.

Вторая вечность – это вечность в могиле. Когда мы ложимся в могилу, над нами смыкаются чёрные воды «чёрной дыры» *невозможного*, то есть мы *отсутствуем*. Как сказал Экклезиаст: «Живые знают, что они умрут, а мёртвые в могилах не знают, что они мертвы». То есть мы подобно камням лежим там, и нет для нас возвращения.

А сознание в этот момент?

Я же сказал: сознание – это просто проявляющаяся в нас точка *невозможного*, которая, когда не в чем проявляться (то есть тело умерло), совпадает с *невозможным* как таковым. То есть это та Бездна, которая простирается над нами, в нас, поверх нас, по ту сторону Бытия, *небытия; невозможное* – за пределами различения: оно – *невозможное*, это реальность, которая *антиреальна*, она бросает всему вызов, она *вопреки* всему. Это то, что теологи типа Флоренского, Лосского называют «внешняя тьма и скрежет зубовный». То есть это то место, где для этих теологов «нет бога», как они говорят. Для них нет их «бога», потому что их «бог» – Бытие, то есть Сатана. А место, где для них «нет бога», – это как раз то самое место, которое и есть истинный Бог. Но к нему слово «бог» неприменимо. Потому что «бог» – это языческое слово, оно всегда определяет Бытие, оно связано с Бытием.

Это та внешняя тьма за пределами всего *невозможного*. Что интересно, у Флоренского написано о «внешней тьме, в которой нет бога, – там, где бог кончается» (такие странные вещи). Он не говорит, что «бог бесконечен», а говорит, что «бог кончается» и дальше есть внешняя тьма, «скрежет зубовный», и оттуда льётся ужас, который входит в сердце, может затопить тебя: холодный ужас такого абсолютно запредельного вызова всему такому «тёплому», «любви» и так далее. Он как раз очень хорошо чувствует, только у него

«оптика» повёрнута: он «люциферист», не знающий, конечно, об этом. То есть для него, как и для зороастрийцев, свет, тепло, дерево, фотоны, земля, солнце, которое дарит жизнь, любовь, утверждение «да», – он как бы весь в этом, в органике непосредственного позитивного опыта. А дальше там уже начинается страшное, мрак, невозможное, сумерки, отрицание.

Но именно там есть местоимение реального Бога, причём именно Бога живого, потому что живой Бог – это как раз абсолютное *отрицание всего, что не есть Он.* Можно сказать так: *бесконечность* отрицает всё, что не она в «пустом» смысле, то есть она не имеет содержания, она просто является негативом всего определённого, но она как бы является чашей, указывающей на то, что она отрицает. Она отрицает то, что не может быть *утверждаемо* в каких бы то ни было нормальных рамках. То есть речь здесь идёт совершенно не об апофатике. Апофатика – это неумелая попытка снять противоречия между *бесконечным* и *конкретным* («и то и это», «не то и не это», «не то, не то, не то, не то…»). Но тут сама игра с определениями уже искажает мысль. То есть, если ты говоришь, что «это не то, но могло бы быть тем, но это не то», – значит, ты уже не понимаешь, о чём ты говоришь.

То *невозможное* является просто страшным *отрицаемым*. Предмет *бесконечное* – это просто одежда *отрицаемого*, оно подразумевает *отрицаемое* в качестве своей цели. И это *отрицаемое* проявляется как *точка несовпадения* ни с чем в наших сердцах. Но, естественно, что оно уходит в ту «чёрную дыру», из которой оно проявилось в момент нашего прекращения «быть». Но мы в могилах свидетельствуем об этой «чёрной дыре». На самом деле, почему встреча с трупом так страшна? Потому что труп является, в некотором смысле, указанием на то, что делало его живым в своё время, на *разъединение сознания и тела*. Оно является как «след Пятницы в песке», оно указывает на *отсутствующее*. Это *отсутствующее* для живого, которое ещё несёт его в себе. То же самое, как встреча с собой при шоке: можно встретиться с собой при шоке, испугаться, обнаружив эту «чёрную дыру» внутри, а можно встретить труп и обнаружить эту «чёрную дыру» в таком «объективированном», предъявленном виде снаружи, – это разные ощущения. Но ощущения того метафизического дискомфорта, которое мы испытываем от

встречи с мёртвой головой, с мумией, со следом бывшей и исчезнувшей жизни, прямо имеет отношение к этой «чёрной дыре».

Поэтому говорить о том, куда девать сознание, неправомерно. *Сознание – это феномен проявления невозможного посреди Бытия.* Как только эта встреча кончается, то нет никакого сознания.

И *третья вечность*[25] – это вечность Рая. Это самая позитивная вечность. Согласно обещанию, это вечный Рай, который не имеет в себе никаких ограничений изнутри. Но извне он конечен, потому что Коран нам говорит, что в конце концов не останется ничего, кроме лика Аллаха. А это означает, что и Рая не будет. Вот есть как бы «объективное описание»: Рай – как цветок, и в цветке блаженствуют пчёлы, а за пределами Рая есть сад, который этот цветок рассматривает извне и может его срезать.

Надо просто понять, что сама тема *твари*, второго творения, Воскресения, Новой земли и Нового неба и так далее, является очень периферийным срезом в глобальной метафизической проблеме Мысли Всевышнего. Потому что мысль Всевышнего решает проблему, для которой творение само является «инструментальным».

Предположим так, допустим: вы о чем-то думаете, берёте карандаш и записываете. Нет карандаша, вы импровизируете: взяли спичку. Нет бумаги – начали писать на земле. Но вам главное зафиксировать мысль. Спичку при этом вы можете аккуратно очистить и положить к себе в карман. Но не спичка была главным предметом при записывании вашей мысли. Вот отношение нас и вообще всего творения к Мысли Всевышнего – это не более чем отношение спички, которой вы что-то там чертите, чтобы зафиксировать, решить нечто. То есть это чисто служебная роль. Конечно, понятно, что спичка, которую вы вытерли, признали её хорошо сослужившей службу и положили в кармашек, находится в состоянии блаженства: она очень горда, может быть, она считает, что вы её любите и создали её специально для того, чтобы ей было хорошо. Но надо смотреть на вещи объективно.

Так, что *есть три вечности: здесь, в могиле и «там»*.

> *«Райская вечность, которая заканчивается», – все блики уходят в свой первоисточник?*

Надо просто понять, что *невозможное*, которое для нас «Он», есть не что иное, как позиционирование и состояние Мысли Всевышнего. Так Мысль Всевышнего полагает Себя. С нашей точки зрения, с той точки зрения, в которой мы здесь находимся и смотрим туда, мы видим, что есть «Хува» как Отсутствующий, что это есть состояние Мысли Всевышнего о Нём Самом, как о Хозяине этой Мысли, как о Субъекте этой Мысли. Но это не значит, что после того, как фаза манифестации, фаза Бытия будет использована, пройдена и будут Новая земля и Новое небо, и потом она будет исчерпана, то есть внутри себя она будет *безвременна*, а извне она будет *конечна*, – что после этого состояние Мысли «самой себя для самой себя» будет именно таким, каким мы видим его сейчас отсюда.

То есть эта Мысль нечто решает. За счёт использования акта творения Она нечто решит. После того, когда Она нечто решит, уже ничто внутри Неё (позиционированное как её этапы, элементы, как её «реперные» точки в её внутреннем движении) не останется тем, что оно было. Эта Мысль придёт к некоему катарсисному финалу внутри себя, к некоему достижению, о котором мы можем только догадываться, что и смысл, и сознание, и пробуждение в абсолютном смысле, – это какие-то очень далёкие «теневые» производные от того, что решается, в конечном счёте, внутри этой Мысли. В конце концов, Всевышний же сказал нам: «Я не сотворил ничего понапрасну. Всё, что Я сотворил, Я сотворил для цели».

> *Изначально человек не «сюжетен», получается? И для того, чтобы попасть в «сюжет», он предпринимает какое-то волевое решение…*

Человеку послан Адам (мир ему) как структурирующее начало, которое даёт ему сюжет. То есть, конечно, когда Золотой век и когда люди находятся в первоначальном райском «бессловесно-телепатическом блаженстве», то какой тут сюжет? Они просто являются отражениями Иблиса как такого «бытийного сияния». То есть это такое «бытийное сияние», энергетическое, первозданное начало, которое проявляется в чистом незамутнённом зеркале в качестве существ Золотого века, у которых нет «зазора» между *Я* и *не-Я*. Но *не-Я* является не скукой и агрессией, – от них ведь не

отчуждается их время, это время не переживается, они не умирают и не стареют. Если умирают и стареют, то, по крайней мере, они не переживают, не воспринимают это. Никакой субъектности.

Потом к ним приходит Адам с языком, учит языку, и мгновенно кончается вся «лафа»: сразу начинается снег, дождь, лёд, Великое Существо, гиганты Золотого века куда-то уходят, появляется какая-то «мелочь пузатая», которая начинает разбираться с собой, с внешним миром.

> *Я знаю, у Вас есть своя такая теория «взаимоотношение кроманьонца и неандертальца». Не могли бы рассказать.*

Скажем так: на самом деле, какого-то «общего человека» не было, было несколько потоков, которые были, как биологические виды, разные принципиально. Можно говорить о том, что все земные существа, включая животных и так далее, – это разбегающиеся волны разнообразной версии и вариации от архетипа (достаточно сложные, не прямым образом). Вариабельность безгранична. Я, будучи совсем маленьким мальчиком, любил очень калейдоскоп, и нравилось разнообразие картинок (а там всего три камешка), и никак не мог понять, как три камешка дают потрясающие рисунки, такие сложные и разнообразные. Для меня это был урок, и я понял, что простое и вертикальное даёт неограниченную вариабельность в сложном и горизонтальном.

Мы знаем, что в нормальном состоянии биологические виды не могут давать продуктивного воспроизведения, кроме близких. Но «близость» эта ограничена очень сильно. Например, лошадь с ослом дают непродуктивное потомство: ни мулы, ни лошаки не воспроизводятся, их всё время надо скрещивать снова и снова. Есть заводы по производству мулов, потому что мулы не дают потомства. Далее, лисица с собакой не дают потомство, но волк с собакой даёт. А лисица, которая принадлежит к псовым, не даёт потомства.

Я считаю, что в первоначальные времена не было возможности метизации до прорыва сверхъестественного фактора, то есть явления Адама, а явление Адама – это явление *архетипа в антитезе к Бытию*.

Кто такой Адам (мир ему)? Это пророк, он является материализованным архетипом человека, но заряженным миссией, которая направлена против Бытия, то есть она сюжетна. И он является как архетип – с одной стороны (модель человеческих существ, которые здесь из глины), но, с другой стороны, он уникален тем, что в него вложена частица Духа Божьего. Эта частица – чёрное зерно *невозможного*. Его глиняная фигурка проткнута, и там есть полость, в которой нет ничего, – оппозиция всему. Не то чтобы в него вложено «нечто», а в него вставлена рана, которая в оппозиции ко всякой субстанции, – пузырь, который в оппозиции ко всякой воде.

И он, являясь как архетип, делает возможным коммуникацию всех биологических видов между собой, коммуникацию ещё и на продуктивном уровне. И тогда возникает очень сложная динамика, потому что, как только люди могут совокупляться и воспроизводиться, между ними возникают сразу же исторические отношения. Вот, например, орангутанги, – с орангутангами не вступают в исторические отношения, их отстреливают, делают чучела; с туземцами вступают в исторические отношения, и возникают колонии, метисы. С того момента, как неандерталец и кроманьонец могут образовывать совместное потомство, между ними возникают исторические и социальные отношения. Я думаю, что фундаментальные основы неравенства на кастово-биологической основе были заложены именно там.

В иудейской традиции есть то, что А. Дугин описал как «сжимание Всевышнего и на периферии»…

У православных это называется *истощение*: творение – есть истощение Бога через самоотдачу, через излияние любви и так далее. На мой взгляд, это всё инфернальные вещи. Они очень субстанционально воспринимают всё это. «Бог – есть любовь». Но любовь – это жертва, понятно. Любовь – это самопожертвование, это излияние. Но это и нечто большее. Если вдуматься в смысл, которое придаётся слову «любовь» христианами, то они имеют в виду благость существования и гарантированность того, что это существование оправдано, защищено и имеет смысл, и что не будет окончательного расчёта ни с кем, то есть все будут спасены. Бесконечность спасения.

Невозможность не спастись. Невозможность того, что кто-то получит «неуд» в итоге. Вот это есть любовь как финальный метафизический трансцендентный оптимизм.

Но Флоренский говорит, что дело не так просто. Потому что Бог любит всех. Но с точки зрения тварей – тех, которые не любят Бога, – нельзя допустить, чтобы они были бы прощены. Есть *невозможность невозможности* «всеобщего спасения», а есть *возможность невозможности* «всеобщего спасения». И они как бы диалектически сочетаются и так далее.

В принципе, меня эта диалектика шокирует лобовой инфантильностью. Потому что проблемы абсолютной реальной метафизики (холодной и страшной) сводятся на уровень внутрисемейных отношений, психологических, межмонадных отношений. Это примерно так, как если бы занимались исследованием высшей математики и превратили бы это в некую психоаналитическую драму: теоремы превратились бы в некую психоаналитическую драму взаимоотношений между числами, категориями. То есть ввести категорию любви и прощения в высшую математику. Конечно, здесь волюнтаризм очень человеческого плана – то, что называется «бхатизм», то есть душевность.

…Вообще Флоренский, Булгаков, православные «неоплатоники» – у всех одни тексты: они все привязаны к Бытию как к единственной реальности, как к единственному *утверждению*. Причём интересно, что парадоксальным образом Флоренский, как я уже цитировал чуть раньше, допускает конечность Бытия. Но, между прочим, это корреспондирует с геноновской оценкой, потому что у Генона есть упоминание «тьмы внешней». Однако он говорит, что «внешняя тьма» – это то, где пребывает «ошибка, которая не существует». То есть абсолютное утверждение включает и покрывает собой всё, кроме «ошибки». А эта ошибка есть та «тьма внешняя, где скрежет зубовный». Очень интересная идея.

Есть встречная мысль, что Бытие является ошибкой, целенаправленно допущенной Мыслью Всевышнего. То есть не «внешняя тьма» – ошибка, а на самом деле манифестированная реальность, вообще тотальная реальность фундаментально базируется на концепции «ошибки», но эта «ошибка» заложена в Замысел. То есть она нуждается в коррекции, она как бы взывает к коррекции. И именно

об этом говорится в Сунне: Махди (да ускорит Аллах его приход) наполнит землю справедливостью, как она была наполнена *зульмом*. Почему она была наполнена *зульмом*, то есть гнётом? Потому что она изначально организована как ошибка.

Мы здесь имеем дело с двумя зеркально противоположными, взаимоотрицающими мировоззрениями: там, где для одного абсолютное Зло, там для другого – *последнее утверждение*, и наоборот.

> *Кстати, Хайдеггер говорил: «А почему мы считаем, что скука, печаль, тоска, любовь – это человеческие качества? А почему бы не посчитать, что это качества богов, которые человеку немного перепали?»*

Ну, это художественно – «почему бы не посчитать…» Я не думаю, что в серьёзном дискурсе может быть позиция «а почему бы не посчитать», – и при этом ссылка на такую неопределённую категорию, как некие «боги». Я считаю, что любое такое состояние надо вскрывать как результат некой трансцендентной логики. Вот *скука*, как я сказал, это эффект господства *не-Я* над *Я*, которое не позволяет этому *Я* проявиться даже в зародыше. И концептуально это имеет обеспеченность категориальную.

Во-первых, мы можем легко отослать нас к опыту *не-Я*. Во-вторых, каждый из нас имеет ощущение правдивости того, что это *не-Я* в какой-то момент заполняет нас, не оставляя некоего внутреннего острова, куда мы могли бы уйти и найти там убежище. Когда у нас есть некое внутреннее убежище, где мы можем скрыться от *не-Я*, то это всё-таки уход от того состояния, которое определяется словом «скука». Поэтому человек и ищет всякие заглушки типа хобби, для того чтобы найти эскапизм, заднюю дверцу от категории *это*. И поскольку здесь мы оперируем, с одной стороны, в рамках диалектической идеи, – при этом она, с другой стороны, опирается на экзистенциальный опыт, – то методологически это интересно. А если сказать, что «давайте представим, что скука – это производное от состояний неких существ, а к нам это перепало», – да, это будет Мамлеев, но это не будет философия.

Бесконечность ощущает ли себя как тотальность, и знает ли она о своей конечности?

Бесконечность есть чистое *отрицание*. Дело в том, что все те состояния, о которых мы говорим в данном случае, – «*невозможное как отрицаемое», «бесконечность как отрицающее»* и *«Бытие как возникающее из несамодостаточности бесконечного»,* – это всё на самом деле последовательное состояние сокрытия главного – изначальной Мысли Всевышнего.

Если изначальная Мысль является мыслью, имеющей своим предметом то, что не может быть равно самому себе, то первый же шаг внутри этой Мысли есть её *сокрытие* в состояние *невозможного*. То есть *состояние невозможного* есть определение *того, о чём* эта Мысль. Допустим, мы говорим не то, о чём эта Мысль, а мы говорим: эта мысль о том и такова, что она *невозможна. Невозможность* есть характеристика этой Мысли. Но это первое сокрытие.

Но поскольку сама по себе *невозможность* тоже такова, что она не может быть равна себе и предъявлена как таковая, то она скрывается в том, что она есть *то, что отрицаемо*, то, что подлежит *отрицанию* «при любой погоде», это абсолютно *отрицаемое*, это то, что не может быть (*невозможное*) и оно *отрицаемо.* И дальше это *отрицаемое* скрывается в *том, что отрицает*, – *отрицающее. Отрицающее* – это та форма занавеси (практически на поверхности, близко к зрителю), которую оправдывает и мотивирует то, что *отрицаемого* нет. *Отрицаемое скрыто в отрицающем*. Это *отрицающее* имеет характер апофатического *бесконечного*, которое ничтожит любую определённость: всё, кроме себя. При этом скрывается то подлинное *отрицаемое*. Она как бы *отрицает* всё, имея в виду *отрицаемое* главное – *невозможность*. Но отрицает она всё. И поэтому, будучи не самодостаточной, поскольку *бесконечность*, как коса эксплозивная, отрицает всё, не имея собственного содержания, – то благодаря тому, что она не самодостаточна, возникает *конечное*, которое тут же ничтожится. Прорастают грибы *конечного*, которые тут же этой косой ничтожатся. Но это *конечное*, в «соборном» таком, межзеркальном плане, даёт в эффекте интегрированное, комплексное Бытие. То есть бесконечное отражение *конечного* в зеркалах создаёт эффект громадного *присутствия*, светового манифестированного

присутствия. Но в это световое манифестированное *присутствие* включена и *возможность отсутствия* любого из конкретных феноменов.

Более того, главным треугольником являются именно *негативные возможности*, то есть *возможность конкретному не быть, возможность альтернативному не быть* и *возможность ничему не быть*. Это треугольник, который является фундаментальным. А вот *возможность чему-то конкретному быть* и *возможность чему-то альтернативному быть* – они проявляются только в зеркалах.

Я долго думал по поводу того, что же *то конкретное, возможность чего здесь утверждается?* То есть прежде того, чтобы была *возможность чему-то конкретному не быть,* должна быть *возможность конкретному быть*. А что это *конкретное*? Еще ничего нет конкретного, то есть нет ничего, что было бы описано уже в последующем возникшем мире, в последующем возникшем Бытии. Ну а возможность чего *конкретного*? И я пришел к выводу, что единственная *возможность конкретного* – это возможность *точки*. Это единственная конкретная уникальность, идентичность, которая предшествует всякой расшифровке. То есть *точка как ограничение любого протяжения* – это та первая конкретность, которая предшествует всякому дискурсу и всякому раскрытию определённости об этом. И более того, точка сразу предполагает ещё и альтернативность себе в виде неограниченного количества точек.

Интересно, каким образом возникает зеркальное пространство мира, то есть пространство временного континуума? Это некая потенция отражения, которой показывают точку. Пустое зеркало, которому показывают точку, и эта точка, отражаясь в этом пустом зеркале, тут же мультиплицируется как бесконечное количество точек, которые составляют, собственно говоря, субстанциональную протяженность. Причем, минимальная насыщенность точками, когда это пространство разрежено, – это полюс энергетического максимума. И когда она сгущена до уровня «чёрной дыры» – это полюс вещественного максимума. Между энергетическим и вещественным максимумами идёт процесс временной энтропии, то есть перехода энергии в вещество, но со взрывами и частично возвратами назад.

Самое интересное, что движение во времени назад происходит, даже когда мы сжигаем берёзовое полено. Это есть не что иное, как

«машина времени». Берёшь березовое полено, кидаешь в печку, и в этом данном конкретном месте происходит движение во времени вспять. Потому что вещество, которое возникло из чистой энергии (из солнечного света превратилось в древесину) опять превращается в энергию. Собственно говоря, движение времени – это есть движение от энергии к веществу и назад.

Просто нужно не забывать, что движение во времени и движение в событийном сюжетном ряду ничего общего между собой не имеют. То есть эти все истории, допустим, Рея Брэдбери, Азимова, феномен «крыла бабочки», машина времени, которая переносит нас в какую-то ситуацию, где вокруг нас лес, динозавры или Иван Грозный убивает своего сына, – это такое инфантильное мышление, которое путает две вещи: событийный ряд (развитие сюжета) и время как физическое движение в клепсидре или в песочных часах. Потому что пьесу можно повторять бесконечное количество раз. Представим себе, что мы заходим с середины. Допустим, мы не знаем какое сегодня число, мы не знаем, на какое по счёту представление мы зашли, и если мы не знаем сюжета, то мы не знаем, в каком месте развития сюжета мы зашли. Это не имеет никакого отношения к движению времени.

Время – это, строго говоря, сочетание двух очень тонких, уникальных, сложно связанных между собой явлений: с одной стороны, время – это движение от абсолютно энергетического максимума к абсолютно энергетическому минимуму, то есть превращение всей энергии в вещество и частично обратно (но в целом, по общей сумме всех процессов, движение от энергии к веществу превышает потенциально сумму обратных переходов); а с другой стороны – *финальность* человеческой жизни. Потому что если бы человек не был конечен (предположим, что мы живём бесконечно – мы не рождались и не умрём, живём, как такие олимпийские боги), то для нас время бы не существовало как время. А существовала бы длительность, которая была бы пустой длительностью – как числовой ряд. А в числовом ряду никакой разницы между 5 и 5556 нет, абсолютно никакой. То есть был бы числовой ряд, который длится, длится, длится. Это длительность, но не время.

Когда начинается время? Когда мы рождаемся и умираем. И между рождением и смертью существует стук сердца, который является мерой времени. И уже галактики, звезды, вращение Большой

медведицы вокруг Полярной звезды, – всё измеряется этими ударами сердца.

Движение от огня к глине, от чистого огня к чистой глине, измеряется ритмом живого сердца конечного существа. Существа, отражённого в этом зеркале, состоящим из различной мощности множеств (множество точек различной мощности: в состоянии «альфа» есть максимум энергии, в состоянии «омега» есть максимум вещества). И в этом отражён человек, который *конечен*. Это сочетание и даёт эффект, который мы называем *время*.

Но *сюжетность* совершенно другая. Сюжетность существует в книге. Она – вне времени. То есть мы читаем «Гамлета», мы читаем его во времени настолько, насколько мы живы, и тратим на это своё время. Но движение сюжета не связано с этим временем. Оно вечно. Оно постоянно воспроизводимо. Эта событийность интеллектуальна, то есть ничем сюжет «Гамлета» или «Дяди Вани» не отличается от чистой мысли, которая просто выражена в законченной форме. А она же – эта мысль – вне времени.

Поэтому то, что мы находимся сейчас, здесь, в этой комнате, – это не связано со временем, это некая ситуация, в которую нельзя войти, даже если сжечь тысячу берёзовых поленьев и совершить в этом участке очень мощное отступление назад, – от вещества назад к выделенной энергии. Но никакого отношения к нам, сидящим здесь, к этой ситуации, на этих подмостках, это не будет иметь.

Никто не понимает, что такое *трансцендентное*. Потому что все думают, что *трансцендентное* – это нечто субстанциональное, находящееся за гранью известного. В то время как на самом деле *трансцендентное* – это *то, чего нет*. То есть *это не альтернатива сущему*, потому что альтернатива перекрывается более высокой степенью «надстройки». Есть, допустим, чёрное и белое, а есть нечто, объединяющее чёрное и белое. Тезис, антитезис, синтез. И любая дихотомия *этого* и *иного* всё равно будет иметь синтез. Выйти из этого можно только таким образом, что есть *это* и есть та «внешняя тьма и скрежет зубовный», где *всё* как *всё* кончается, где «всё как всё» – его нет.

Получается, «небытие, которого нет» по Пармениду не должно нас интересовать (его нет: «Бытие есть, а небытия нет»). Но

получается интересная вещь: «небытие, которого нет» Парменида оказывается внутри «бытия, которое есть» в виде феномена гносеологического свидетельствования. То есть сущее «онтос» и *отсутствие, которого нет как отсутствия*. Но *отсутствие, которого нет как отсутствия*, оказывается в центре этого *онтоса*, и за счёт этого эффекта возникает феномен присутствия Духа, который есть *свидетель*.

Короче говоря, субъект и объект не являются двумя половинками целого, а есть объект как сфера, которая поглощает всё, и субъект как некое *отсутствие*, которое внутри этой сферы является нетождеством ей. Поэтому это сразу выводит нас на то, что *трансцендентное*, с одной стороны, абсолютно негативно по отношению ко *Всему*, с другой стороны, является *точкой присутствия* внутри нас.

Но дальше идёт более интересная вещь. Оказывается, что эта дихотомия полюсов – этой сферы *абсолютного Всё* и нетождества ей, которая контрастно выявляется благодаря этому противостоянию, – есть «отрицательное» единство. Есть то, что не присутствует *таким* тотальным образом, что оно не дано ни в точке нетождества, которое в нас, ни в этом *абсолютно Всё*, которому мы противостоим. То есть эта «*суперполярность»*, в которой мы даны в противостоянии друг другу, разрешается в полном отсутствии в нас и в этом. Как, допустим, есть единство позитивное как синтез, а есть «отрицательное» единство. Представим: «пустыня, в которой ни капли воды, и посреди этой пустыни стоит хрустальный бокал, и в нём единственная вода, которая существует, – больше ничего нет. С одной стороны – абсолютная сухость, жажда, а с другой стороны – эта вода в бокале». Мы можем указать на то, что абсолютно одинаковым образом не присутствует как в пустыне, так и в бокале, – то, по отношению к чему бокал с водой и пустыня равным образом «нищи», что составляет отрицательное тождество таких абсолютных противостояний, как бокал с водой и пустыня. И вот это есть указание на *трансцендентное* – то, что составляет базу отрицательного тождества взаимоисключающих оппонентов. Вот это и есть «схваченное» *трансцендентное*. Но выйти к нему можно только через эту *точку несовпадения*, потому что в *точке несовпадения* нас с миром впервые обнаруживается *нетождество как рабочий принцип*, который потом пойдет дальше и раскроется уже как отрицательное единство взаимоисключающих

противоположностей. А противоположности должны друг друга исключать абсолютно, то есть это не тезис-антитезис, а это «если *то* есть, то *этого* нет». Если есть Бытие, то нет Бога, если есть Бог, то нет Бытия. А вот есть *нечто*, по отношению к чему и то и другое одинаково «нищи»: субстрат абсолютно отрицательного единства к взаимоисключающим вещам (не к диалектически оппонирующим, а к взаимоисключающим вещам), то есть *то, что не присутствует ни там и ни там*.

Финализм как гносеологическая проблема

3 августа 2015

Финализм – это концептуальная попытка раскрыть сущностную природу понимания, *свидетельствования как гносеологического акта*, противоположного акту бытийственному, то есть акту существования. Мы исходим из того, что Бытие и сознание – это абсолютно полярные, противоположные вещи, и сам феномен Духа, сам феномен знания, сам феномен понимания реальности основан на этом противостоянии, – то есть на *нетождестве*. Не на том, что сознание является функцией бытия – как, допустим, в традиционном мировоззрении эллинов и исходящих из эллинов мыслителей, которые, как и Платон или адвайта-ведантизм, учат о «триединстве реальности», которое представляет собой бытие, сознание, блаженство. Или у Платона – бытие, идея, благо. При этом идея тождественна бытию, является его инвариантом, функцией бытия.

Они не отличают сознание как некое свидетельствование данной реальности *здесь и теперь*. Это опять же некая инверсия идеи, которая, приходя к человеку и действуя через человека, реализует свою онтологическую функцию. На этом основана и концепция слияния субъекта и объекта в акте понимания, в акте постижения. То есть субъект и объект – это условные полярности, которые образуют половинки общего целого. Вот они сливаются, как магдебургские полушария, и возникает некое целое, – и в этом акте исчезают субъект и объект и вспышкой, озарением есть якобы «экстатическое постижение Бытия, которое есть оно же само Бытие в своей истинности».

Мы исходим из совершенно противоположной точки зрения. Мы исходим из точки зрения, что субъект и объект не сливаются, потому что они не существуют в общем плане, они не являются полюсами целого. Их полярность – это не полярность понятного нам типа, когда есть Арктика, есть Антарктида и они соединены осью, – это *негативная полярность*. Очень важно понять, что это негативная

полярность. То есть Бытие есть, а сознание – это *то, чего нет* (как у Парменида: «Бытие есть, небытия нет»).

Так вот, *небытие, которого нет* в нашем видении, есть именно *сознание*. Бытие есть, оно целое, оно не нуждается ни в каких дополнениях, оно круглое как шар. Бытие – абсолютный объект или репрезентация объекта (потому что, может быть, подлинный объект стоит ещё несколько дальше за Бытием). А сознание как субъект – это *то, что не существует*, потому что его нет ни в системе этого шара, ни где-то рядом оно не плавает, никак сбоку не летает. Объект вобрал в себя всё сущее, и субъекту осталось только чистое *отсутствие*. Удивительно, что это чистое *отсутствие* при этом находится в центре Бытия, оно центрирует Бытие вокруг себя.

То есть всё Бытие располагается вокруг этого чистого *отсутствия*, которого как бы нет. Можно было бы его игнорировать, но на самом деле Бытие оживает как некая утвердительная сущность, как некая утвердительная истина, только за счёт центрирования вокруг этой точки абсолютной оппозиции. Для того чтобы понять, откуда это берётся, нам нужно проследить генезис и Бытия, и сознания в этой концепции, которую я представил: *отсутствие как центрирующая точка посреди Бытия*, которое (Бытие) самодостаточно всему, но как бы в *неведении о себе*. Это объектное неведение о себе, это инертная косность сущего, которое даже, возможно, в некотором смысле, равно *ничто*. Потому что если это *сущее* само о себе не знает, то можно сказать, что оно некоторым образом равно *ничто*. Конечно, это не вполне так. Оно знает о себе другим образом – не тем, каким будет о нём знать сознание, которое стоит в его центре и центрирует вокруг себя, – это *сущее* имеет, скажем так, определённую причастность к некоему *ведению о себе*, но это бытийное ведение абсолютно враждебно сознанию.

Чтобы дать пример того, как это возможно и на что это похоже, я бы привёл следующую метафору. Мы пользуемся словами для того, чтобы описать некое понимание, некую концепцию, некую мысль выразить, и мы не можем себе представить чистую мысль, которая не опирается на понятийную систему. Для нас очевидно, что «понятие» – это необходимый инструмент, необходимая часть организации такого присутствия сознания в мире.

Но вот есть музыка. Музыка – это звуки, которые не несут логического содержания, они *не понятийны*. У них есть определённая система последовательности. Когда эта система последовательности актуализируется, у человека, который слушает музыку, возникает ощущение, что он что-то «понимает», как будто его вводят в какое-то состояние понимания. Он может фантазировать, вспоминать своё детство: как он бегал маленьким мальчиком по лужайке, гоняясь за бабочкой, или же что-то героическое, слушая Бетховена. Это всё эфемерное, всё как бы летучее, это как облака. Бесполезно выражать суть музыки словами. Когда человек начинает описывать то, что он понимает, слушая Вагнера, Бетховена или там восточную музыку, – глупость какая-то получается. Тем не менее есть ощущение, что это есть некое «знание», но это знание точно совершенно другое, чем то знание, которое в словах.

То Бытие, которое существует само по себе (вне сознания), имеет некую глобальную «мудрость», как музыка, которая глубоко враждебна тому принципу оппозиции, который центрирует это Бытие вокруг себя, – принципу, который связан с сознанием и который может выразиться только концептуально в мыслях, в слове, в понятии, в имени. То есть, с одной стороны, можно говорить о «гармонии сфер», о гармонии каких-то звуков, тонов, которые выше, ниже и в определённой последовательности. Но в чём их смысл? Любая попытка описать им смысл будет вторжением извне, то есть будет апелляцией к сознанию, к слову, то есть будет работа с тем, что находится вне Бытия. Смысл находится вне Бытия. Само Бытие бессмысленно. Тем не менее я подчёркиваю, что у него есть некое свое *ведение*, своя какая-то содержательность, но эта содержательность подобна музыке, она бессмысленна.

Тем не менее, когда мы говорим о Бытии и сознании, мы уже говорим о неких выводных конечных продуктах двух рядов, которые сходятся здесь, на нашем уровне. Мы, являясь носителями сознания, вместе с тем представляем собой куски Бытия, сидим внутри Бытия, окружённые Бытием, а в каждом из нас мерцает блик, «солнечный зайчик» этого самого сознания. Эфемерный, но тем не менее составляющий главное зерно или главную изюминку сущего как оппозиция этому сущему. Откуда же берётся и то и другое? Надо ещё подчеркнуть, что, когда мы говорим о сознании, мы уже тем самым

говорим о том, что эта точка как *не сущее* есть точка *финалистская*. Это точка, в которой Бытие кончается и которая Бытие собой ограничивает, потому что она есть не Бытие, она присутствует как некая оппозиция внутри Бытия и она есть *небытие*. Поэтому она представляет собой некий финал Бытия, но, опять-таки, генезис и того и другого.

На самом деле для того, чтобы представить себе общую картину, мы неизбежно должны апеллировать к понятию о некоей Божественной Мысли, Божественном Предопределении, которое задало «глобальную программу», в ходе которой на выходе провиденциальным образом сходятся две эти взаимоисключающие вещи: Бытие, которое есть и *небытие, которого нет*, но которое при этом есть сознание. Мы можем так сказать: сознание – это модальность реальности того *небытия, которого нет*. То есть Бытие есть – это понятно. А вот «небытия нет» – для греков это было так: небытия нет, и если нет, то и нет, и говорить о нём не будем. А мы говорим, что *небытие, которого нет*, имеет модус презентации себя в виде сознания.

Эти два момента появляются в качестве вывода из внутренней динамики Божественной Мысли, которая является мыслью-проектом, мыслью-провидением, мыслью сверхзадачи. В основе этой Мысли находится колоссальная, страшная и непостижимая апория. Апория, предполагающая комбинацию несовместимости, которая образует предпосылки метафизического или гностического взрыва.

Может быть, многие из вас слышали такую апорию, которую современные исследователи считают шуткой школяров: может ли Бог создать такой камень, который не сможет Сам поднять? Классический пример апории, которая на самом деле гораздо серьёзней, чем это может показаться на первый взгляд, и ничего в ней смешного или иронического нет. В действительности вопрос логический. То есть если есть всемогущий Бог, то как Он может сделать то, что ограничит Его возможность (то есть создаст такой камень, который Он не сможет поднять)? Либо Он не может создать такой камень, либо может, но не может его поднять. Тем не менее апория требует разрешения. Она реально существует, она требует этого разрешения.

Мысль Бога, Божественная Мысль, скажем так, есть чистая, абсолютная, первозданная апория в том смысле, что она предполагает

в себе потенцию *тотального Всё*, то есть она несёт в себе *тотальное Всё*, одновременно не будучи тождественной себе, то есть не будучи тождественной этому *тотальному Всё*.

Иными словами, эта мысль предполагает не тождество себе, в котором *тотальное Всё* превзойдено таким образом, что это *тотальное Всё* окружено постоянным провалом, постоянной бездной, по отношению к которому это *тотальное Всё* является пылинкой (как ничем). Вдумайтесь в это: *тотальное Всё*, которое *тотальное Всё*, – некое самотождество, которое абсолютно утвердительно включает в себя всё, и вместе с тем мысль построена на том, что это *тотальное Всё* не равно самому себе, то есть оно как бы постоянно проваливается за себя, оно окружено бездной, эта бездна поглощает это *тотальное Всё* как нечто *несущественное*. Это *невозможно*. То есть Божественная Мысль сосредоточена на контенте *невозможности*, чистой *невозможности*.

Чистая *невозможность* есть то, что Божественная Мысль, Мысль Всевышнего *мыслит*, то есть эта Провиденциальная Мысль мыслит абсолютно *невозможное*, а именно – превосходство над тем, что является абсолютно *Всем*. Это очень важно понять, потому что здесь начинается та операция с логикой, которая является фундаментальным подходом к метафизике Откровения. С метафизикой созерцания очень просто – метафизика тождества, с Бытием всё понятно – «бытие равно небытию», у Гегеля чистое Бытие равно чистому *ничто,* и это же при этом «абсолютная идея». В общем, всё просто, понятно, логично. А вот здесь мы как раз подходим к тому, что является противоположным этой платоновско-гегелевской логике, – это метафизика Откровения. Абсолютное *Всё* превзойдено волей к тому, что не может быть вмещено в категорию этого утверждения, этого самотождества, то есть в чём это абсолютное *Всё* проваливается как в своё *отсутствие*. Это *невозможно*. И это *невозможное* есть контент Провиденциальной Мысли.

Теперь, *невозможное* – это метафизический скандал, который не может существовать в открытом виде, то есть *невозможное* как невозможное – оно не может быть, потому что оно – *невозможное*. И оно может существовать только в форме своего *сокрытия*, в опосредованной форме, которая на него указывает через его сокрытие. Каким образом? *Невозможное* является *отрицаемым*, то есть

невозможное существует не как «само по себе», оно существует только в форме своего собственного *отрицания*: нечто отрицает *невозможное*, потому что оно *невозможно*. И чем же отрицается *невозможное? Невозможное* отрицается чистой *негативной бесконечностью*, негативным Абсолютом. То есть негативный Абсолют, который отрицает всё, кроме себя, есть инструмент Божественной Мысли, который скрывает *невозможное* тем, что постоянно его *отрицает*. Чистая негация есть ширма, прикрывающая идею *невозможности*. Вот у нас есть чистая негация, которая используется только как инструмент указания на то, что она отрицает. А что она отрицает? Она отрицает Бога, потому что *Бог – это есть невозможность*, Бог совпадает с чистой *невозможностью* как содержание собственной Мысли, но представляет Он Себя через это отрицание как некую *бесконечность.* Или как Абсолют, который внутри себя совершенно пуст, потому что эта *бесконечность* «бескачественна», она апофатична, она не допускает никакой конкретизации, никакого указания, – она просто отрицает *всё, что не она*, а подразумевает при этом *отрицание невозможного*.

Значит, вот *бесконечность*, в которой мы оказались наедине, – как мы обнаружили, *бесконечность* как принцип не является самодостаточной и самообеспечивающей. То есть оказывается, что *бесконечность* у нас вообще существует просто как инструмент *сокрытия* того, что она исключает, будучи бесконечностью. Есть *бесконечность*, есть её функция исключать, предмет её исключения – это *невозможность*, которая и есть контент Божественной Провиденциальной Мысли. Теперь, вот эта *бесконечность*, отрицающая всё, кроме себя, – она как бы себя-то и не «имеет».

Что значит «себя»? Она просто есть чистая негация, направленная вовне. И в этом смысле она очень «слаба», потому что она не представляет собой *утверждение*, то есть она представляет собой *негатив утверждения*, она представляет собой как бы отпечаток *утверждения*, она утверждает только в том смысле, что ничего ей как бы «добавить» или «указать», что есть что-то помимо неё, нельзя. В этом смысле она – *утверждение*, но отрицательное, как некий след в песке, который не есть нога, но есть ее оттиск. И выражением слабости или несамодостаточности, принципиальной несамодостаточности *бесконечного*, является инвертированный образ

бесконечности в виде точки. Точка – это важнейшая метафизическая категория, где мы впервые обнаруживаем концепцию *финальности* как концепцию «входных врат».

Что такое точка? Точка на самом деле представляет собой явный образ *конечного*. Если мы берём неограниченный лист бумаги, простирающийся во все стороны (на нём абсолютная белизна), и ставим точку, то мы сразу тем самым ограничиваем этот простор, мы центрируем этот неограниченный простор вокруг этой точки. То есть точка – это *финал простирания*, с одной стороны. С другой стороны, точка не имеет измерений, то есть она апофатична, она негативна. Точка не имеет метрического содержания, точка не имеет протяжённости. Она в этом смысле существует только по оппозиции к тому, где она поставлена. То есть у неё *самобытия* нет. Если мы убираем пространство, мы с ней убираем точку. Пространство существует лишь как место расположения точки.

В некотором смысле точка – это отрицательный образ или негатив от этой *отрицательной бесконечности. Бесконечность* все отрицает, а вот то, что она отрицает, не может быть представлено, репрезентовано как само по себе, как *невозможное*, потому что бесконечность для того и есть, чтобы скрыть *невозможное*. Но репрезентация того, что она отрицает, того, что должно сниматься, – она дана как негатив к этой *бесконечности* в виде точки. Эта точка является (как бы в такой камере-обскуре) инвертированной «фотографией» *бесконечности*. То есть *бесконечность* снята в камере-обскуре, перевёрнута, – и это точка. Она тоже не имеет никаких свойств, никаких качеств, она негативна, но она встречается с *бесконечностью* как её *отрицание*, как её оппозиция.

Здесь, в этой точке, мы впервые обнаруживаем корень того, что мы называем Бытие. Эта точка разлагается на пять совершенно независимых проекций. Эта точка имеет это *конечное*, одновременно не имеющее никаких квалификаций. То есть, в некотором смысле, «небесконечная» точка порождает то, что мы называем *возможностью*.

Мы помним, что *бесконечное* существует как ширма, скрывающая скандал *невозможного. Невозможное* – это содержание Божественной Мысли, это главный контент апории. Оно прикрывается этим глобальным, тотальным отрицанием, Абсолютом.

Чистый бесконечный негатив, ничем не ограниченный, – мы даже не знаем, что он нечто скрывает, нам предъявлено это «нечто» как абсолютный Рок, как Брахман (как говорят индусы: «Нам эта бесконечность предъявлена как основа основ)»; нам говорят, что есть такая апофатическая бездна «Брахман». Мы задаёмся вопросом: а каким образом что-то появилось из этой бесконечности, если она бесконечна, как она может терпеть нечто, кроме самой себя? Или, как спрашивал Хайдеггер: почему есть *нечто*, а не *ничто*? Потому что *ничто* должно «существовать» первым («существовать» в кавычках, конечно). Это как бы естественно: *ничто* – оно бесконечно. Как оно допускает, что появляется *нечто*? Оно же должно его отрицать, снимать. Оно потому и появляется, это *нечто*, что *бесконечность не самодостаточна*, она «служебна», она возникает как некая ширма, которая прикрывает своим отрицанием то, что она отрицает.

И появлением этой несамодостаточности и «служебности» является инверсия этой *бесконечности* в виде точки. То есть *бесконечность* встречается *сама с собой*, негация встречается сама с собой в виде этой точки. А эта точка – это начало Бытия, которое, вообще говоря, представляет собой самый оппозиционный глубокий «осадок», самый тяжёлый срез в Божественной Мысли. То есть чистая Божественная Мысль является апорией внутри себя. Она полагает в качестве предмета апории *невозможное*. Потом это *невозможное* она скрывает от самой себя (Мысль скрывает *невозможное*) через *отрицание*, которое этим отрицанием указывает на то, что *невозможное* не может быть. Но потом она это отрицание, это *бесконечное* отрицание скрывает опять-таки от самого себя появлением этой точки. Эта точка есть, в некотором смысле, *сокрытие бесконечного отрицания*. Это как бы идея *утверждения*. Точка – это конкретизация, *утверждение*. Это Бытие – это последнее как бы падение, последнее «сгущение», нисхождение в плотные слои Божественной Мысли. Божественная Мысль, можно сказать, «засыпает» в этой точке.

Теперь эта точка есть база для появления *возможностей, возможного. Возможностей* пять. Их всего пять, безусловно.

Возможность уникального. Она содержится в этой точке. Эта точка, возникнув как оппозиция *бесконечному отрицанию*, сама по себе *уникальная*.

Возможность аналогии, повторения, множественности. Точка по своей природе, будучи полностью лишённой качеств, будучи апофатичной (пока она одна, она уникальна), но она уже своей апофатичностью предполагает *повтор*, то есть множественность, *возможность таких же других точек*.

Возможность этой точке не быть. Правильно, *возможность уникальному не быть*, – негация-то стирает, негация идёт и стирает. Точка есть как некая камера-обскура, в которой она перевёрнутым образом встречается с собой, но при этом она её стирает. Возможно, чтобы этой точки не было? Возможно.

А возможно, чтобы не было множества точек? Возможно. Следующая, четвертая, возможность – это *возможность не быть аналогиям*.

И пятая возможность – это *возможность не быть ничему*. То есть возможность чистого непроявления.

Вот эти *пять фундаментальных возможностей* образуют концепцию *возможности* как таковой. И *возможность* – это синоним *конечного*, то есть сказать «возможность» – всё равно что сказать «конечное». Есть первоначальное *бесконечное*, оно всё стирает, оно ничего не допускает, кроме самого себя, но в силу того, что оно не самодостаточно (*бесконечность* не самодостаточна, как это ни парадоксально, – то есть традиционные религии думают, что бесконечность самодостаточна, она изначальна, к ней ничего не добавить, не убавить).

А тогда откуда берётся всё остальное? Не может *бесконечность* превратиться в свою противоположность – *конечное*, если она самодостаточна. Но в нашей метафизике *бесконечность не самодостаточна*. И поэтому она превращается в точку, которая *бесконечность* ограничивает и которая распадается на *пять фундаментальных возможностей конечного*, которые представляют собой (проскакиваю некое лишнее звено в логической цепи рассуждений) зеркала, которые отражают друг друга. То есть *возможность уникального* отражается в *возможности аналогичного*, в *возможности не быть уникальному*, в *возможности не быть ничему аналогичному*, в *возможности не быть ничему вообще*.

И всё остальное так же повторяется, отражаясь в этих зеркалах. Более того, всё, что получилось, – получилось 25 зеркал, – опять-таки

каждое из них повторяется в каждом из остальных. То есть это фрактал. И возникает спираль расходящихся зеркал, и в каждом из них отражается эта точка, распавшаяся на пять проекций, а эти пять проекций отражаются друг в друге и собираются снова в целое, которое опять повторяется в каждом из зеркал. Это чистый фрактал. И это, собственно говоря, и есть Бытие. Всё марево всех состояний – от *манифестации до неманифестации*, от звука до молчания, короче говоря, всё так называемое *сущее* – это всё проекция этой единой точки, которая распадается на эти *пять возможностей*, отражающих друг друга и воспроизводящихся расходящимися спиралями.

Вот эта точка, которая распадается на *пять возможностей*, а они собираются в каждом витке, в зеркале, повторяясь друг в друге и так далее, имеют образ единого существа, потому что вы знаете, что есть языки, где понятия «бытие» и «существо» передаются одним словом – скажем, в английском это слово «being», во французском – «*être*» (это и «бытие», и «существо»). Мы с вами – существа. Being с большой буквы – это Бытие как Онтос, Бытие вообще.

Это очень важно. Почему? Потому что Бытие вообще и есть Великое Существо. И это Великое Существо – мы должны это помнить – есть инверсия, последняя стадия падения, огрубления, засыпания Божественной Провиденциальной Мысли. То есть Великое Существо есть тот, кого мы называем в исламской традиции Иблис, или, допустим, мы можем его назвать Аполлон, Зевс, Ишвара, Господь, Господин, Существо. Люди (большинство) инстинктивно считают его Богом, потому что они так устроены (они являются его образом и подобием), потому что Великое Существо, повторяясь, отражается в зеркалах миров. И человек – это тоже одно из отражений в одном из миров этого Великого Существа. Все они считают (как отражения) свой оригинал, архетип, «богом».

Но монотеисты, точнее монотеизм (свободный от человеческих склонностей, человеческих слабостей сознания и так далее), опирающийся на Откровение, знает, что Великое Существо есть содержащаяся внутри Божественной Мысли антитеза этой Божественной Мысли, потому что Бытие – это внутренняя антитеза Божественной Мысли, которая является последней стадией её нисхождения вниз самой себя. Условно говоря, это копчик внутри динамики (сверху вниз) Божественной Мысли. И эта точка, этот

копчик, представляя собой Великое Существо, которое содержит в себе всё и повторяется в зеркалах миров, есть Люцифер, Денница, Сатана, Иблис.

Не следует представлять себе Сатану обязательно как крылатого козла с рогами. Это сияющее существо, абсолютно гармоничное, ему принадлежат красота, свет, гармония. Почему первые христиане инстинктивно ненавидели гармонию и красоту? Почему они носили рубища, почему они подозрительно относились к украшениям? Потому что они знали, что музы, Мусагет, Аполлон – это всё Великое Существо. Потом, для людей, которые всё равно находились в луче «натурального» язычества, поскольку они существа глиняные, – для них образ Христа и образ Люцифера слились в одно, и люди стали реально отождествлять одно и другое. Мы находим имя Люцифера в посланиях Павла, когда он называет Христа «утренней звездой». Без всяких аллюзий, прямым текстом говорится. Но это сильнейшее уклонение от монотеизма, потому что монотеизм чётко различает Бытие как дьявола, а Божественную Мысль как то, что держит в себе эту точку Бытия в качестве своей антитезы, которую эта Божественная Мысль должна преодолеть, победить. Почему? Потому что апория, являющаяся главным содержанием Божественной Мысли (*невозможное* есть главное содержание Божественной Мысли), не может быть решена до тех пор, пока Божественная Мысль не спустится вниз самой себя, к своей противоположности, которая является Бытием, и не преодолеет эту противоположность. После чего она вернётся к своей подлинной, истинной сути (уже апористической), и там преодолеет эту апорию наверху.

Так вот, получается, что *невозможное*, сокрытое несколькими уровнями, то есть сокрытое *бесконечностью*, которая отрицает и не допускает *невозможное*, потом сокрытое Бытием, – это *невозможное* бросает лучик, который падает в недра, в глубь Бытия. И этот лучик, этот чёрный блик, «зайчик» чёрного солнца, который обнаруживает себя в центре сияющего зарева (Бытие – это сияющее зарево, чистый свет, сияние, это чистый люциферизм), и в самый центр этого сияния падает чёрная точка из *невозможного*, и она обнаруживается в недрах этого Бытия в одном единственном месте как *сознание*.

Я хочу подчеркнуть, что *невозможное* – это Сам истинный Бог, Который является обладателем собственной Мысли и содержанием

собственной Мысли, Он существует как *Невозможное*, потому что Он является предметом апории и таковым Его мыслит Его собственная Мысль – как *невозможное*. Из Него этот лучик бросает чёрный блик в центр сияющего Бытия, которое на самом деле является «сортиром», страшным инфернальным падением внутри самой Мысли в его собственную же противоположность. Что называется – на дне выгребной ямы сияет пронзительный зайчик света, попавший через щель.

Это, только это – в данном конкретном случае – становится *сознанием*, – тем, которое мы называем *свидетельствующим сознанием,* и становится таковым (*свидетельствующим сознанием*) только в том случае, когда оно сияет в центре Бытия. А центром бытия оказывается Адам. Провиденциально Адам стал той избранной фигурой, в которую Божественная Мысль предопределила падение этого лучика. То есть там, где *невозможное*, которое сокрыто отрицанием себя, это *невозможное* обнаруживает себя в самом низу. Потому что из чего сделан Адам? Он сделан из глины. Нет ничего более костного и инертного, это субстанция субстанций, это экстракция субстанции. Тем более он сделан из двух типов глины: из глины земной и из глины небесной (из глины грубой и из глины жидкой). Сделан как кукла. Это самое падение.

И вот *невозможное*, которое Всевышний называет Своим Духом (это *невозможное,* которое есть содержание апории, контента Божественной Мысли о Нём Самом, – это и есть Дух Божий, частица, пятнышко, «зайчик» из чёрного солнца этой непостижимости) падает в сердце глиняной куклы и становится там *сознанием*.

Адам пробуждается, Божественная Мысль, которую мы для краткости называем «Всевышний», потому что это Мысль Всевышнего и о Всевышнем, сообщает ему имена-концепты. В тот момент, когда творится «имя», творится и содержание и тем самым это – вещь, которая есть не более чем концепт. То есть нет «небесной лошади», как у Платона (Платон говорил, что есть идея «лошади», а здесь – её тень). Нет такой «небесной лошади», а есть слово, подразумевающее концепт. То есть творческая *имманенция* Божественной Мысли, которая создаёт концепт «лошади», сообщает имя и этот концепт Адаму, после чего Адам называет сгусток бытийного хаоса «лошадью», и это – лошадь. Теперь кроме Адама никто не знает, что

это лошадь (это лошадь для Адама и для Божественной Мысли), то есть ангелы, которым эти имена не сообщили, для них никаких «лошадей» нет, потому что это уникальное, эксклюзивное.

Язык создан Всевышним только для Адама и сообщён Адаму, больше никто этот язык не знает. Но можно выучить вслед за Адамом – можно услышать, подслушать, выучить и так далее. Но хозяином языка в мирах миров является только Адам (мир ему). После чего Адам отправляется в качестве посланника, в качестве первого великого пророка.

Приходит Адам и сообщает как Откровение язык, полученный от Божественной Мысли, от Всевышнего, и тут происходит страшный коллапс человеческого общества. Было не общество, а было сообщество как *биос*: люди находились в лучезарном сне Золотого века, у них не было ощущения среды как чего-то конфликтного и противостоящего им самим. Они не знали, что есть дождь, жар, что есть какие-то неудобства. Как зародыш в околоплодных водах утробы матери, они находились в состоянии океанического блаженства зародышей, и вдруг происходит рождение: хаос, громкие звуки, яркий свет – младенец начинает вопить, появляется жесткий холодный воздух, который сразу резко наполняет его лёгкие. С чем это приходит всё? С языком.

Как только приходит язык, сразу исчезает гармония со средой, сразу начинает на тебя лить дождь, бить молния, дикая жара, надо есть, сразу прячешься по пещерам, становишься жалким, гонимым. И сразу общество делится на две половины. Одна половина – это та большая половина, которая мечтает вернуться назад, в состояние эйфористического блаженства Золотого века. А другая, маленькая часть, понимает, что трагедия рождения имеет сверхзадачу и нужно идти этим путём. Нельзя сказать, что младенец хочет залезть назад, но подлинная мудрость предполагает, что он должен выдержать травму рождения и начать как бы жить, – что получается с большей частью общества, которое, соответственно, хотело бы вернуться назад. Некоторая часть этого общества, этих людей, которая лучше остальных помнит, как это было в Золотом веке до прихода Адама, говорит: «Мы знаем, как было, мы помним и обладаем технологиями, которые могут вас вернуть назад в этот Золотой век, в околоплодные воды океанического блаженства». И эти существа, которые обладают

этими технологиями или говорят, что обладают этими технологиями, становятся кастой жрецов и подчиняют себе общество, мечта которого – сделать всё, чтобы вернуться туда. Но язык-то уже дан, язык-то не «объедешь на кривой»: они уже утеряли телепатию, они начинают общаться на языке.

И вот тут-то возникает «хитрость». Поскольку существует та «мудрость бытия», которая выразима только музыкой сама по себе, а с другой стороны, существует *слово*, которое связано с Откровением, уничтожающим и переформатирующим это бытие, то на стыке неизбежно возникает компромисс. Что это за компромисс?

Компромисс «мудрости бытия» и слова адамического Откровения. В итоге возникает цивилизация, которая языком Адама выражает «мудрости», прямо противоположные идее Откровения, то есть выражает метафизику традиционалистского язычества: адвайта-ведантизм – классический пример.

Адвайта-ведантизм – это *метафизика тождества*, которая выражена человеческим языком. А язык, принесённый Адамом, основан на *метафизике нетождества*. Это парадокс. Человеческая цивилизация основана на компромиссе льда и пламени – взаимоисключающих вещей. Она традиционалистская, а традиционалистская «мудрость» описывается языком, который является продуктом принесённого первого Откровения.

Но, с другой стороны, возникает та меньшая часть, которая избирает идти за Адамом и за его потомками. Все остальные – это разновидности, потомки, так сказать, «звериного человечества», которых включили в зону языка, и поэтому они насильственно стали «виртуально» приобщёнными к *адамизму*.

То есть все мы – «виртуальные» адамиты, приобщённые через язык. Если ребёнка похищает волчица и он становится Маугли, то он не становится человеком. То есть язык не имманентен человеческому роду.

Язык – это принесённое Откровение. Кстати, чтобы подтвердить свои слова: существует масса филологов, интеллектуалов, которые изучают лингвистику, – они несут полную чушь, никак не могут договориться, откуда взялся язык. Ну, вот Энгельс говорил, что обезьяна создала язык в процессе трудового общения, то есть надо было как-то бревно подтянуть, и они сначала брали дубинушку, «эй ух,

эй ух» и вот из этого «эй ух» развился язык. Ну большего бреда нельзя себе представить, потому что для того, чтобы совершить организованные действия, надо иметь язык. То есть нельзя ставить телегу впереди лошади. Чтобы быть вовлечённым в какой бы то ни было трудовой процесс, этот трудовой процесс надо оформить в языке, который этому трудовому процессу предшествует. Поэтому нельзя в процессе чего бы то ни было создать язык. Вообще нельзя язык «создать». Потому что все созданные искусственно языки существуют как вариации уже существующих языков. Более того, когда язык сообщается людям, то его дальнейшее использование только его портит. Ну, например, есть санскрит, а в какой-то момент сакральный санскрит достался женщинам, шудрам, рабам, детям, которые стали на нём говорить, что было до этого раньше запрещено, и из этой порчи возник *пали*, а потом среднеиндийские языки, потом новоиндийский, хинди и так далее. Тоже и с латынью. Есть латынь, потом на ней начинают говорить всякие мужланы, и из этого возникают итальянский, французский и так далее, – то есть языки, которые утратили большую часть информации, содержавшейся в латинской грамматике. Языки могут быть только испорчены, никто не может их создать.

Почему кораническое Откровение так подействовало на сознание арабов, которые слушали нашего пророка (да благословит его Аллах и приветствует)? Потому что во времена Пророка уже никто не говорил на чистом арабском языке, в том числе и он. Все говорили на испорченном языке, который, как известно из традиции, был Откровением, данным Исмаилу (мир ему). То есть Исмаилу в 13 лет был низведён чистый арабский язык в абсолютной форме, которому он научил тех кочевников, которые последовали за ним в пустыне, куда его выселили вместе с его матерью Агарью. Дальше этот язык только портился. К VII веку от арабского языка, который был когда-то, осталось очень мало. Это был просто диалект. И вот, когда стало нисходить Откровение, оно стало нисходить на таком чистом арабском языке, на котором никто не говорил. Более того, сам Пророк не мог говорить на этом языке в «нормальном состоянии».

Ну представьте себе, что в какой-то деревне какой-то пастух вдруг начинает говорить с окружающими на церковнославянском или древнеславянском языке, излагает «Слово о полку Игореве». И все

начинают его слушать и понимают только часть. Он-то понимает, и он им потом объясняет, но обычным языком, привычным для них. Поэтому в Коране и сказано: «Они (то есть слушающие тебя) говорят тебе, что ты это сочинил. Пусть любой из них приведёт любой аят, подобный этому (то есть пусть повторит)». Имеется в виду не то, будто там такие умные вещи говорятся, что невозможно их сочинить, – имеется в виду, что они на этом языке не говорят, они не могут это повторить на неизвестном им языке. Они могут это только запомнить и разъяснить. Поэтому существует Сунна, традиция хадисов, которая есть пояснение к Откровению, данному на полузнакомом, забытом языке. Вот почему эффект невероятного действия был оказан на окружающих людей. Именно факт языка. Человек по имени Мухаммад – такой же, как они. Он говорил вместе с ними, и вдруг ему нисходит аят на языке, который они не могут воспроизвести. А потом, естественно, ориентируясь на этот язык, был восстановлен литературный арабский, на котором и сейчас в быту они не могут говорить (подавляющее большинство), то есть его изучают в школах. Но это некоторое отклонение по поводу языка.

Вопрос вот в чём. Вопрос в том, что точка адамического сознания, инокулированная[26] в эту глиняную куклу, точка, которая принесена людям и принесена через язык (научение языку всех людей), – в нас это сознание существует только наведённое через язык «виртуально». То есть, иными словами, в Маугли того *свидетельствующего сознания*, о котором мы говорим, нет. Маугли, воспитанный волчицей, получает матрицу волчицы, то есть систему «запрос-ответ», которая существует на уровне животного мира, потому что там нет восприятия. Волчица не воспринимает дерево как дерево, куст как куст, зайца и козу, как зайца и козу. Она воспринимает это как некое движение хаоса, которое в своей определённой конфигурации побуждает её к определённым действиям – агрессии, бегству и так далее. Тут есть нюансы, сложности, но, в принципе, любое биологическое существо действует с внешним миром через систему «запрос-ответ». А язык и пребывание нас в этом мире основано на исключении системы «запрос-ответ».

Что такое язык и что такое мысль? Это когда Иванушка сидит на вершине ледяного холма посреди ночи, смотрит на небо, и ему всё одинаково до фени – звезды, Америка где-то, Кремль, деревья, которые шумят за речкой и так далее. Всё это является феноменами,

равноудалёнными от него. И только при этом условии равноудалённые феномены встречаются и вступают в его сознании через язык в различные связи, что образует движение мысли.

То есть движение мысли – это взаимодействие имён, которые одновременно же являются этими организованными феноменами. Они должны быть равноудалёнными. Потому что, если у человека мир располагается по принципу «дальнее-ближнее», он мыслить не может. Ну, например, тот же Иванушка, у которого есть ближний ряд, – мамка, печка, изба, дальше – двор, дальше – улица, где ребята, дальше – речка, за которой живут плохие ребята, с которыми сходятся на кулачках, а дальше уже чужой, враждебный мир, очень далёкий и непонятный. Если вот такая система личного отношения, то есть связь с феноменами, которые близки, удалённая или враждебная связь с не столь близкими феноменами и абсолютное отсутствие интереса к совсем далёким феноменам, нет мысли, потому что нет понятийной связи, – это как бы крен в сторону Маугли. То есть условие мысли – это равноудалённость феноменов, то есть совершенно противоположное тому, что имеет место в живом организме, действующим внутри экониши («запрос-ответ»).

Теперь, в чём суть? Мы существуем благодаря языку как люди, потому что в нас самостоятельная точка сознания не вставлена (мистериально), она не горит, она проявляется за счёт того, что мы встроены в язык, который, как я до этого говорил, является продуктом компромисса между языком Адама (Откровения) и бессловесной «мудростью» бытия. Музыка сфер и слово из Откровения смешиваются в «несвятом» напитке и дают «коктейль» в виде цивилизации, которая – в силу того что это коктейль и в силу того что это компромисс – неизбежно должна деградировать, то есть из поколения в поколение «цивилизационный уровень» должен идти вниз, потому что он составлен из смеси бензина с водой (если разбавлять бензин водой, будет только хуже, гореть не будет). И мы находимся в этой зоне деградации – и всё хуже и хуже язык, который мы застаём в человеческом обществе и пользуемся, всё хуже и слабей он может являться опорой принципа сознания.

Идут медийный поток, информация, коммуникация. Мысль и коммуникация прямо противоположны. Либо язык используется для коммуникации – и это одна функция (она связана с компромиссом, с

заменой телепатией, то есть телепатию вытеснил язык), либо это мысль, то тогда это система «Иванушки на холме», который одиноко сидит и приводит к связи равноудалённые феномены, образующие это движение мысли (не «коммуницирует» ни с кем). А мы погружены в информативную систему коммуникации, которая в пределе, вырождаясь, вводит нас в *посткоммуникационную* эру, то есть сейчас мы уже в *посткоммуникации*, потому что существует государство (государство, которое представляет собой аппарат). А аппарат – это всегда организованный люмпен, чиновничество в кабинетах. А организованный люмпен в кабинетах переходит от коммуникации к *посткоммуникации*. Это когда выходит на трибуну «политик» (в кавычках) и начинает говорить – и вроде бы слова связываются грамматически складно, но воспроизвести это невозможно и содержания у этого никакого нет. Это не только здесь. Я слышал американских сенаторов: кроме первой фразы, которую он говорит: «Спасибо вам за ваше внимание», – всё остальное понять невозможно. То есть тебе кажется – так же, как музыка «понимается», – но воспроизвести это нельзя. Это *посткоммуникация*.

А собственно говоря, какие перед нами задачи? Перед нами задача – это борьба с бытием для того, чтобы эмансипировать сознание, а потом взять бытие под контроль. Потому что сегодня наше сознание является абсолютным угнетённым заложником, пленником бытия, тем более что бытие сегодня становится социальным. Уже давно нет Бытия в платоновском смысле и даже в гегелевском смысле. Гегель уже олицетворял собой переход, кстати говоря, потому что под Бытием он имел в виду, что на конечном этапе Бытие становится «абсолютной идеей», становится бытием, допустим, Прусской монархии. Сегодня этот переход уже давно свершился, сегодня забыли, что было какое-то начало, когда была независимая метафизическая онтология, сегодня всё бытие является социальным. То есть если это не социальный феномен, то такого феномена не существует, и о «боге» говорится как о социальном феномене, как о некоем предмете социальной психологии. Религия – это социальный феномен, природа – социальный феномен, она поглощена обществом, то есть природы вне экологии нет, папа римский – это элемент социума (он же не может проводить мосты от себя к себе). Короче говоря, все стало *социальным*.

Для того чтобы имелась угнетённость, должно иметься сознание, потому что *сознание есть субъект угнетения*. Бытие всегда иерархически встраивается: нижние слои бытия, как фундамент, легко и охотно подчиняются более высоким слоям Бытия. Невозможно определить, какое «бытие» более высокое, какое более низкое, потому что Бытие бессмысленно, Бытие «вообще» – это абсурд. И поэтому высокие, красивые, рафинированные этажи Бытия не имеют преимуществ перед грубыми, земляными и страшными этажами бытия. Потому что где это преимущество? Преимущество вносим мы своими понятийными оценками – например: «Это – красиво, а это – нет, грубо».

Но угнетать можно только сознание. Сознание угнетено. И задача, которая ставится перед «малым отрядом», наследующим тем, кого призывал впервые Адам, на сегодняшнем этапе, – это эмансипация сознания и взятие под контроль Бытия. Короче говоря, это борьба с социумом как с прямой коллективной проекцией Люцифера, Аполло, Сатаны, Великого Существа в зеркало нашего мира. Я хочу подчеркнуть, что «скважина», куда вставляется «ключ, отпирающий все Бытие», это наш мир (это единственная «скважина»). «Золотой ключик» только здесь. И все миры, и все зеркала рухнут, когда в нашем мире этот ключ будет повёрнут. Потому что знаете, наверное, эту сеть зеркал, которая отсылает изображение по определённой системе друг другу, и если одно зеркало накрыть полотенцем или разбить, то сразу во всех остальных изображение исчезнет, потому что ключевой элемент изымается из этой «сети». Наш мир в этом плане является центральным, хотя и над нами, и под нами бесконечная лестница миров.

Сознание существовало только в Адаме и передаётся только пророкам, потому что это сознание, этот блик, который реально вложен в Адама и его потомков, в отличие от всех остальных людей, получивших это через язык, – это реципиент Откровения, поскольку Божественная Мысль напрямую обращается именно к своей собственной проекции в недра этой выгребной ямы, в которой мы находимся.

Ответы на вопросы

Сознание, то есть вот эта песчинка, которая падает в материю, – у ней некое свойство действовать, находить выход…

Никакого «выхода» она не ищет. Эта песчинка просто является «провокацией». Во-первых, напоминаю, что эту песчинку мы «получаем» через язык. То есть мы приобщаемся к тому, что не является нашей собственностью по сущности, – как стена не имеет прав на «зайчик», который по ней скользит, отражённый зеркальцем: стена не является собственником «зайчика» на ней, так и мы не являемся собственниками этого сознания.

Мы только надеемся, что если мы окажемся праведниками и после Воскресения и Страшного Суда будем введены в Новую землю и Новое небо, то там то, что для нас было бликом, скользящим по стене, станет неотъемлемо нашим, уже никуда не девающимся, фундаментально нашим. А сейчас, в нашей жизни, если зеркальце будет убрано, блик скроется. Но для этого и посылается к реальным обладателям (которые реальные обладатели в *этой* жизни) – пророкам – Откровение. А Откровение, которое посылается, – это призыв и наставление, которое потом уже, на нашем уровне дискурса, надо развить и превратить в политическую философию, которая даёт уже конкретное большое теоретическое тело ко всему этому.

Есть импульс, который побуждает к противостоянию Бытия и освобождению сознания. А этот импульс оформляется уже потом через наши усилия. Как у политических теологов, идеологов, интеллектуалов, которые делают всё для того, чтобы дискурс, который у нас оживает через язык в голове, соответствовал Откровению, входил с ним в резонанс.

Мухаммад (да благословит его Аллах и приветствует) является последним пророком. Это как снять с гончарного круга кувшин, который уже готов, а круг по инерции вращается, но последний кувшин уже снят. Вот последнее вращение будет идти до Судного Дня. И тут есть такой вопрос.

Дело в том, что было бесчисленное множество человечеств. Это для многих обычных верующих покажется спорным, но время циклично. То есть возникают человечества, которые проходят по некоторой определённой парадигме весь этот путь, и оказывается, что они не могут выполнить эту задачу, они не могут решить вопрос об освобождении сознания. То есть они оказываются глиняными куклами, которых Провиденциальный Замысел (как скульптор, который решил, что это не удалось) мнёт, кидает назад в ящик, где лежит вся глина, и опять набирает и лепит новое человечество до тех пор, пока в бесчисленной цепи восстановлений не явится то человечество, в котором, в виде чуда, эксклюзива, не совершится задача, поставленная Провиденциальной Мыслью перед глиняной куклой, перед тварью. Тогда будет не очередное звено в цепи – то есть возврат к Золотому веку, нисхождение опять к Железному, затмение, опять Золотой век и так далее, – а будут на самом деле смерть, Воскресение, Суд, Новая земля и Новое небо как Бытие, которое уже преображено таким образом, что оно уже не циклично, то есть *постциклическое* Бытие.

> *То есть это в некотором смысле есть конец круга Сансары и обретение…*

«Сансара» – неудачное слово. Дело в том, что «перерождение» – это атрибутика не нашего дискурса. Никаких «перерождений» – всё уникально и одновременно множественно. В спирали каждая точка располагается по соседству предельно близко к другим, но она всегда остаётся собой. Поэтому нет повторов, нет перерождений.

Единственный повтор будет в случае успеха, когда мы будем воскрешены. Это уникальный повтор, в виде абсолютного триумфа, который вообще всё останавливает. Но это остановка числового ряда. Вы можете остановить числовой ряд? Вы же не можете досчитать до последней цифры. Чудо состоит в том, что на самом деле числовой ряд может быть досчитан до последней цифры, которая является действительно окончательно последней. Это – ноль, с которого числовой ряд начинается. Если вы из бесконечности считаете к нулю, то рано или поздно вы приходите к этому нулю, хотя всё и отодвигается, но в конце всё равно ноль. Поэтому и говорится «нет победителя, кроме Аллаха».

Бесконечные человечества проиграли, но одно из них выиграет, и это и будет поднятие «камня, который невозможно поднять». Почему? Потому что это и есть решение апории: как Всевышнему создать камень настолько большой, что нельзя поднять. Это – создать такой камень, который нельзя поднять, и поручить Адаму его поднять. Адам поднимет – человечество должно поднять этот камень. Таким образом, этот камень создан так, что его нельзя поднять, и вместе с тем он поднят тварью, – то есть бесконечно *меньшим*. Эта апория решается таким образом, что обе стороны апории остаются соблюдёнными, а при этом сама вызывающая часть апории оказывается униженной.

> *Может ли новая теология инициировать процессы, о которых идет речь? Возможно ли создание такой идеологии, которая…*

Политический ислам – это и есть такая идеология. Политический ислам бросает вызов мировому порядку. Мировой порядок, соответственно, отвечает на это яростью и тотальной бомбёжкой. Дальше уже война до Судного Дня.

На самом деле, Америка сама по себе – это не «мировой порядок». Америка вкупе с Россией и даже вкупе с Ираном и Китаем – это не мировой порядок. Мировой порядок – это гораздо более высокий уровень, чем даже империи, и это даже не глобальное общество, где существует полюс производителей и полюс потребителей, это нечто гораздо большее.

Мировой порядок – это та система, в которой решён вопрос кризиса матрицы. Это самое страшное. Потому что в Древнем Египте была матрица, но она вступила в полосу кризиса, когда древние египтяне (в эллинский период) перестали верить в Анубиса, в Озириса и стали подразумевать, что это некие метафоры. В Древнем Риме был кризис матрицы. Но мировая система – этот тот уровень, где кризис матрицы невозможен по одной простой причине: там нет оппозиции между человеком и социумом, человек уже съеден социумом, он уже превращён в ткань этого социума.

Раньше социум крал жизненные силы у человека. То есть шёл Павел Нилин на завод по гудку в 6 утра, 14 часов гремел по железу, потом приходил домой, падал без чувств, и это было ещё всё

«человечное», ведь Нилин еще противостоял социуму: мог пойти на забастовку, на демонстрацию. Современный социум предполагает, что человек уже не имеет зазора между собой и средой, это пародия на Золотой век, где некие гиганты бегали, будучи в абсолютной гармонии. Современные люди (маленькие, червеобразные) тоже в гармонии с социальной средой – они даже когда чувствуют, что им плохо, не могут отстроиться от социума, не могут понять, что с ними что-то делают. Как советские люди, которые всё время говорили «мы», – то есть современный человек всегда включает себя в эту ткань, он не может быть вне социума. Либо он должен стать брутальным маньяком, ловить девочек в красных туфлях, стать серийным убийцей…

> *Можно ли сказать, что постмодерн является вырождением глобального порядка, который открывает путь к горизонту конца времён? Глобальная система в лице Иблиса питается соками человеческого сердца и они не безграничны. Происходит девальвация человеческих сердец, и мы приходим к постмодерну, – это открывает возможность хаосу, который является хаосом второго порядка (но с нашей точки зрения это является выходом на конец времён)…*

Во-первых, это вопрос «критической массы». Допустим, семь миллиардов человечества. Вот такой вопрос: 50 тысяч человек хватит для того, чтобы «всковырнуть» эти семь миллиардов в их инерции? В частности, в Гражданскую войну в России те силы, которые были подняты Гражданской войной и Революцией, – их не хватило; выражаясь языком национал-социализма, «не хватило огня, чтобы расплавить мировой лёд». В итоге консервативный термидорианский контрреволюционный натиск сталинизма заново заморозил всё это дело, а потом всё перешло в постсоветскую стадию, в коллапс. А там были задействованы очень мощные силы. Понятно, что там были встроены мощные дефекты в плане отсутствия монотеизма, отсутствия метафизики монотеизма (как бы вертикальной сверхзадачи и так далее), но мы должны понять, что нам предшествует бесконечное количество провалившихся, неудачных человечеств. Мы можем стать одним из них. Тогда мы будем пылью среди пыли, то есть звёздной

пылью, которая не имеет оправдания, катарсиса, суда, – даже ад не является достойным нас. Вопрос «критической массы» – это один момент. Второй момент: если «критической массы» не хватает, то на этом этапе человечество сходит в затмение, наступает коллапс и открытие нового Золотого века.

Как наступает затмение? Оно наступает очень просто: в какой-то момент люди просыпаются и оказывается, что они все забыли язык. Посткоммуникация – это прямое нисхождение к тому состоянию, при котором следующим шагом будет забвение языка. Но как только люди будут забывать язык, они становятся «маугли». То есть, допустим, привели белку в эту комнату, и она смотрит и не знает, что это – книги, это – видеокамера, для неё это просто кляксы, пятна феноменологии, которые она даже не может идентифицировать, потому что это не знакомое пятно типа «куст», за которым может быть пятно типа «заяц», а это нечто непонятное, чего она не видит как такового: просто в целом ей это будет внушать ужас, и она сдохнет очень быстро.

Махди не приходит к человечеству, которое проиграло, потому что Махди – это Ведомый, – он не может ошибаться. И он не может возглавить тех, кто проиграл. Приход Махди означает, что цикл будет завершён, но это приход перед самым концом, когда начинается Армагеддон, то есть когда начинается *последняя* битва. Нет предварительных приходов, нет репетиций, нет приходов, которые длятся невероятное количество лет. Перед самой битвой с Даджалом (Антихристом) осуществляется приход Мессии и Махди. И это только в том случае, если это – выигрывающее человечество. Потому что Антихрист появляется для того, чтобы собрать «комитет по встрече Антихриста», то есть своих присных, и вместе с ними перейти в Золотой век, где их встретит «Будда будущего века» и напишет им законы «нового Ману», и дальше это будет новый цикл. А *это* человечество исчезнет.

> *Можно ли полагать, что формат политического ислама, функционирующий сейчас на Ближнем Востоке, является тем самым истинным политическим порождением тех самых людей, которые могут прийти к победе, а не очередным симулякром или проектом каких-то сил?*

Мировая система никогда не воюет сама с собой – это гарантировано. Можно создавать на уровне игр, скажем, политические «биполярности», когда холодная война была формой «разводки». Вашингтон и Москва через красный телефончик договаривались, строили всех остальных: Ангола пойдёт «налево», Сомосы пойдут «направо» и так далее. Эти все игры понятны, а реальной аутентичной борьбы мировая система против себя не допускает.

Все симулякры основаны на имманентных идеях горизонтального генезиса. Идея, основанная на вертикальных проекциях, – на Откровении (не важно – христианская, иудейская, исламская) – аутентична. Например, милленарийские секты времён Позднего Средневековья (Возрождения), гуситы, табориты, адамиты – это всё «аутентик». Это была борьба с Системой. В условиях, когда «критической массы» не было, концептуальных элементов не хватало, силы противника (имеется в виду, например, католическая церковь, абсолютистское государство и так далее) были слишком мощны, поэтому эти секты в этой борьбе были обречены, но они были «правильные».

Все симулякры основаны на синкретических подменах – либо на экономическом материализме, либо на синкретических подменах нью-эйджевского типа (*мунизм, Асахара*). То есть они состряпаны на коленке. Видно, что это сделано «лабораторным» путём, они легко расшифровываются и никогда не имеют аутентичной оптики в своих задачах.

Взять, допустим, советский марксизм. Советский марксизм на вид выглядел логично, но у него была очень странная «оптика»: его аргументация была (в силу его материализма и так далее) построена абсолютно на базе «аргумента тела», то есть так же, как у Лукреция. «О природе вещей» – там у Лукреция атомарный мир, где атомы, летая и стукаясь, создают тела, а тела там бывают грубые – животных и людей, а бывают тонкие – богов и демонов и так далее, и дальше эти тела «чувствуют» – сенсуализм, дальше мы переходим к гедонизму и так далее.

Самое главное в либерализме – это «аргумент тела», а максимальная, оптимальная сверхзадача в аргументе тела – это комфорт. Если взять советскую «оптику», она очень странная, потому что там большое значение имел героический дискурс: Павка Корчагин,

преодоление невероятных трудностей и так далее. Но ради чего? Ради комфорта тела, вынесенного в некую перспективу, то есть сначала я помашу кайлом по колено в болоте, может быть, даже сдохну, но зато мой внук через лет пятьдесят будет в полном комфорте грубого телесного плана. Это странный подход – он как минимум шизоидный. Сразу надо смотреть, на что нацелена та или иная идеологема.

Вообще есть три универсальных клуба, которые ведут борьбу между собой. Четвёртый клуб – это «молчаливое большинство», это массы. Это – Традиционалистский клуб, который базируется на символе «то есть то, что здесь – это символ того, что там, наверху». Либеральный клуб – он на «аргументе тела», то есть «сидим здесь, нам хорошо, максимум комфорта в этой жизни – и это единственное, что есть». И Радикальный клуб, который говорит, что сознание угнетено Бытием, и его необходимо эмансипировать, потому что эмансипация сознания – это то, что решает задачу, существующую не для нас, не для человечества, а существует задача, которая задана внутри Божественной Мысли.

То есть представьте себе мысль математика, решающего теорему, которую нельзя доказать, – это некая парадоксальная теорема, которая не имеет решения, но должна быть решена. И сам математик не может этого сделать. Она выносится какому-нибудь идиоту, который едва бормочет, и он чудесным образом отвечает. То есть Божественная Мысль создаёт проект Адама внутри Бытия, антитезы Божественной Мысли, и он должен решить эту теорему.

Поэтому мы в своей борьбе решаем вопрос эмансипации сознания не для того, чтобы хорошо жить и даже не для того, чтобы получить Рай. То, что мы попадем в Рай, если мы преуспеем, – это побочно, это «сопутствующее», это не главное. Многие верующие считают, что всё создано для того, чтобы они Рай получили. Нет. Это все равно, что ты работаешь за зарплату или потому что просто любишь работу. Это – зарплата. А вот любовь к работе – это содействие Проекту внутри Божественной Мысли. Божественный Замысел, который использует нас как инструмент. Рай – для «инструмента», который оказался хорошим.

Но это, так сказать, тонкая плёнка на периферии вопроса, а «там, за этим, и то, что будет», – это нас не касается, но мы являемся тем муравьем, который стронет гигантский камень с горы. Ставки

огромны. И тогда этот муравей получает тотальную гигантскую жизнь, он получает Смысл. Он получает Смысл по ту сторону своего Бытия, которое на самом деле всегда было абсурдом. Вот это главный вопрос.

Этот подход, конечно же, есть в политическом Исламе. Другое дело, что он будет меняться, будет иметь ступени. Это как развитие левого движения – при всей сомнительности этого сравнения: сначала Огюст Бланки, который сидел во всех французских тюрьмах в 30–40-е годы XIX века, потом уровень Первого и Второго Интернационала, а потом уже большевизм, Коминтерн, мировая система коммунистических партий и так далее. А ведь были социалисты-утописты ещё в XVIII веке. То есть видите, какой путь пройден?

Здесь не следует говорить, что это – весь политический ислам. Через поколение мы не узнаем даже, что это будет. Более того, если сейчас мыслителям политического ислама, которые действовали до Второй мировой войны, предъявить нынешних людей, они конечно же будут просто в шоке, потому что это несоизмеримо. Тот же Маудуди, например, который был индийским представителем, мыслителем политического ислама при британской колонизации Индии, униженно обращался к Ллойду Джорджу, просил понять и откликнуться на какие-то проблемы мусульман. То есть он вообще не понимал до конца, что такое мировая Система, он мыслил в терминах «эмансипации Уммы», в рамках Британской Индии, мечтал о шариатском государстве для индийских мусульман и думал, что каким-то образом Ллойд Джордж может ему помочь. И тот же Хасан аль-Банна (ихван в Египте). Очень далеки они были от цинизма, от политики, были очень прекраснодушными.

А мы покажемся такими детсадовцами перед теми, кто придёт, например, в 60-е годы этого столетия. Как парижские социалисты, допустим, 1820 года и те, кто появился после того, как Маркс написал «Капитал». О чём говорить? Там эмоции, а здесь уже наука.

Бытие ставит перед собой главную задачу: сознание – это страшная травма. Когда Адам (мир ему) пришёл, произошёл коллапс Золотого века, сразу кончается океаническое блаженство и начинается свист ветра и прочее. И тут же появляются жрецы, которые представляют интересы Бытия, им нужно восстановить нарушенную связь отражения и архетипа, который отражается в зеркале этого мира. Они говорят: «Мы знаем, как вернуться, мы знаем, как восстановить,

подчиняйтесь нам». И «социум» – это попытка залечить травму сознания. А залечить травму сознания можно только «таблетками» (метафора), которые глушат сознание и от которых у тебя слюна течёт.

Одна точка проявляется в пророке, в личности пророка. А дальше уже действует язык, дальше уже действует вовлеченность всех людей, для которых всегда остаётся открытой возможность прийти к Откровению, которое существует в объективированной форме. То есть ты можешь идти путём слушания всякой «попсы»: использовать язык не по назначению, а для того, чтобы затмить себя, чтобы слюна текла. А можешь идти в противоположном направлении – к «чистому» использованию языка. В этом случае у тебя будет возможность присоединиться к «малому отряду». И всегда это будет «малый отряд». Вопрос только в «критической массе». То есть во всех человечествах, которые были до сих пор и о которых мы ничего не знаем, кроме того, что они вообще были, во всех этих человечествах «критическая масса» не достигла красной черты. Иначе не было бы нас, а было бы то, которое осталось и вошло в Новую землю и Новое небо. Тот факт, что есть мы – «очередные», – говорит о том, что бесчисленное множество перед нами провалилось.

> *Можно ли питать надежду, что «общественная архитектура» стремится к минимизации угнетения конкретного индивида и потенциально может содействовать эмансипации сознания?*

Дело в том, что любое предложение «минимизировать» в рамках социума угнетение сознания есть очень хитрая «разводка» для того, чтобы усилить это угнетение. Например, есть капитализм. Тебе на пальцах объясняют, что капитализм есть отчуждение. В том числе это касается и сознания. Вот у Маркса «Экономическо-философские рукописи 1844 года» – это чисто экзистенциалистская вещь. Он там говорит о вопросах социально-экзистенциального пребывания человека. Капитализм – это отчуждающая система, это враг.

Меняем на социализм. Оказывается, что социализм ещё страшнее. То есть ещё более высокий уровень угнетения сознания. Там от «аргумента тела» и от обещания, что нас так ловко организуют и нам всем будет хорошо, мы в результате оказываемся вообще непонятно

где. Но дальше нам говорят: «Всё, мы кончаем со всей этой социалистической лабудой, классового общества у нас больше нет, мы в общенародное входим, у нас средний класс, вместо классов у нас все заняты общим проектом благоденствия». Мы попадаем в ещё большее угнетение и порабощение.

Социум – это инфернальная вещь, в которой не может быть, по определению, «архитектуры», дающей передышку. Любое обещание в рамках социума перехода к чему-то лучшему, но «свободному», – это не более чем ловушка. А что этому противостоит? Социуму противостоит *община*. Что это такое? Это община братьев, это братская община, это люди, которые являются братьями, для которых братские связи определяются не тем, что они вылезли из единой утробы, а тем, что они знают, что сойдут в единую общую могилу. Общая могила для них как конец есть источник их братства. И это братство делает их отрядом, который противостоит всем ловушкам и разводкам этого социума. С одной стороны – этот «малый отряд», с другой – гигантская машина-Левиафан.

> *Но с «масштабированием» они превратятся из «братства» в социум…*

Они не могут «масштабироваться» таким образом, потому что они будут сражаться до тех пор, пока не придёт Мессия Иисус, который подтвердит Махди. То есть одновременно явится Махди, тот, кого Божественная Мысль направляет в качестве лидера мусульман, и Мессия подтвердит, что это есть Махди.

По Иисусу (Исе – мир ему) не может быть ошибки, то есть про Ису, который явится, нельзя сказать, что он самозванец: он будет *самоочевиден*, потому что он – новый Адам. Он – новый Адам, и поэтому для всякого глиняного существа, коим мы являемся, природа нового Адама самоочевидна в непосредственном контакте. А он скажет, что это – Махди.

Тем самым у нас не будет вопроса доверия или недоверия, потому что сам Иса-Иисус подтвердит, что это Махди. А Махди нас возглавит непосредственно в войне. Потому что нам будет противостоять Антихрист. А кто такой Антихрист? Антихрист – это «Император Вселенной», который находится пока в каком-нибудь «подземном

царстве Шамбалы». Это не какой-то еврей с «Колена Данова»[27]. Антихрист не может быть евреем по одной причине: евреи в какой-то период были народом избранным и носителем монотеизма. Поэтому люди, которые «запачканы» травмой, неприемлемой для Бытия, не могут быть востребованы для каких-либо целей внутри бытийной стратагемы. Как, допустим, у человека есть судимость и его уже никуда не примут, – с точки зрения Сатаны евреи «судимы», поэтому они могут быть только вертухаями низшего порядка.

А настоящими большими, серьёзными монстрами должны быть язычники, которые принадлежат к мейнстриму Бытия. Потому что Император Калачакры – это мейнстрим. Он был в предыдущем человечестве. Ведь Христос – не «основная фигура», против которого выбегает какая-то шавочка. Наоборот, Христос – это революционер, бросающий вызов тому, что *здесь* является основным. Основным в мире Бытия являются метафизика, реалии и символы, которые связаны с аффирмативной (утвердительной, утверждающей) онтологией. И аффирмативная онтология – это онтология, которая традиционно описана прежде всего индуизмом.

А почему? Наверное, потому что они находятся в зоне непосредственного влияния, которое идёт из хтонических глубин, связанных напрямую с архетипическим Бытием, отражающимся в нашем зеркале. В проявлении всё наоборот: например, в горах мы встречаемся с инфернальной реальностью, в подземелье мы встречаемся с «духовностью» (в рамках Бытия). То есть это Бытие, которое выдаёт себя за целое: в нём есть свой инферно, свой низ, свой верх, и то, что в архетипе, например, *вверху*, то *здесь* должно быть хтоническим. То, что в архетипе является адским, подземным, то *здесь* будет на вершинах гор. Поэтому, когда вы поднимаетесь на вершину гор – совершаете восхождение на вершину Памира, например, – вы там встречаетесь с манифестацией явно демонического характера.

В чём невозможность языка?

Я говорил не о невозможности языка – я говорил просто о чистой *невозможности*. Язык – это когда Божественная мысль избирает Адама для того, чтобы он был её посланником, и она, Божественная Мысль, сообщает ему имена-концепты, которые потом он выносит на

уровень людей. А чистая, абсолютная *невозможность* – это главное и единственное содержание Божественной Мысли, это то, о чём Божественная Мысль (если так можно выразиться) «думает». Она «думает» и в своём полагании она утверждает *невозможное*, которое, поскольку оно не может быть предъявленным (оно – *невозможное*), опосредованно предъявляется через *бесконечность, которая это невозможное отрицает*.

То есть *невозможное* выступает в форме *отрицаемого*, а *бесконечность* – в форме *отрицающего*. А уже ниже идёт точка, в которой завеса Бытия. А язык – это та площадка, куда *невозможное* посылает свой сигнал. И дальше мы приобщаемся к этому языку, мы приобщаемся к этому сигналу, не будучи его носителями по *субстанциональной* природе (субстанционально у нас этого сигнала нет). То есть мы «в уши» с колыбели получили язык (и, кстати, у новорождённого младенца есть остаток телепатии: у каждого новорождённого есть, потом быстро исчезающий, некий запас телепатии), и за счёт этого от матери воспринимает язык, потому что мать не может через слова учить (младенец вообще никакого языка не знает).

Мать говорит набор звуков, и этот набор не референтен, там нет другой референтной точки, чтобы он понял; он должен понять набор звуков изначально из интенции матери (у матери есть интенция). Он эту интенцию схватывает через телепатию. Так и первые люди, к которым пришёл Адам, поняли этот язык через ту телепатию, которой они владели. Но диалектика в том, что язык «убивает» телепатию. Когда усваивают язык, телепатия уходит. У младенца, когда он усваивает язык, телепатия уходит. А у «маугли» она ещё остаётся, он телепатичен по сравнению с человеком.

А как чёрный «зайчик» отличается от языка?

Он выявляется в языке как в зеркале. Вот стена, на которой «зайчик», – это язык. Что такое *свидетельствующее сознание*? Это точка нетождества с Бытием. Но как глаз не может себя увидеть, так и сознание не может себя осознать и встретиться с собой. Но чтобы увидеть свой глаз, мы подходим к зеркалу, а чтобы сознание встретилось с собой, ему нужен язык, то есть мысль, ткань мысли. Вот

в ткани мысли сознание впервые видит само себя. Если мы убираем это зеркало, то изображение сознания исчезает. Нет такого, чтобы сознание было убрано вполне у человека после того, как он овладел языком (если ему по голове не дали, конечно).

Язык не создаётся на человеческом уровне. Язык – это следствие «принесли и дали». Дело в том, что всё, что мы открываем, – это всё в рамках адамического языка. В среднем словаре современного развитого языка – 50–60 тысяч слов (в английском, может, побольше). Дальше они вступают в разные сочетания между собой. Ну, мы добавляем по мере появления новых реалий какие-то неологизмы. Но все эти словари и все эти слова – это такие «кляксы» на гораздо большем круге, в описанном циркулем концентре, который представляет собой первый язык, содержащий все понятия, доступные человеку для оформления среды вокруг него в организованный мир от начала и до конца, до последнего момента со всеми изысканиями, науками, раскопками, инновациями, фантазиями, – всё это есть в языке Адама. Но понятно, что концентр-то обведён, то есть за пределами этого концентра остаётся хаос Бытия, который не описан, и его гораздо больше, и там уже льётся музыка (довольно чудовищная).

> *Такой вот вопрос: если мы размышляем в презумпции того, что мы являемся частью этого Великого Существа, Иблиса. Как тогда трактовать понимание того, что мы «созданы по образу и подобию Бога»?*

Не частью Великого Существа, а проекцией.

Это об этом же и сказано: только Великое Существо в данном случае называется «богом». Это вавилонская добавка к Ветхому Завету (про «создание по образу и подобию»). Ветхий Завет два раза переписывался. Первый раз он переписывался, когда евреев увели в Вавилон, а второй раз он переписывался, когда был уничтожен Храм, – тогда римляне уничтожили все свитки Торы на территории Ойкумены. И это было восстановлено в обратном переводе с греческой Септуагинты. То есть евреи с греческого перевели это назад. Первый раз Ездра восстановил, когда в Вавилон увели. В вавилонских списках авраамическая традиция Моисея была подменена «иудаизмом», потому что назад-то вернулись после того, как персидский царь

разгромил Вавилон и отпустил евреев. В Иудею вернулись не столько сами евреи, сколько вавилоняне, которые вошли в эту традицию и изменили её. Вернулись не те, которых уводили. Это примерно середина VI века до Рождества Христова.

В 331 году до н. э. Вавилон берёт Александр Македонский (через 200 с небольшим лет) и обнаруживает там общину евреев в 300 тысяч человек. Если персы отпустили евреев вернуться за двести лет до этого, откуда в Вавилоне взялось 300 тысяч евреев через 200 лет? Это о чём говорит? О том, что евреи на самом деле не вернулись. Вернулись совсем другие, а евреи, которые остались в Вавилоне, смешались с вавилонянами. Возникли совершенно новые синкретические формы иудаизма, появился Талмуд в ещё более поздние времена, Каббала тоже чисто вавилонская вещь. Заметьте, что в Ветхом Завете очень многие истории повторяются дважды с вариациями. Это означает, что это синкретические добавки в текст (одна и та же история рассказана в одном варианте – и в вавилонском варианте). Про Иону, например.

Чисто монотеистическое Откровение сегодня существует только в Коране. Почему? Пророк Муса (мир ему) поднялся на Сион и получил Скрижали, вернулся и увидел, что евреи стали поклоняться золотому тельцу. Он в тяжёлом шоке эти Скрижали разбил. Получил вторые – уже некий эквивалент, но это уже был другой текст, это был как бы ситуативный заменитель, эрзац-вариант, потому что он уже получил это для тех, кто восстановил золотого тельца, то есть это некая адаптация для *людей, не прошедших экзамен*.

При Вавилонском плене у них это уничтожают. Потом всё восстанавливается, и всё это смешивается. Дальше это уничтожается при разрушении Храма римлянами и переводится в Септуагинту. А Септуагинту толковники переводили так, чтобы гои ничего не поняли, то есть они давали крайне путаный греческий перевод. Это Птолемеи приказали: «Дайте нам перевод Библии». Куда денешься? Птолемей сказал – и никуда не денешься. Но ему дали такой перевод, что там не было ничего общего с оригиналом. А позже и оригинал уничтожили, и им пришлось с «испорченного» перевода назад переводить. Почему они говорят: «Мы допускаем и верим в письменную Тору постольку, поскольку есть устная, – без устной Торы письменная вообще ничто»?

Потому что устная Тора – это устное предание. Но уже устная Тора – это предание вавилонских мудрецов.

Короче говоря, жреческая каста уже переформатировала всё. Жреческая каста – это главный враг авраамизма. Авраамизм, как Откровение монотеистическое, адресуется к пассионариям против жрецов, чтобы освободить их от жрецов, потому что жрецы – это агентура Бытия. Жрецы – это те, кто заправляют стратагемами повышения угнетённости сознания. А монотеистическое Откровение апеллирует к касте воинов. Каста воинов самая несчастная, она воюет всё время с жрецами, но у них нет собственных мистерий. Все их мистерии – это сниженная и «аббревиатуренная» версия жреческих мистерий. И вот наконец им – героям – Божественная мысль, апеллирующая лично к ним, к касте воинов, посылает Откровение, чтобы их эмансипировать от касты жрецов и сделать их *первыми*, сделать их *имамами*, сделать их главными.

Ведь история – это непрерывная война воинов и жрецов. Не буржуазии, не пролетариата, не торговцев, не банкиров, – есть только жрецы и воины. Остальные – статисты. Буржуазия, как правило, поддерживала всегда церковь. Шудры поддерживали воинов. Воины возглавляли крестьянские восстания в Германии (Флориан Гайер). А буржуазия всегда против монархов, феодалов – всегда прибивалась к церкви, и церковь ловко использовала буржуазию. Церковь очень сложно играет. Кто стоит за Французской революцией? Церковь. Хотя вроде бы она получила главный удар. Но кто был главный организатор? Аббат де Сьейес, который выдвинул теорию «третьего сословия»: «Чем было третье сословие до сих пор? Ничем. Кем оно должно стать? Всем».

А за русскими революциями тоже есть элемент…. Кто такой Гапон? Поп. Кто направил Распутина в царский дворец? Старцы. Кто подготовил этот слом? Церковь. И первое, что они получили, – это патриарха после 200 лет его отсутствия. Сакральное закулисье очень живо работало.

История – это борьба жрецов и воинов. Воины – это пассионарии, которые представляют собой огненную ярость чистой деструкции, которая нуждается в мистерии, в смысле. Жрецы – это восходящая линия связи отражения с архетипом. Если говорить в терминах индийских *гун*, то *саттва* – это жреческая, белая, восходящая гуна,

раджас – красная, огненная – это кшатрии, а *тамас* – это все остальные, мрак инерции, который идёт вниз. И главная задача – это дать носителям *раджас* мистериальные основания, которые эмансипируют их от зависимости от жреческой метафизики. Потому что если вы почитаете «Республику» Платона, Платон описывает, как «философы», то есть жрецы, должны использовать в качестве своих вертухаев и шестёрок воинов на посылках. А там дальше ремесленники, крестьяне…

Запад после конца Средневековья разрушил касту воинов, потому что вся Европа была зоной борьбы воинов и жрецов. И ловко проманипулировал Папа, который кшатриев Европы послал в Крестовые походы, где они сломали себе шею, обескровились. И при построении абсолютистской монархии окончательно «дворянство шпаги» было добито, а на место воинской знати героев пришли лицензированные офицеры, пришли кадрированные армии с определёнными технологиями. И вместо воинов возникла армия, которая представляет собой просто безличный античеловеческий аппарат механического насилия, в котором уже не важно – ты каста, не каста, крепостной, проходимец, – и которому дали офицерский патент; человеческий материал загоняют в шаблон. Но это было сделано для того, чтобы отнять у кшатриев право на насилие, разнести их вдребезги, ликвидировать их как касту, заменить их аристократией, потому что аристократия – это люди смешанного происхождения (близкие ко Двору). Это уже абсолютистская монархия, опирающаяся на аппарат бюрократов. А кшатрии (потому что они всё равно рождаются: каста – врождённая вещь) пошли тогда в революцию, в терроризм, в героев, в одиночек (Фигнер, Перовская). А куда деваться?

Теология против метафизики: основы политической мысли в XXI столетии

Санкт – Петербург, 6 июня 2014

Теология и *метафизика* – это две оппонирующие друг другу системы восприятия реальности, системы интерпретации реальности или, лучше сказать, *методики учения о реальности*.

Метафизика непосредственно констатирует сущее как *сущее, которое есть* и отражается в прямом созерцании, прямом рефлектировании, более того – это оригинал, который опирается на собственное отражение. А это отражение находится в душе человека, способного созерцать.

Интеллектуальная интуиция – это высший вид созерцания. В этой интеллектуальной интуиции, как в зеркале, сосредоточено то, что некоторым образом *дано. Метафизику* характеризует *универсальность*, и *метафизику* характеризует *пафос тождества*. Потому что сущностью метафизического утверждения является знаменитая индийская «тат твам аси», то есть «ты есть то». То есть любое феноменальное конечное явление – *то, что здесь,* – тождественно всей бесконечной первооснове реальности. Малое тождественно *бесконечному*, оно исчезает в нём. Более того, оно является рябью на поверхности *бесконечного. Бесконечное* же принимается позитивно как некое утверждение, которое должно быть «принято с благодарностью», и малая песчинка должна в этом *бесконечном* раствориться. Собственно говоря, инициатический путь *метафизики* есть путь отождествления с Абсолютом, или, в некоторых других системах (квазиметафизических, околометафизических), – «обожение», когда происходит сублимация, восхождение, вплоть до полного уподобления и растворения с *бесконечным*.

Теология – это совсем другое. *Теология* – это драма *конечного. Теология* – это драма нетождества. Она утверждает, что *конечное* обладает абсолютным, независимым смыслом, который противостоит *бесконечному* как *негативному*. Предельный пафос теологии – это борьба с *бесконечностью*, борьба с Абсолютом, отрицание Абсолюта как Рока, как судьбы; как негативной бездны, которая ничтожит; как

колеса, которое, вращаясь, снимает и убирает, снимает и уничтожает. *Теология* отрицает *бесконечное* как бессмысленное.

Древние греки не знали *теологии*, потому что они не знали Откровения, они не были в луче Откровения, и *метафизика*, которую понимают западные люди, изошла с их земли, от элеатов, от Аристотеля, от первых фундаментальных мыслителей, создавших ключи к технологиям мысли. И вот что интересно: древние греки ненавидели *бесконечность*, они считали ее негативным понятием, полагали, что *бесконечность* может быть только отрицательной. И если мы логически сосредоточимся на самой категории *бесконечности*, мы поймём, что – да – *бесконечность,* конечно же, только отрицательная категория. Даже если мы возьмём понятие *бесконечности*, понятие Абсолюта в традиционных метафизических системах, мы увидим, что там доминирует апофатика, то есть отрицательное определение Абсолюта. А что такое отрицательное определение Абсолюта? Абсолют есть негатив по отношению к любой предложенной ему конкретности. А если он негатив по отношению к любой предложенной конкретности, значит, он отрицает, снимает это, значит, любая конкретность, которая ему предъявлена, упраздняется им, как косой.

Теология сосредоточена на некой драме. *Теология* сосредоточена на пафосе *конечного*, которое бросает вызов ничтожащему Абсолюту, ничтожащей косе этого вечного вращения, которое снимает и порождает, снимает и порождает. *Теология* есть героический вызов. Но когда мы имеем дело с традиционными героями языческой мифологии, прежде всего греческой, мы понимаем, что у греческого героя нет никакой победоносной, триумфальной перспективы. Потому-то так греческий герой и трагичен, что, когда он противостоит Небу, Абсолюту, «колесу судьбы», он прекрасно понимает, что ему не победить, его вызов будет перечёркнут. Даже олимпийцы, как говорили древние греки, подвластны «колесу судьбы», – что же говорить о героях, которые бросают вызов и олимпийцам, и «колесу судьбы», и Року? А Рок ничтожит всё.

И это было до тех пор, пока в мире не проявилось Откровение, Откровение пророческой цепи, которое дало герою измерение победы. Герой в языческом мире поднимается, смотрит на небо и говорит: «Моя внутренняя, индивидуальная, тайная позиция отказывается

смириться перед бездной уничтожения, которая делает меня песчинкой среди песчинок. Я знаю, что я в книге живых. Но где эта книга?» И вдруг появляется целая линия, целая система оппозиции мировому Року, заговору против этой индивидуальной личности, этой индивидуальной тайны, которая приносит эту «книгу живых», в которой можно оставить своё имя и не быть песчинкой среди песчинок.

Таким образом, есть в описании действительности два полюса, два противостоящих друг другу фронта. С одной стороны – *метафизика*, которая преклоняется перед ничтожащим всё Абсолютом и стремится к отождествлению в нём, – и это доктрина жрецов, доктрина тех, кто владеет секретами интеллектуального созерцания, ключами к этому интеллектуальному созерцанию. С другой стороны, это *теология*, которая опирается на трагедию индивидуальной *нетождественности ничему из сущего* и которая появляется в качестве метода, рождённого Откровением и миссией пророков. И этот метод, данный герою, совершает чудесное преображение. Герой, который бросал этот вызов до сих пор и знал, что он обречён, получает духовное оружие, которое даёт ему сознание того, что для него возможен триумф над негативной бездной.

Теология исходит из того, что Всевышний, Непостижимый и абсолютный Творец является подлинным Субъектом, Который абсолютно не тождественен ничему, Который не является подобным сущему и по отношению к Которому невозможно применить утвердительные предикаты «есть». И это надо чётко запомнить, что по отношению к Творцу нельзя говорить, как вот банально в споре атеиста с верующим: «Есть Бог, нет Бога». С точки зрения *теологии* слово, которым обозначается наличие вот этого стола, невозможно применить к непознаваемому и непостижимому Субъекту. Если этот стол есть, если эта комната есть, если мы есть, то Его – *нет*. Но это *нет* описывает Его утвердительно.

Я хочу, чтобы вы поняли, что речь идёт не об апофатике, которая предлагает негативное описание Абсолюта как Брахмана у индусов: «Ни то ни это, и то и это, ничего конкретного нельзя сказать и так далее», то есть некая такая бездна, как волнующийся океан, в котором нельзя отличить и отделить одну волну от другой» и так далее. Нет, апофатика как *отрицательное описание*, которое применимо к

бесконечности, в данном случае не имеет места. Почему? Потому что апофатика предполагает некую бесконечную базу и основу, которая пожирает, втягивает в себя и отождествляется со всем частным и конкретным, тождественным ему. Песчинка тождественна Абсолюту, голубь на крыше тождественен Абсолюту, личность, которая идёт по улице и которая будет сметена ураганом в небытие, тождественна Абсолюту. И в данном случае жрецы только стремятся как бы констатировать и подтвердить то, что с их точки зрения и так как бы является судьбой каждой твари. А Всевышний, с точки зрения *теологии*, не тождественен ничему, не проявляется ни в чём, не обозначается ничем, Он просто *вне*, Он непостижим, к нему неприменим никакой глагол.

Так как же мы можем вообще говорить о том, что Он является каким-то фактором, имеющим ко мне, к нам, отношение? Потому что есть единственная вещь, которая нас связывает с Ним, которая даёт нам возможность понять, что это полная непостижимая нетождественность абсолютно реальна. Что же это такое? Это тот факт, что мы *свидетельствуем*. Мы свидетельствуем данный миг в его конкретности как существующее вокруг нас, вне нас, *не-Я*, то есть внутри меня есть некая точка *Я*, которая свидетельствует это *не-Я*. То есть, иными словами, внутри меня есть «нечто», абсолютно не подобное ничему, на что я смотрю; благодаря чему всё, на что я смотрю, отражается: приобретает на фоне этой точки характер фигур, феноменов, иероглифов, пятен, которые я интерпретирую. Камень среди камней, подобных ему, не знает, что он камень среди камней, – он не знает о камнях, среди которых он лежит. Но каждый из нас, свидетельствуя эти стены, друг друга, людей вокруг себя, качество момента, проживаемого им, способен это делать только потому, что он не тождественен ничему. А это значит, что внутри него есть нечто, подобное (только «отрицательным» образом) вот этой нетождественности Творца, непостижимости Творца.

Творец не подобен ничему, и та точка внутри нас, которая является моментом *понимания*, факелом, освещающим среду вокруг, тоже не подобна ничему. И это совпадение. Я настаиваю на том, что это совпадение не позитивное, как, допустим, сказать: «Это – часть того». А это совпадение чисто отрицательное: нетождество Творца *сущему* и нетождество внутри каждого из нас внутреннего свидетеля

сущему, благодаря чему это сущее для нас проявляется в качестве организованного мира. То есть, попросту говоря, почему в зеркале отражаются предметы? Они отражаются за счёт того, что свет ударяется об эту поверхность и не идёт дальше, не идёт как сквозь стекло. А почему он не идёт дальше? Потому что сзади есть чёрная амальгама, густая чёрная амальгама, свет не пропускающая. Что такое чёрная амальгама сзади зеркала? Она абсолютно противоположна свету. Свет – струящийся, лёгкий поток субтильной энергии. А чёрная амальгама, блокирующая сзади стекло, – это антитеза. И внутри нас такая же антитеза, внутри нас антитеза всему сущему. И это является даром Всевышнего тем, кто имеет отношение к Адаму. Потому что Коран нам излагает, что, когда Адам был глиняной куклой, сотворённой, но ещё не оживлённой, Аллах вложил в него от Своего Духа, и эта частица, вложенная в него (*РухуЛлах*, Духа Всевышнего), она и есть та абсолютная оппозиция бесконечной глине, из которой сам Адам и создан.

А кто такой Иблис? Иблис, которому было приказано поклониться, а он не поклонился, – это и есть та бесконечная глина, из которой, как из материала, из ресурса, был взят и сделан периферийный маленький Адам. Только эта глина не в «глиняном» виде, а в первозданном энергетическом виде – огонь.

Вы скажите: какая связь между огнём и глиной? (Иблис заявил: «Ты сделал меня из огня, а его из глины».) Огонь – это первозданная субстанция, а глина – это уже остывшая субстанция, это уже вещество. Огонь – это энергия, а глина – это уже переход энергии в вещество. Но что общего между энергией и веществом? Это то, что они субстанциональны. Иблис есть полнота субстанции, а Адам – периферия этой субстанции, частица этой субстанции, в которую вложено нечто *антисубстанциональное*, противостоящее субстанции, о чём эта субстанция в лице Иблиса не знает. Поэтому и говорит: «Не поклонюсь, потому что это моя периферия, это в десять раз удалённей от меня».

Поэтому внутри нас есть эта точка, точка нетождества, которая есть *точка свободы*. Потому что вещи, которые существуют вокруг нас, мы сами, структуры социума, которые исторически существуют, – это всё проекция Иблиса на зеркало нашего мира. То есть это всё некий оригинал, который проецирует сюда своё отражение. Мы –

элементы этого отражения; всё, что мы видим – это элементы отражения, которые в своём оригинале имеют Иблиса, полноту субстанции, полноту Бытия. А надо сказать, что в западных языках нет разницы между «бытием» и «существом». Вот «être» по-французски – это «бытие», но вместе с тем это и «существо».

Якобинцы, Робеспьер, Марат, Дантон поклонялись Великому Существу: они заменили понятие Бога понятием Великого Существа. Но вместе с тем это и Великое Бытие. Бытие и существо – они тождественны. То же самое по-английски «being» – это и «бытие», и «существо» (human being – человеческое существо). Это очень важно, потому что это не Субъект. Бытие не субъектно. Бытие абсолютно объектно. Субъект – это та точка нетождества, о которой нельзя сказать, что она *есть*, потому что она действительно не тождественна и не совпадает *ни с чем, что есть*. Её нет, но тем не менее она центральнее, и важнее, и весомее, чем всё, что есть. Вот она есть субъект.

И поэтому *теология* жёстко отрицает неоплатоническую концепцию познания, когда субъект и объект являются как бы двумя половинами целого, как магдебургские полушария[28], которые, соединяясь, образуют целое, и в этот момент наступает «слитие», экстаз, постижение. Этот экстаз, в котором нет ни субъекта, ни объекта, есть якобы подлинная сущность самого процесса познания, акт постижения. Это с точки зрения *метафизики*, с точки зрения жрецов, разбавленной и удалённой версией которых являются клерикалы, попы, муллы и так далее, не имеющие отношения к религии Откровения. Потому что религия Откровения приходит с пророками, которые не порождают клерикалов. Клерикалы появляются потом.

Теперь скажем так: непостижимая сущность Творца, которая нетождественна, непостижима и непонятна и абсолютно не поддаётся вопрошанию, представлена Сама Себе и Сама для Себя как Мысль. Мы не могли бы об этом сказать ничего, и мы были бы крайне самонадеянны, говоря о том, что это представлено так или иначе – как Мысль или не как Мысль, – если бы не существовало Откровения, в котором этот непостижимый *Творец, о Котором нельзя сказать, что Он есть*, не предъявил бы Себя в виде Книги, которая есть дискурс, есть *Речь*. Речь, представляющая собой конкретное измерение здесь

явленного, присутствующего Творца, Который сохраняет всю тайну и всю полноту непостижимости, но при этом дан в словах, в тексте, в именах, потому что Аллах научил Адама *именам*, – языку, который не знают ангелы и джинны, который Он не открыл никому. Согласно кораническому тексту, ангелы возражали против того, чтобы Адам был поставлен наместником на землю. Аллах научил его *именам* и стал спрашивать его, как называются те и иные вещи, и Адам отвечал, потому что он был заранее *научен*. А когда Аллах обратился к ангелам, они сказали: «Не знаем, Господи», – тогда Всевышний сказал им: «Я знаю, а вы не знаете» (по поводу того, что миссия Адама на земле, при всех его слабостях и пороках и, может быть, именно за счёт этих слабостей и пороков соответствует «генеральному плану», соответствует задумке, соответствует Мысли.

Некоторые, может быть, из тех, кто подходит к *теологии* формально, скажут: «А нет такого понятия, как *мысль*, в исламской теологии». Ошибаетесь, есть. Есть такое понятие «кадар уаль када», которое именно и определяет потенциал предназначенного, потому что «кадар» – это мощь, это потенциал, а «када» – это предназначенное, суждённое. И это два внешних проявления, два внешних аспекта Замысла, что подтверждается ещё аятом Корана, который гласит: «Аллах ничего не сотворил понапрасну». «Не понапрасну» – это значит есть цель. Цель, вписанная в Замысел. Замысел является проекцией Мысли.

Теперь, если мы говорим о Мысли, мы должны сосредоточиться на том, что такое есть Мысль как Мысль в её чистом виде. Мы можем пользоваться терминами греческой философии как «техническими», потому что многие из них переведены на арабский язык, и это инструментарий, который достался нам в наследство. А всякое наследство принадлежит теологам по праву, если они пользуются этим в интересах теологии. Так вот, есть фундаментальное понятие – «апория». Апория есть парадокс, неразрешимый парадокс. Например, апорией Зенона является то, что Ахилл не может догнать черепаху. Пока Ахилл преодолевает определённое расстояние за определённое время, за это же время черепаха преодолевает, хотя и меньшее, но тоже расстояние. И сколько бы Ахилл ни прошёл, приближаясь к черепахе, черепаха совершает тоже определённое путешествие за это же время, все время удаляется, – это расстояние может сокращаться, но никогда

не сливается, потому что черепаха уходит от той точки, куда стремится Ахилл. Это называется апория. Мы же знаем, что Ахилл в два счета догонит черепаху. А вот логически нам предъявлена ситуация так, что вроде как «по логике» и не догонит. То есть бежит – и не догоняет, приближается – и не догоняет. «Апория» с греческого переводится как «безвыходность, тупик». Так вот, для того чтобы Мысль была Мыслью, внутри неё должна быть апория, внутри неё должен быть парадокс, который очевидным образом противостоит всему возможному. Не просто зеноновская апория с несчастным Ахиллом и черепахой. А такая апория, которая явно «аннигилирует» все законы, – мыслимые и немыслимые, является чем-то невозможным, но решение которой – это преображение, катарсис, свет, триумф. Эта Мысль должна содержать в себе такую апорию. Что это за апория? Это апория как раз и есть нетождество. Нетождество – это означает отсутствие *финального*, конечного, безусловного, абсолютного *утверждения*. То есть что это значит?

Бесконечность, которой учит метафизика, с точки зрения жрецов, клерикалов – это тождество, это утверждение, потому что нет ничего, кроме неё. И все, что ей предъявлено, она уничтожает и говорит: «Вот, уничтожено и нет ничего, кроме меня, – опять бесконечность». Это утверждение.

А нетождество – это означает, что нет ничего, кроме этой Мысли, но эта Мысль не тождественна сама себе. Она бездонно проваливается сквозь себя и за себя, она свободна от себя, она не является утверждением, она свободна. А как же она тогда может быть? Это парадокс. Не отсутствие утверждения, отсутствие финального совпадения *самой себя с самой собой* – это вызов всему, но Мысль, тем не менее, существует именно так. И это её внутреннее, божественное, абсолютное дыхание, которое проходит ряд стадий на пути осуществления своего замысла. И в этом прохождении Мысль как бы вуалирует *сама себя от самой себя*, потому что в своей бездонности она как бы слишком вызывающа. Я пользуюсь специально такими метафорами. Чтобы быть в своём «голом» виде, Мысль «вуалирует» себя. И конечной степенью «вуалирования» себя, конечной степенью отпадения Мысли от самой себя является Бытие. То есть Бытие есть то, где Мысль «засыпает», умирает и как бы отрекается от себя.

В Бытии Мысль становится *антимыслью*. Под Бытием я имею в виду всю полноту возможностей – как негативных, так и позитивных. Любой конкретный феномен – он может быть, а может и не быть: может быть такой феномен, может быть его альтернатива (целый ряд подобных ему феноменов), а может и не быть ничего (конец мира), – но это всё составные части Бытия. Бытие в своей полноте есть некий бушующий позитив, который как бы всё охватывает, – всё, что может манифестировать, всё, что может исчезнуть (манифестированное, но потом исчезнуть), – это всё Бытие. Так вот, Бытие – это *антимысль*, это конечная стадия «засыпания», умирания и превращения этой Мысли в свою противоположность.

Но ведь Мысль доходит до этой стадии только для того, чтобы её преодолеть и изжить из себя, и это означает, что мы, как часть Бытия, отличаемся от всего остального тем, что к нам имеет отношение частица Духа Божьего. Та самая частица Духа Божьего, которая была вложена Творцом в Адама. Для чего? Для того чтобы он эту частицу нетождественности унёс с собой в бушующее море Бытия и там бы бросил Бытию вызов, исходя из противостояния сознания как частицы Духа Божьего и Бытия как *антисознания, антимысли*. Вот этот дуализм – это трагедия двух полюсов: Бытия и сознания. Они как раз и определяют ту площадку, на которой развивается теологическая драма.

На самом деле мы вброшены не просто в Бытие, мы вброшены в отражение Бытия, потому что миров много. Все миры – это зеркала. В каждом зеркале отражается целое, но ещё отражаются, некоторым образом, отблески из других зеркал. Поэтому каждое отражение в каждом мире – оно как бы затуманено. Вы знаете, если встать посреди комнаты с большим количеством зеркал, то некоторые ближайшие зеркала будут отражать только вас, а удалённые зеркала будут отражать ещё и отражения этих ближайших, будут «перепасовывать» эти отражения друг другу, и поэтому будет впечатление, что когда вы поднимаете руку, делаете шаг в сторону, то вся комната приходит в движение, потому что ваше отражение – это уже «толпа», которая начинает совершать массу несинхронизированных движений. И такова ситуация с каждым из зеркал, – в частности с зеркалом нашего мира.

Под «нашим миром» я понимаю вот что. Это пространственно-временной континуум, четырёхмерный пространственно-временной континуум, который, подобно некой стеклянной поверхности

бронестекла, имеет критическую точку. У этого бронестекла есть одна микроскопическая точка, в которой, даже если попасть туда монеткой, всё это стекло рассыпается вдребезги. Это узел напряжения. Узлом напряжения нашего пространственно-временного континуума является наша Земля, на которой находимся мы с вами, – потомки Адама (по крайней мере «морально-культурные» потомки Адама, если даже не физические). Так вот, если нечто критическое совершится здесь, то это будет иметь последствия для всего нашего мира, для всего этого зеркала. А если одно зеркало будет разбито, то вся цепь зеркал будет разомкнута, и мгновенно отражение в этих зеркалах погаснет. Это будет победа над оригиналом, который стоит в центре и отражается. Таким образом, на нас возложена ключевая, критическая задача: разомкнуть цепь зеркал для того, чтобы Иблис был посрамлён. Иблис как Бытие, которое отражается в этом зеркале.

Теперь, что же отражается? Иблис отражается. А что такое Иблис, который отражается? Иблис, который отражается, Бытие, которое отражается как Существо, – это прежде всего фараон. И нужно понять, что это и буквальное, и метафорическое (не буквальное) понимание: фараон как *власть*. Потому что в чём загадка власти? Власть – это отражение Бытия в чистом виде в зеркале нашего мира.

Представьте себе тёмный храм, пустой храм, в куполе которого есть отверстие в центре. И через этот купол в полдень проходит луч солнца, который падает на пол и образует солнечное пятно. Вокруг темнота, а здесь, на полу, солнечное пятно. Единственное место, где можно сказать, что нечто *есть*. И вот, кто встал в это пятно, тот *есть*, а кто остался в темноте стоять, того нет. Кто встал в это пятно, кто стоит в этом луче, падающем из неба сквозь эту дырку в куполе, тот – фараон. Фараон может быть единичным, может быть, в крайнем случае, коллективным.

Но власть – это всегда отражение Бытия. Вот почему Всевышний в Коране говорит: «Мы установили во всех селениях правителей преступниками, дабы они интриговали во имя своей власти, но они интригует против самих себя, однако они этого не знают». То есть, иными словами, правители словом Божьим объявлены преступниками, и указано, что такова задумка, Замысел, это Всевышний их установил в качестве преступников во всех селениях. Для чего? Для того чтобы те, кто услышал это Слово Божье, устранили бы их, свергли,

избавились от них, потому что они являются врагами Аллаха. Это очевидно.

На самом деле, даже в допророческие, внепророческие времена люди, народы, которые не знали Откровения, инстинктивно чувствовали эту правду. Но где действует эта власть? Где действует власть как отражение Бытия? Она действует в *обществе*. Поэтому у Бытия есть два аспекта отражения. Одно – персональное, в виде фараона. А другое – коллективное, в виде большой тени. Есть столб, а есть у него тень. Столб – это фараон, который стоит в этом пятне света. А тень – это общество. Посреди этой тени стоит столб. Бытие отражается в виде власти, которая является центрированием общества. Общество – это, надо правильно понять, не союз людей, это не связь людей, это не связь людей между собой с хозяйственными, с семейными целями для воспроизводства, для чего-то ещё. Общество – это нечто другое. Что же такое общество?

Представьте себе, когда люди были в Золотом веке, они не испытывали никакого конфликта со средой. Гром и молния, дождь, холод – они не знали конфликта с этим, потому что они ощущали себя в мире как зародыш в утробе матери, в околоплодной жидкости, они плавали в состоянии океанического блаженства, им не нужен был язык, они общались телепатически. А телепатически можно передать только ситуацию в настоящем времени, без сослагательного наклонения. Вы не можете телепатически сказать: «Позавчера, в среду я был у тёщи на блинах, но блины получились не очень хорошие». Вы можете сказать телепатически: «Я вижу тебя», «Вот лиана», «Смотри – за тобой зверь» и так далее, – то есть в буквальном, прямом смысле. Они общались телепатически и не знали никаких проблем, и не замечали ни старения, ни изменений в себе, ни смерти, то есть гибели.

И внезапно к ним является посланник Аллаха Адам, первый из великих пророков, и учит их первому Откровению в истории человечества – языку, которому его самого научил Аллах. И мгновенно исчезает телепатическая связь между людьми, язык становится средством коммуникации, исчезает это блаженное состояние, и они вдруг испытывают на себе ливень, холод, град, они начинают трястись от холода, они прячутся по пещерам. И тогда Иблис посылает к ним «культурных» героев, которые, допустим, в традиции греков представлены, например, в образе Прометея, титана. Герой приходит и

говорит: «Мне вас жаль, я хочу вам помочь». Он крадёт у олимпийцев, то есть у некоторых ликов, аспектов Иблиса, огонь, который, как мы знаем, является субстанцией Иблиса, из которой он сделан, приносит людям, они начинают обогреваться. Возникает некая система, возникают связи коммуникативные и возникает «кокон», который защищает их от среды, – тогда они уже больше не трясутся от холода. Потому что раньше они были в таком состоянии, что всё вокруг них было цветущим садом. Теперь это уже не цветущий сад, но создаётся такая имитация защиты, которая всё более и более укрепляется и разрастается.

Кокон – это общество. Общество – это такая структура, система организации, при которой землетрясения или катастрофа не могут уничтожить этих людей. Например, внесоциальное племя первобытных людей зависит от всего: карп исчез в этом притоке Амазонки – всё, племя исчезло тоже, оно уже от голода вымирает. Землетрясение грянуло или пожар – всё, племя вымерло. А общество – это такая структура, при которой, взорвись там хоть тысячу вулканов Кракатау, каждый из которых мощнее, чем ядерное оружие, – да, будет неприятно, люди погибнут, но, в общем, почешут так в затылке, поскребут и живут дальше.

То есть общество – это кокон, имитация Золотого века, которая защищает людей от среды. А внутри этого кокона стоит прямое отражение Бытия в виде фараона, который может иметь и коллективную проекцию в виде ближайшего круга. Но самое главное – жрецы, на основе которых осуществляется это отражение. Потому что как это отражение осуществляется? Через световой столб. От предмета к зеркальной поверхности мира. Этот световой столб проходит через «систему связи», «интерфейс». Потому Папа Римский называется Понтифекс Максимус (то есть величайший строитель мостов). Этот мост – между миром невидимым (Бытием как таковым) и нашим, где это все отражается и проявляется (через «понтифекс максимус»). Такими же являются и Далай-лама, и некоторые другие адепты Иблиса, через которых всё это осуществляется. И вот, здесь мы находимся внутри этого кокона, где над нами стоит фараон, – проекция Иблиса.

Теперь я хочу вам сказать следующее. Я начал с того, что есть Мысль, у неё есть цель, задумка; в своей динамике она приходит к

«самоотрицанию» в виде Бытия. Но жизнь, дыхание, подлинность этой Мысли – это апория, то есть диалектический парадокс. Но когда она приходит к своей противоположности и «вырождается» в Бытие («вырождается» в кавычках, то есть *как бы* превращается в Бытие), то эта апория там переворачивается и становится заранее заданной ошибкой, запрограммированной в Бытии ошибкой. Это специально задуманная Мыслью ошибка, которую нужно преодолеть. Что это за ошибка? Это ошибка – *несправедливость*. Бытие несправедливо. Внутри него есть программа несправедливости.

А что такое несправедливость? Конечно, можно сказать, что несправедливость – это когда человек работал десять часов, а ему заплатили пять рублей (а ему нужно 25 рублей). Да, это несправедливость. Но это частная форма несправедливости. А подлинная форма несправедливости – это *отсутствие смысла*. Дело в том, что апория – она потому драматична, потому нагнетает ситуацию, что она является, будучи нетождеством, *волей к смыслу*, взысканием смысла, как бы генерацией прорыва к смыслу.

А когда Мысль приходит к Бытию как к своей антитезе, когда она как бы засыпает в камне этого Бытия как мертвечины, то там эта *воля к смыслу*, это нетождество, апория, эта безвыходность превращается в *отсутствие смысла*, в демонстративное, сатанинское отсутствие смысла. И мы рождаемся в это отсутствие смысла. Но парадокс в том, что нас заставляют признать, что это отсутствие смысла есть, на самом деле, весь смысл, который возможен. Нам говорят: «Абсолют – это то, к чему надо стремиться». А Абсолют тебя стирает и ничтожит. В чем его смысл? А говорят: «Тождество *ты есть то* – вот это и есть смысл. И надо идти шагами, шагами, становиться риши, упагуру, гуру, так сказать, обладать сиддхи, потом отождествляться, добиваться освобождения, *дживанмукты*, – вот это и есть смысл». То есть нас учат абсурду, но говорят: «Это трансцендентный абсурд, потому что в высшем плане никто не нуждается в смысле». Смысл? Зачем смысл? Абсолют – он не нуждается.

На самом деле Абсолют – это негативная изнанка того Бытия, которое представляет собой совершенное зло, бессмыслицу, абсурд, – зло в чистом виде. Но она представлена позитивно, как сад, в котором постоянно цветут феномены, – такие, сякие, они исчезают, возникают, они подобны друг другу. А сквозь этот сад незримо проходит коса,

которая его отрицает и отрицает: это его подлинная изнанка – бесконечность, которая есть на самом деле разоблачение тщеты и абсурдности Бытия. Но мы вброшены сюда с искрой Духа Божьего, которая соединяет нас с Мыслью. И цель наша – соединить эту искру с этой Мыслью, точнее, создать здесь то пространство мышления, пространство видения, в котором в сердцах наших эта *точка свидетельствования* отразится и приобретёт характер этой невидимой, незримой для нас Мысли, которая проявится как наше понимание Замысла, как наше соучастие в Замысле.

Я хочу сказать, что здесь, на этом плане, фиксация наших внутренних свидетелей как соединение этих тайных, внутренних усилий в этом проецировании правильного мышления, и есть *политическая идеология*. То есть политическая идеология – это проекция той непостижимой Мысли, о которой я говорил, сюда, в то Бытие, в котором как бы смысла и этой Мысли нет. То есть Бытие является последней стадией самоотрицания Мысли, но мы здесь, благодаря наличию провозвестия и обращения этой Мысли к нам, к этой точке нетождества внутри нас, – мы здесь можем восстановить отражение этой Мысли против отражения в этом мире Бытия. То есть мы можем стать воителями и носителями этой примордиальной, первозданной, Провиденциальной Мысли. Мы можем стать носителями этой Провиденциальной Мысли здесь, в условиях Бытия. Как знаете, король Артур вынимал меч из камня. Мы здесь вморожены, как меч в камень. Бытие – это камень. И мы должны вынуть этот меч. Кто вынет этот меч, тот, собственно говоря, и исполнит миссию, ради которой мы сюда посланы, ради которой сюда посылаются пророки.

Так вот, с одной стороны, у нас есть общество с фараоном, а с другой стороны, у нас есть община, «малый отряд», – люди, которые являются носителями политической мысли, политического замысла. Но этот политический замысел не является тем убожеством, под которым обычно понимают политический замысел: это не создание партий, это не голосование в Думу, не попытка стать депутатом, это даже не попытка свергнуть одного диктатора, чтобы стать вместо него другим диктатором. Политический замысел, политическая мысль, *политическая идеология – это воля к тому, чтобы обрести обратную связь со смыслом*. Здесь я пылинка на ветру, внутри которой есть

нетождество ничему, и я хочу установить обратную связь, двустороннюю связь с той *непостижимостью, которая вне всего сущего*, которая не подвластна ничему, которая является подлинной природой замысла, подлинной природой апории, взыскующей катарсиса, разрешения и триумфа, перехода от «ветхого» существования к существованию нетленному, вечному и сияющему. Вот как бы нерв политической мысли. Эта мысль прежде всего теологическая.

Каждый человек имеет склонность говорить, что он член общества, общество – это благо, выступать против него преступно, но на самом деле он обманывает себя: он не член общества, а он является просто устрицей, которую общество высасывает, заткнув себе салфетку за воротник, гремя серебряными приборами. Общество просто эту «устрицу» в виде человека берет и высасывает.

Потому что что такое общество? Общество – это «интерфейс» между энергетическими ресурсами человеческих тварей и Иблиса. Это «интерфейс», который нашу энергию, наше жизненное время берёт из этого зеркала, из этого отражения, и передаёт оригиналу. Оригинал питается соком и энергией своих отражений, которые втягивает назад. Интерфейсом является эта организованная его проекция, коллективная проекция общества, а операторами этого интерфейса, которые всё это сопровождают туда, «наверх», являются фараон и жрецы.

Вы думаете, что сейчас – либеральное общество, в котором нет фараона и жрецов? Что они являются древней историей, историей древнего мира? Уверяю вас, нет. Жрецы на месте, их власть абсолютна, фараон на месте, – коллективный фараон и его власть абсолютна. Просто общество создало «заглушки», в результате которых нам кажется, что всем управляют интересы, олигархи, парламенты, лидеры партий и всякая ерунда. На самом деле это просто мельтешащая в воздухе моль, которая заполняет пространство.

В чем их функция? О сущности «прогресса» любят писать, проклиная Средневековье и «верующих ублюдков, которые зовут нас в мрак, во всякую мерзость Средневековья», что вот есть прогресс и люди, которые живут «по-человечески», – в «прогрессивном» пространстве. Так вот, *сущность прогресса – это перманентная переоценка стоимости жизненного времени*.

Например, крестьянин, живущий где-нибудь в тайге, или бретонский рыбак, который ловит треску в Бискайском заливе, – стоимость их жизни три копейки. Вот он всю жизнь проживёт, и она стоит три копейки. Или у фараона восемь миллионов рабов было в древнем Египте – сколько они стоили, сколько стоит сумма человеческих усилий человека, у которого из всего имущества только набедренная повязка и тачка? Да три копейки стоит. И на фараона работают восемь миллионов трёхкопеечных, а с фараона-то Иблис требует платить за местопребывание, за этот барак, в который фараон заселён как главный. Сегодня требует рубль, завтра – два, послезавтра – три. А восемь миллионов трёхкопеечников не могут ему это обеспечить. Значит необходимо переоценить их жизненное время. Как это сделать? Ввести новые связи, новые «валентности» между людьми: из убогих рабов с тачками сделать людей, которые вступают с собой в разные «демократические» отношения, и привести их в конечном счёте к тому, что они становятся офисным планктоном, сидят в офисах, ходят в фитнесы и так далее.

И тогда жизненное время каждого из них, минута их стоит намного больше, чем жизнь всех предков вместе взятых. Но это для того, чтобы справиться с задачей платить, платить наверх. Человечество постоянно отчисляет. В конце концов наступает момент, когда повышать стоимость жизненного времени уже нельзя: тупик. Потому что можно загнать обитателя мегаполиса самого продвинутого, но это уже грань человеческих возможностей. Белка в колесе не может бежать больше и быстрее определённого уровня. Но есть, конечно, сотни миллионов негров, которых можно тоже повысить до уровня офисного планктона Парижа или Нью-Йорка. А кто будет платить деньги за их повышение? Вот 150 миллионов русских мужиков повысили за счёт бриллиантов фрейлин, заставили отдать мужиков зерно, изъяли из Эрмитажа Рембрандта. И за счёт таких неимоверных лишений, расстреливая на каждом шагу, они превратили эти 150 миллионов в стахановцев, в гагановых, в трактористов, в парашютистов, в спортсменов, марширующих по площадям, в месткомы, парткомы, профкомы, – и они повысили их стоимость жизненного времени. Сделали из страны, которая была сплошным медвежьим углом, мегаполис. Но где те большевики, которые так же сегодня преобразят чёрный континент Африки, где те фрейлины, за

счёт чьих бриллиантов можно сделать такой же мегаполис из Латинской Америки? Даже Китай не довёл это до уровня. И в Китае тоже в медвежьих углах сидят где-то около миллиарда. А дальше-то как?

И вот возникает идея, гениальная идея. А сбросить лишних людей с «корабля современности». Современные олигархи, современный коллективный фараон пришёл к выводу, что шесть миллиардов из семи просто не нужны. Зачем повышать их стоимость жизненного времени, зачем их капитализировать, когда можно их списать, а работать только над близким к себе миллиардом или полумиллиардом, который можно довести до максимализации его возможностей. Например, через активность в интернете, в виртуальном пространстве, когда все они будут работать над чисто интеллектуальными проблемами, 3D-принтеры будут обеспечивать их материальные потребности, а несколько тысяч реальных господ, которые образуют «комитет по встрече Антихриста», будет находится в специальных точках нового Золотого века, который будет уже здесь образован. Вот какая стоит задача перед фараоном сегодня.

И какая задача стоит перед нами? Перед нами стоит задача сорвать этот план. Перед нами стоит задача не позволить коллективному фараону уничтожить большую часть человечества. Не потому, что оно ценно, а потому, что мы должны на каждом шагу противопоставлять свою политическую волю воле Иблиса и его слуг. Потому что если есть отражение Бытия в виде власти здесь, которая представляет собой фараона и его коллективной тени манифестации, то мы формируем политический субъект антитезы, *политический субъект носителя политической мысли в теологическом смысле слова*. Что это за субъект? Это братство.

Братство кого? Братство просто людей? Свобода, равенство, братство – идеалы великой Французской революции 1793 года? Нет. Это братство людей, которые знают, что существо их осмысленной реальности – точка нетождества, которая выражается в уникальном своём состоянии, в том, что они умрут. Они есть сейчас и видят всё вокруг себя, но они умрут, и эта смерть есть оборотная сторона их сознания сию секунду. Почему? Потому что *сознание сию секунду* – это их нетождество окружающему миру. А что такое смерть? Смерть – это актуализация этого нетождества в другом плане.

Например, что у меня такого оригинального, чего никто из вас не имеет? Я вижу этот стол – вы его тоже видите. Я чувствую вкус этой воды – вы это тоже испытываете. Такое же голубое небо. Всё, что я ощущаю, – гнев, веселье, радость, смущение – ощущаете и вы. А в чём же моя уникальность? А в том, что, когда я буду умирать, я буду умирать только один. Каждый умирает в одиночку. *Моя уникальность – это моя смерть*. Но сейчас я вижу только потому, что я не подобен ничему, в том числе и вам. Значит, когда я буду умирать, моя смерть – это то же самое, что я вижу сегодня, сию секунду, – это одно и то же, это две стороны одной монеты.

И здесь коренится великое преобразование – выражение Декарта «cogito ergo sum», «я мыслю, следовательно, существую». Которое следует переделать так: «Я мёртв, следовательно я есмь» (в уникальном, никому не подобном виде). И вот те, кто ощущает «я мёртв, следовательно я есмь», – *неподобность* через смерть, уникальность через смерть, через нетождество, когда через закрытую наглухо железную дверь мы прорываемся в царство абсолютной свободы, – вот те и составляют братство. Потому что они вышли не из родовых путей матери, которые их объединяют как братьев, а потому что они смотрят в могилу, которая объединяет их как неповторимых и уникальных, которые воскреснут. Воскреснут именно в той форме, в какой они были *здесь и теперь*. Это – братство.

И братство есть субъект, который представляет собой политическую волю, ядро и прообраз антитезы мировому правительству; субъект, который будет на каждом шагу противостоять фараону и его слугам, – это будет второй полюс. Но не для того, чтобы создать социализм, не для того, чтобы построить фаланстер, не для того, чтобы построить общество равных возможностей. Потому что рай невозможно «сделать». Но можно завершить историю и встретить второе пришествие Иисуса Христа и Махди, и готовить для этого почву, сражаясь с фараоном, с «комитетом по встрече Антихриста», противостоя на всех этапах социуму как абсолютному злу, проекции Бытия, которая есть глина и антитеза Мысли. Для того чтобы вновь и вновь утверждать здесь Смысл.

И эта цель не нуждается ни в каких ограничениях, не может быть связана никакими обстоятельствами, никакими условностями – она безусловна. И то, что я описал, есть суть мировоззрения Радикального

клуба: «Бытие как ошибка». И задача братства – исправление этой ошибки. Вот суть радикального сознания.

Не будем вдаваться в детали других клубов. Другой клуб – это Традиционалистский клуб, носители метафизики, фараоны и жрецы. И есть ещё клуб либералов, который считает, что «мы здесь живём, хорошо сидим, жизнь только одна, и мы никому не дадим выкинуть нас с этих кресел». Но этот клуб ведёт уже арьергардные бои, скоро останутся только традиционалисты и радикалы, и основная битва будет между двумя этими клубами.

Я попытался дать очень общее теологическое описание, теологический подход к некоторым принципам политического мировоззрения радикалов.

Ответы на вопросы

За счёт чего возникает капитализация времени? Ведь увеличение времени – это есть символ. Происходит дублирование символов? Я думаю, что в данном случае капитализация будет происходить за счёт погружения людей в войны, – в чём разница?

Переоценка происходит совершенно реально. Переоценка времени – так же, как и переоценка предметов, – абсолютно реальна. Например, построен дом, и этот дом в момент своей постройки стоит скромные деньги. Он стоит, и через некоторое время он объявляется памятником архитектуры, – особенно если он остаётся один. И он, естественно, стоит после этого не ту тысячу, которую он стоил в своё время, а десятки миллионов. То же самое происходит с любым предметом: молоток, которым забивали гвозди в шпалы в начале XIX века на строительстве железной дороги «Санкт-Петербург» или при прокладывании железной дороги к Южной Африке, сегодня является музейной ценностью, которая стоит огромные деньги. А переоценка жизненного времени тоже совершенно реальна. Если сравнить, допустим, суданского негра из племени динка и безработного из пригорода Парижа, – человек из этого пригорода получает социальное пособие, вокруг него работает куча муниципальных работников, которые следят за его жильём, за его социальным обеспечением, за ним следят полицейские, чтобы не вышел за рамки, к нему приезжают какие-то люди, которые с ним консультируются, он ходит спрашивать, нет ли работы, к чиновникам, которые озабочены тем, чтобы контролировать количество рабочих мест. Вокруг него работает куча народу – эта куча массу энергии, еды потребляет каждый в свою очередь, то есть это некий хоровод, который откуда-то с кого-то тянет ресурсы.

Тянет ресурсы, очевидно, с этого несчастного суданского динка. Потому что суданский динка живёт на пять долларов в неделю. Но если посмотреть, как реально идёт «откат» Великому Существу, то есть такая, например, вещь: государство печатает деньги. Это единственная финансовая компания, которая показывает дебет в

качестве своего продукта в конце каждого года. Потому что как только деньги напечатаны, они дешевеют.

Напечатан, например, миллиард дензнаков. Этот миллиард дензнаков через год потерял, допустим, три процента своей первоначальной стоимости. Эти три процента первоначальной стоимости должны быть компенсированы. Как они будут компенсированы? Они будут компенсированы за счёт нас с вами. Это мы – своей суетой, своим напряжением, своим потом – перебросим мостик через эту пропасть трёх процентов, на которые эта сумма дензнаков стала дешевле в течение года.

Государство – это такая компания, которая выписывает «promissory notes», кредитные билеты, задача которых – только дешеветь. Это как бумажные деньги, которые китайцы жгли, чтобы перевести их своим умершим родственникам. Кстати говоря, один из образов «отката». Есть более тонкие, магические вещи. Но на глазах у всех это – политэкономия.

Деньги всегда только дешевеют. Они связаны с матрицей цивилизаций. Матрица цивилизаций никогда не крепнет. Вы родились в определённой матрице; одно поколение сменяет другое – и чуть-чуть слабеет вера и связь с этой матрицей. У следующего поколения будет вообще циничное отношение к этой матрице.

Деньги же основаны на сакральных символах – сакральность привязана к матрице; если вы не верите больше в эту матрицу, вы не верите больше в эти деньги. А когда торговец перестаёт верить в эти деньги, он завтра будет требовать больше денег за ту же самую колбасу или стакан молока, чем он требует сегодня. То есть он думает: «А завтра-то что может быть – неизвестно; а что я, дурак три копейки просить, надо пять копеек просить». Ведь как идёт инфляция? Инфляция идёт через неверие людей в деньги. Если они верят в деньги, они этими деньгами пользуются вопреки обстановке. Романовские деньги до 1921 года ходили в России во время Гражданской войны. А деникинские «колокольчики» ничего не стоили уже в момент напечатания. Немецкие марки, которые были очень крепкими деньгами практически в апреле 1945 года, в момент самоубийства Гитлера вдруг перестали вообще стоить что бы то ни было. Но ещё два года они ходили (миллиард марок за коробку спичек). И вдруг министр экономики Людвиг Эрхард привозит

чемодан новых, напечатанных в Америке, марок, и на следующий день чёрный рынок исчезает и, оказывается, всё есть: колбаса, квартиры, билеты в театр. Он же не в чемодане с марками всё это привёз – оно было, просто никто это не выдавал за старые марки. А почему? Потому что не было этого режима. Но ведь ещё за несколько дней до поражения Германии эти марки обладали всей полнотой своей номинальной стоимости, то есть люди верили почти до конца.

В какой-то момент перестают верить, и всё – это бумага. Поскольку вера непрерывно умаляется, ибо вера идёт только в ложное – матрица всегда ложна, государство всегда ложно. Вера в ложное – это «завтра всегда будет меньше, чем сегодня, и деньги будут стоить чуть дешевле». А людей-то всё равно будут напрягать, чтобы они заполнили этот разрыв, потому что этой массой денег всё равно надо будет тот же самый оборот товаров профинансировать. Кто будет компенсировать? Мы с вами.

И в чём тут сатанизм? В том, что *наше неверие в ложь заставляет нас больше работать на обеспечение этой лжи*. Это система. Я в следующей лекции расскажу специфику Системы – что такое Система, в отличие от просто социума.

Вы сказали, что мысль относится к теологии. А любовь относится к метафизике или к теологии?

Любовь – это, конечно же, теологическое понятие, а не метафизическое, потому что любовь связана с аффективной экзистенциальной ситуацией человека, человеческой трагедии, человеческой драмы. А метафизика предполагает *универсальное*. Универсальное не включает в себя любовь, потому что любовь – это напряжение между полюсами. А полюса уже предполагают разделение.

Сказано о власти как об отражении фараона. Это сказано было о власти в целом? И второй вопрос: о роли закона.

Как об отражении Бытия в виде фараона. И да – о любой власти, власти в целом.

Дело в том, что фундаментальной политической идеей в теологии является понятие *свободы*. Что такое для нас, в контексте радикализма, свобода? Это не свобода пойти налево или направо, не свобода потребления (купить сименс, сони или самсунг), – нет. Свобода для нас – это *свобода отражения от оригинала*. Когда оригинал перед зеркалом поправляет галстук, отражение в зеркале отказывается поправить галстук; когда оригинал поднимает руку и грозит отражению пальцем, отражение показывает ему язык, – метафора. То есть это разрыв с оригиналом. Но разрыв с оригиналом может быть разным: может быть *кажущийся* разрыв. Скажем, свет от оригинала до зеркала летит миллион световых лет – оригинал уже десять раз и спляшет, и руку поднимет, а отражение в зеркале головой ещё не успеет покачать. И кажется, что в реальном, с точки зрения вечности, совпадении оно «не совпадает». Но это потому, что есть зазор, зазор «интерфейса», – это кажущаяся свобода. То есть, если у нас сегодня есть, с одной стороны, динка в Судане, а с другой стороны – офисный планктон в Париже и они ведут себя по-разному, – это не значит, что одни находятся в Системе, а другие – вне Системы. Они оба в системе, просто в разных уровнях удалённости от оригинала.

Есть, например, другие миры, в которых отражение не так ясно, оно более «мутно», оно находится в *доформенных* регионах нижних пластов Бытия. То, что *здесь* достаточно ярко, рельефно, формально, *там* – хаотическими пятнами. Можно сказать, что это тоже уровень свободы, но на самом деле это не уровень свободы. И *здесь*, например, имитируют нижние миры в оргиастических выходах, в дионисийских ритуалах, в этаком забвении всего, и говорят: «Мы ушли от некой жёсткой формы в некую свободу». Нет. Это просто попытка уйти в *субформальные* планы, то есть туда, где существует Мерцающая тьма. Но это – не свобода. Свобода – это там, где на уровне чёткой, ясной формы вы противопоставляете себя действиям оригинала, то есть замыслу и плану Иблиса.

Для того чтобы свободу, которая находится в вашем воспринимающем, *свидетельствующем* субъекте, организовать и подчинить концепции политической борьбы *братства* и так далее, необходим специальный закон. Не тот закон, который юристы и дети юристов принимают под себя в думах и парламентах, чтобы лучше грабить людей, быть более неподсудными, неподвластными и так

далее, а подлинный закон, который является уставом, «уставом армии». Армия же не может быть партизанской бандой. Что отличает армию от партизанской банды? Устав. Устав пограничной службы, фронтовой службы, устав тактических манёвров, устав караульной службы и так далее.

Этот «устав» является законом, низведённым Всевышним исключительно для организации тех, кто образует «малый отряд». Он называется «шариат». Шариат – это способ самоограничения глины в интересах внутренней искры святого Духа, то есть Духа Божьего, который на самом деле иначе называется Святой Дух. Частица Святого Духа в нас.

> *Если вспомнить Достоевского, Великого Инквизитора и вспомнить, как дьявол начинает совращать Христа в пустыне, то он пытается его совратить, используя три момента: благо, тайну и меч Цезаря. То есть, соответственно, тайна – это традиционное знание, меч Цезаря – это политическая власть, и благо – это просто благо… Как мы помним, Христос от всего этого отказывается и делает упор на любовь. Не кажется ли Вам, что имеет смысл сделать упор на любовь в таком теологическом ключе, а не на волю к власти или волю к смыслу?*

Проблема-то в том, что надо знать, что такое *любовь*. А знаете, что такое любовь? Любовь, согласно Евангелию, это «нет выше, аще кто положит душу свою за други своя». То есть это воля к жертве или воля к смерти – высшая стадия пассионарности. Это и есть любовь. Если вас такая любовь устраивает, то она может быть названа «волей к власти». Потому что пассионарность проявляется как: а) воля к власти; б) воля к смерти; в) воля к самопожертвованию. И это три лика одного и того же.

«Амальгама», я так понимаю, это душа?

Мы называем это «душой», но в действительности, если говорить строго, то представьте себе глиняную куклу, и в этой глиняной кукле вы иглой прокололи дырку, и в этой дырочке глины нет, и эта глина

общается с глиной снаружи. Глиняная кукла реагирует на глину снаружи. Но пока она всего лишь глина: камень – среди камней он камень. А эта дырка – она есть точка несовпадения ни с чем.

Вот глаз не видит себя иначе, как в зеркале. То есть он всё видит, он является средством «виденья», но себя он не видит. Сознание всё свидетельствует, но про себя ничего не знает. А в каком зеркале сознание может найти себя? В зеркале языка. Язык есть то зеркало, в котором сознание может себя обнаружить и обнаружить себя именно как смысл, точнее, как понимание, связанное со смыслом.

Потому что понимание – это очень сложный феномен. Как человек понимает, что «он понимает»? Почему в нём появляется обратная рефлексия на себя? То есть он, допустим, читает, и он одновременно понимает, что он читает, о чём читает, видит себя читающим. Искусственный интеллект по своей внутренней субъективной природе не отличается от химической реакции в стакане воды. Вот там мощнейшие серверы стоят с искусственным интеллектом, а здесь я бросил аспирин в стакан, – и это абсолютно *однозначно* на уровне феноменологии.

> *Тогда получается, что сознание – это инструмент души?*

Сознание – это и есть душа. Неповторимая, уникальная и так далее. Вот Дух – это нечто другое. Но мы называем «дух, который вообще», который является субтильными слоями той же глины, который переживает распад тела, но при этом тоже субстанционален, – это просто «дух». А вот то, что «душа» или «сознание» – это Святой Дух, это то, что называется *Рухулла*. Это та частица, про которую Аллах говорит, что Он вложил «мин Рухи», то есть «от Своего Духа» («от Моего Духа»).

> *А как же противоречие между внутренним «я» и внешним? Это чисто только психология, это не связано с душой и сознанием?*

Когда ребёнок рождается, у него есть зачатки телепатии. Как он язык изучает? Как человек осваивает язык? Если бы у него не было телепатических элементов, возвращающих его к Золотому веку, то он

не смог бы ничего выучить, потому что, когда мы во взрослом состоянии учим, у нас уже есть один язык, и мы берём словарь. А у ребёнка-то нет такого словаря. Как он поймёт, что «стол» – это стол, именно «стол» как стол (с содержанием), или «попугай» – попугай, «игрушка» – игрушка, «мать» – мать. Как он внутреннюю сторону слов понимает?

Он понимает через телепатию. Но пока у него нет языка, он чистый кусочек мяса, как животное. Если он попадёт, как Маугли, к волчице на воспитание – уже всё: через два года его не научить языку, он будет зверем. То есть у него автономной человеческой сущности, самостоятельной эссенции нет. Она наводится на него через язык.

Но он всё равно несёт матрицу, а матрица – это компромисс между Бытием и адамическим посланием, это не чистое, заданное от Адама. Потому что есть ещё воля Иблиса, «мудрость»; жрецы закладывают туда определённые значения. И вот компромисс возникает: древнеегипетская, индийская цивилизация – то, что мы называем языческой метафизикой, язычеством или язычеством в современном мире. Эта матрица, она – компромисс.

Получается, что человек получает язык уже в значениях компромиссных. Не чистых, а компромиссных. То есть его дрессируют на определённые искажения, на принятие миропорядка вещей, который является бытийным, где альтернативы нет. Он в это врос, а потом у него вопросы возникают, недоумения. Почему?

Потому что в нём есть за счёт языка, в нём наводится, открывается это *свидетельствующее нетождество*. Оно как зайчик солнечный, оно хрупко и эфемерно. Убрать зеркальце, и его не будет – чёрная стена. А пока оно есть, оно входит в конфликт с тенями, с чернотой этой стены, со всем этим входит в конфликт. Этот солнечный зайчик обладает как бы собственным притяжением – он же получает поддержку ещё…

К кому обращается Писание, Откровение? К этому солнечному зайчику, к этому блику, к этой *точке нетождества*. То есть это весть от Джибриля, которая приходит к этой точке нетождества здесь, через Книгу низводимую. Возникает такой мост. И если человек следует за этим, то есть следует «малым отрядом», становится в общину Адама, в общину Мусы, в общину Мухаммада (мир им всем), то тогда он начинает приходить в конфликт с матрицей, в конфликт с Бытием.

Следует чему?

Если он следует этому *благовестию*. Тогда он начинает приходить в конфликт с Бытием, тогда он сразу становится «экстремистом», тогда его начинают «прессовать», тогда он уже является деструктивным элементом. Но он понимает, что его убьют, но зато он будет воскрешён Всевышним. И этот дрожащий солнечный зайчик в нём уже будет не зависеть от зеркальца, а будет самостоятельным, независимым, он будет Бытием в себе – реальностью в себе, точнее.

(вопрос не слышен)

Проблески братства были рассеяны после того, как были разгромлены эсхатологические религиозные секты, боровшиеся за социальную справедливость в XIV–XVI веках, – такие как катары, богомилы, альбигойцы, гуситы, табориты, последователи Мюнцера. Это пример как раз того, о чём я говорю – это пример Запада, – мы не трогаем сейчас исламский мир, Ближний Восток.

Я говорю о том, что известно только из истории Европы. Это прежде всего история религиозных сект. Потом приходит Маркс и говорит, что борьба за социальную справедливость раньше одевалась в религиозные одежды, это перверсия, извращение, это такая аберрация, мы поставим всё с головы на ноги, сорвём эти религиозные одежды, вернём всему этому практический, экономический смысл и так далее. И на двести лет борьба за социальную справедливость вырубается из правильной теологической ориентации.

Но у людей-то всё равно же остаётся этот инстинкт, то есть теологический инстинкт всё равно живёт в подкорке, в подсознании, в воле, и поэтому элементы братства проявляются. Они проявляются у Махно, они проявляются у эсеров, у народовольцев, они проявляются в республиканской Испании, то есть проблески этого есть. Но это, конечно же, слабые и обречённые на поражение проблески, потому что победить может только совпадение внутреннего с внешним, когда идеология, действие, цель и подразумевание совпадают в идеальном резонансном плане. Если у вас сердце религиозное, а в голове прибавочная стоимость, то вы просто запутаетесь и в результате всё

пойдёт по кривой, а потом рано или поздно чекист вас расстреляет в подвале.

А как же быть с тем движением, которое провозглашало: «Да здравствует смерть!» (как раз тоже на территории республиканской Испании)?

Но они инстинктивно чувствовали… Только я не нашёл у них объяснения, почему «да здравствует смерть». Несомненно, это религиозный тезис, но они не объяснили, почему «да здравствует смерть». Они не объяснили, что *смерть – это инобытие здесь-присутствующего сознания*, то есть чистой жизни во свидетельствовании. Они этого не объяснили. Они не объяснили, что «я мертв, следовательно, существую», – это братство, основанное на том, что смерть – это последнее, финальное, отрицательное подтверждение уникальности каждого. Как одна женщина – по крайней мере, когда не было последних медицинских технологий, – не могла родить вместо другой, и один человек не мог умереть за другого (и сегодня тоже не может).

За меня никто не умрёт – я *лично* умру, это моя исключительная, уникальная ситуация. И это подтверждение моей нетождественности ничему, *неповторимости*. А эта неповторимость есть база оппозиции универсальному, есть база свободы, есть база тому, что ничтожит, упраздняет и так далее. Это мой билет в Смысл. Но он должен быть актуализирован, как бы «капитализирован», то есть на него надо печать поставить. Если я просто говорю «у меня есть билет» и смутно чувствую, что эта бумажка что-то значит, но объяснить этого не могу, то отберут бумажку, дадут пинка – и всё.

Понятие кармического закона присутствует только в метафизике, или в теологии оно тоже присутствует?

Дело в том, что «кармический закон» – это настолько низкий уровень бытийных соответствий, что его можно рассматривать как составную часть физики. То есть это причинно-следственные «сцепки», которые существуют на очень грубом плане феноменологии. Можно сказать, что там есть действие-противодействие, но оно может быть в «физикальном», а может быть и в энергетическом плане.

Но опять-таки, все законы, которые мы знаем, – имеем в виду о внешнем мире, – это законы, которые построены в соответствии с принципами языка. То есть, иными словами, нет ничего, никакой реальности, которая не была бы проговорена и осмыслена, потому что она может быть проговорённой и осмысленной. Всё, что мы знаем и видим, есть то, что нам дано через язык. А язык – это просто система описания хаоса.

Как произойдёт конец человечества, которое «не задалось» и не попадает в эсхатологическое завершение? Как это происходит? Это значит, что все люди просыпаются в определённое утро и никто не помнит ни одного слова – языка нет: они открывают глаза, смотрят на шкафы и занавески, но они не помнят, что это называется «шкафом», «занавеской», поэтому они не видят ничего. Они видят только пятна, потому что если вы не знаете, что это называется «стена», «выключатель», «дверь», то вы этого не видите. Вы видите только пятна. Это «пятна Роршаха». Они организованы в стройный мир за счёт языка. То есть нас, как детей, научили. Никакие кошки, собаки никаких стен, дверей не видят. Они находятся в экологической среде, в своей экологической нише, и там посыл – ответ, посыл – ответ. А мы не имеем даже таких способностей: если убрать язык, то мы и в экологической нише не будем. И все люди мгновенно превращаются в пыль, в ничто. Потому что язык – это то, что делает нас людьми.

Существуют шииты, сунниты, салафиты. Какое направление, по Вашему мнению, более истинно?

Я считаю, что только *политический ислам* является подлинным выражением чистого ислама, ислама нашего Пророка (да благословит его Аллах и да приветствует). Тот ислам, который он принёс, – ислам, который был в Медине, – это политический ислам, потому что это *ислам джамаата*.

И там не было Сунны, потому что Сунна – это традиция. Сунна появляется после того, как уже существует отлившееся, отчеканенное предание. Сунна – это предание, традиция. А было живое присутствие Пророка (да благословит его Аллах и приветствует) с его живым наставлением. Сказано в Коране: «Повинуйтесь Аллаху, его посланнику и тем из вас, кто обладает амром». Но *амр*, которое

переводят как «власть», это не власть, это «приказ» или «дело». То есть тем из вас, кто обладает делом, тем из вас, кто обладает *импульсом к деянию*. Вот им, из вашей среды, – не кому-то, кто пришёл…

Поэтому политический ислам предполагает создание чётко сформулированной идеологии, соответствующих школ и соответствующего распространения этого типа сознания по всем направлениям.

Я вас уверяю, что поскольку политическая идеология является настолько же превосходящей все остальные формы интерпретации, как автомат Калашникова превосходит столовый нож, то даже небольшое количество подготовленных в политическом исламе людей с лёгкостью соберут критическую массу последователей, – без маргиналов и всех тех, кто туда не войдёт. Понимаете, это мы уже проходили.

Почему победил марксизм? Потому что марксизм оперировал такими категориями, по сравнению с которыми социалисты типа Прудона, утопистов, ранних эсеров «рядом не плясали». Аппарат мысли был совершенно другой. Поэтому в результате собирается Интернационал первый, второй, третий. А где вы слышали про интернационал народовольцев, интернационал эсеров, интернационал утопических социалистов? Такого не было. Это всё какие-то маргинальные движения. А Интернационал как система – это антисистема работающая, которая бросает вызов. Антисистема должна быть на базе стройной мысли, которая методологически выверена. Конечно, марксизм – это пародия на то, что должно быть. Нет, не пародия. Не было и пародии даже.

Поэтому я уверен: появление политического ислама в полном смысле слова – и никаких соперников у него не будет.

В политическом исламе поклоняются только Всевышнему, Аллаху. А это поклонение надо расшифровывать. Ведь слово «ибадат», которое переводится как поклонение, на самом деле – «служение». Вот, говорят, что «намаз» – это поклонение, ибадат, это чисто конфессиональный ритуал. Да нет, «ибадат» – это *служение*, всестороннее служение. То есть мыслить, мыслить правильно, теологически – это чётко значит служить. Служение имеет много разных форм. Служение имеет своей осью познание, понимание.

Я думаю, что есть насущная необходимость многие вещи разъяснять на практике: то теоретическое обрамление, которое мы

сегодня попытались сформулировать, носит очень общий ориентирующий характер.

Ислам есть ответ на проблему…[29]

19 января 2008

Ислам есть ответ на проблему, – проблему, которую, для того чтобы понять, каков на нее ответ, нужно уяснить в ее полноте, в ее динамике.

Для того чтобы начать подходить к этой проблеме, следует представить себе человека как чисто антропологическое создание, свободное от всех привходящих элементов, которые покрывают его как некая шелуха, то есть мы его освобождаем от социологических, экономических, родоплеменных и прочих оберток. У нас происходит нечто подобное началу фильма «Терминатор», когда из другого измерения к нам вброшен голый человек, который из «седальной» позиции разгибается, выпрямляется, встает и оказывается совершенно чуждым во враждебном мире. Некая единица, сформированная по определенным чертежам, обладающая определенной экзистенцией, весом, но вброшенная в то, что называется в широком смысле *не-Я*.

В отличие от «терминатора», который приходит на данную площадку, уже заряженный проектом, оружием, готовый и так далее, антропологическое существо – человек – рождается не только в смысле того, что он новорожденный, но и в более глубоком, фундаментальном смысле, абсолютно как улитка без панциря, совершенно незащищенный.

Он сразу испытывает на себе вызовы различных типов, которые начинают его угнетать. Мы пропускаем здесь влияние школы, семьи, общества и так далее, – мы представляем себе, как в «Повести о Хайе ибн Якзане»[30]: там из ила поднимается человек, и он доходит до полноразмерного состояния, обладает мыслью, обладает развитыми органами чувств. Антропологическое существо – человек – обнаруживает, что перед ним две площадки, на которых его вынуждают играть – две площадки с разными правилами. От него не зависит – играть – не играть на этих площадках, потому что это жесткие первичные фундаментальные вызовы. Одна площадка связана с другой, но они разные.

Что это за площадки? Одна площадка – это площадка *опыта*, площадка перцепции. Человек обнаруживает, что его чувствующее *Я* находится в окружении среды чувственных феноменов, в которых первоначально даже он не может разобраться на ранней стадии своего становления: что из них является вполне *внутренним*, то есть относится к его ощущениям телесным, а что является вполне *внешним*, то есть находится за границами его тела.

Это перцепция неких феноменов в их сыром виде, как «пятен Роршаха», которые действуют на него в своем хаотическом многообразии. Можно было бы их проигнорировать: закрыв глаза, например, попытаться отключиться, но эта площадка не дает ему сделать, потому что среда давит, она *имплозивна*. Можно себе представить такого «антропологического» новорожденного человека как некую точку, по отношению к которой со стороны периферии вытянуты стрелки, «прессующие», давящие эту точку, – развивается давление колоссальной мощи, которое в пределе грозит поглотить, аннигилировать эту точку, отличающуюся от среды. Она «схлопнется», и среда восстановит свою гомогенность. Естественно, человек – раз уж он вброшен – заботится о том, чтобы противостоять этим страшным силам давления.

Есть вторая площадка, тесно связанная с первой, с перцепцией: это площадка *мысли*. Мысль имеет совершенно иной вектор. Это *эксплозивная* площадка, потому что мысль есть стрелка, которая от субъекта, от этого «антропологического» человека – антропологической «улитки», обнаженной, вброшенной в чуждую, враждебную среду, – стрелка, которая идет от центра наружу.

Мысль есть свидетельство и доказательство того, что человек занимает центральную позицию посреди всех этих хаотических феноменов. Это доказательство равноудаленности человека от любого явления, любого предмета. Лиса, кролик, летучая мышь не могут иметь мысли по одной причине: они включены в экосистему, они включены в экологическую нишу, в которой они жестко забраны в двоичную систему посыл-рапорт. Экосистема действует сигналом, и данное существо – летучая мышь или кролик – отвечает ответом. Там не существует проблемы интерпретации, проблемы оценки, проблемы интеллектуальной картинки, то есть проблемы распознавания «пятна Роршаха» как чего-то иного, отличного от того, какое оно есть в своей

конфигурации. Кролик не может сказать: «Это ель», – потому что для него это не ель, а сигнал его экосистемы, которая принципиально отлична от того, как ель воспринимают любые другие существа: жуки, белки, дятлы и так далее. Это некая очень «узкая полоса прохождения сигнала».

У человека нет экосистемы. Человек вне экосистемы, поэтому для него сигналы в своем непосредственном «пятнисто-роршаховском» звучании ничего не значат. Поэтому он вправе устанавливать отношения между этими равноудаленными сигналами через самого себя.

Мысль есть прежде всего *определение*, прежде всего интерпретация. Это интерпретация, которая связана с тем, что человек – не будем говорить, по подсказке Всевышнего или потому, что его научили «семья и школа», – наделяет окружающие его «пятна Роршаха» «смысловой нагрузкой» и так далее. То есть через некоторое время он вправе сказать: «Это – стол, это – ель, это – кукла, это – ванна, это – родители» и так далее. «Пятна Роршаха» получают интерпретацию.

Интерпретация есть всегда *утверждение*. Мысль в основе своей – из чистого *утверждения*. Опыт не является *утверждением* – он загадочен в своей сущности. Совершенно непонятно, что это такое – те ощущения, которые мы испытываем. Представьте себе, что не было бы, например, ни культуры, ни литературы XVIII–XIX веков, занятых детальной разработкой психической жизни индивидуумов в современном мегаполисе. Даже возьмем шире – литературу с её романтизмом и так далее. Если бы человек не проходил в школе ни «Евгения Онегина», ни «Героя нашего времени», ни Гюго, ни Золя, ни Достоевского, то он, встречаясь, например, со вспышкой ревности в себе, просто не знал бы, как это назвать, – а он видит, что у него уводит его подругу какой-то чужой молодец. Он испытывает некое горение и гнев внутри себя, но он не знает, что это ревность, ему никто не обозначил и никто не сказал: «Смотри – ты ревнуешь». Гнев – то же самое. Он не знал бы, как его назвать, он не знал бы, что испытывает гнев, что он испытывает тоску, томление и массу других психических ощущений, – я уже не говорю о более примитивных или более сложных вещах, – то есть все эти вещи должны быть осмыслены и названы, потому что ощущение психического типа – это такой же

феномен и такое же непознаваемое «пятно Роршаха», как встреча с горячим утюгом впервые. Это нечто радикально *внешнее*, радикально чуждое, радикально *непонятое* и непознанное, и от того, что оно – внутри моего сердца, ни жарко ни холодно, если я не знаю, *что* это такое.

Воспитание чувств – это прежде всего воспитание терминологии и идентификации этих чувств. Но тот человек, который начинает играть на этих двух площадках, сталкивается с очень серьезной проблемой. Площадки эти не только разные, но в определенном смысле они враждующие. Они действуют по разным правилам. Человек обнаруживает, что, играя на обеих, он проигрывает на обеих же.

Что человек обнаруживает, играя на площадке опыта? Будем говорить так, как если бы его опыт был уже определенным образом осмыслен, но не так, как осмысливает его мысль в неких «операционных» терминах, а неким обобщенно-отвлеченным образом. Когда человек видит вещи, он не знает, что это за вещи, но он видит, что эти вещи возникают и исчезают. Они приходят и уходят, вещи стареют, изнашиваются и, наконец, выпадают из непосредственного восприятия, и о них забывают.

Он ставит перед собой вопрос: а что же является *подлинным* в моей перцепции? Ответа может быть три, даже четыре. В принципе, четыре, но четвертый – уже продукт некоего «сверхпреодоления» границы.

Первый ответ: *подлинными* являются *вещи в их возникновении*, то есть их «цветение», «фюзис» – от этого слова происходит физика. Вещи, когда они рождаются, они «юны», они хороши, а опознать, что вещь свежая, хорошая и на «восходящей фазе», может даже человек, который не знает интерпретации имени и предназначения вещи. Это опознается непосредственным инстинктом. Это есть *подлинное*, но потом каждый является свидетелем того, что эта вещь, побыв подлинной, как некий цветок, расцветший утром, вечером увядает.

Тогда второй ответ, что *подлинным* является все-таки *увядание*. Таким образом, возможен «культ цветения» и «культ увядания». Очевидно, что третьим ответом будет баланс того и другого, то есть *синтез цветения и увядания* в их непрекращающейся и струящейся гармонии. Это и есть искомый ответ: вот оно – подлинное, то есть,

условно говоря, природа. Но и в этом ответе есть нечто глубоко неудовлетворительное, потому что человек никоим образом не может приложить позитив природы к себе как к некой точке, на которой происходит сбой и «торможение». Он-то не есть часть природы. Ну и что ему от того, что природа – это прекрасный синтез цветения и увядания? Он-то сам будет просто скошен и уйдет, как одна из этих единичных вещей. Проблематика человека, его ставка на площадке опыта не получает решения, не получает удовлетворения, не получает выигрыша от «синтетического» ответа.

Тогда человек делает четвертый ход – огромной силы и глубины, который во многом предрешает цивилизационный путь на тысячелетия. Он говорит, что есть еще *нечто* в этом процессе исчезновения и возникновения, в этом синтезе становления и ухода, – *нечто* как некий остаток, который не участвует в этом бурном процессе, который просто остается равным самому себе, – некий остаток, который никому не тождественен, иррационален, но ощущается как *то, что всегда есть*. Это всегда есть сквозь все. Этот четвертый случай человек тяготеет назвать «Бытием».

На осознанном плане, именно как философ, это сделал впервые Парменид, который сформулировал понятие «бытие» как концепцию и обозначил иррациональность и возможность интуирования того, что такое Бытие, этот неуловимый остаток во всем, который самодостаточен, есть всегда и везде, и понять и почувствовать это можно только в особом состоянии. При этом есть вторая площадка – площадка мысли. Она постоянно жалом или усиком, щупальцем, выбрасываемым из этой антропологической «улитки», зондирует каждую вещь. Каждая вещь получает свою расшифровку: «Это – ель, это – белка, это – цветочки, это – моя жена, это – мои дети» и так далее.

Вопрос: а так ли это? Справедливо ли любое утверждение такого порядка? Любое частное утверждение о том, что «естественно»? В конечном счете наступает кризис этих перманентных утверждений о частном, которые достаются в наследство человеку непонятно откуда и переданы «по традиции». Человек просто изучает язык, находясь в колыбели, от отца и матери, среды, а язык – это и есть такой аппарат мысли, который дает ему готовое определение.

Но этот аппарат мысли работает не в полном сцеплении и не в полном отождествлении с площадкой перцепции, с площадкой опыта. Тогда у некоторых особо «продвинутых персонажей» возникает идея, что эти площадки надо совместить: необходимо совместить опыты мыслей.

Каким образом добиться того, что мысль получает статус истины? Она должна выйти на *утверждение, которое неоспоримо*, она нуждается в некоем безусловном, неоспоримом *утверждении*. Мысль должна быть такой, чтобы можно было сказать «это» – и дальше гигантский вопрос.

Что дальше, каково это *абсолютное утверждение*? Тогда наша антропологическая «улитка» отвечает на это так: *абсолютное утверждение* должно быть таким, чтобы у этого *утверждения* не было альтернативы, чтобы его нельзя было опровергнуть альтернативой, инвариантом, нельзя было сказать, что параллельно с этим существует еще что-то, поэтому это *утверждение* так же условно, как и следующее.

Иными словами, *знание должно быть таким, чтобы его невозможно было отвергнуть*. Да, знание предполагает возможность все отвергнуть: это ель, а может быть, не ель, а может быть, это эвкалипт, а может быть, ель – это просто фиктивное название, это просто дерево, – люди придумали – а может, и не дерево вовсе, а некая форма жизни. *Утверждение* должно быть таким, чтобы рядом с ним не возникало *параллельного* абсолютного утверждения.

Великие умы пробовали подойти к этому вопросу с разных концов. Например, они примеривали идею универсального «всевыведенного из площадки опыта». Интуиция *всеприсутствия*, которое не выводится с исчезновением прихода вещей. Они примеривали это на какие-то конкретные данности. Например, они говорили: «Все есть вода» или «Все есть огонь». Нет, потому что рядом с водой есть что-то еще, а раз так – утверждение не абсолютно, это не все, и, вообще говоря, получается ерунда.

Тогда явилась мысль, что это все нужно избавить от конкретики, – универсальное «пусто». Универсальное пусто и в конечном счете универсальное абсолютно апофатично и непостижимо, и тогда к нему ничего другого не приставишь.

Когда есть мысль о том, что есть *первоединое*, у которого нет рядом ничего, что стояло бы до и после и как бы это ограничивало, тогда получается *правильная* мысль, *абсолютное утверждение*.

Есть одно «но». Мешает первая площадка – площадка опыта. Есть мыслящее, свидетельствующее *Я* – куда его девать? Потому что если есть Абсолют, то каким образом я в данный момент могу о нем свидетельствовать? Если я о нем свидетельствую, то я в данный момент не являюсь с ним тождественным: в противном случае никакого свидетельствования не будет. А если я не являюсь ему тождественным, значит, я его ограничиваю, значит оно – не Абсолют.

Трудно себе представить, насколько эта мысль выглядит очевидной на первый взгляд, но трудно себе представить, насколько эта мысль драматична и насколько она является постоянным мотором человеческой истории, человеческого интеллекта и человеческого духа. Потому что все традиционные метафизики учат своих адептов: «Ваше подозрение о том, что вы существуете вне Абсолюта и свидетельствуете о нем, не будучи ему тождественными, – это иллюзия, это впадение в грех невежества, в *авидию*[31], потому что вы будете слишком далеко от него и просто не понимаете, что вас *нет*. Точнее, по большому счету, вы есть он».

Иными словами, жрецы всех традиций учат своих последователей, что их самоощущение себя как мыслящих *Я* в данный момент, которые готовы и способны отразить какую бы то ни было реальность заведомо, – в том числе и реальность абсолютной бесконечности, – их самостоятельное существование есть ложь. Нет этого самостоятельного существования, есть только универсальное и тотальное *Всё*, которое апофатично, не имеет квалификации, поглощает все и является верховным и последним тождеством.

Правда, чувства, опыт противятся этому. Логика нашептывает каверзные вопросы: а каким же образом все-таки этот Абсолют попускает, чтобы на секунду возникла такая иллюзия? Если она – иллюзия, то в ней какая-то доля правды все-таки есть? Ведь есть же некая комната, где сидим все мы, – я это все ощущаю, но пусть это иллюзия, – но как же Абсолют, самодостаточный и дифференцированный, это попускает?

На это существует очень много умных и сложных ответов, разработок – «сансара» и прочее, – но все они в конечном счете не

убеждают, потому что плетью обуха не перешибешь. Вот я, и если я – не Абсолют, то Абсолют не так безграничен, как он на это претендует. Это первый срыв площадки, на которой работает мысль, это катастрофа мысли, которую предлагается заполнить посвятительным изотерическим путем прохождения через очень глубокие системные отречения от того, что *здесь и теперь* – это *здесь и теперь*.

Иными словами, возникает деление между непосредственным опытом человека, который родился, и тем результатом, к которому он должен прийти в результате долгого просветительного пути. И возникает принудительная позиция тех, кто этот путь прошел или намерен пройти, по отношению к тем, кто настаивает на очевидности «первичного восприятия», первичной логики, – не опыта в его суровом виде, а «первичной мысли».

А ведь остается еще вторая площадка, которая также проблемна. Что значит четвертый ответ: «Подлинным является тот остаток, который не участвует в становлении и *неисчезновении*, и он-то и есть *подлинное* Бытие»? И есть ли Бытие – Абсолют? Можно ли связать тот Абсолют, который претендует на *бесконечность*, с этим кусочком, с этим остатком, который ни в чем не участвует, перманентно равен себе?

Огромная работа в этом направлении ведется тысячелетиями и составляет содержание классических цивилизаций, – цивилизаций древности, средневековья, современности и практически во всех географических регионах. Эта работа ориентирована на то, чтобы провести знак равенства между тем, что положено как *гипостезированное* Бытие, то есть выведенное в качестве *несводимого ни к чему* – ни к становлению, ни к конкретике, – и вот этим «Бытием, равным самому себе». Всегда и везде сделать его тождественным этому абсолютному утверждению, которое должно задаваться мыслью через все логические оговорки и вопреки им. Есть очень много в этом плане ухищрений, но в результате все они сводятся к тому, что Бытие и сознание – должно быть, одно и то же.

В частности, если мы имеем дело с *частными утверждениями*. Что такое частное утверждение? «Это – ель». Конкретная елка исчезает, но утверждение «ель» не исчезает. «Ель» как идея – *неисчезающая* идея. *Якобы неисчезающая* в контексте сиюминутной человеческой программы. Значит, есть идея «ели», а если представить

себе, что есть «идея всех идей», то не это ли ответ на вопрос о том, каким образом можно выйти из потока хаоса исчезновения и становления?

«Идея всех идей», она же – Бытие, она же – сознание. Тут мы ступаем как раз на любимое поле платонизма, который формулирует эти крайне обаятельные и привлекавшие многие поколения незаурядных мыслителей ответы. Мы попадаем на заранее накатанную дорогу, когда оказывается, что субъект – это всего лишь негативный оттиск объекта, познание есть совпадение «штампа» и «оттиска», слияние их в экстатическом познании, когда не существует ни объекта, ни субъекта, а есть непосредственное переживание, выходящее за рамки всяких разграничений, которое является *безальтернативным знанием*.

Тем не менее проходит некоторое время и оказывается, что две эти площадки так и не удалось свести воедино. Две эти площадки продолжают работать по собственным правилам. Приходят новые поколения, которые снова и снова бросают вызов и снова и снова говорят: «Мы не понимаем, что такое *Бытие*, и мы не понимаем, что такое *истина*». То есть *истина* в эпистемологическом смысле, безальтернативное утверждение которой абсолютно справедливо, и *Бытие*, которое есть то *подлинное*, что не связано с исчезновением, уходом, приходом, со всем этим потоком становящейся вокруг нас субстанции.

Неслучайно Авраам, когда он порвал со своим народом идолопоклонников и многобожников и обратился к поиску истинного Бога, перебрал очень много символов перманентности как то, к чему он мог бы прильнуть и чему он мог бы поклониться. Оказалось, что все эти символы не выдерживают ближайшего рассмотрения: вода высыхает, огонь тухнет, звезда гаснет, солнце заходит, то есть нет ничего даже не только из конкретных вещей, но даже из образов, которые позволили бы «инвестировать капитал» абсолютного доверия в этом направлении. Таким образом, во внешнем мире и, более того, в системе мироощущений индивидуума, брошенного в эту реальность, не остается ничего, заслуживающего этого доверия.

Но есть одна вещь, помимо здесь упоминавшейся смерти, которая является жестким пределом и жесткой онтологической точкой в конце пути каждого и которая является подлинной в негативном смысле

всегда и всюду, – есть еще нечто. У смерти есть тот «пропедевтический» минус, что она всегда случается с *другим*, пока не случится с нами, а если она случается с другим, то ее опыт всегда оказывается нами недооцениваемым или непонятым. Мы всегда по поводу смерти можем рассуждать, но мы не можем опыт смерти применить по отношению к себе, как уже имевший с нами быть, поскольку мы еще живы.

Но есть нечто другое, что позволяет обойти это ограничение и говорить не о слиянии двух площадок – мысли и опыта, а о некоем преодолении одной площадки другой в динамическом их противоборстве, – это страх. Точнее – испуг. Так мы выходим на совсем другой уровень понимания реальности.

Это очевидная вещь, которую переживал каждый. Испуг как шок обнаружения в темной комнате того, кого вы там не ожидали застать; испуг как шок, когда вас трогает рука другого. Как правило, этот испуг длится какие-то доли секунды, но шок на физиологическом уровне настолько силен, что затянись это чуть подольше – и привело бы к летальному исходу испугавшегося: это связано с выбросом адреналина и тому подобным, но дело не в этом.

Дело в интересном опыте, который происходит в момент испуга. В момент испуга происходит *освобождение от всякого опыта*. Каждый человек знает по себе или может вспомнить, когда он был испуган таким образом: в какой-то комнате, например, где никого нет, ждал, и вдруг за ним сзади кто-то шагнул, – он испугался, и в эту долю секунды комната и он и все перестало существовать, а все заполнилось неким черным присутствием *другого*. Потом человек возвращается в свое обычное состояние. Прежде всего он хочет сказать: ну, как ты меня напугал, какие глупости, и делает массу смешных и нелепых усилий, чтобы выйти из этого состояния стресса и забыть эту «черную дыру», внутри которой он оказался, потому что он оказался не с этим неожиданным *другим* в материальном облике друга или родственника, который так бестактно зашел посидеть в темной комнате, а на самом деле он оказался в *присутствии самого себя*, истинного себя, который опознан им как *другой*.

Если мы пойдем другим путем и будем смотре: «Ель не ель, стол не стол, сосна не сосна, но я-то – это я», – если мы будем смотреть с этой точки зрения и пустим острие мысли к себе как к некоему

предмету идентификации, как к «пятну Роршаха», как к феномену среди феноменов, который нуждается в приложении этого острия мысли, чтобы быть вскрытым и исследованным, то мы обнаружим, что иголка мысли бьет мимо цели. Внутри нас нет никого и ничего, внутри нас некая бездна, «Чёрная дыра», которая не является феноменом, не является субстанцией, не является ничем. Это просто чисто существующее вне времени и пространства.

Попробуйте помыслить, допустим, себя в длительности. Это не получится, потому что любая длительность распадается на отслеженный и спроецированный, объективированный кусок времени. Однако то, о чем мы говорим, – то есть подлинное, наблюдающее *Я*, – оно помещается вне длительности как некое, условно говоря, *данное здесь*, некое *никогда, данное теперь*. Это парадокс, это *другое*, и вместе с тем это и есть истинное *Я.* Как если бы вы внезапно обнаружили, что каждый из вас является луковицей, которую можно обдирать шкурку за шкуркой, и в конце концов мы приходим к чистому *отсутствию:* «А где же мальчик, и что тут было?» А тут ничего и не было. Лежат шкурки, лежат лепестки луковицы. Луковица исчезла, ее нет. Оказывается, что это – «смерть» луковицы: луковица вышла вон, иссякла и утекла ручейком. Получается, то, что было внутри ее как *она подлинная, как она сама*, и ее конец в виде ее *отсутствия* и *смерти*, есть одно и то же, просто мы его обнажаем.

На самом деле в испуге мы встречаемся с подлинностью онтологии и смерти, то есть *смерти как негативной верификации собственного присутствия*, потому что это есть единственная форма *присутствия*. Единственная форма присутствия базируется на чистом нетождестве.

Вы не можете судить о вещах, если вы сами – вещь, вы не можете знать, что вы лежите в куче камней, если вы сами – камень. Камень среди камней не знает ни о себе, ни о других. Он находится в глубоком *сне объекта*. Объект есть абсолютный сон, в который уходит все, что перестает оживлять этот момент нетождественности, а момент нетождественности не может быть *чем-то иным*, из *чего-то*. Момент нетождественности – это пустое пространство внутри луковицы.

Это «не *то* и не *то*», а фактически ноль в центре нас, который мы всегда опознаем как *другое* или как *другого*, когда мы сталкиваемся с ним в испуге. Поэтому встреча со смертью всегда носит характер

длительного и острого переживания того самого испуга, который мы испытываем в момент шока, но только как уже неизбывный ужас, когда мы погружаемся в когти того, что нас хватает мимолетно, допустим, на дачной мансарде на какую-то долю мига.

Почему по-французски агония смерти и называется *affres*, во множественном числе, то есть агония жути, агония страха, терзания страха? Потому что на самом деле это момент, когда точка отсутствия в центре нас является лимитом, рвущим последовательно все оболочки. Эта же точка является и предметом *абсолютного утверждения.*

Понять, что эта точка является предметом абсолютного утверждения или могла бы стать предметом абсолютного утверждения, – означает победить на площадке мысли. Просто подавляющее большинство тех, кто занимается этим вопросом, идет другим путем. Они настойчиво утверждают, что сознание и Бытие являются тождественными, они настойчиво утверждают, что «идея идей» представляет на самом деле онтологический фактор, который управляет смыслами и организацией феноменологического пространства. Это тупиковый путь, потому что, во-первых, он противоречит, как я уже в начале сказал, первичной логике, а во-вторых…

Предположим, что существует то самое Бытие как четвертый фактор, как то, что находится вне становления, вне исчезновения и даже вне баланса того и другого, как некий неизменный и рациональный остаток. Предположение, что это есть именно *Бытие как утверждение*, – будем честны: Бытие в данном контексте – это не более чем синоним утверждения. Когда мы говорим «Бытие», мы говорим о том, что нечто является выражением, – да, оно несет в себе коннотации *позитива*. Поэтому Парменид и говорил: «Бытие есть, небытия нет». Почему мы так уверены, что этот остаток, не подлежащий растворению, в процессе становления является позитивом? Единственное, о чем мы можем сказать, что он присутствует всегда *здесь и теперь*. Он есть здесь, он сквозит сквозь все, он не отпускает ничего от себя, но почему он – позитив?

Я, например, вижу в этом некое тотальное *это*, при соприкосновении с которым свидетельствующее *Я* впадает в сон и гаснет. Соприкосновение с перманентным остатком, который неуязвим

для процесса становления, – это соприкосновение с имманентностью, равной самой себе, которая на самом деле фундаментально отрицательна в своей сущности. То, что мы называем Бытием, отрицательно в своей сущности. Оно отрицательно в своей тайной сущности, потому что, будучи самим с собою через все остальное, оно не может быть ничем иным, как косой, которая ничтожит все остальное.

Бытие, конечно же, есть некая аберрация нашего подхода к тому, что является *перманентным*, но не может быть *отрицательным*. Поэтому если это отрицательное, тогда понятно, что и абсолютное утверждение по поводу Брахмана или по поводу Абсолюта не может быть самодостаточно, ведь «отрицательность» не самодостаточна. Получается, что если мы называем нечто «бесконечным», но при этом существуем в этой *бесконечности*, то мы называем нечто *бесконечное* негативным, поскольку оно существует как *бесконечное* не в себе, как не выпускающее из себя никаких других феноменов, а только *ничтожа*.

Бесконечность может быть *бесконечной*, только уничтожая альтернативу себе. В этом смысле Бытие и абстрактная умопостигаемая *бесконечность* совпадают, но они совпадают в страшном, негативном вызове человеку *не* в той прекрасной системе выигрышей на кону колоссальной онтологической игры, когда человек выходит на уровень соприкосновения с подлинным неотменяемым Бытием, – как ему казалось бы. Нет. Правда заключается в том, что последний виток игры на первой и второй площадках приводит его к негативу, из которого не было бы выхода, если бы не тайна *другого* в центре его самого, которая его пугает и которая уничтожает, но которая есть что-то, что не сливается ни с этим остатком в виде Бытия или имманентного *это*, ни с этой абсолютной негативной *бесконечностью*.

Мы думаем об абсолютной *бесконечности* и можем ее представить себе. Мы можем «интуировать» остаток, который существует во всех становящихся и исчезающих вещах только потому, что внутри нас есть эта пустота, этот *другой*, эта «Чёрная дыра», которая не относится к ним обоим, которая не участвует в этой игре, которая есть кто-то *другой*, которая не тождественна. Это принципиальная нетождественность, которая находится только внутри нас, больше нигде.

Точка, которая не совпадает ни с *бесконечностью*, ни с Бытием, ни со становлением, ни с исчезновением. Это точка абсолютной и принципиальной независимости. Эта точка никому не известна, кроме как в момент испуга, и она не опознается как таковая, и никто не может нам объяснить, что это такое, как не могут объяснить пэтэушнику без помощи Золя педагоги, *что* он испытывает в качестве эмоции. Если бы не авраамические пророки, не цепь пророков, идущих от Адама, – эта уникальная эксклюзивная цепь, которая является красной нитью, протянутой через глиняную ночь всего человечества.

Все человечество из глиняной куклы, – оно костенеет в своей «ночи объектности» и обладает определенной психикой, определенными тонкими субстанциями, определенной способностью реверберировать с какими-то зонами, звуками и так далее. Люди есть не более чем глина *вне этой точки*, которая в них открывается только в соприкосновении с зовом, исходящим из этой цепи пророков. Каждый из пророков говорит об одном и том же.

Есть страшная ночь *бесконечного*, которая поглощает все и делает бессмысленным все, но есть *нечто*, что эту ночь ограничивает, потому что эта ночь не самодостаточна, потому что она абсолютно негативна. Есть нечто, что ограничивает эту ночь, и факт этого ограничения есть факт вашего присутствия и слушания меня в данный момент.

Почему пророки находят последователей, когда они выступают с призывом перед довольно циничными и довольно конкретно мыслящими людьми? Почему-то кто-то слушал Моисея, почему-то кто-то слушал Мухаммеда, мир над ними всеми, почему кто-то прислушивался к Аврааму? Потому что им удалось заставить этих конкретных, циничных людей пережить в непосредственном ощущении, что устами этого человека, который такой же, как они, – не чудотворец, не спустившийся на землю Аполлон, а обычный человек, – устами этого обычного человека с ними говорит тот, *другой* внутри него, который его напугал, допустим, предыдущей ночью, когда он вошел к себе в глинобитную. Он оглянулся, но никого нет. И только через некоторое время он сумел умерить сердцебиение, успокоиться, прийти в себя и постараться забыть об этом.

И вот перед ними выступает *некто*, кто является устами этого вчерашнего *другого*, испугавшего его. Они видит, что – да, этот *другой*,

который был я, во мне, и он сейчас говорит через уста *этого*. Это настолько очевидно, что не может быть даже отброшено, отринуто. Это непосредственный опыт.

Этот непосредственный опыт связан с тем, что в каждом из нас есть виртуальная точка, связывающая нас с нашим праотцом Адамом, который был глиняной куклой, но в которого Всевышний вложил искру собственного Духа, а искра Духа Всевышнего есть чистая *точка отсутствия* – «Чёрная дыра» несовпадения ни с чем.

Внутри каждого из нас есть эта точка, но мы не можем о ней знать, поскольку все, что мы знаем, – это соприкосновение с плотными или тонкими веществами. Зеркало знает только свет, но оно не знает о Чёрной амальгаме сзади себя, оно не подозревает о том, что, если бы не Чёрная амальгама «за ее спиной», зеркало бы просто пропускало этот свет, как обычное окно, и не отражало бы его. Зеркало ничего не может нам рассказать о своем «заднике» и вообще о технологии оптики и оптических эффектах. Для этого нам нужен некто, кто находится с этой точкой в особой связи.

И таков Пророк, который представляет собой непосредственно вновь и вновь производящуюся парадигму Адама среди стада обычного глиняного человечества, которое годится только на то, чтобы услышать, что он говорит, и пойти за ним. Или превратиться в его врагов и всячески ему мешать и создавать «культурные проекты» и «цивилизации», у которых будет главная задача: замолчать и заболтать то, о чем говорят Адам и произошедшие от него пророки. Это вся человеческая история.

Таким образом, схематически говоря, вот все, что я говорил, исходя из первых тезисов: ислам есть ответ на проблему. Проблема обозначена в наличии двух площадок, застающих человека при рождении: площадки *перцептивного опыта* и *площадки мыслей*, и он проиграет на обеих, если не поймет, что есть встроенные в него перманентный ограничитель власти и перманентный ограничитель правил игры на том и другом поле. И только встреча со встроенным в него ограничителем может вывести его в победители в игре на обеих этих площадках. Эта проблема представлена мною крайне схематично – это понятно. Но за недостатком времени я не имел возможности говорить более пространно и глубоко.

Из ответов на вопросы

…Если исходить из того, что человек – это существо родовое, определенное тем, чему его научили в школе, а до этого в детском саду и прочее, то мы никогда ни к чему не придем, потому что мы будем «болтыхаться» только в неких программах, которые передаются из поколения в поколение социальной средой. Нам интересен антропологический человек в его подлинной яви, потому что социальная среда откуда-то ведь взялась. Если каждый рождается как *некто*, то почему из суммы этого *некто* получается социальная среда? Тогда мы должны прийти к концепции «культурного героя», который приходит к кучке дрожащих существ и вручает им полное и завершенное знание, которое следует передавать следующим поколениям. И все равно мы приходим опять-таки к антропологической модели, очищенной от социальной среды. Иначе мы будем заниматься только «периферийной» социологией и все.

…Все, что я говорил, я говорил именно о Боге. Бог нам дан в *абсолютном неведении о Нем*. Это абсолютное неведение о Нем есть тот самый бесконечный негатив, который утверждается как *бесконечность*, как бездна, как *отсутствие*, как то, что ничтожит, является бездной без надежды, без шанса и без остатка.

Бог, о котором есть это неведение, присутствует как нетождество этому абсолютному неведению, а это нетождество выражается в том, что Он *не есть тот, кто это неведение создает и поддерживает*. Именно эта точка и есть след Бога, как отпечаток босой ноги, – та точка внутри нас, то есть *точка несовпадения.*

Когда в этой точке несовпадения, через эту точку несовпадения, приходит Откровение, то Откровение приходит Пророку и обнародуется через Пророка. Все остальные, кто является объектами проявления этого Откровения, должны это принять.

И возможность принять у них есть только за счет того, что каждому из них в той или иной мере знаком, как я уже сказал, опыт шока или испуга. Если бы пророк напрямую апеллировал к смерти, то опять-таки: смерть работает только для тех, кто *уже* умер, она не

«оперативна» для живых. Здесь есть определенная возможность идентификации с этим опытом.

Тогда возникает феномен веры. Что такое феномен веры? Она неотрывна и неотъемлема от интеллектуальной воли. Да, *вера – это интеллектуальная воля*, то есть прежде всего воля, направленная на интеллектуальное, и имеет свое содержание. Она настаивает на том, во что она верит и что она полагает предметом веры. Вера есть предмет ежедневной работы. Это непрерывное возделывание. Это возделывание связи с тем, *другим*, внутри себя. Ему не нужно проявляться в темной комнате неожиданно, чтобы вы подпрыгнули и у вас потом руки тряслись. Вы вбираете этот опыт на сознательном уровне, вы устанавливаете постоянную связь, вы проецируете это как интеллектуальное полагание, и эта ваша работа, ваше возделывание внешнего мира.

…Все знают выражение «богобоязнь», то есть боязнь Бога, страх Божий. Это когда вы идентифицируете *другого*, который внутри вас, которого вы испугались, как божественное присутствие. Здесь есть два варианта: либо это вас ломает, и вы становитесь человеком, который боится делать шаг в сторону, потому что он знает, что его ждет наказание за ошибку. Он понимает, что он глиняный, что живет в ошибке, он совершает ложные ходы, и единственный его путь – это минимизировать возможную ошибку путем минимизации возможной активности. Он сужается, ссыхает и становится тем, кого мы классически знаем как так называемых «образцовых богобоязненных». Очень милых, очень уверенных, но ни на что не годных людей.

Другой вариант – когда этот же опыт шока берется как энергетическая затравка, как то горючее, на котором человек едет. Он становится проектором веры, а вера – это интеллектуальная воля, постулирующая то, во что он верит. «Я верю!» – дальше перечисляется: во Всевышнего, в ангелов, в пророков, в Писание, в Воскресение, в Страшный Суд. Это жесткое интеллектуальное постулирование. Он в это верит.

Почему он в это верит? Потому что он испытал шок *другого* внутри себя, он испытал ужас той пустоты, которая является не иллюзией, а сидит внутри его и которая рано или поздно его взорвет. Он сопрягает свою интеллектуальную формулировку с этим ужасом, соединяет их вместе, и его мысль становится площадкой для

проявления всех позиций взаимоотношения с миром через эту ось веры и ужаса, веры и ужаса. Отсюда растет воля к власти и воля к победе.

…Христиане порой упрекают ислам в том, что в нем слабо развиты «техники проверки Откровения». Дескать, в том же христианстве есть большая работа проверки Откровения: «Правда ли от Бога идет Откровение или нет»?

Тут есть определенное смешение понятий, некоторая аберрация, потому что в исламе Откровение одно. Последнее Откровение дано Пророком Мухаммедом, мир Ему, и больше Откровений нет. Все остальное – «возвышение до понимания», «вдохновение», «расширение груди», всевозможные техники, – это не Откровение. Проверять Откровения абсурдно и бессмысленно, потому что если вы не установили с ним контакт или не примкнули к установившим, то вы находитесь вне его, вы находитесь за пределом круга избранных. Проблема в том, что при помощи Всевышнего вы можете сделать себя избранным, если есть к этому достаточная личная воля. Если вы находитесь внутри этого круга, то это Откровение вы не проверяете, вы его принимаете. Вы не можете знать Бога живого, непосредственного, иначе как приняв его через Откровение конкретного Пророка, – будь то Моисей или Мухаммед, мир им обоим. Речь в данном случае идет о возможной проверке вашего личного опыта, личного вдохновения.

…На самом деле тревога есть бегство от страха и попытка разобраться с ним, разбавив его в разы. Этот вопрос как раз и решается страхом, потому что у верующего человека, который пережил шок абсолютного *другого* как самого себя, – это настолько страшный и разрывающий всякие пелены парадокс, что тревоги быть не может. Могут быть исключительно воля к власти и упование на Всевышнего в абсолютной свободе от проблем.

Вы и страх становитесь одно. Бензин, который является ужасом и кошмаром для плоти двигателя внутреннего сгорания, – это горючее, на котором автомобиль едет. Вы страх превращаете в собственное горючее.

И я же говорил не о страхе как угрозе конкретной опасности, а о шоке испуга, который связан с мгновенным вторжением другого в

самый неожиданный для вас момент. А когда на вас рычит собака – это совсем другое. Это страх, связанный с конкретикой ожидания укуса.

На самом деле все эти коннотации «психотерапевтического» плана – страх, испуг и так далее – очень плохи, потому что в семантике русского языка они имеют *психосубъективистский* характер. Если взять арабское слово «таква» – «богобоязненность», то корень его, хотя переводят как «богобоязнь», совсем не «страх». *Таква* – это переживание силы Бога в себе. Когда вы подпрыгнули от шока, что есть кто-то, кроме вас, в комнате, – вы пережили соприкосновение с силой Бога, вы впали в Его руки, а как говорит Библия, страшно «впасть в руки Бога живого». Вот это и есть «впадение» в эти руки, потому что это испытание на себе абсолютной силы как предела всему.

…Осознание небытия человека? Если вы осознаете небытие, будете бежать отсюда знаете до каких границ? Может, до самого Лондона. Вы подумайте, что такое «осознание небытия»? Не словами, а «по-настоящему».

…Богом люди называют разное. Мы только что говорили о том, что для большинства язычников «бог» есть синтез сознания и Бытия. Или для других – «встреча Бытия с самим собой». Для третьих это – «максимальное Бытие в чистом виде». На то и язычники, чтобы абсолютизировать объект. Дело в том, что эти объекты им никак не помогут. «Абсолютное» Бытие, даже если бы они ткнули в него пальцем, точно так же не поможет им, как «абсолютный» глиняный идол. Представьте себе глиняного идола, которого не объехать, не обогнуть. Его глина так тяжела, что если он развалится, то рухнет и задавит все человечество. От этого вам не легче, потому что максимальное «наличие наличного» никак вас не поднимает и никуда не выводит, оно вас не трансцендирует.

…Авраам первым начал уничтожать идолов. Он уничтожил идола, сделанного его отцом, мастером по изготовлению идолов. Он их разбил, чудом избежал кары от разгневанного народа и ушел.

Потом все авраамические пророки (мир им всем) практиковали разбитие идолов. Мухаммед, войдя в Мекку, первым делом закрасил все изображения внутри Каабы и разбил всех идолов, которые стояли в Мекке. Разбивание и уничтожение идолов – это общая черта всех авраамических пророков. Моисей, когда ушел на Синай получать первые Скрижали, вернулся и обнаружил, что его народ отлил золотого

тельца и стал ему поклоняться. Он вручил тогда половине народа мечи и приказал истребить другую половину, которая поклонялась. Поначалу он разбил первые Скрижали и должен был явиться за вторыми. Это конкретная черта всей авраамической цепи – уничтожение идолов. Это обязательная характеристика. На самом деле она предполагает очень глубокую вещь, потому что культура рождается из идолопоклонничества, а культура – это система подмены и имитации, которая уводит нас от реальной проблематики, от реальной жизни, – это и есть как раз культура. Культура тесно связана с идолами как заместителями реальности.

Если мы говорим о современности, это делает только ислам. Потому что ислам является реальной религией, а все остальное является культурной подменой – никаких буддистов и христиан нет.

…Ислам не отличает себя от всех религий Единобожия – в той форме, в какой они были даны пророками. Мы должны различать между Пророком – тем, что он принес, – и *конфессией*, которая исторически сформировалась на этом месте.

Ислам считает, что то, что принес Мухаммед, – это было восстановление того, что дано было Аврааму и потом Исааку и Исмаилу (мир им всем). Это восстановление *эсхатологическое* – уже под конец, под занавес истории. Есть конфессии, которые возникают на месте подвигов, совершенных пророками этой цепи, а есть язычники, которые пытаются изъять жало Откровения. Язычники пытаются переоформить, пересмотреть, что им принесено. Создают вокруг этого массу хитросплетений, интерпретаций, толкований, огромную теологическую культуру, в которой истинный смысл, принесенный Пророком, погребен. В конце концов ответом стала фиксация слова Божьего в Коране, в котором сохранено все до точки. При свидетелях все зафиксировано. Тора, как известно, была уничтожена в Вавилонском плену, потом ее восстанавливали, она вновь была уничтожена римлянами и восстанавливалась по обратному переводу, и сейчас письменная Тора бессмысленна без устной, а устная Тора в «корпоративных» руках класса священства.

Вы попадаете здесь в «корпорации», которая заводит вас интерпретациями в дебри, из которых вы не можете выбраться. Это называется «конфессия». Вы там – как муха в янтаре.

…Ислам – это и есть демократия. Что такое община Пророка Мухаммеда? Это община, в которой каждый был непосредственным участником политического, исторического процесса. Община – это обратная связь непосредственно со своим руководством, и с Богом – через свое руководство. Все остальное – это не демократия. Голосовальная машина – это не демократия. Сбор фальсифицированных бумажек – это не демократия. Политические партии с клоунами, которые распоряжаются судьбами «молчаливого большинства», – это не демократия.

…Всеобщего сопротивления еще предстоит достигнуть. Когда мы достигнем всеобщего сопротивления, то точно будет другой и наверняка лучший мир, потому что это будет преодоление энтропии, колоссальной инерции человеческой глины, – если это будет всеобщее сопротивление. Если это будет сопротивление «малого отряда» или народа избранных, то, конечно, оно захлебнется в этой глине. Понятно, что свет утонет во мраке, а если это будет достаточная «критическая масса», то эта глина подлежит перерождению.

Почему вновь и вновь не получается?

Мир есть площадка, на которой вам дана некая задача, некое испытание – как для солдата полоса препятствий, – и вы должны ее пройти. Пройти вы ее можете только волевым усилием и преодолевая себя, потому что трудно представить не работающего над собой солдата, который проходит всю полосу препятствий и в конце получает приз. Естественно, что он должен что-то с собой сделать для этого. Если планка достаточно высоко стоит.

Но планка стоит очень высоко. Планка стоит настолько высоко, что человеческого материала и человеческой энергии раз за разом не хватает. Очень понятно, потому что от нас требуется чудо, – от верующих требуется чудо, требуется *сверхусилие*. Сверхусилие – это редчайшая вещь, поэтому не получается.

И не мир надо преодолевать, а себя. Вы преодолеваете мир, преодолевая себя, и наоборот.

…Любовь есть жажда самопожертвования, это просто жажда жертвы, жажда смерти. Это настолько высокий уровень кипения пассионарности, при котором сосуд не выдерживает этого и стремится

выплеснуться. Но это универсальная авраамическая онтология, которая в язычестве неизвестна, потому что в Евангелии сказано: «Кто полагает душу за друзей своих, тот ее сохранит». Как раз там этот момент жажды самопожертвования обрисован очень четко.

Можно предположить, что преодоление страха есть смерть или встреча, которой ты боялся, а теперь сознательно встречаешь. Смерть должна быть высшим достоинством.

Но это интеграция смерти, как *внешнего*, в себя, как своего *внутреннего* центра, как своего *Я*, которое, конечно же, *здесь* сопряжено с физическим концом, но именно его интеграция создает перспективу обетования на воскрешение, воскрешение тебя в том же теле.

…Через веру вы можете избавиться от страха будущего наказания, но от страха перед Богом вы не можете избавиться никогда.

…«Жажда гармонии» – это точно жажда не Единобожия.

…Если вы видите, что нечто делается ради Бога, то это ислам. Если вы видите то же самое, похожее, но делается это для каких-то конкретных практических задач, пусть и отвлеченных от эгоистического интереса, но не для Бога, а, допустим, для страны и нации, – то это не ислам.

...*Политический ислам* ставит вопрос о власти ребром. Он ставит вопрос о власти сразу, потому что Авраам не для того разрушил молотом идолов народа своего отца, ушел от него и создал собственный народ, чтобы не ставить вопрос о власти. Вопрос о власти единобожниками ставится ребром, потому что власть единобожников в мире – это власть самого Бога, истинного Бога живого. Речь идет не о том, что власть единобожников понуждает кого-то к переходу, а просто тот, кто не является одним из них, живет себе спокойно жизнью глины, а тот, кто является одним из них, на том лежит ответственность проведения приказов Всевышнего в жизнь.

…«Бог есть любовь, а не страх»? Бог не может быть ни любовью, ни страхом, потому что любовь и страх – это переживания, которые испытывает *тварь,* – возможно, в отношении Бога. Но все, что я

говорил до этого, имело своим предметом следующую мысль: не может быть утверждения по отношению к Богу, которое носило бы характер законченной и абсолютной фиксации. Не «Бог есть то-то», а можем сказать, что *Бог есть то, с чем рядом нет ничего*. Пока есть все, что мы видим, Бог есть абсолютная оппозиция всему, что мы видим, и все, что составляет сущность этого *все*. Как абсолютная оппозиция Он не равен ничему, не подобен ничему и по отношению к Нему утверждать «Он есть то-то», бессмысленно. Это введение Его в сферу субстанции, в сферу материи, в сферу чего-то. Любовь и страх – это стрессовые ощущения, переживаемые глиняными существами, которые оказываются на границе собственной глины, в пограничных «постглиняных» состояниях.

…Все есть неведение о Нем, вы постоянно проводите работу *ограничения* этого неведения. Оно имеет внешние, внутренние признаки, какие угодно. Озарение и прочее – это вещи эфемерные. Вас сегодня озарило и вы думаете, допустим, что вы католик, а завтра вам другая шлея под хвост попадет – и вы об этом забудете. Озарение преходяще. Это как поэзия. Поэму написал, а потом смотришь и думаешь: зачем я ее написал?

Тем не менее это все-таки не из области интеллекта – это из области фундаментальной экзистенции, которая ставит себе интеллект на службу. Вы знаете, что решение вашей проблемы только в том, что вы полагаете нечто, утверждающее все на финише вашей веры, а вы знаете это, потому что вы испытали шок встречи с *другим*, который, опять же повторю, внутри вас самих.

…Мы находимся в очень специфическом постсоветском пространстве российского мегаполиса. Мы находимся в очень специфических условиях западной цивилизации, которые имеют целый ряд «заглушек» и «отвлекалок» для того, чтобы не допустить людей к стрессовому мышлению, к постановке главных и личных проблем. Потому что это приведет к тому, что эти люди могут стать неуправляемыми, среди них поднимутся политические фигуры, которые бросят вызов власть имущим, и так далее. Потом существует целая система. С одной стороны – поп-культура, дискотеки, с другой – обычные «культуры» всяких цивилизационных «заглушек», готовых

ответов. Есть медийное пространство. Все это работает на то, чтобы вам не дать подойти к главной проблеме жизни.

…Надо сказать, что ислам существует в реальном человечестве, которое, мягко говоря, не блещет. Люди заслуживают всех наиболее негативных эпитетов, поэтому они всегда стремятся сделать все по-своему. К счастью, в исламе есть такие механизмы, которые не дают окончательно все растоптать, забыть, снять, устранить жало, которое жалит и не дает уснуть сладким сном. И вновь и вновь вся история ислама – это непрерывное возвращение к «первому исламу», к тому, который имелся в виду при жизни Пророка (да благословит его Аллах и приветствует). Это постоянный поиск и преодоление встречающейся среды, потому что, когда очередная группа поднимается, она говорит: мы хотим «чистый ислам», который имелся в виду Пророком. Их сразу начинают бить по голове со всех сторон, потому что все хотят комфорта, согласия, выстроенных отношений и так далее. Естественно, и между ними не бывает согласия: споры «что такое чистый ислам, первый ислам?»

Это площадка живой конфронтации и борьбы, которую часто используют, чтобы показать: видите, ситуация беспомощна, смотрите – «72 пути», и все спорят между собой. Я считаю, что это показатель жизнеспособности, потому что он означает, что это является предметом постоянного жизненного дискурса на предельных нотах, причем люди конкретно, ежедневно, в тот момент, когда мы об этом говорим, жертвуют своей жизнью за это в бесчисленных точках.

Они в этой борьбе могут делать ошибки, что угодно, но не это главное. Главное – это воля к «чистому исламу» и к пониманию «а все-таки что же имелось в виду в начале?». Но рано или поздно это пробьет пелену блуждания и недоумения, и борьба выйдет на ту оптимальную позицию, которая методологически будет совершенной или близкой к совершенству и которая на самом деле даст возможность собраться той «критической массе», которая и будет решать вопрос. Сегодня все это находится, как и 14 веков подряд, в состоянии жесткого отбора, примерок, прикидок, отрицаний, то есть это живая жизнь, это кипение постоянного диспута, который не дает никому уснуть.

Но формы его со временем меняются, хотя суть, если посмотреть на разногласия спорщиков в III веке исламской эры, а сейчас уже идет XV век исламской эры, – в III веке можно вычислить те же основные тенденции, которые не умерли и сегодня. Они действуют уже более сложным языком, с более сложной аргументацией, люди с другим образовательным цензом, но пассионарность противостояний и жажда истины осталась той же.

…Что значит «человек, который не принимает Бога»? Он может не принять мир исторически сложившейся конфессии, управляемой, скажем, сложившейся корпорацией мулл или раввинов, которых он отказывается признать за идентичных выразителей истины. Это одно.

Другое дело, если он отказывается признать существование того Бога, в которого верят большинство язычников, – например, физически существующего «сверхчеловека», который является конкретным, физическим, человекоподобным существом, которое распоряжается судьбами, мирами и тому подобное. То есть является отрицателем антропоморфной версии. Это на самом деле нормально и позитивно. Если он отрицает идолов и пытается расчистить площадку для чего-то иного, то это атеизм, который носит пассионарный и подготовительный к такому уверованию, о котором я говорю.

Другое дело, если он является просто унылым агностиком, который говорит: что-то есть, но к нам это отношения не имеет. Или, например, страстно верит в материю и говорит: да, я верю в материю, которая сама себя развивает, в силу заложенных в нее свойств, разрабатывает сама из себя законы, которым сама же подчиняется, выводит наружу из личинки человека, из пыли галактики. Если он во все это верит, то его положение безнадежно. А если он отрицает всех идолов и там ему говорят: «Ты атеист», – то он просто отрицает идолов и жаждет прихода на место этого расчищенного пространства некой альтернативы, «неведомого Бога», которому был посвящен пустой постамент в Афинах.

Это другой «атеизм», это «атеизм», который одной ногой просто в исламе, потому что ислам начинается с утверждения «нет Бога», а дальше – «кроме того, который имеет имя Аллах», то есть абсолютно определенного, уникального Субъекта, но при этом Мухаммед – его

раб и посланник, ибо мы принимаем знания только через Мухаммеда, мир ему и благословение Аллаха!

Анатомия молчания[32]

17 января 2011

Во имя Бога Милостивого и Милосердного!

Прежде всего я хотел бы в двух словах сказать, почему вообще нужна *политическая теология*, и что такое «политическая теология» и что она рассматривает. Политическая теология рассматривает общество и человека сугубо в «провиденциалистском» ключе, то есть рассматривает все это как некий материал, который задан в Провиденциальном Замысле Всевышнего для того, чтобы реализовать некую сверхзадачу, по отношению к которой человек выступает инструментом.

Причем в данном случае речь не идет об оценочном аспекте каких бы то ни было элементов этой большой картины. С точки зрения теологии чистого монотеизма, авраамического, проблема добра и зла рассматривается не так, как рассматривалась эллинами, – в плоскости естественного «органического» *блага*. Она рассматривается с точки зрения, опять-таки, Замысла, потому что сам автор этого Замысла – Творец – трансцендентен аспектам добра и зла, и для него и то и другое есть инструменты реализации его собственной задачи, подлинный центр которого лежит за пределами человеческого понимания. Но тем не менее, благодаря мышлению (а мысль тесно связана с концептом Откровения, с самим Откровением, мысль и язык – это механизмы проявления Откровения) есть возможность сконструировать то зеркало, в котором, в определенном аспекте, отражается Провиденциальный Замысел. Таким образом, носители этого мышления могут в определенной мере стать соучастниками (пассивными, но, тем не менее, присутствующими в «инсайде») Провиденциального Замысла Всевышнего о творении.

Поэтому, если рассматривать *сущее*, в том числе социум, человека, мир, в котором это проявляется, как материал для реализации Провиденциального Замысла, то мы не можем удовлетвориться классическими инструментами западной мысли, южноазиатской мысли, дальневосточной мысли, которые дают нам метафизику и философию.

В последнем случае имеем западный вариант. Потому что это инструментарий, основанный на *презумпции тождества между микрокосмом и макрокосмом*. Он основан на презумпции тождества и, стало быть, опирается на соединяющую человека с большим Космосом вертикаль интеллектуальной интуиции. Поэтому интеллектуальная интуиция открывает для человека или для избранной части человечества картину того большого мира и тех оснований этого большого мира, которые этот человек находит внутри и вокруг себя. То есть «что внизу – то и вверху», согласно Изумрудной Скрижали.

Откровение предполагает разрыв этого тождества. Откровение предполагает, что нет этой вертикали. Откровение предполагает, что нет аналогического тождества между микрокосмом и макрокосмом. И вообще речь идет даже не о том. Откровение предполагает вторжение в «идиллию» микро– и макрокосмических отношений человека и Вселенной некоего принципа, который в опыте и интуиции вообще не открывается и, по определению, открываться не может. То есть это некий момент, который может только насильственно, условно говоря, открыть себя, вторгнуться в человеческое пространство, как, допустим, звонок будильника вторгается во внутреннее пространство спящего.

И если Провиденциальный Замысел исходит из *того*, что вообще не задано в опыте, не задано в интуиции, не открывается интеллектуальным созерцанием, то теология обслуживает мышление об этом. Мышление – как зеркало, которое пытается в определенном аспекте отразить этот момент. А, стало быть, общество и человек суть инструменты Провиденциального Замысла, исходящего, опять-таки, из этой *внеопытной* точки, откуда к нам приходит Откровение через цепь посланных пророков единобожия. Если общество и человек суть инструменты этого, то инструментарий, который достался нам в наследство от язычников, имевших монистическую картину вселенной, монистическую картину бытия, не годится. То есть мы не можем анализировать эти вещи под таким углом зрения – с точки зрения платонического или постплатонического, гегелевского понимания истории, общества и так далее. Нам нужен совершенно другой механизм.

Этим механизмом является теология, которая методологически основана на принципе нетождества, который вторгается в человеческое поле и презентует себя рациональным языком, но при этом дан вне опыта. Это *внеопытная* вещь, она не может быть пережита, но она дает себя рациональным языком и апеллирует к нашей способности мышления. В этом великий парадокс, в этом апория, одна из апорий Откровения. Теология, которая занимается провиденциальным аспектом истории, то есть проблематики социума, власти, смысла исторического движения, является, естественно, *политической теологией*. Под этим ракурсом мы и будем говорить сейчас о некоторых аспектах политической теологии, которые тесно связаны с онтологической проблематикой.

Я озаглавил эту лекцию «Анатомия молчания».

Под этим я имею в виду, что фоном человеческого общества, зеркалом человеческого общества в его исторической динамике, структурировании, в его процессах, деятельности является «человек молчащий», пассивный, – те, которые представляют собой огромное большинство живущих на планете. И – что самое удивительное – которых гораздо больше в городе, чем, например, в селе. То есть в селе человек – не молчащий, но человек, попадая из села в город, становится *человеком молчащим*.

«Молчаливое большинство» – так называют этих людей. Название давно уже отработанное, – правда, применялось в разных случаях с разным углом зрения. Есть еще другое выражение, примененное, по-моему, американскими социологами, – dispossessed majority, «обездоленное большинство». Я считаю, что это очень тесно связанные термины, но мне предпочтительно говорить о «молчаливом большинстве», потому что «молчаливое большинство» соответствует другой, позже возникающей проблематике, – наступлению *посткоммуникативной* эры. То есть посткоммуникация как некая форма *антидискурса*, или *контрдискурса*, который возникает на очень поздних этапах развития бюрократического государства. Это очень тесно связано с феноменологией «молчаливого большинства».

«Молчаливое большинство» – это, как я уже сказал, в основе своей *человек пассивный*. Есть в теологической антропологии достаточно условное, но тем не менее на практике эффективное подразумевание, что есть два типа человеческих существ. *Пассивные*

люди и *активные* люди. Мы пока не будем вдаваться, что такое пассивность, активность, мы ограничимся интуитивно схватываемым объемом этих понятий. Просто укажем на то, что, естественно, активные люди в меньшинстве, а пассивные люди в огромном большинстве. И вот, эти пассивные люди составляют то зеркало, более или менее статичное и вынужденное принимать все, что на него падает, а активные люди участвуют как исторические агенты в процессах, образующих сюжетную ткань истории. Можно сравнить, конечно, вот это «молчаливое большинство» со зрителями в театральном зале. Сравнение будет очень емкое и подходящее со многих сторон. Действительно, в театральном зале зрители молчат, пассивны, они смотрят, – и на сцене происходит собственно действо, которое имеет смысл, временну*ю* развертку, сюжетную динамику перехода от одного акта к другому, и у него есть начало и конец, катарсис и некий выход на конечный итог. Но сравнение будет неполным, потому что то, что происходит на сцене, происходит таким образом, что сидящие в зале – это бенефициары смыслового послания. Это для *них* разыгрывается, это *им* все посылается, это *они* должны сопережить катарсис на сцене и выйти очищенными, обновленными и приблизившимися к какому-то «схватыванию» своего собственного участия в «макропьесе». А вот в жизни «молчаливое большинство» не является бенефициаром, оно является, наоборот, дающей, эксплуатируемой, выжимаемой, отчуждаемой стороной.

Для того чтобы перейти к анатомии вот этого молчания, которое является «зрительским» (с кавычками, с оговорками) фоном, – молчания, которое является зеркалом исторического процесса, – я хочу разбить взгляд на социальный феномен на две половины. Сначала посмотреть первую, потом вторую.

Первая половина – это традиционное общество. Это достаточно условное наименование. Древний Египет, фараоны, инки, Средневековая Европа, конечно. Является ли таковым «одноэтажная Америка» и Средний Запад? Ну, в определенной степени. Являются ли таковыми все еще существующие медвежьи уголки Европы, где все люди знают друг друга и где 200–300 последних лет не было серьезного демографического движения – какой-нибудь маленький городок или какая-нибудь Андорра? Да, наверное, в какой-то степени

это тоже традиционное общество, или общество, сохраняющее элементы традиционного общества.

Но мы должны понимать, что маленький городок в «библейском поясе» США, – это городок, в котором существует телевидение, в котором существуют Ларри Кинг, масса ток-шоу со всеми преходящими элементами. С одной стороны, это элемент традиционного общества. С другой стороны, это сегмент, который включен в информационное пространство. Поэтому мы будем говорить сейчас о чисто традиционном обществе. Мы будем иметь в виду, что есть какие-то элементы и сегодня, особенно если мы отправимся на восток, на юг мировой карты, – и в Европе можно найти, в России даже можно найти, в Штатах. Но мы будем говорить о традиционном обществе как об обществе прошлого, фундаментально сконструированном по архетипической пирамидальной сословной модели.

И вот, если мы говорим о таком *пассивном человеке*, представляющем собой большинство, который типизирован как объект давления на него со стороны неведомых ему сил внешней среды, то перед ним раньше стояло три главных элемента: природа, общество и, условно говоря, «небо», «божественная сфера» – Олимп, сфера невидимого, в котором решаются фундаментальные судьбы материального мира. Вот три элемента: природа, общество и «небо». Природа – это земля. Опять же, схематически говоря – в метафизическом смысле: небо и земля как архетипические полюсы большой космогонии.

Общество для такого человека тоже делилось на три части. Это было «ближнее» общество, или «природное» общество, – это та часть общества, в которой он непосредственно находится: его соседи, его улица, те, кто составляет постоянный человеческий пейзаж.

Далее, это общество власти: монарх, его сатрапы, синьоры, закон, система власти. И жрецы, Церковь – те, которые непосредственно связаны с невидимым миром фундаментальных решений. Такому человеку общество необходимо прежде всего для того, чтобы оно дало ему защиту от пространства *не-Я*, которое является перманентным вызовом, угрозой, из которой являются бури, наводнения, казни египетские. И вместе с тем это пространство, из которого являются материальные блага: урожаи, охота, рыбная ловля, – короче говоря, все

то, что позволяет поддерживать жизненное существование. Так вот, *благо* с точки зрения такого *пассивного человека*, предстоящего этому трехчленному бытию вне себя, – это решение противоречия между ним и средой таким образом, чтобы среда была минимально угрожающей и максимально поддерживающей.

Прежде всего он обращается для этого, естественно, к той верхней части социума, которая имеет дело с принятием решений «на небе». А для чего нужна та часть общества, которая состоит из монархов и их представителей в регионах – сатрапов? Это та часть, которая описывается для него термином «справедливость». Что такое справедливость для простого *пассивного человека*? Это чтобы с него за решение его вопросов со средой не брали чрезмерно много, то есть чтобы затраты, дань за то, что общество позволяет ему жить, не становились бы такими, что лучше было бы просто умереть, «сыграть в ящик». То есть вот такой баланс между данью и тем, что за эту дань ему обеспечивают. Это то, что он готов называть «справедливостью», «законом».

Но есть еще и третий элемент. Есть блага (решение противоречий между ним и внешней средой), есть справедливость (минимизация издержек за такие решения) и есть счастье. Что такое счастье для этого человека? Это прежде всего то, что он находит в «ближнем» социуме: это перманентная устойчивая ситуация отсутствия изменений, отсутствия потрясений. Стабильность в той матрице, которая его сформировала так, чтобы, несмотря на смену поколений, смену лиц в ближайшем окружении, среди ремесленников, которые работают рядом с ним; соседей, которые приходят к нему в лавку; семьи, в которой рождаются новые дети, – несмотря на сумму всех этих изменений его идентификация, полученная с колыбелью в этом узком кругу, не вызывала вопросов. То есть чтобы он был уверен в своей идентификации, в том, что он есть тот, кем он ощутил себя с того момента, как стал понимать, кто он такой, знать свое имя и так далее.

То есть *безвременье во времени*. Некая стабильность того ближнего уголка, в котором можно найти максимальное приближение к человеческому раю. Это, пожалуй, то, что можно было найти в определенных архаических местах такого сословного социума, но в период, когда не было особо больших потрясений, – Тридцатилетних, Столетних, Семилетних войн, каких-нибудь сведений счетов между

синьорами. В такие временны*е* «оазисы» возникало ощущение счастья этого *пассивного человека*.

Мы описали более или менее традиционное общество с его трехчленным видением, трехчленным лозунгом, с точки зрения *человека пассивного*, массового, простого. *Благо, справедливость, счастье*.

Но дело в том, что это общество кончилось. На смену ему пришло совершенно другое общество, которое традиционалисты называют «профаническим». Некоторые называют его «либеральным», «открытым» и так далее. Это общество, в котором люди вырваны из своих мест. Они подверглись многоэтапному, многослойному процессу мобилизации, в ходе которого они за счет того, что шло в XIX веке (индустриализация, развитие промышленного капитализма, Первая мировая война, Вторая мировая война), сорваны со своих медвежьих углов и брошены в мегаполис.

Там, естественно, у них: а) исчезает «ближнее» общество, природное, б) полностью меняется ситуация с законом и справедливостью, в) очень проблематичной становится тема «неба», или блага. Естественно, что этот человек, который выражал свою идентификацию на привычном ему языке в очень узком ему окружении, – а это была ситуация, основанная на жестко установленных ценностных стандартах, – оказываясь в пространстве, где он может изо дня в день, включая телевизор, смотреть программу «Дом-2», общаться с Ксюшей Собчак и вообще получать другого рода «подарки» в этом плане, – этот человек понимает, что он абсолютно неадекватен.

Его языка не только не хватает, но его язык неуместен, его ценностная система абсурдна, поэтому ему просто остается заткнуться и молчать, потому что он прекрасно понимает: что бы он ни сказал, это будет как квакать с болота. Лучше молчать. Но при этом, естественно, внутри него нарастает гнев, потому что гнев – это естественная компенсация непонимания. *Человек молчащий* не понимает, что происходит вокруг. Он не понимает, где он оказался. Он не понимает систему «реперных» точек, которой руководствуется. Это общество *вне* него. И поэтому он является котлом, в котором растет давление пара.

Теперь, когда мы описали вот это «молчаливое большинство» вкратце в его динамике происхождения и превращения его в некое «броуновское движение» в мегаполисе, мы должны перейти к *человеку активному*. В чем проблема с *человеком активным* по отношению к этому «молчаливому большинству»? Первоначально *человек активный*, как можно догадаться, был представителем тех слоев, которые работали либо с «небом», либо со справедливостью. Они никуда не делись. Проблема в том, что *человек пассивный*, который был выведен куда-то далеко в качестве фона и имел отношение к ним примерно такое же, как зеркало к вещам в комнате, то есть они не находились на общей линии, – в сегодняшнем социуме *пассивный человек* совмещен в одной плоскости с *человеком активным*. То есть они предъявлены друг другу, замкнуты друг на друга, поэтому стоит рассмотреть теперь и *человека активного* в своей самобытной динамике.

Человек активный сегодня делится на три основных клуба, или трех основных игроков. Раньше можно было говорить о кастах, о сословиях, но сегодня касты и сословия не являются оперативным инструментом в истории и не являются, скажем, такой системой взаимодействия людей, которая эффективно обеспечивает поставленные цели и результаты. Поэтому вместо каст и сословий у нас есть три больших игрока, или три клуба: *традиционалистский клуб, либеральный клуб* и *радикальный клуб*.

Традиционалистский клуб включает в себя тех, кто составлял верхушку пирамиды в традиционном обществе. Тех, на кого пассивный человек смотрел снизу вверх, ожидая, что его проблемы с материальными благами будут решены, урожай будет большим, наводнение и тайфун по возможности минимизируются, – в общем, жить будет можно и платить за это придется достаточно умеренно, чтобы оставалось на выживание и для кусочка счастья. То есть жрецы и монархи – это то, что осталось сегодня по-прежнему в качестве традиционалистского клуба. Они есть, они никуда не делись. Первая и особенно Вторая мировые войны их немножко подвинули, они вынуждены отойти с авансцены за кулисы, но они существуют, и существуют очень эффективно. Достаточно сказать, что все транснациональные корпорации, советы директоров – это

титулованные люди, представители династий – как действующих, так и пока что отставных.

И естественно, что существует клерикальный истеблишмент, а за клерикальным истеблишментом стоят уже силы *супрасоциального* порядка, которые легитимируют этот социальный истеблишмент, находящийся в прямой коммуникации с представителями старой традиционной власти. Ну, сейчас это не власть, допустим, а влияние. Вот это – традиционалистский клуб, который включает в себя Далай-ламу, Папу Римского, монархические дома Европы и не только Европы, потому что британская монархия создала систему, или «грибницу» аристократии, как партию, по всему миру, куда входит и Хашимитская династия, и султан Брунея, и раджи Индостана, и микадо Японии. Это колоссальная грибница, которая неочевидна в своем влиянии, в своих ресурсах, для широкой публики, но тем не менее эти ресурсы, это влияние огромны.

И есть *либеральный клуб*. Собственно говоря, его представлять не надо. Триста-четыреста лет назад он сформировался из людей свободных профессий, из адвокатов, врачей, писателей, богемы и так далее. Они через некоторое время приобрели такой политический вес, что оформились как самостоятельная сила. И более того, они репрезентуют себя через философский дискурс – через Локка, Милля и так далее. Они потом пришли к тому, что сегодня они репрезентуют весь фасад современной западной, и не только западной, цивилизации. Это электоральная система, парламент, политические партии и так далее. Надо сказать, что либеральный клуб делится на несколько потоков, которые в сознании обычного человека как бы даже взаимоисключают друг друга. Например, национал-социалисты Германии принадлежали к либералам бесспорно. Но и коммунисты Советского Союза или Китая тоже принадлежат к либералам. Буш принадлежит к либералам, и Обама принадлежит к либералам. То есть самые разные, ярко противостоящие друг другу направления тем не менее соединены на общей платформе. Вскоре мы опишем, что это за платформа. Она едина, несмотря на такой мощный разброс направлений и брендов.

И, наконец, есть *радикальный клуб*. Радикальный клуб существовал всегда, только в какой-то период он, скажем так, представлял собой определенную интегрированную в социум касту.

Это была воинская каста, в основном. В какой-то момент (в Европе это было с наступлением абсолютистской монархии) началось строительство современных бюрократических механизированных армий и начался демонтаж воинской касты. В результате воинская каста была выведена за рамки социума и превратилась в мощный «бродильный» революционный элемент, который интегрирует в себя, конечно, выходцев и из других сословных групп. То есть радикальный клуб – это клуб, который фундаментально бросает вызов истеблишменту сверху донизу. Все эти три клуба апеллируют к «молчаливому большинству» с тем, чтобы завоевать его внимание и дать ему те необходимые «реперные» точки, те необходимые пояснения относительно его ситуации, которых трагически этому «молчаливому большинству» не хватает.

Лозунгами этого активного человечества тоже являются три тезиса: *благо, справедливость и счастье*. Но они совершенно другие, не такие, как те, которые мы описали в случае *пассивного человека* в традиционном обществе. Они совершенно другие.

Что такое *благо*? Благо – это лозунг традиционалистского клуба, и в контексте традиционалистского клуба благом является снятие противоречий между *бесконечным* и *конечным*, между бессмертным и смертным, между индивидуальным человеческим существованием, как вспыхнувшей и погасшей на ветру искрой от костра – и той фундаментальной бездной, которая представляет собой основу реальности. Снятие противоречий между ними, или встреча *конечного* с *бесконечным* в некотором гармоничном союзе, когда снимается это поглощающее *конечное* противоречие, – это есть, с точки зрения традиционалистского клуба, благо. И это является ценностным гарантом и ориентиром в сознании тех, кто сегодня представляет собой такой *супрасоциальный*, надсоциальный позитив, воплощает вектор позитива для массового общества.

Что такое *счастье*? Счастье – это сегодня лозунг либерального клуба. И это не просто гедонистический тезис. Простой гедонистический тезис понятен: «Жить хорошо». Есть такой образ, сравнение: кто такой либерал? Либерал – это тот, который сидит в лобби «Хилтона», за коньяком, с сигарой, с газетой, и ему хорошо, и он не собирается оттуда уходить, и говорит так: мы здесь сидим, и кто придет и оспорит наше право здесь сидеть, мы того уничтожим. Но это

упрощение на самом деле. Потому что есть либералы, имеющие религиозное измерение, – это не обязательно шкурные атеисты, которые считают, что «после меня хоть потоп», «вырастет лопух» и так далее. Нет, отнюдь. И если брать всю полноту либеральных коннотаций, то счастье – это полнота реализации *временного*, когда весь максимум возможностей можно реализовать в ограниченной, конечной жизни, конечном существовании; все это достигает максимального самовыражения и утверждения. То есть это некое *объединение всех манифестаций временного в законченном совершенстве*. Вот это – «счастье» как политический тезис либерального клуба.

И остается *справедливость*, которой, напомним, для *пассивного человека*, предстоящего традиционному обществу, был закон, воплощаемый монархом. Закон, на который человек надеялся в том плане, что с него не сдерут три шкуры за то, что ему дают жить. Справедливость в нынешнем мире – это лозунг радикалов, и он основан на теологии Откровения, потому что радикалы на самом деле – это те, пределом дискурса, ориентации, устремлений которых является теология Откровения. Я не говорю, что они так думают, а говорю о том, что они *экзистенциально переживают*, они так «сделаны», они такими рождаются.

Они исходят из того, что истиной является то, что отсутствует в нашем опыте и может прийти только через специальное посланничество *оттуда*, о чем мы ничего не знаем, но это абсолютно реально и указывает нам на то, что Бытие, в которое мы вброшены, основано на ошибке. Фундаментально основано на ошибке. Но не потому, что Творец ошибся, а потому, что Он заложил эту ошибку для нас, чтобы мы ее исправили, – как испытание или экзамен для вас. Вот что нужно понять.

Для радикала мир, Бытие – это апория. Это, знаете ли, реализация проекта, по поводу которого шутили, а, с моей точки зрения, глубоко инициатическим образом давали некий сигнал, схоласты в Средние века, когда спрашивали: может ли Бог создать такой камень, который Он не может поднять? Если может – значит, Он не сможет его поднять, значит Его могущество ограничено. Если не может создать такой камень, потому что поднимет все равно, тогда Его могущество ограничено с этой стороны. Это апория. Нет такой апории, которая не

была бы решена. И поэтому существует человек, поставленный наместником Божьим на землю для того, чтобы он этот вопрос решил. Эта апория заложена в основание, в структуру Бытия. Она должна быть решена. Ошибка должна быть исправлена. Это фундамент радикального видения, который сопрягает свою позицию с темой *смысла.*

Смысл существует только в языке и мышлении, потому что в созерцании и экзистенции смысла нет, как нет его в простом самотождественном пребывании в вечности. А есть смысл только там, где бесконечное *дление*, или «дурная» бесконечность, ограничено неким жестким пределом, который является вратами в абсолютно *иное*. И таким образом смысл связан со справедливостью, справедливость – это утверждение смысла, это исправление ошибки, и это лозунг радикального клуба.

Вот три клуба, которые стоят перед лицом этого «молчаливого большинства», находящегося в «броуновском движении». Это очень сложное «броуновское движение», потому что есть там так называемый низший средний класс, есть средний средний класс, есть криминал, есть фавелы и гарлемы, падение на уровень которых не предполагает ни при каких обстоятельствах поднятия вверх. То есть очень сложная громадная структура, которая на самом деле имеет очень много в себе от управляемости. Она управляема. Более того, сегодняшний криминал – это прямой инструмент госаппарата во всех странах мира, который через эти криминал, мафию, организованную преступность курирует потенциал «молчаливого большинства». Блокирует, курирует, использует и так далее.

Итак, есть такая ситуация в современном социуме, есть три современных лозунга, тезиса или слогана, бренда, – *благо* в традиционалистском клубе, *счастье* в либеральном и *справедливость* в радикальном. Мы должны еще упомянуть, что эти три тезиса совершенно непонятны «молчаливому большинству». Непонятны прежде всего потому, что благо в этом контексте для «молчаливого большинства» – это метафизика, которую оно не воспринимает; счастье в этом контексте – это нереальная и совершенно иллюзорная для него вещь, потому что полнота реализации во временной жизни – это то, чего по определению у «молчаливого большинства» нет и быть не может; и справедливость – это то, что для него отсутствует, потому

что то, что для него было законом, стало синонимом несправедливости.

А что произошло, когда «молчаливое большинство» переместилось в современное профаническое общество? Помните, выше я говорил, что была триада, перед которой стоял человек: *природа*, которая ему грозит, но которая ему дает; *общество*, которое его защищает от этой природы; и *небо*, к которому это общество в своем верхнем проявлении обращается. Но это общество за последние столетия «сожрало» природу и «небо». Оно стало теперь и природой, и небом. Раньше человек стоял перед природой и просил общество, чтобы оно решило вопрос с его взаимообменом с природой.

А теперь он за благами стоит не перед природой, а перед обществом. Он к обществу апеллирует, чтобы эти блага получить, потому что природа стала теперь просто интеллектуальным измерением или направлением экологического сознания. Она полностью съедена социально. Вы не можете прийти на остров в Тихом океане, найти такой пляж или скалу, которые не были бы осмыслены и оформлены в социальном плане, не были бы частью дискурса, не были бы интегрированы в глобальное антропогенное сознание, антропогенное пространство Земли. Нет вне антропогенности ни одного уголка сегодня: природа целиком «съедена» обществом.

Что касается «неба» – «небо» стало просто внутренней подкладкой общества. Если представить себе, что общество – это шкатулка, то внутренняя обивка этой шкатулки – это то, что раньше было Олимпом. Шелковая, бархатная обивка с ватой. То, что раньше было Олимпом, то, к чему общество апеллировало, то, к чему оно обращалось, куря фимиам, принося жертвы как к некоему объективному сущностному фактору, – оно превратилось в составную часть социума. Благо съедено социумом как внутри него существующая интегрируемая вещь. Благо находится в руке Папы Римского, которой он *помавает* миллионам паломников на площади перед собором Святого Петра раз в год. Вот этот белый старик, поводящий рукой, – это и есть благо. Оно абсолютно социально с точки зрения огромного большинства людей. То есть, иными словами, Бытие съедено социумом. Бытие теперь не является сущностным,

независимым фактором, который имеет в себе определенную долю неисследуемого и рационально не объяснимого.

И вот этот остаток, который не расшифрован, и составляет объективную суть онтологии. По крайней мере, у Дунса Скота или Прокла[33]. Сегодняшнее Бытие – это целиком социальная онтология. Поэтому человек, вместо того чтобы стоять перед той триадой, что имела место 500 тысяч лет назад, сегодня стоит перед обществом. Перед *обществом как природой, обществом как обществом* и *обществом как небом*.

И *поскольку* общество является само благом, поскольку оно само по себе делает закон, который регулирует взимание дани за это благо, поскольку оно предоставляет возможность минутного удовлетворения (иллюзии семьи, соседей, работы, коллектива) вместо того, что имело место у прежнего человека, *постольку* оно превращается в полную фальсификацию всех тех фундаментальных ценностей, гарантом, критерием, мерилом которых был *человек пассивный*.

То есть закон – это не справедливость. Благо – это некая предъявленная ему извне непонятная фикция. Все остальное – ну да, скажем, либеральное общество не упраздняет институт семьи, как хотели это сделать коммунисты. Коммунисты – крайняя версия либерализма – хотели упразднить институт семьи.

Либеральное общество разрушает семью как конкретный факт, прекрасно понимая, что *человек молчащий*, человек обездоленный будет тупо вновь и вновь воссоздавать одну семью за другой, пытаться снова жениться и завести каких-то детей, чтобы у него это получилось до конца его дней. А это будет разваливаться вновь и вновь, потому что созданы такие параметры – в первую очередь ментальные, – при которых это семейное сосуществование совершенно несостоятельно и бессмысленно. Но институт не упраздняется, потому что является постоянной приманкой. И «молчаливое большинство» в погоне за восстановлением своих когда-то существовавших, но уже давно превратившихся в виртуальные воспоминания ценностей просто используется как мобилизуемый фактор. Ведь семья, которая существует реально, как она существовала двести, тысячу лет назад, демобилизует. Она создает то самое условие счастья, которое превращает человека в этакого «хоббита», условно говоря. Хоббита в Хоббитоне. А его надо за уши, как кролика, вытащить из его норы и

превратить в обитателя мегаполиса, где он включен в «броуновское движение». Зачем такому человеку семья? Но институт семьи и иллюзия возможности семьи должна оставаться, и он будет за ней бежать, как осел за привязанным на веревочке сеном или как белка в колесе. И это, мы видим, происходит в массе европейских стран, в Штатах.

…Короче говоря, мы имеем структуру, которая очень резко отличается от традиционного общества, построенного по типу пирамиды. Следующая моя мысль заключается в том, что традиционное общество – пирамидального типа с фараоном наверху, окруженным жрецами, – и сегодняшнее общество, в котором существуют закулисный традиционалистский клуб, фасадный либеральный клуб и оспаривающий все это радикальный клуб, и все это на фоне опять-таки пассивного «броуновского движения» «молчаливого большинства», – все это одно и то же общество, просто две принципиально различные модификации.

Почему это одно и то же общество? Два общества представляют собой негатив по отношению друг к другу: мы же помним, что позитив и негатив – это фотография одного и того же. А кто этот «один и тот же»? Кто этот хозяин? Этот хозяин – Великое Существо, которого язычники называют «богом», а монотеисты называют Сатаной, или Иблисом, если говорить об исламской традиции. Но здесь вот что интересно. Сатана – это, конечно, слово арамейское. Шайтан – кстати, это арабская версия Сатаны. А «Иблис» – это на самом деле греческое слово «Аполлон». То есть Бог света. Или Люцифер, или Ахурамазда. То есть Великое Существо, сын Неба и Земли в китайской традиции, где существует великая триада Тянь Ди Жень (Небо, Земля, Человек), где человек как сын Неба и Земли, как Великое Существо. Так вот, все это – модификации единого Великого Существа, с точки зрения монотеиста. Это Сатана, которому до времени позволено, в целях реализации вот этого Провиденциального Замысла, быть Князем мира сего, быть хозяином и игроком проявленного Бытия, и он отбрасывает тень на миры.

Миры – это как зеркала. Мир – это пространственно-временной континуум. Тень ложится на этот пространственно-временной континуум. В нашем случае это тень, которая преобразуется в коллективного человека или в социум, имеющий свою задачу:

установление системы контроля, эксплуатации и отчуждения в пользу Сатаны того индивидуального человека, который является конкретным игроком и носителем Замысла Всевышнего. Поэтому человек – как игрок в пьесе, замышленной великим драматургом – Всевышним.

Человек в этом смысле является пленником, заключенным, оппонентом, борцом против Большого социума со всеми его принципами, позициями, ценностями и идеалами, которые на самом деле представляют собой методологию упразднения Духа в человеке как наместнике, поставленном Богом на землю. Истинным Богом. И поэтому для того, чтобы реально вести такую борьбу, реально понимать, с чем мы имеем дело, необходима методология политической теологии, которой я очень кратко коснулся.

Я, например, считаю, что марксизм был плагиатом. Это был плагиат синкретический – причем с включениями элементов протестантской теологии, в значительной мере разбавленный платонизмом, пропущенным через Гегеля, но там был хороший задор методолога. Все-таки он создал некий – пусть плохой, пусть стремительно устаревающий, пусть крайне частный, – но инструментарий какого-то анализа. Ну, «пролетариат и буржуазия», ну, «прибавочная стоимость». «Отчуждение» – это идея, которую он выразил в 1844 году в «Экономическо-философских рукописях», – она была очень перспективна, но ее потом развивали через сто лет неомарксисты. Он просто понял, что в его время некому с этим работать, никто это не поймет. Лукач, Грамши – они потом пришли.

А он посмотрел и понял, что рабочий класс – ну, с этим делать нечего, надо про «прибавочную стоимость». Поэтому он пошел по пути «Капитала», а эти записки он оставил, их нашли только в 30-е годы XX века. Но идея «скальпельного» анализа, «анатомии», была сама по себе хорошей задумкой, просто плохо исполненной. Я не говорю, будто в том, что я изложил, есть какое-то приближение к тому, *что надо*. Но я считаю, что двигаться надо в направлении превращения теологии, – исходя из фундаментальных посылов того, *что такое* теология и чем она *должна быть* в отличие от метафизики и философии, – превращения теологии в «скальпельный» инструмент политического и политэкономического анализа, потому что у этого есть еще и экономическое измерение.

Вот, например, тот же либеральный клуб сегодня – он ведь в политэкономическом смысле делится на два фланга. Есть мировая, международная группировка, связанная с промышленным капиталом, которая делает ставку на крайне правое движение. Она поощряет реакционно-националистические группировки во всем мире – от России до Ирландии, это промышленный капитал, который в своей политической перспективе имеет идею имперско-почвенного строительства.

А есть спекулятивно-финансовый капитал, который, с одной стороны, как бы чисто либерален, *арелигиозен*, такой «за все хорошее». Но, с другой стороны, странным образом в местах торжества финансово-спекулятивного капитала происходят обнищания, кризисы, коллапсы, лопание пузырей, пирамид и так далее. Вот, есть два крыла, которые сегодня конкурируют друг с другом в условиях, прямо скажем, общего кризиса либерализма, потому что то, что сегодня происходит – это кризис именно либерального клуба, который в значительной степени исчерпал свои политические ресурсы после 1945 года. И есть, безусловно, борьба, которая на примере США видна достаточно отчетливо, – между неоконами и демократами. Но это только один из примеров. Я считаю, что философия и метафизика сегодня не обеспечивают того инструментария, который позволяет нам говорить о Провиденциальной динамике большой истории. О ней можно говорить только в терминах монотеистического Откровения, – при этом понимая, что монотеистическое Откровение является высшим пиком треугольника, основание которого представляют собой язык и мышление. Вот что я хотел сказать. Спасибо.

Ответы на вопросы

Вы выделили три клуба – традиционалистский, либеральный и радикальный. Как Вы думаете, в ближайшие двадцать лет какие из этих групп влияния будут, собственно, определять мировую динамику?

Сегодня, как я уже сказал, идет кризис либерального клуба, который выражается в нескольких вещах. Во-первых, это кризис финансовой системы, основанный на кредите, не связанном с реальными авуарами. Во-вторых, это кризис парламентской электоральной системы, основанной на политических партиях. Они сегодня уже полностью скомпрометированы, потому что понятно, что это управляемые структуры, программы которых компонуются не только у нас, но и в Европе единым политтехнологом, и политические лидеры сегодня – это максимально удаленные от харизматических фигур прошлого клоуны, которые находятся в жестком противоборстве с системой анонимной госбюрократии.

Есть два противника в этом пространстве. Есть анонимная госбюрократия, сидящая в кабинетах: она связана этакой сетевой структурой между кабинетами и базируется на «процедуре». То есть главным оружием госбюрократии является *процедура*. А есть политические клоуны, люмпены – Жириновский, Саркози, кто угодно, – они являются публичными фигурами. Те и другие обвиняют друг друга, как правило, в коррупции. То госбюрократия обвинит какого-то политического деятеля, поймает за хвост, то, наоборот, какого-нибудь бюрократа выволокут из кабинета по, так сказать, «наводке партии». Примеры с Колем, Шираком – это все известные примеры, их можно ширить бесконечно. Поэтому либеральный клуб находится в состоянии глубокого кризиса.

Есть группировка неоконов, которые делают ставку на США. Дело в том, что США в своей истории идеально воспроизводят историю Рима. Вот, реального Рима. То есть там все элементы, включая гражданскую войну, кризис республики и так далее. Сегодня они вошли в стадию, соответствующую примерно стадии Помпея в его конфликте с Цезарем: кризис республики. И, естественно, кризис

конституционного строя. Потому что если США хотят и дальше претендовать на роль мирового жандарма, то республика в нынешней ее форме не обеспечивает рычагов мобилизации внутреннего человеческого фактора, который позволяет осуществлять имперские функции. Республика – это уже устаревшая, «проехавшая» модель. Точно так же дело происходило и в Риме. В какой-то момент республика не соответствовала взятым на себя римским обязательствам перед Ойкуменой и Рим пошел в империю, чтобы иметь возможность мобилизовать человеческий фактор гораздо более мощно. И вот, сегодня мы находимся перед лицом вот этой ситуации.

Но я думаю, что не выиграет ни одна из сторон, то есть ни демократические либералы, вывеской которых является, скажем, Обама, ни «имперские». Они могут на какой-то момент взять верх, но это будет путь в никуда, потому что масштаб тех проблем, которые стоят перед Соединенными Штатами, во много раз превышает масштаб тех проблем, которые стояли перед Римом в начале первого столетия нашей эры. И я думаю, что либеральный клуб в течение ближайших двадцати лет сойдет со сцены как главная фасадная сила. Кто выйдет на передний план? На передний план выйдут традиционалисты, то есть произойдет возврат тех самых политических факторов, которые определяли фасадное лицо западного человечества до 1914 года, и выйдут радикалы. Причем здесь есть некоторая амбивалентность.

Радикалы могут не сорганизоваться и проиграть на начальном этапе, и традиционалисты возьмут под контроль ситуацию слишком быстро. Традиционалисты – если кто думает, что это колокольный звон и государь на белом коне, то, может быть, с определенной, «парадной», стороны он не особо заблуждается, но дело не только в этом…

Радикалы – противовес, но у радикалов, к сожалению, теология, которую в пределе они имеют как свой горизонт, не оформлена в *политическую* теологию, то есть она не стала *политической* философией, которая могла бы эффективно стать точкой сборки для всех протестных сил. Вот марксизм был, но он умер, а новой точки сборки для протестных сил пока нет. Она должна быть теологической, но осознание того, что этот процесс должен пойти, только-только начинает пробуждаться. Но я думаю, что в течение двадцати лет произойдет, прежде всего, уход либерального клуба, и в любом случае,

радикалы или не радикалы, но традиционалисты будут играть первую скрипку через двадцать лет.

В этой связи теологии Карла Шмидта для радикалов недостаточно?

Я думаю, что нет. Я думаю, что самое главное, что должно быть, это понимание (чего нет у Шмидта) того, что в дискурс заложена объективность процессов. Надо вывести онтологию из социального измерения и вернуть ей ту объектную сущность, которая имеет этот номинальный характер подлинной объективности. Потому что если мы всё рассматриваем как некий социальный процесс и как некие «движения становления», то это то же самое, как свести религиозный опыт к психическим движениям, – такой «необуддизм». Вот, надо уйти от «необуддизма» в социальном плане.

Вы говорите, что на самом деле есть просто две модификации одного и того же общества. Вопрос состоит в следующем. Для Вас понятие социального изменения вообще существует, оно релевантно? Вы как-то его фиксируете?

С моей точки зрения происходит вот что. Живет жилец в квартире, платит, допустим, один пенс за день. Через два дня приходит хозяин и говорит: а ты мне должен платить два. Потом три пенса. Потом шиллинг. А у жильца работа – подносить почту или подметать. Ну, хорошо, до шиллинга он еще может справляться, работая на этой работе. Но после шиллинга ему уже надо менять работу или съезжать.

Человечество – такой вот жилец. А Князь мира сего с него спрашивает каждый день больше, чем вчера. В результате те, кто отвечает за кураторство, «смотрящие» – фараоны, кесари – вынуждены повышать капитализацию человеческого фактора, потому что в какой-то момент платить становится нечем. Допустим, при Рамзесе хватало, а уже в период эллинизации Египта не хватает.

Поэтому приходится прибегнуть к мобилизационным технологиям. Как правило, мобилизационные технологии разрабатываются в жреческой среде, потому что жрецы лучше всего владеют человеческим материалом и пониманием социальной

анатомии. Они идут на разного рода издержки, вплоть до революций, которые видимым образом все потрясают. В результате поднимается колоссальное облако пыли, состоящее из человеческих частиц, происходит колоссальная мобилизация, но в итоге те, кто были у власти, остаются на месте или возвращаются через два поколения, и происходит то, что называется «прогрессом». Это на самом деле не более чем повышение капитализации и стоимости человеческого времени. Если во времена фараонов или до революции 1789 года время какого-нибудь рыбака, крестьянина стоило копейку в неделю, то сегодня время его прапраправнука, служащего офисным планктоном, стоит 100 долларов в час. Но на самом деле это продукт социальной трансформации, это переоценка жизненного времени, которая очень сложно вплетена в систему обеспечения благами, которая, в свою очередь, является тоже тонкой формой отчуждения.

Вот раньше была работа: 12 часов человек «пахал» – два часа на себя, 8 или 10 – на капиталистов. Теперь он может не «пахать». Теперь он может быть безработным. Но он, благодаря существованию госаппарата, дает своим безработным существованием работу социальным сотрудникам, которые за ним следят, полиции, массе структур. Допустим, досуг: он идет со своим сыном в зоопарк или в Диснейленд – это все колоссальная система отчуждения. Он не может плюнуть без того, чтобы не отдать часть себя вот этому механизму. Причем он даже не понимает, что он это делает.

Но в пределе человек, который стоит перед обществом, включившим в себя природу и небо, становится абсолютно лишенным внутреннего человеческого измерения. То есть он становится просто терминалом, который работает в системе «посыл-ответ» вот с этим социальным монстром. Поэтому, на мой взгляд, прогресс – это просто переоценка человеческого времени для того, чтобы снимать все более и более высокую виртуальную дань.

Здесь же, когда я говорил о промышленном капитале и финансовом, есть очень глубокая разница в философии. То есть промышленный капитал верит в объект и «обмен веществ». Это инженерный подход, это установка на качество, это другой тип интеллектуализма. А финансовый капитал верит в интеллектуальную экономику, в информационную экономику. Он верит в то, что деньги – это просто информационный поток, и в политэкономическом смысле

это «солипсическое» сознание. То есть промышленный капитал ориентирован на работу с объектом *вне* себя, а вот финансовый капитал – это такая «солипсическая» работа с некой виртуальной ценностью. Но поскольку есть все равно нужно, то здесь возникают постоянные противоречия, конфликты.

Конечно, социальные изменения есть, но они проводятся одним и тем же хозяином в рамках соответствия моменту, потому что динамика времени изменяет количественную постановку задачи. Вот если вам приходится платить следующую неделю в десять раз больше, чем в прошедшую неделю, то вы поневоле проведете какие-то изменения. Но тот, кто вас требует, это один и тот же хозяин, – вот в чем дело.

> *Вы персонализировали социум, дав ему имя, назвав его тенью Сатаны. В то же время составной частью социума являются радикалы, которых Вы хотите вооружить политической теологией. В этом смысле каково Ваше участие в этом?*

Я хочу здесь сделать одно очень важное дополнение. Социум – это общество. Я провожу фундаментальное различие между обществом и общиной, между *society* и *community*. Потому что общество как целая законченная космическая система, объемлющая, по возможности, все человечество, это одно. А община – это, как правило, *община ушедших*. Это община Моисея, который ушел от фараона. Это община Мухаммеда, который ушел из Мекки.

Эта *община ушедших*, община избранных, всегда бросает вызов обществу. И это абсолютно другая система отношений, внутри этой общины она является не системой отношений внутри общества, – это братская структура, которая основана на ином понимании смысла и на ином понимании человеческих связей. Но община – это не часть общества. Она может быть с обществом *в мире, но не от мира*. Община – это партия, которая действует *внутри* социума *против* социума.

Радикалы объединяются в общину, потому что, может быть, часть радикалов сегодня ходит и не знает, что они должны принадлежать к общине монотеистов. Они по своей «анатомии» – внутренней, духовной – радикалы, но они еще об этом не знают. Тут есть очень

интересный момент. Есть радикалы, которые представляют собой пассионариев ума, а есть пассионарии тела. Пассионарии тела, которые не находят пассионария ума, который бы ими руководил, обычно плохо кончают. Где-нибудь в канаве после уличной драки. Но пассионарии ума – это, к сожалению, чисто кабинетные пассионарии. А в идеале – когда объединяются те и другие, а особенно когда это объединяется в одном человеке. И тогда, естественно, все, кто следует за пророками – это пассионарии, которые способны поверить в Откровение (то есть пассионарии ума), и пассионарии тела, у которых достаточно тела, чтобы идти на крестную муку, если это понадобится.

> *Пока вы находитесь в оппозиции обществу, все более-менее понятно. Но предположим, через 20–30 лет хотя бы где-то радикальный клуб берет политическую власть. Как будут разворачиваться тогда взаимоотношения общины и общества? И вообще, какова политическая программа радикального клуба? Потому что понятно, какая у либерального и какая у традиционалистского.*

Прежде всего нужно сказать, что в пределе политической задачей радикального клуба является не создание очередной общественно-политической формации, не построение социализма, коммунизма или чего-нибудь еще в этом роде, а политической задачей является подготовка второго пришествия Иисуса Христа и Махди. Потому что с точки зрения ислама это событие, сопряженное со Вторым Пришествием Иисуса Христа, в которое мусульмане верят так же, как и христиане.

Это Пришествие является концом истории и одновременно фундаментальным изменением закона мироздания перед общим концом – Воскресением и Судом. Теперь это главная задача. В контексте этой задачи не проглядывается установление глобального господства в мире без появления Махди и Иисуса Христа. Они являются *водителями человечества* и они являются печатью, которую Всевышний ставит на то, что усилия радикалов преуспели. Но они могут и не преуспеть: «критической массы» может не хватить. И в этом смысле вся история будет неудавшейся репетицией, потому что с точки зрения скажем, определенных метафизиков, носителей

традиционалистского знания, наше человечество является одним из многих в этой цепи, в которой повторяется постановка все время одной и той же задачи. Просто наши предшественники были абсолютно неуспешны. Не хватило «критической массы» для того, чтобы преодолеть мощь инерции. Но если ее хватит – тогда будет *эсхатологический* сценарий. Радикалы – это эсхатологи.

Предположим, на пути к этому в одном из отдельных регионов действительно радикальный клуб берет контроль, что, естественно, вызывает немедленно очень острую деструктивную реакцию со стороны господствующего традиционалистского клуба, который без эсхатологического вмешательства Всевышнего не одолеть окончательно. Нет такой возможности без вмешательства Всевышнего одолеть традиционалистский клуб.

Но где-то радикал в какой-то момент берет власть – допустим. Что это означает? Это означает, прежде всего, прямую демократию без установления государственного аппаратного чиновничьего управления в том месте, где радикалы берут власть. Прямая демократия имела примеры в прошлом, но там не хватало политической философии и политического понимания для того, чтобы удержать эту ситуацию под контролем. Имеет примеры и сейчас – в отдельные моменты в отдельных местах земного шара и сегодня существуют элементы прямой демократии, основанные на сопротивлении мировой системе. Но находится это в состоянии не мира, а активной самозащиты.

Нужно помнить, что главным противником является государство в его современном понимании. Это очень недавняя вещь. Когда говорят «государство Древний Египет» или «государство Рим», делают ошибку: смешивают государство и политическое общество. Государство – это только аппарат. Аппарат – это всегда паразитическая структура, имеющая своей задачей пресечь обратную связь между верхом и низом. В своих собственных корпоративных корыстных интересах.

И это очень недавнее образование, которое является уникальным явлением в политэкономической сфере. Это единственная компания, которая профессионально в качестве главной задачи производит не прибыль, а убыток. Вдумайтесь в это. Вот, есть любая компания, не важно – мошенническая, финансовая, или объявила, что будет акционировать высокие технологии, которых нет, – она все равно

ориентирована на прибыль. Вы говорите, что вы открыли «наноклей», выкидываете акции, вам поверили, у вас покупают эти акции, они растут, это все равно прибыль. Государство – это единственная структура, которая производит убыток: за счет того, что оно производит банкноты, то есть долговые расписки, которые обречены на инфляцию. Обречены – даже если они подскакивают временно, они все равно обречены. За счет того, что 90 % собираемых налогов расходуется на деятельность самой же этой компании, и за счет еще очень многих факторов, о которых если будем рассказывать, отвлечемся. Это единственная и уникальная компания, которая в качестве своей основной задачи производит экономический убыток, и она вменяет себе это в заслугу. Потому она и собирает с вас деньги, что не может их произвести. Она может их выпустить, и они будут дешеветь.

Демократия в масштабе России – как это вообще может выглядеть?

Абсолютно спокойно, если есть инструменты координации между всеми ответственными субъектами этой прямой демократии.

Командарм Сорокин, командовавший 11-й армией на Кубани, еще в 1914 году играл на гитаре и пел местным барышням какие-то романсы. Он не знал, что через четыре года он будет командующим армией и грозой региона. Понимаете, большие исторические сдвиги делают из людей… Ну вот кем был Мюрат? Или Ней? И кем бы они были, если бы не было Наполеона? Они были очень заурядные люди.

Каким образом связано то событие Второго Пришествия, которое является лозунгом предполагаемого движения, с теми, гораздо более мелкими, социальными изменениями, которые могут сделать радикалы? Казалось бы, тут вещи совершенно несопоставимые.

И вопрос второй. Вот есть еще геополитическая доктрина. Как она соотносится с Вашей? И будут ли геополитические процессы иметь существенное значение в ближайшем будущем?

Во-первых, то, что мы называем Провиденциальным Замыслом, это очень конкретная вещь, которая, с одной стороны, глобальна, но, с другой стороны, всесторонняя и очень подробная. Как некая *метапьеса*, скажем так. Если сравнивать ее с обычной театральной пьесой, то вот, есть «Гамлет», к примеру, там есть смысловой посыл. Он частично ощутим при чтении, частично он раскрывается – и не может быть раскрыт иначе – при постановке. Иначе бы никто не смотрел Шекспира, а все бы читали. Есть некие смыслы, которые достигаются только в объемном проигрывании, когда реальные люди «встают в калоши» Гамлета, короля, матери и так далее. И естественно, что может быть плохой режиссер, который говорит: а вот у меня Гамлет будет в свитере и с гитарой, и будет вместо Шекспира цитировать Пастернака. Но этот режиссер уйдет, об этой постановке забудут, а «Гамлет» все равно останется. И в этом «Гамлете» есть некая внутренняя логика, которая должна быть насыщена соответствующими деталями.

Массы – я же сказал, что за «молчаливое большинство» идет борьба. Она идет непрерывно и всесторонне. Вот, мы смеемся над мыльными операми, а есть такая важная часть «молчаливого большинства», как домохозяйки. Это та часть, которая очень влиятельна, потому что она в значительной степени определяет умонастроения своих мужей. А мыльные оперы адресуются им. И там очень много заложено сигналов. Сериалы – вообще колоссальная воспитательная штука для обывателя.

То есть борьба идет непрерывно. Посмотрите, как на улицах и площадях митинговой России ведут борьбу между собой разные крылья тех же либералов. Левые говорят: рост цен на ЖКХ, точечная застройка, пенсия – «тебя ограбили, где твоя зарплата», и так далее. Правые говорят: ты же русский, тебе место с русскими, а ты посмотри – «понаехали». То есть разные «реперные» точки. Борьба за то, чтобы привести ту или иную часть «молчаливого большинства» к некому своему пониманию. То есть не к «своему» пониманию (потому что они хитрее, чем это понимание), а к тому пониманию, через которое можно этой частью управлять.

Но давайте вспомним крестьянские войны в Германии XV–XVI веков. Кто вел крестьян с косами в наступление на князей и епископов? Рыцари. Если бы не посвященные рыцари с мечами,

носители орденского духа, пассионарии, которые были одержимы идеей справедливости, ни о каких крестьянских войнах даже близко нельзя было говорить, потому что бронированный молот системы просто разнес бы этих мужиков с косами очень быстро.

Только за счет того, что крестьян под «знаменем башмака»[34] вели в бой рыцари, мы сейчас говорим об этом как о колоссальном социальном феномене позднего Средневековья. Поэтому, конечно, на ваш вопрос я отвечаю так. Да, все детали, в том числе и борьба за умы «молчаливого большинства», – это необходимый элемент.

Второй вопрос был про геополитику. Геополитика – сказать, что в принципе ее не существует, нельзя. Потому что, когда вы имеете квартиру, вы не можете сказать, что все несколько комнат, которые в ней есть, абсолютно равны между собой. Есть спальня, есть гостиная, есть кухня и места общего пользования, и они разные. Понятно, что отношения между людьми выстраиваются не по тому, что один сидит в спальне, а другой – в гостиной. То есть семья не определяется тем, в какой комнате она в данный момент находится или кто предпочитает какую комнату. Но сказать, что одинаково все происходит в спальне и гостиной, тоже нельзя. То есть это некая горизонтальная плоскость. Когда ее переводят в главный метод исследования истории, это лженаука. Она горизонтальна. Есть большое общество, и есть площадка, на которой это все разворачивается.

Человек знает о своей задаче исправить ошибку Бога?

Не «ошибку Бога», а ошибку, заложенную Богом как сверхзадача для человека. И человеку дано Откровение. Откровение, которое приходит именно потому, что иными способами выйти на это – через опыт созерцания, интуицию, установление прямой связи – исключено. Скажем так, человек в этом смысле – это дверь, в которой забыли просверлить дырку для ключа. Приходит другой человек, мастер, и сверлом просверливает место, куда надо вставить замок и ключ. А первоначально этого не предполагается. То есть дверь имеет в себе все функции, но только не вот эту дырку под ключ. Ее делают отдельно, ее делают вопреки. И это по условиям задачи так, потому что в человеке открывается та точка, которая внутри него должна противостоять инерции глины, из которой он создан. Это точка присутствия Святого

Духа. Эта точка противостоит бесконечной инерции глины (потому что он создан из глины).

Что значит «знает»? За счет мышления, которое организовано через отправление от фундаментального Откровения, человек может отразить в этом зеркале мышления небесный Провиденциальный Замысел. Частично этот Провиденциальный Замысел начинает раскрываться на человеческом уровне – на уровне мышления, на уровне языка.

Самое тяжелое – что люди работают с этим Откровением, чтобы его испортить. Они меняют смысл слов, они меняют интерпретацию. Они говорят, что черное – это белое, и так далее. Потому что Откровение никогда не гладит человека по шерсти, оно всегда гладит против шерсти, оно бросает ему вызов. И люди – особенно те, статусу которых это Откровение угрожает, – делают все, что от них зависит, чтобы это Откровение «кастрировать», нейтрализовать, обескровить, изолировать. Взять в какой-то кокон, представить его совершенно другим, нежели оно есть, объявить, что «обычный человек не может его читать и комментировать», потому что для этого надо быть «посвященным», особо «образованным» и так далее.

> *В этом смысле есть шанс не стать инструментом, применяемым бессмысленно, а осознать смысл, для чего его используют?*

В меру собственных усилий и собственной воли. С моей точки зрения монотеизм, который дает жизнь политической теологии и другим теологическим направлениям, чистый монотеизм настаивает на том, что вера и воля – это одно и то же. Потому что мы волевым образом полагаем предмет нашей веры как абсолютно императивный. Он нам не предъявлен в тактильной или визуальной очевидности: говорить о том, будто мы верим в то, что «стол – это стол», бессмысленно. Мы верим в то, что мы «блаженно не видевшие, но уверовавшие». И это акт воли – духовной, интеллектуальной воли, потому что мы не только формулируем такой волевой посыл, но расшифровываем его. Мы расшифровываем его в деталях и нюансах семантики, и тогда он действительно становится зеркалом.

Итак, социум изначально – «тень Сатаны». То есть негативно постулировано. С ним надо бороться. И я слышу все время – в связи с тем, что есть «профанное», а есть «сакральное», – что возникает переход к борьбе. Все на разрушение направлено.

На разрушение социума, который в своей системе является ложным Бытием. Это классическое ложное Бытие в своей полноте. На самом деле социум как онтологический феномен – это чистая перверсия.

А *профанное* и *сакральное* – это два полюса, которые опять-таки относятся оба к социуму. Профанное и сакральное – это измерения социума. Сакральное – это просто выдвинутый вперед аспект, который сегодня, благодаря тому что последние двести лет доминирует агностический либеральный дискурс, как бы задвинут за кулисы. Но это не значит, что социум изменил хозяина, что у социума изменилось назначение. Просто я же говорил: все процессы происходят потому, что есть мобилизация человеческого фактора и повышение капитализации жизненного времени. Поэтому, скажем, введение электоральной системы, создание гражданского общества и так далее, – это все формы мобилизации человеческого фактора.

…Община в целом противостоит обществу, потому что *сакральное* общины – это не *сакральное* общества. Монотеизм против монизма. Монотеизм общины против пантеизма естественной религии.

Попробую спросить от лица молчаливого пассивного большинства.

Правильно, что я – как не принадлежащий ни к одной религии – повенчан вот этой темой Сатаны? Я, мой образ жизни и те, с кем я живу. А можно сделать так, что вы оставите мою проблему и не будете ею заниматься?

Мы говорили о том, что социум является тенью Сатаны.

И в той мере, в какой вы часть социума, вы, конечно, интегрированы в эту тень. Это ваши проблемы и это ваша вина.

Отвечая на второй вопрос: почему нет? Можно. Если только Вы не будете навязывать вашу проблему, соответственно, встречно.

Вы сказали, что неправильно, невозможно, неверно втягиваться в языческую «мудрость» для истолкования Откровения. Вторая фраза была про то, что Бог намеренно вложил в мир поврежденность для того, чтобы человек ее исправлял. Я так понимаю, что это связанные между собой утверждения?

Но на мой взгляд, картина выглядит так, что, поскольку мир Богом сотворен, то даже в том, что делают язычники, есть нечто, что несет в себе отражение «славы божьей», которую люди утеряли. И в этом смысле действия Церкви были закономерны и оправданы. Вы другую позицию излагаете. Мне бы хотелось услышать теологическое обоснование этого. То есть – как? И обоснование вот этой «поврежденности» тоже. Где это в Откровении, на чем это строится, и так далее?

Утверждения связанные, да. Потому что я считаю (по крайней мере, стремлюсь к тому), что все мои утверждения связаны.

Вы сказали: немыслимо, чтобы Бог сотворил зло. Он сотворил только добро. Я знаком с этой теорией, что зло является недостатком добра, как тьма является дефицитом света. Но это точка зрения, весьма инкорпорированная в монотеизм, причем контрабандно, и авраамической традиции она не принадлежит.

Авраамическая традиция настаивает на том, что *то*, что человек воспринимает как зло и *то*, что человек считает добром, во-первых, весьма относительно, потому что на самом деле все может быть иначе. А во-вторых, и то и другое сотворено Всевышним, который является единственным источником как того, что для человека является злом, так и того, что для человека является добром, потому что это все – составная часть проекта, Провиденциального Замысла. И естественно, мы не можем совершать какие-то логические курбеты и говорить, что Бог сотворил только добро, только благо, Он благой, на всем отблеск Его славы, а вот зло каким-то образом является побочным продуктом. Нет, все заложено в сюжете. То есть Шекспир написал пьесу, говоря метафорически, в которой есть колеблющиеся герои, прекрасные герои и откровенные мерзавцы. Эти мерзавцы тоже написаны им. И они должны в конце получить по заслугам.

Разве для обоснования греков нельзя втягивать? Вы же сами пользуетесь философским аппаратом, который тоже, в общем, тоже не монотеистами создан.

Есть такая вещь, как непримиримость монистического и монотеистического взглядов. Полная непримиримость. Филон Александрийский пытался втянуть Платона для обоснования Торы, но это было очень неудачной затеей.

И я пользуюсь философским аппаратом, потому что у меня нет под рукой лучшего и общепонятного, для того чтобы выразить совершенно другие интеллектуальные интенции.

То есть можно для выражения других интенций брать философский аппарат?

Я же подробно разжевываю все подразумевания, которые вкладываю в используемые мною термины.

Но Платоном же тоже как инструментом пользовались. Как аппаратом.

Мы говорим о том, что *они* имеют в виду, и что *мы* должны иметь в виду. Платоники имеют в виду тотальное всеединство абсолютного Бытия, которое полностью поглощается «невыразимым единым», и вы это прекрасно знаете.

Я имел в виду, как они использовали свой аппарат. Они же тоже пользовались.

Ну, и мусульмане пользовались их аппаратом, в этом ничего хорошего нет. Это привело через триста лет восточных перипатетиков и традиции *калама* к интеллектуальному коллапсу, потому что философия Аристотеля и Платона, которая была полностью изучена, переведена арабами и доведена до Европы назад, не соответствует Корану. Она не соответствует монотеизму, она не соответствует пафосу Авраама, нашего праотца. Она другая. Пришлось все это дело исторически отменить, с издержками. К сожалению, альтернатива пока не разработана.

Вы выразили, на мой взгляд, очень важный тезис: сказали про то, что современное бытие – это социальная онтология, и высказали важный тезис про то, что важно сделать возвращение онтологии из социального мира, социального пространства в объективное. У меня в связи с этим вопрос. Что есть для Вас онтология? И второй момент связан с тем, какие силы, кто, за счет чего это возвращение может быть осуществлено?

Онтология для меня – это такая интеллектуальная практика и методология в описании Бытия. Есть два подхода к Бытию. Один подход классический, который говорит, что после того, как мы элиминируем все атрибуты и всю феноменологическую часть, то тот *неисследуемый* и *неустановимый* остаток, который остается после того, как все устранено (то есть «холодный», «сладкий», «теплый» и прочее), – то *сущностно положенное*, о котором задавался вопросом Кант, вот оно и есть Бытие. Это один момент.

Второй момент – это то, как подходит монотеистическая теология к вопросу. А она подходит следующим образом. Если мы говорим о Всевышнем как о всецело трансцендентном, то мы должны признать, что существует некая концепция *бесконечного вне Него*. Которое есть *бесконечное неведение о Нем*. Вот это *бесконечное неведение* – то, что язычники называют «брахман», «парабрама», или каббалисты называют «Айн Соф». Это некая изначальная «бездна всеединства», которая на самом деле есть не самодостаточная позитивная бездна как фундамент всего, а есть *бездна чистого неведения* о Всевышнем как об абсолютно трансцендентном.

Поскольку эта бездна не самодостаточна, то есть она построена на чистом негативе, она не может проявляться в самостоятельном виде, поэтому она проявляется как *конечное*, которое она тут же *отрицает*.

Конечное и *возможное* – это одно и то же. То есть из того, что бездна в первоначальной *бесконечности* является чисто негативной, существует – как выражение этой несамодостаточности – *возможность. Возможность* и *конечность* – это синонимы, и они сами по себе существовали бы как виртуальные, в себе находящиеся, нераскрываемые вещи, если бы они не *отрицались* и тем самым не приводились в соприкосновение, отражаясь друг в друге. И тогда

взаимное отражение всех *возможностей* друг в друге создает вот это драматическое напряжение второго *бесконечного*, то есть когда все конечные вещи повторяются друг в друге как в зеркалах, возникает вот этот всемирный водоворот *возможного*, которое, отражаясь друг в друге, становится принципиальными идеями.

Создаются фундаментальные идеи, соприсутствующие на всех уровнях, которые представляют собой глобальное наведенное Бытие, – вот этот феномен мы принимаем за «позитивную бесконечность». Мы стараемся исключить из своего сознания то, что «за спиной» этого «позитивного бесконечного» (которое на самом деле *ложное бесконечное*, состоящее из неограниченной суммы *конечных*) стоит бездна *неведения о Всевышнем*, которая является *отрицательной формой его предшествования и присутствия до момента Творения*.

После чего вот это Бытие является продуктом ограничения этой первой *бесконечности*. То есть оно является первым продуктом Творения. И после этого в него вбрасывается семя вот этого луча, который находит там человека. Потому что в бесконечном кипении этих идей, которые отражаются друг в друге, существует уровень, где проявлен Адам. А он проявлен в достаточном удалении от глобального Бытия, но не так далеко вниз, чтобы быть аморфным каким-нибудь демоном. Он находится в середине. Вот в эту середину падет луч внимания Всевышнего, скрытого за завесой тьмы. Всевышний делает Адама инструментом, что должен преодолеть это Бытие как некое ложное наваждение, как объект. Потому что объект – это *ничтожащая* вещь.

Объект и субъект находятся в абсолютной войне между собой. Это как весы: если объект есть – субъекта нет; если субъект есть – объекта нет. Но дело в том, что общество, которое заменяет объект, является не субъектом, оно является ложной заменой, оно является *второй ложью*. То есть «психологизация» или «социализация» Бытия – это не победа над Бытием, это не победа субъекта, а это как бы деградация. Вы должны вернуть объекту его подлинную независимую агрессивную природу, чтобы победить его, – именно объект, а не социальный фантом.

За счет чего может быть такое «возвращение объекта», восстановление?

Хайдеггер пытался это сделать. На мой взгляд, не очень у него это получилось. Он пытался вернуться к «чистому Бытию», к чистой метафизике Бытия, от социальной, психологической и прочих форм эскапизма. Потому что человек уходит от конфронтации с объектом, который ему непонятен и враждебен. Уходит потому, что на каком-то этапе сначала он относится к объекту очень благостно. А потом он понимает, что объект – это то, что его ничтожит, что это камень, который давит ему на грудь. Вот, он говорит, что это как бы не камень, а некое представление в системе наших коммуникативных отношений, то есть это продукт нашей коммуникации. Но это попытка эскапизма. Вернуть этот камень для того, чтобы сбросить его с груди. Потому что до тех пор, пока мы думаем, что он нам снится, мы не можем его сбросить.

> *Вот в этой онтологической картине, которая связана с восстановлением объекта в том смысле, как Вы сказали, и выстраиванием определенного отношения к этому объекту, какова роль, функция мышления и языка?*

Есть две вещи, на мой взгляд. Принципиальные две вещи, противостоящие друг другу. Есть «мудрость» и есть мышление. Это враждебные друг другу вещи, они воюют. «Мудрость» основана на символе, на интуиции, ее языком является музыка, образ. «Мудрость» – это как раз взаимопроникновение вот этих идей, которые были *возможностями*, но стали идеями.

Что значит идея? Это невербальная форма. Музыка – вроде бы мы все понимаем музыку, слушаем Бетховена, и вроде бы у нас есть некое понимание. Но это понимание *нерасшифровываемое*, это некое чувство реальности, интуирование ее во всей полноте. И есть мышление. Мышление – это прежде всего работа с *именами*, которые превращают хаос в порядок. Потому что на самом деле что такое мышление? Это оперирование именами, которые «пятна Роршаха» делают подлинными концептами. Мышление существует только потому, что у человека есть центральная позиция. То есть он равноудален от всего: для него что заяц, что звезда, что женщина с коромыслом, что ёлка – все одинаково далекие вещи, а он как бы сидит на пригорке в центре и устанавливает связи между ними через имена,

которые имеют точкой сборки только его как свидетеля. То есть мышление – это оперативное, непрерывное восстановление его «центральности» на земле. Поэтому вот этот процесс мышления создает при правильном применении ту самую ткань, которая начинает резонировать с Замыслом, то есть которая отражает сюжет.

Язык как система имен и мышление теснейшим образом связаны между собой, и они противостоят «мудрости». Но это же очень сложная борьба. То есть «мудрость» пытается освоить язык как инструмент противника, чтобы выражать свои задачи на инструменте врага. Поэтому существуют такие формы проявления, как поэзия определенного рода, гимны ведические, прочие посылы. То есть это может идти вплоть до достаточно разработанных вербальных дискурсов, которые выражают, тем не менее, не задачу мышления, а задачу передачи таких вот образно-символических потоков, которые подразумевают совершенно другое восприятие реальности.

И они уничтожают Откровение, потому что Откровение дискурсивно, дискретно, но при этом парадоксальным образом связано с чисто трансцендентным, а «мудрость» всегда имманентна. Поэтому для того, чтобы построить эту задачу, необходимо именно развивать технологию мышления, привязывая его к внутреннему ресурсу Откровения. То есть вновь и вновь окунаться в него и пересматривать его внутреннюю логику. И самое главное, восстанавливать первоначальную семантику. Первоначальная семантика – это очень важно, потому что приходится отдирать коросту смыслов, которую люди нарастили, для того чтобы совершить уход от травмы. Соприкосновение с первоначальной семантикой очень болезненно.

Есть источник мироздания – Бог. Есть пророк как фигура, описывающая это мироздание.

Нет, он не описывает. Он же не космологист, не метафизик. Пророк является с Вестью о том, что есть *нечто*, чего вы не знаете и знать не можете, но тем не менее это самое важное, что только может быть для вас.

Но результат действия пророка – это текст?

Он приносит этот текст, да, но этот текст не является описанием реальности. Там могут быть определенные ссылки и указания, но это, как правило… Вот Скрижали Моисея – это описание, что ли? Это текст.

> *Есть, соответственно, теологическая работа, суть которой – интерпретация, направленная на реализацию содержания текста в социуме.*

В общине. Как только это становится социумом, мы уже можем забыть о реализации.

> *Хорошо. Вот этот социум – это то, что создано Богом?*

Сатана ведь тоже создан Богом именно как та сила, которая искушает и которая должна быть побеждена. В Коране есть такое место, когда Иблис отказался поклониться Адаму. Когда Адам был создан, Всевышний приказал Сатане, который представлял собой *тотальное Бытие*, Великое Существо, поклониться Адаму, который технически является его периферийным отражением, микроскопическим. И Сатана говорит: «Я не поклонюсь, потому что Ты создал меня из огня, а его – из глины». Огонь является примордиальной энергией, то есть полнотой примордиальных субстанций, а глина – это наиболее пассивная конечная форма манифестаций, которая уже на выходе в холод и во тьму. Сатана: «Я принадлежу к полюсу света, а он – Адам – принадлежит к полюсу тьмы. Что это я буду ему поклоняться?» И тогда Всевышний говорит Сатане: «Низвергнись». А тот: «Я буду с твоего разрешения соблазнять его до Судного Дня, заходя на него слева, справа, спереди и сзади, и я уведу его с твоего пути».

Это задумка, в которой глобальное Бытие, обладающее всей полнотой *возможностей* и всей полнотой аттракций, противостоит глиняному существу, в котором есть в качестве ресурса микроскопическая и болезненная для него самого *точка присутствия частицы Святого Духа*.

То есть функциональная роль социума – это быть испытанием для этого человека.

И преградой. Потому что это полоса препятствий.

Но преграды на пути спасения.

На пути реализации Замысла, которое в качестве награды за участие в этой реализации имеет спасение индивидуального характера.

Философия как вызов героическому сознанию[35]

21 сентября 2010

Проблема философии как феномена – удивительно странная вещь, и не совсем понятно, как и почему она возникает. В нашем мире, где существуют филиации[36] традиционного мышления (начиная с древности и в более поздние времена), мы не видим нигде феномена философии, кроме как на Западе. А именно – в Греции, откуда потом это явление перешло на всё западное пространство. Конечно, есть такие понятия, как «индийская философия», «китайская философия». Но по большому счёту это очень серьёзная натяжка, поскольку на самом деле там мы имеем либо артикуляции того, что является метафизикой, либо очень беспомощное и спорное подражание в Новое и Новейшее времена западному дискурсу. Как оригинального явления, философии за пределами Запада на самом деле не существует.

Философия – это такая организация мышления, которая позволяет управлять *целеполаганием*, выстраивать прозрачную для себя и *самоконтролирующую* цивилизационную структуру. В результате этого такая философия получает в своё распоряжение некие методики работы с материальным миром: научные, организационные, военные, культурные и прочие. Таким образом, общество, располагающее философией, оказывается наделённым колоссальным преимуществом перед древними традиционными обществами, которые философией не располагают. Это наглядно показывает вся история.

Взять, к примеру, пространство Индии – богатейшая традиция, распадающаяся на множество фундаментальных школ; огромное количество людей, которые практикуют фундаментальное созерцание. И вместе с тем – полная беспомощность перед, казалось бы, гораздо более одномерным, примитивным западным социумом, который приходит в Индию и ставит её в течение одного поколения полностью на колени. Более того, подвергает её фундаментальной «переработке», оказывая на индийское традиционное общество такое влияние, что и после непосредственного ухода колонизаторов оно остаётся

«подбитой» птицей, которая однокрыло скачет и всё никак не может взлететь к высотам Ориона, где находится арктический дом Вед.

В чём же заключается феномен философии, которая организует пространство вокруг себя таким образом, что те социальные формации, в которых философии нет, оказываются беспомощными?

На мой взгляд, философия возникла тогда, когда метафизике классического типа – метафизике Большой Традиции – бросили абсолютно реальный и страшный вызов. Это произошло в архаические времена. Под «метафизикой Большой Традиции» я понимаю неартикулированное символическое сознание, тесно связанное с принципом «мудрости», которая по преимуществу не нуждается в слове и в понятийной речи. Этой первоначальной фундаментальной метафизике бросается вызов в виде *героического сознания*.

Возникает героическое сознание. И оно сразу вступает в глубочайший конфликт с метафизической «мудростью». Через некоторое время после того, как этот вызов был «переварен» метафизической «мудростью», – она отвечает. Отвечает метафизика Большой Традиции некими методологиями, в значительной степени почерпнутыми у героического сознания, но обращёнными на героическое сознание с тем, чтобы его подавить, установить контроль над ним со стороны «мудрости».

Я считаю, что героическое сознание возникает приблизительно в эпоху Моисея, то есть 33 века назад. Напомню, что примерно в это же время имела место Троянская война.

Героическое сознание было предоставлено самому себе в течение нескольких столетий. А контратака на героическое сознание начинается примерно с Вавилонским пленением, которое (приблизительно) совпадает по времени с рождением и деятельностью Фалеса и Пифагора.

Героическое сознание, возникнув, сразу проявляет себя в чётко дискурсивной проекции, то есть обладает сразу неким специально организованным словом. Я не хочу сказать, что мудрость чисто метафизического типа была бессловесна. Она была не артикулирована, но это не значит, что она было бессловесна. Характерным модусом проявления неартикулированной мудрости являются гимны. Наиболее архаические, древние гимны – пеаны, некие формы славословия, которые существуют на грани глоссальности.

Когда же возникает героическое сознание, то словесный ресурс оно преобразует в то, что можно назвать «эпос». Эпическое повествование о подвигах героя – это фундаментальная структура, из которой потом родятся очень многие вещи, которые позже будут заимствованы самой метафизикой, перешедшей в наступление.

Метафизика, переходя в наступление на героическое сознание, создаёт философию. Это определённая форма встречной героическому сознанию артикуляции, в которой фундаментальные посылки героического сознания фальсифицируются и возвращаются назад, но обращаясь уже «наоборот».

Необходимо несколько слов сказать о *хаосе.*

Понятие хаоса, представление о хаосе, очень тесно связано именно с моментом контрнаступления метафизики на героическое сознание и возникновение наиболее первичных философских импульсов. Некоторые считают, что «хаос» – это производное от греческого слова, означающего «зиять», то есть это некая поглощающая бездна, которая ждёт возможности поглотить. С другой стороны, есть более позднее представление – скажем, у Зенона Стоика, который производит это слово от греческого корня, который означает «литься», то есть связывает хаос с водой. Не с пустой бездной, а с некой неструктурированной стихией.

Так или иначе, этот термин появляется именно с началом философии и связан с очень сложной встречей двух фундаментально различных понятий, двух фундаментально различных импульсов. Необходимо обратить внимание на то, что за пределами западного пространства, в разных филиациях Большой Традиции, хаос вообще отсутствует как принцип, как идея, как предмет исследования, как предмет опыта, как проблема бегства от него и так далее. Ни в дальневосточной традиции, ни в индийской традиции не присутствует самостоятельно выделенная идея хаоса.

Если посмотреть на идею хаоса вблизи, то мы обнаруживаем там совершенно очевидный синкретизм. С одной стороны, это нечто первичное. Это нечто, которое, как говорит Гесиод, «было первым»: было сотворено или проявилось первым. С другой стороны, в идее хаоса присутствует концепция некоего пространства, некой протяжённости, представляющая собой сцену, на которой проявляются различные реальные игроки, позитивные силы. С третьей стороны, это

неструктурированная аморфная субстанция, которая противолежит неким структурированным концепциям, противолежит порядку.

То есть это синкретическая идея, потому что здесь есть несколько моментов, которые взаимоисключают друг друга логически, но они вместе с тем сочетаются и присутствуют. Действительно, либо мы говорим об идее *первичности*, первозданности, предшествования всему, – и в этом случае это концепция так называемого «пустого неба», то есть той формы утверждения, которая, по сути, является отрицанием, поглощением и нигилизмом по отношению ко всему, что *не оно*. С другой стороны, если это уже субстанция, то эта субстанция ждёт «оплодотворения», это уже некая «почва под паром», то есть это уже не «пустое небо» – это *materia prima* как минимум. То есть *первосубстанция*, готовая воспринять в себе формообразующий импульс. Или это синкретическое понятие, которое становится очень специфическим именно для западного видения. И оно является тем понятием, которое метафизика через создание *философии как узды, наложенной на героическое сознание,* возвращает именно героическому сознанию.

Теперь о том, что такое героическое сознание. Фундаментально говоря, есть героическое сознание двух типов. Это героическое сознание собственно героя и героическое сознание пророка, получившего Откровение. Пророк, получивший Откровение, – это совершенно другой уровень героического сознания, но это тем не менее именно героическое сознание.

Нас же интересует героическое сознание героя, то есть состояние героя *до* или *вне* пророка, получившего Откровение. Герой – это тот, кто осознаёт своё героическое сознание. Пока он не обладает героическим сознанием, пока он не встретился с собой как с носителем героического сознания, он не является героем. Он может быть кем угодно – сверхчеловеком, сверхсуществом, полубогом, но он ни в коем случае не является героем.

Герой – это человек, который осознал, что он обречён. Не просто конечен, не просто что он умрёт как физический индивид. Он осознал, что он обречён, – у него глубочайшее понимание своей обречённости. То есть он встретился с тем фактом, что то единственное ядро, которое составляет его собственную сущность и которое составляет ярчайший луч света, падающий в точку внутри него *здесь и теперь*, – это

абсолютно обречённая вещь. И больше того – его собственная сущность есть «продукт» отрицания, нечто отрицаемое. Он обнаруживает, что это отрицаемое, эта точка внутри него, которая является вспыхнувшим здесь пятном света (по контрасту с абсолютной тьмой вокруг), – есть сверхценная вещь, абсолютная драгоценность.

Именно с этим связано переживание героями того, что они являются потомками богов, потому что это некий парафраз, позволяющий выразить сверхценность этого «Я-сознания» *здесь и теперь*, сверхактуальности *здесь и теперь*.

Далее, после того как герой обнаруживает внутри себя вот эту точку сверхценного, которая и является продуктом отрицания, для него немедленно актуализируется такой феномен, как объект, представляющий собой, попросту говоря, *не-Я* в самом широком смысле. И оказывается, что этот объект как *не-Я* может быть только абсолютным объектом, потому что если этот объект не абсолютен, относителен, и если он, герой, может нечто терпеть рядом с собой параллельно, то тогда смысл этого обретения себя как сверхценности исчезает. Более того, нет феномена отрицания – нет феномена абсолютной дистинкции *Я* и *не-Я*. В этом случае говорить не о чем, и тогда мы возвращаемся к догероическому архаическому человеку, который тождествен простой внеположной реальности в акте простого созерцания. Это не героическое сознание, это сознание Золотого века или сознание высшего метафизического созерцания.

Героическое сознание усматривает абсолютный объект в его самодовлеющей мощи, которая отрицает всё, кроме этого объекта; и обнаруживает, что результативным действием этого абсолютного объекта является его внутреннее самосознание, его *Я здесь и теперь*, то есть та точка отрицания со стороны абсолютного объекта, которая оживает в нём как вспышка света, как его героическое сознание. Почему оно героическое? Потому что оно бросает вызов абсолютной силе этого отрицающего абсолютного объекта. Другими словами, абсолютный объект выступает не иначе как Рок, непреодолимый Рок в своей тотальности и в своей противоположности герою как свидетелю.

Если мы посмотрим на взаимодействие между героем и абсолютным объектом, Роком, то оказывается, что у героя (я подчёркиваю: у героя в состоянии «*до* пророка, получившего Откровение», то есть героя в первичном, инстинктивном виде) нет

возможности увидеть объект как Рок. Нет возможности отличить абсолютный объект (отрицающий всё, кроме себя и, стало быть, порождающий героическое сознание как продукт отрицания) от Бытия в чистом виде, от Бытия как некой данности. Чистое Бытие и абсолютный объект для героя совпадают.

Но получается удивительный парадокс. Если Бытие как наличное предъявленное есть «Да», то абсолютный объект в своём роковом измерении есть отрицание, есть «Нет». И они абсолютно сливаются в одно и то же. То есть это некий внутренний подлог, который обнаруживает героическое сознание, – Бытие, которое на самом деле является ложным «Да» и истинным отрицанием, то есть отрицанием внутри себя. Он не может различить два этих момента, они даны ему сразу, слитно, и вот почему этот Рок воспринимается им как страшная ложь, как подлог, как коварство Олимпа.

Естественно, что вызов героя идёт по линии утверждения себя, отрицаемого как сверхценность, которая противостоит этому абсолютному объекту – Року – без надежды его победить. Но вместе с тем оно стоит перед этим абсолютным объектом – Роком, который дан и предъявлен ему в качестве Бытия. Таким образом, героическое сознание ищет утверждение себя не в сфере Бытия. Героическое сознание ищет своего проявления, ищет ту площадку, на которой можно взять реванш у Рока, – не в онтологической, а во *внеонтологической*, трансцендентной онтологии сфере.

Здесь мы выходим на то, что героическое сознание готовит себя к тому, чтобы воспринять это преображение, эту трансформацию, которую мы назовём «состоянием пророка, получающего Откровение». Потому что для героя, естественно, не существует такой проблемы, как индивидуум и его уязвимость. Если бы речь шла о том, что герой опознал в себе конечного, смертного индивидуума, то и говорить было бы не о чем.

Герой опознаёт в себе субъекта, то есть абсолютно равноценную альтернативную антитезу абсолютному объекту: только абсолютный объект *есть* и *отрицает*, а субъекта, являющегося героем, *нет*, и он является *продуктом отрицания*. Есть *отрицающее* и есть *отрицаемое*. Субъекта нет, но вместе с тем он присутствует в виде сознания, в виде свидетельствования того, что его отрицает. Таким образом, героическое сознание обнаруживает совершенно *внеонтологическую*,

принципиально *антионтологическую* сферу. Это сфера свидетельствования, сфера сознания, которая одновременно не нарушает тотального единства сущего. Не нарушает, поскольку не спорит за разделение этого сущего.

Сознания нет внутри сущего, оно является тенью сущего, тенью, которая сама по себе (автономно от предмета) не существует; но вместе с тем она есть некое настаивание на альтернативном Бытию утверждении. Это альтернативное Бытию утверждение и есть героический вызов Року, который обречён до тех пор, пока не встретит некое послание, идущее ему навстречу, – послание из бездны, которое укрепляет его вызов, его дерзание.

Герой, который осознаёт себя как субъект, вынужден пребывать в трагическом безвременье до того момента, пока он не преобразится в «пророка, получившего Откровение». Что такое это удивительное переживание сознания «*здесь и теперь*», которое обнаруживается как продукт отрицания со стороны абсолютного объекта и вместе с тем некий вызов альтернативе Бытию? Это то, что я называю «безвременный вечный миг», который не длится и нигде не находится. Это «*здесь и теперь*», но оно не располагается в потоке длительности – это не внутренняя ситуация, но некая точка оппозиции, которая, тем не менее, *делает время временем*. Потому что только эта точка, внесённая в неопределённость потока ситуации, потока смены позиции, превращает всё это в некую сюжетную длительность. Время становится временем только благодаря тому, что возникает героическое сознание. До героического сознания время идёт просто как некое безвременье.

И вот здесь, кстати говоря, есть очень интересная идея: идея воскресения мёртвых. В Коране есть аят, где мёртвые говорят о себе: «Мы провели в могилах часть дня или день», то есть для них пребывание внутри могил во время вечного сна является чистым безвременьем, безвременьем как вечностью. Но эта вечность конечна. Она конечна, потому что она прекратится при воскресении.

Это новый парадокс – «конечная» вечность. Он соответствует другому парадоксу: мы находимся в одном из циклических эонов, повторяющихся один за другим до тех пор, пока не решится некая сверхпроблема. Обычно это представляют как вращающееся кольцо, которое уходит от нас в перспективу. На самом деле это неправильное

представление, поскольку в действительности в каждом эоне «здесь-присутствие» является нулём, от которого убегает назад отрицательный числовой ряд. То есть все предшествующие циклы представляют собой отрицательный числовой ряд, который кончается здесь, в нуле, с которого есть шанс начаться абсолютно новому – Новой земле и Новому небу. Бесконечный числовой ряд «*назад*» ничем не ограничен, кроме нуля «*здесь и теперь*». То есть это некая бесконечность, и она тоже ограничена. Это «конечная» бесконечность, ограниченная точкой «*здесь-присутствия*».

Следующий момент – это Новая земля и Новое небо, которые должны длиться вечно. Но у нас есть Откровение, которое говорит о том, что в конце концов не останется ничего, кроме лика Всевышнего. То есть Новая земля и Новое небо как альтернативное творение, которое свободно от длительности, энтропии и всех проблем, связанных с Бытием, – это вечное совершенное создание, вечное совершенное творение. Но оно, оказывается, тоже конечное.

Таким образом, у нас есть три конечности: *конечность бесконечных циклов, конечность пребывания в вечном сне могилы* и *конечность рая или ада,* которые на самом деле являются тремя конечностями постулированного *бесконечного*. Все эти конечности – это три аспекта «*здесь-присутствия*» в героическом сознании, которое (когда оно обнаруживается) немедленно вызывает против себя реакцию фундаментальной метафизики Большой Традиции, а та должна это героическое сознание подавить, потому что оно грозит ей выходом на совершенно неведомые горизонты.

И тогда возникает философия и – как одно из фундаментальнейших оперативных понятий подавления героического сознания – концепция хаоса. То, что было здесь описано Дугиным, удивительно напоминает методологии дзэн-буддизма и вообще методологию инициатических работ с сознанием, избавляющих от жёстких предикатов, оппозиций: «не здесь и не там», «не то и не это», «и то и это».

«Дзэнское» сознание в современную постмодернистскую эпоху становится особенно актуально. Это впервые было использовано носителями сакральной метафизики, когда они сформулировали синкретическое понятие хаоса. Их задача была подорвать актуальное сверхощущение героя в точке «*здесь и теперь*», предъявив ему идею

порядка. То есть заменить самосознание героя как точки, которая противопоставлена, внеположена протяжённости, некой конструкцией, неким порядком, превратить человека из существа, несущего трагическую драму обречённости, в конструкцию, строго говоря, искусственного интеллекта, которая выполняет определённые функции, решает определённые задачи, но при этом не знает, что она есть.

Искусственный интеллект – это *актуализация смерти*, актуализация гибели. Поэтому философия – это в значительной степени методология действующей, рабочей, «умной» смерти, которая выдвинута на передний план метафизикой Большой Традиции как механизм обуздания вызова, идущего от Духа.

Ответы на вопросы

> *Наступление хаоса на героическое сознание… Можно ли в этой связи обозначить героическое сознание как предвосхищение Логоса, героическое сознание как эксклюзивное сознание? И можно ли обозначить Логос как некое «остывшее» героическое сознание?*

Есть два типа сознания – на самом деле это очень условно: конечно, речь идёт не о сознании, а, скажем, двух моделях «духовного света». Одна является «мудростью», чистой мудростью, а другая – тем самым сознанием, о котором я говорил, то есть *точкой оппозиции*. Логос – это синкретическая вещь, потому что онтологически, можно так сказать, он не существует. Логос существует как продукт «сожительства» между *реальным* человеком и *реальным* бытием. Потому что реальное бытие построено на том, что *универсальные изначальные возможности* как идеи открываются друг другу, отражаются в зеркале друг друга и образуют то, что называется Великим Существом, или le grand être. Существо и Бытие фундаментально не должны различаться. Вот Дугин процитировал Гесиода, что – не имеет значения, идёт движение вверх или вниз, – на самом деле внутри Великого Существа идёт «solve et coagula», то есть нисхождение и восхождение. Оно является коловращением *потенции внутри единого*.

А вот сознание этому противостоит, причём сознание исключительно человеческого существа, которое является одним из проявлений на одном из периферийных зеркал внутри этого le grand être.

Так вот: Логос необходимо предполагает *слово*. А слово возникает в качестве Откровения из совершенно другого, *внебытийного* источника. Дело в том, что когда «мудрость» похищает слово и начинает его использовать, то вот тогда возникает Логос.

Но на самом деле Логос не есть мышление, не есть язык, потому что мышление и язык связаны тесно не с Логосом, а с парадоксальным Откровением, которое образует альтернативное Бытию зеркало. И сознание смотрит в это альтернативное Бытию зеркало (зеркало языка)

и там осуществляет реструктурирование Бытия. Поэтому Логос – это синкретическая вещь, он возникает на стыке и стремится поработить сознание и подстроить под себя все его словесные проявления. Это «наведённая» вещь, это Джаггернаут, который выпущен «мудростью» на мозги людей, не важно – героические или не героические. Это строительство цивилизации. А героическое сознание – оно *антицивилизационно*.

Возможна ли оппозиция тому, что Вы называете героическим сознанием, героическим импульсом, со стороны Традиции, со стороны хаоса, на политическом уровне – в форме «интернационала», например?

Дело в том, что оппозиция героическому сознанию со стороны Традиции идёт непрерывно, изначально, и, конечно, она политическая. Более того, героическое сознание в конечном счёте преображается в сознание пророка, получившего Откровение. А в этом случае уже героическое сознание пророка, получившего Откровение, бросает вызов большой Традиции, то есть Авраам бросает вызов Вавилону, Моисей – Египту, Иисус – Кесарю, Мухаммад (мир над ними всеми) бросает вызов уже всему миру – и Византии, и Ирану, и вообще большой политической реальности.

Вызов большой Традиции приобретает интернациональный характер, потому что в большой Традиции только «авгуры» знают о «едином общем основании», едином общем проекте за всеми вариациями, но они поддерживают разделение большой Традиции на массу филиаций, адаптированных к месту и времени. А вот оппозиция всему этому – как единому источнику, так и филиациям и разветвлениям, – носит «международный» характер: к Аврааму присоединялись разные племена, к Моисею. Ну, а на последнем этапе христианство и ислам откровенно интернациональны. Правда, здесь мы попадаем уже в сферу «низкой» прагматики, но, в принципе, политическая оппозиция между героическим сознанием и большой традицией очевидна совершенно.

Каково, по Вашему мнению, соотношение искусства и хаоса, и можно ли сказать, что искусство и вообще

творчество, если брать шире, как нечто рациональное и чувствующее, – это не что иное, как порождение хаоса в человеческой деятельности без посредства Логоса? Если мы берём за аксиому, что хаос – это хорошо, а Логос – побочный продукт хаоса, то, соответственно, мы должны поощрять человеческие искусства…

Вообще, у искусства очень важная социологическая или историко-социологическая роль.

Вот есть матрица. Человек рождается как Tabula rasa, как «глина», – и его начинают «отпечатывать» и «отформовывать» с колыбели. Прежде всего язык, который он слышит от матери, потом понятийная система, потом школы и так далее. И вот некая матрица. Эта матрица неизбежно приходит в конфликт с качеством глины.

Глина может быть трёх типов. Она может быть сухой, – и когда такая чугунная решётка опускается на эту глину, эта глина крошится и сыпется. Она может быть очень вязкой, и тогда чётко отпечатывается всё: прямо можно в печку – и будет уже табличка, допустим, «законов Хаммурапи». Или это может быть слишком жидкая глина, и, когда штамп ставится, она плывёт.

Так вот, что такое искусство? Искусство – это обратная связь глины с матрицей, которая хочет всё время проверять, насколько она хорошо отпечаталась. То есть человеку кажется, что он действует «медиумично» (он берёт кисть, начинает рисовать, как ему «бог на душу положил»), но на самом деле он просто сочинение пишет «на заданную тему»: он «докладывает» матрице о том, насколько он хорошо ею проштампован. Потом некие собиратели искусства, некие аналитики этаким «метавзглядом метакритики» оценивают эволюцию матрицы по отношению к глине в истории и собирают свидетельства о том, как человек превратился из глины в некую «отформованную табличку».

Вот смотрите, допустим, написанную каким-нибудь голландцем в начале XVII века картину мясного ряда: туши быков, баранов лежат на мясном ряду, уже исчезнувшие, давно съеденные и переработанные чьими-то желудками. От человека и пыли не осталось, разве что перегной, исчезла вообще эта матрица, исчезло всё наполнение, но вот вам некое свидетельство обратной связи *вневременного* штампа,

который работает с этой плывущей человеческой глиной. То есть это обратная связь.

Искусство даёт хозяевам матрицы знание о том, насколько удачно человек превращается в продукт цивилизации.

[Предисловие][37]

Почти до конца минувшего века тема Традиции носила ещё более или менее отвлечённый от жизни характер. Сформулированная Рене Геноном и продолженная его учениками, эта доктрина долгое время казалась маргинальным отклонением от столбовой дороги «высокого» интеллектуализма. Бесспорно, многие яркие представители западного культурного сознания в XX веке уделяли определённое внимание наследию геноновской школы, но это не перерастало в идейную ангажированность, не превращалось в их собственное послание. Таким образом представители традиционализма образовывали на протяжении многих десятилетий специфическое духовное «гетто», за ограду которого заходили с любопытством некие «Атанасиусы Пернаты[38]», которые тем не менее всегда оставались лишь благосклонно настроенными «туристами».

Несомненно, скрытое влияние традиционализма можно обнаружить у многих ключевых мыслителей. Очевидным примером является близость концепции «осевого времени» Ясперса с аналогичным взглядом Генона на синхронность этапов деградации мировой Традиции, которые наступают примерно в одно и то же время в совершенно не связанных между собой (на профанический взгляд) уголках мира.

Генон, в частности, указывает, что явление Конфуция в Китае, Будды в Индии, Заратустры в Иране, Сократа в Греции, – это манифестация единого «нового сознания», которое представляет собой очередной шаг вниз в осуществлении духовного затмения человечества последнего периода – *Кали-юги.*

Конечно, можно возразить, что между Сократом и Заратустрой, возможно, имеется временной разрыв в несколько столетий. (Хотя точное время жизни Заратустры окончательно не определено.) Однако Генон смотрит на временную шкалу с такой высоты, при которой плюс-минус несколько столетий не выпадают из синхронности.

Есть примеры, что называется, поострее. В начале 60-х годов XIX века одновременно начинаются реформы в Российской империи, идёт Гражданская война в США, совершается революция Мэйдзи в Японии,

открывается эпоха преобразований в Османской империи, возникает Германская империя (Австро-прусская война, знаменующая её появление, фактически совпадает с окончанием Гражданской войны в Америке и освобождением крестьян в России).

Примеры такого рода наводят на мысль, что исторические события одного порядка, совершающиеся в разных местах мира одновременно, подобны отражениям во множестве зеркал одного человека…

Тем не менее аналогии, которые можно провести между отдельными моментами в дискурсе мейнстрима и в традиционалистской доктрине, до последнего времени не были настолько существенны, чтобы считать, что традиционалистская мысль вышла в «большой свет», – до последнего времени.

Но есть признаки того, что именно в наши дни как раз и наступает это «последнее время». За более чем два десятилетия, прошедших после исчезновения советского лагеря и краха пресловутого «биполярного» устройства мира, мировой социум изменился радикально. С внешней стороны это, конечно, не так очевидно, как те изменения, что произошли в мире после Первой и Второй мировых войн. Однако на внутреннем, сущностном, плане трансформация, проявившаяся в XXI веке, сопоставима с тем, что происходило в веке предшествующем, – и, возможно, даже более значительна.

В 1945 году в глобальном масштабе восторжествовал Либеральный клуб. Либерализм как политическое явление существовал по меньшей мере с XVIII столетия. Это был интеллектуальный и политический процесс, шедший в тени тихо разлагающегося традиционного истеблишмента. Политические партии возникали, парламенты образовывались, масонские ложи превращались в место встреч амбициозных профанов, и к началу XX века традиционный истеблишмент, структурированный в виде сословного монархического общества, казался разночинному большинству населения тогдашних мегаполисов «анахронизмом».

Первая мировая война нанесла тяжелейший удар по этому «анахронизму». Исчезли с политической карты четыре империи: германская Гогенцоллернов, австро-венгерская Габсбургов, российская Романовых и Османский халифат. К тому же в мире возник СССР как новый политический полюс воинствующего левого либерализма с

радикальной риторикой, который самим фактом своего появления в одночасье изменил расстановку сил в мире в большей степени, чем предыдущие столетия вялотекущей деградации. Достаточно сказать, что этот зажегшийся на просторах Евразии «красный маяк» стал центром притяжения для всех *антитрадиционалистских* сил Большого Востока, которые объединились на антиколониальной основе именно под леволиберальным, более или менее марксистским, флагом.

Таким образом, приветствуемые Геноном «остаточные» традиционалисты в странах Третьего мира де-факто оказались в лагере компрадоров, поддерживающих колониальное господство Запада, – что, естественно, не укрепляло их политической позиции в широких массах и отрывало от влияния традиционалистского вектора городскую буржуазию Востока.

Вторая мировая война привела к установлению господства либералов в практически глобальном масштабе. Биполярность реально свелась к противостоянию левого либерализма, ориентирующегося на Москву, и правого либерализма (провинциальных национал-диктатур), мировой столицей которого стал Вашингтон. Европа же, как пристанище наиболее артикулированного традиционалистского Логоса, была вообще оккупирована и поделена между либералами справа и слева – американской плутократией и сталинским «термидорианским» необонапартизмом.

Разумеется, традиционалистский истеблишмент не исчез. Он лишь скрылся под маской политической и социальной «антикварности», которая должна была надёжно вводить в заблуждение либерально-прогрессистское общественное мнение. Церковь, монархия, аристократия – все эти страшные пугала предыдущих столетий, все эти драконы, на битву с которыми «в чисто поле» выходило столько витязей либеральной идеи, – утратили статус реальных противников, превратились в безобидные пережитки, в предмет светской хроники или скандальной жёлтой прессы. В течение послевоенного полувека этот камуфляж помог Традиционалистскому клубу перегруппироваться и восстановить силы – по крайней мере частично.

Крах левого либерализма в виде советского проекта оставил без стратегического прикрытия и правый либерализм, штаб-квартирой

которого до сих пор являются США. Политэкономическая трансформация глобальной системы, в которой мир оказался поделённым на бедных производителей и богатых потребителей – при полном господстве финансового капитала над промышленным, – ставит вопрос о конце капитализма гораздо более жёстко, чем это могли в своё время сделать конники Будённого. Либеральный клуб в наши дни получил несколько сильнейших ударов, и хотя ни один из них не оказался до сих пор смертельным, мировой либерализм перешёл к обороне, к арьергардным боям.

«Оборона», «бой» в данном случае – это не метафоры. Полмира сегодня охвачено сетью горячих точек. Это зоны, в которых национальная бюрократия, своими коренными интересами связанная именно с правым либерализмом, пытается отстоять от посягательств мирового правительства эксклюзивное право на кормление с «суверенных» территорий.

Нет никаких сомнений в том, что бюрократические корпорации, стоящие за национальными суверенитетами, в конечном счёте проиграют мировому правительству, которое находится сейчас в процессе оформления прямо на наших глазах. У нацбюрократии просто нет ни экзистенциального, ни организационного ресурса, чтобы противостоять стратегической интриге международной бюрократии, за спиной которой стоит Традиционалистский клуб, – всё тот же старый классический консенсус клерикализма и родовой знати, но уже на новом этапе. Именно возврат Традиционалистского клуба на авансцену истории в качестве «души» мирового правительства станет выходом из капиталистической потребительской общественно-экономической формации. Традиционалистский клуб возглавит последний в истории политэкономический строй, который сейчас многие называют «умной экономикой», «экономикой знаний», «постиндустриальной эпохой» и тому подобное.

Однако как в своё время по поводу перспективного прихода капитализма и торжества молодой буржуазии было много розовых иллюзий и оптимистических ожиданий, которые обернулись страшным разочарованием практически для всех социальных слоёв (включая, в конце концов, и самих капиталистов!), так и сейчас относительно грядущей «умной экономики» доминирует фундаментальное заблуждение. Оно состоит в том, что новая

политэкономическая формация якобы призвана решить все вызовы и проблемы глобального человечества – как те, о которых говорил марксизм, относя их решение к приходу коммунизма, так и те, о которых говорил Римский клуб, напирая больше на «озоновую дыру» и «всемирное потепление».

В действительности «умная экономика», которая возникает уже теперь в интересах грядущего господства Традиционалистского клуба, станет новым рабовладением и беспощадным геноцидом по отношению к лишним 90 % населения Земли. В принципе, эта формация должна стать последним экономическим укладом перед приходом Антихриста и тотальным коллапсом нынешнего «ветхого» человечества. Традиционалисты ориентированы на то, чтобы подготовиться к концу нашего «адамического» цикла – к паузе между эонами, – с тем чтобы войти в новый Золотой век.

Так и произойдёт, как и происходило бессчётное количество раз в прошлом, если внутри актуального человечества не сформируется ядро противостояния, которое бросит вызов этой онтологической рутине «вечного возвращения».

Таким ядром может стать *Радикальный клуб*, который базируется на психоидеологической органике пассионарных элементов, рассеянных в массе человечества. Вопрос состоит в том, что их необходимо собрать в достаточной («критической») массе на адекватной идеологической – точнее, даже методологической – платформе. *Радикальный клуб* должен образовать второй полюс, альтернативный Традиционалистскому клубу, выдвинуть свое альтернативное мировое правительство и таким образом дать циклу, внутри которого мы, живые и мёртвые, пребываем, шанс на то, чтобы стать последним в «дурной бесконечности» *манвантар*.

*** * ***

Что, собственно, делает человечество тем, что оно есть?

Мы полагаем, что человечество представляет собой некую особую коллективную сущность, экзистенция которой построена на остром перманентном переживании *финальности*. Этот парадокс является, пожалуй, наиболее взрывным и наименее понятным – постоянное (!)

переживание *финальности*, то есть конца, разрыва, в этом неопределённом постоянстве.

Человечество является как бы уходящим в стороны и в глубину зеркалом – своего рода зеркальной поверхностью сферы, внутри которой есть маленький скол, незаметная чёрная точка, обнажающая непроницаемую для света амальгаму. В этой точке не отражается ничего, она является концом зеркальности. И она же есть то главное, что делает человечество особым коллективным феноменом среди всех мыслимых объединений существ, встречающихся в бытии. Человечество вынужденно смотрит в собственную смерть – как в случае каждой отдельной особи, так и в качестве коллективного целого. Оно, человечество, не видит смерть как таковую, но всё, что оно делает, – более того, всё, что оно производит, – является функцией от этого *вглядывания в смерть*.

Смерть и сознание связаны как две стороны одной монеты. Это практически одно и то же: без смерти, то есть разрыва в неопределённо безграничном *здесь и теперь*, нет ни сознания, ни смысла. Но это означает, что смерть теснейшим образом связана с языком, потому что язык является той могучей силой, которая вопреки инерции «глины» генерирует в «глиняном» человеке сознание. Иными словами, человечество как *финалистский* феномен, образовано и определяется языком.

Выбросим за борт нелепые рассуждения об эволюционном происхождении языка. Крайним пунктом специфического наукообразного абсурда является рассуждение Энгельса о том, как труд сделал из обезьяны человека. Понятно, что язык должен предшествовать любому согласованному действию, а не возникать как его результат. У обезьяны нет никакого шанса выйти из своей «обезьяньей юдоли» собственными силами подобно барону Мюнхгаузену, вытаскивающему себя из болота за волосы. Язык обладает трансцендентностью, *внеположностью* по отношению к социуму и к любому индивидууму. Вся история языков есть история разрушения сложных избыточно-информативных систем и переход на более или менее дегенерировавшие формы «просторечья», которые становятся потом литературной нормой.

Именно поэтому Адам (мир ему) называется в исламской традиции первым великим пророком: он принёс язык, в сущности, тем

самым «обезьянам», которые так дороги Дарвину, Энгельсу и иже с ними. Только эти обезьяны не были низколобыми коренастыми тварями, опирающимися на суковатые дубины, которых можно найти в экспозициях антропологических музеев. Согласно Традиции, это были физически совершенные существа, обладавшие телепатическими способностями, за счёт которых они находились в бессловесной коммуникации между собой. Вторжение языка в их экзистенцию означало коллапс их первозданной гармонической реальности и вступление в историю, которая есть, прежде всего, история страданий и травм.

Язык, сообщённый Адамом человечеству, был в свою очередь Откровением, полученным им от Творца. Это своего рода *метаязык*, который представляет собой саму возможность концептуализации. Это та «умозрительная» сфера, в которой идёт творческий процесс, организуемый непостижимым трансцендентным Субъектом. Когда Аллах хочет, чтобы была какая-то вещь, Он говорит ей: «Будь!» – и она бывает. Творение вещи есть субъектная имагинация, которая становится концептом. Вещь как образ есть обозначающий этот концепт иероглиф. Однако тот факт, что Аллах сообщил эти концепты Адаму, не открыв их ангелам, говорит о том, что они не имеют самостоятельной универсальной природы, как «идеи» Платона. Организованный мир умопостигаемых предметов оживает только для носителей языка, а носителем языка является только человечество. Все остальные существа обречены жить в хаосе феноменологии, который в конечном счете является сырьём для Провиденциального Замысла.

Этот метаязык Адама – эксклюзивное пространство возможной концептуальности – в своём чистом виде представляет собой, так сказать, *Большой Логос*. На этом языке написана сокровенная охраняемая Скрижаль, которая является прототипом и источником всех Откровений. Можно также сказать, что этот Большой Логос представляет собой внешнюю, проявляемую сторону Провиденциальной мысли. Естественно, что в своём изначальном целостном виде этот Большой Логос не может быть вмещён тварным «глиняным» человечеством. Люди получают только вторичные и третичные отражения этого Большого Логоса, смешанные с искажениями, идущими от феноменологического хаоса как подоплёки реального мира. Языки, которыми пользуются цивилизации – это поле

компромисса между дошедшими до людей отблесками Провиденциальной мысли с одной стороны и неартикулированными бессловесными состояниями Бытия – с другой.

Сумма всех возможных состояний Бытия (изменчивость которых не ограничена) образует так называемую «мудрость» – полную реализацию чистой *возможности*. Это Бытие как антитеза Мысли. Другими словами, это то, что называется Иблисом или Великим Существом. «Глиняное» человечество как реципиент Откровения, исходящего от трансцендентного Субъекта, есть на самом деле миниатюризированное отражение Великого Существа – одно из отражений! – в зеркале нашего мира.

У человечества Золотого века, бессловесных магических сверхлюдей, не было проблем с окружающей их средой. Они находились в состоянии «океанического блаженства», пребывая в мире, как зародыш прибывает в околоплодных водах материнской утробы. Язык – Большой Логос – разрушил это состояние, превратив среду в чуждое агрессивное окружение. Тем не менее язык же и дал возможность преобразовать эту враждебную среду в сцену, на которой разворачивается колоссальный метаисторический проект.

Однако действующее на этой сцене общество, пользуясь языком, имеющим «субъектные» истоки, тяготеет к возвращению в блаженный статус «объекта», в бессловесный Золотой век. Поэтому язык, делающий человека человеком, трансформирован и отчуждён от своего изначального духовного импульса. Языки, которыми пользуются цивилизации – это «малые логосы», существующие как компромисс между «мудростью» и Мыслью, Бытием и сознанием. Этот компромисс не может быть ничем иным, кроме как глубокой и фундаментальной фальшью, – тем, что в Коране обозначается как «прикрытие истины ложью». Именно поэтому все без исключения цивилизации уязвимы и носят преходящий характер.

На первый взгляд, такому пониманию реальности есть очевидное возражение. Люди, действуя в рамках вроде бы одного и того же языка, с течением времени оказываются в изменившемся окружении, открывают новые явления и даже «законы». Феноменологический мир вокруг нас сегодня разительно не похож на тот, что был, скажем, двести лет назад. Современные словари полны неологизмов, возникших за последние 3–5 поколений. Очень сомнительно, что,

скажем, А. С. Пушкин, вернись он сегодня с того света, смог бы читать современную газету, не говоря уже о романе Пелевина. Как быть с этим? Ответ очевиден. Человек может узнать, обнаружить, «придумать» только то, что изначально включено в поле метаязыка Адама. Большой Логос описывает некий круг концептов, в котором происходит непрерывное движение, рост, потому что творческий процесс преображения хаоса в смысловые образы продолжается. Вместе с тем внутреннее пространство этого поля Большого Логоса хотя и не имеет границ – подобно тому как нет последнего числа в числовом ряду, – но при этом не бесконечно. Иными словами, за пределами Большого Логоса существует онтологическая реальность, не преображённая творческой имагинацией, подобно тому как в тёмной комнате вне границ светового пятна от направленного луча существует только движение бесформенного мрака.

Человек сталкивается с образами и смыслами, заложенными в адамический Большой Логос. Он категорически не способен преобразовать «пятно Роршаха» в совершенно новый предмет, не имеющий прецедентов и аналогий.

Языки различных цивилизаций – «малые логосы» – описывают реальности (цивилизационные сцены), которые частично пересекаются между собой, поскольку в своей вертикальной части восходят к Большому Логосу, но при этом содержат только им свойственные объекты, не имеющие аналогов в посторонних цивилизациях. Для носителей других языков такие объекты либо невидимы, либо выступают как «кляксы реальности», – те самые «пятна Роршаха», проявление которых ничем не лучше, чем полная сокрытость. Так, объекты, находимые археологами, либо интерпретируются по аналогии с чем-то «узнаваемым», либо им приписывается фантастическое назначение, никак не пересекающееся с их подлинным смыслом. Кстати, многие археологические артефакты вообще остаются незамеченными, существуя в восприятии современных людей как случайные природные феномены.

Выше мы упоминали о том, что Бытие, не подвергнутое творческому преображению в оптике Провиденциальной имагинации, есть не что иное, как феноменологический хаос. Это справедливо в полной мере, когда мы говорим о пассивной субстанциональной основе Бытия, – о том, что называется «миром». «Мир» – это зеркало,

которое генерировано Бытием, и в котором само же Бытие отражается. Эта «зеркальная поверхность» в случае нашего мира есть пространственно-временной континуум, неопределённая протяженность, внутри которой постоянно идут процессы сгущения и разряжения. Однако Бытие как таковое, Бытие «в себе», далеко не хаотично и не фантомно. Оно представляет собой многократные слияния и взаимные пересечения фундаментальных *возможностей*, которые, в свою очередь, являются проекциями единой метафизической точки.

Эти возможности, будучи по существу дефинициями, то есть проявлениями «конечного» (по оппозиции к «бесконечному»), есть идеи. Например, идея *уникального* или *неповторимого*, идея *аналогичного* или *альтернативного*, идея *несуществования какого-либо объекта вообще* и так далее. Эти идеи в своём непрерывно мультиплицирующемся взаимодействии образуют всю полноту Бытия, которая в Традиции называется «вселенский круговорот». Бытие содержится внутри Провиденциальной Мысли как внутренняя оппозиция ей самой, как некий «низ» или своего рода «придонное отложение». Бытие представляет собой «изнанку» Мысли, которую Мысль должна преодолеть через нисхождение в Бытие бесконечно малой частицы своей духовной сущности.

Провиденциальный сюжет в том и состоит, что неограниченная, неопределённая никакими дефинициями инерция *конечного*, вселенская «глина», должна быть преодолена ускользающе малой искрой Духа (причём в оптике «глиняных» существ Бытие кажется сияющим и триумфальным утверждением, а частица Духа, вторгнувшееся в это Бытие из «ниоткуда», представляется непроглядно «чёрной травмой», нанесённой этому сиянию).

Бытие, находясь «внутри» Мысли, является её антитезой, её объективированным противостоянием самой себе. Условие Замысла – полярная оппозиция между Бытием и сознанием. Сознание как раз и есть та «чёрная искра», которая брошена в бездну субстанции. Сознание «видит», будучи невидимым для самого себя, оно «видит» мир, построенный языком, который для этого сознания является зеркалом. Сознание смотрит в зеркало языка. Это зеркало языка и есть как раз то, что мы называем подлинным *мышлением*. Мышление – это некоторая ограниченная проекция на человеческий уровень внешних

аспектов Провиденциальной Мысли. Мышлению (мысли) противостоят «идеи», которые всегда представляют собой констатации онтологических состояний. Принципиально различны сами методы выхода на мысль и на идею. Идея открывается в созерцании, в то время как мысль есть концептуальное постижение. Различием между тем и другим является *наличие смысла*. Созерцание идеи свободно от смысла. Это утверждение данного. В то же время концептуальное постижение всегда есть острое переживание *смысла* как открытости концепта своему непостижимому и отсутствующему *другому*.

Бытие и сознание – антагонисты. Бытие стремится стереть, поглотить эту «чёрную» травму, нарушающую гомогенность чистого онтологического света, который мы бы назвали «люциферическим сиянием». С другой стороны, цель сознания как частицы сущности Провиденциальной Мысли – это освобождение от плена из недр *антимысли*, но не через бегство, а через победу!

Перед сознанием как искрой Святого Духа (ибо сущность Провиденциальной Мысли есть не что иное, как именно Святой Дух – по оппозиции к тому «природному» духу, что порождается solve, «разряжением» субстанции) стоит некая «программа действий», некая стратегическая задача, осуществление которой в полном масштабе есть магистральное направление во внутренней работе Провидения. Начальную стадию этой программы, первую цель, которую ставит перед собой сознание, можно определить очень просто: свобода! Это именно начальный этап, поскольку концепция свободы неизбежно имеет негативное содержание. Это, прежде всего, освобождение от выше упоминавшегося порочного компромисса между *мыслью-в-языке* и неартикулированной «мудростью» – компромисса, составляющего суть цивилизации. Первый шаг к такому освобождению неизбежно носит вызывающе антицивилизационный, *контркультурный* характер. Проще говоря, начало реализации Замысла Святого Духа всегда связано с деструкцией: культурной, социальной, политической. Это – бунт!

Однако это не тот, известный нам из авраамической Традиции, бунт Сатаны (Великого Существа) – универсального Бытия против трансцендентного Субъекта, – но наоборот, бунт против Сатаны, исходящий от плененной в Бытии частицы Святого Духа. Революционный процесс в человеческой истории есть восстание

против Сатаны, потому что *Сатана отражается в зеркале нашего мира как всемирное общество*.

Не следует при этом забывать, что мы живём в мире перверсий и аберраций. Для человечества как оно есть – для тех, кто заключён в социум как в защитный кокон, ограждающий человечество от ярости внешней среды, для тех, кто воспринимает общество как некий спасительный ковчег, несущий их к горизонтам одновременно минувшего и грядущего Золотого века, – бунт против мирового порядка сам является «сатанизмом», потому что человечество, враждебное трансцендентному Субъекту, органически ориентировано на восприятие Великого Существа как единственно возможного «бога».

Именно отсюда происходит смысловая амбивалентность атеизма. Пристальный анализ атеистических систем мировоззрения показывает, что отрицание в них направлено именно против Великого Существа, которое воспринимается и переживается в качестве «бога как такового». Весь пафос атеизма конкретно посвящён борьбе с тем оригиналом, отражением которого оказывается *человечество-в-мире*. Атеизм – это интеллектуальная аннигиляция архетипов или попытка освободить отражение от оригинала сравнительно лёгким способом простой декларации, что якобы «оригинал есть фантом и иллюзия».

Те атеисты, которые так или иначе адресуются к трансцендентному Субъекту (точнее, думают, что делают это), на самом деле говорят о том же Великом Существе – об онтологическом «боге», ибо они не знают и не могут знать ничего о трансцендентном Субъекте. Для людей, находящихся вне луча Откровения, он совпадает, образно говоря, со «слепым пятном» их интеллектуального зрения.

Разумеется, все эти движения, связанные с различными формами социального сопротивления, оспаривание господствующей цивилизационной матрицы и тому подобное, носят виртуальный характер и не ведут ни к каким результатам вне стратегии Духа, основанной на Большом Логосе. Это всё равно что деятельность плохо вооружённого партизанского отряда или банды, которая ничего не знает о планировании спецопераций, о штабной культуре и бросает вызов при этом профессионально организованной силовой машине. Тем не менее следует констатировать, что в этой «партизанской деятельности» есть зерно подлинного. Свобода – это действительно

освобождение *отражения от оригинала*. Такое освобождение возможно потому, что оригинал и знать не знает об искре Святого Духа, ввергнутой в глубину своего отражения.

Все религиозные движения и практики представляют собой вариации двух возможных намерений. Одно есть движение отражения к своему оригиналу, жажда встречи, стремление отражения выйти из поверхности зеркала и слиться с Тем, Кто стоит перед ним. В этом случае отражение должно вести – и ведёт – беспощадную войну с той травмой, которая составляет главное различие между ним и оригиналом – с сознанием! Таков суфизм, таковы все эзотерические практики больших метафизических Традиций, основанных на принципе тождества между тем, что «здесь» и тем, что «там».

Другой вектор, так же пронизывающий историю духовной борьбы людей, связан с волей к разрыву связи между отражением и оригиналом, намерением абсолютизировать ту самую травму, которая составляет это трагическое различие между двумя планами Бытия. Здесь мы находим религиозные движения, связанные с *антиномизмом* и даже *аномизмом* как крайней формой революционного экстаза. Сюда относятся катары, анабаптистские секты и не в последнюю очередь – скопцы. Эта секта практиковала наиболее прямую форму разрыва между отражением и оригиналом, интерпретируя либидо как универсальное выражение зависимости от Великого Существа и буквально понимая травматическую природу Духа.

Любая воинская практика, ведущая к освобождению отражения от оригинала, должна начинаться с утверждения трансцендентного Субъекта как обладателя Провиденциальной Мысли. Это предполагает превращение того, что мы назвали «слепым пятном» в интеллектуальном зрении, в центральный фокус духовной оптики – как индивидуальной, так и коллективной. Это путь, которым прошёл Авраам: отвержение всего, что может быть увидено, помыслено, представлено в созерцании и так далее ради того, что абсолютно не дано, что находится как бы «со стороны затылка» в метафизическом плане.

Утверждение того, что лежит в зоне «слепого пятна» как единственного центра реальности, – это акт интеллектуальной воли, которая идёт против всех естественных побуждений и склонностей «глиняной» органики, против онтологии в её самых глубинных устоях.

Собственно говоря, это и есть «чистый ислам», ислам Ибрагима (Авраама, мир ему), который на деле и представляет собой единственно возможную стратегию Духа, дающую шанс на победу против сил Рока (в Исламе именуемого «дахр», а у зороастрийцев – «Зерван»).

* * *

Напомним еще раз: физический мир – это зеркало, которое является одновременно и частью Бытия, и тем, что отражает Бытие в себе. Это наиболее пассивный, вторичный элемент Бытия, который подчиняется простейшим побудительным силам – solve et coagula, *разряжение и сгущение.* Зеркальное пространство мира изначально – это чистая протяженность, образованная неопределённым множеством геометрических точек, исчезающее малое расстояние между которыми образует «квант пространства». В своём изначальном первозданном виде эта протяженность является чистым энергетическим потенциалом. Однако затем пространство начинает искривляться, возникают «сгущения», то есть первоначальное множество начинает повышать уровень своей математической мощности. Это есть не что иное, как переход от энергии к веществу, возникновение тел.

Именно движение от разряженного состояния пространства, которое образует энергетический полюс, ко всё более и более плотному сгущению, которое в итоге приводит к концентрации всей протяженности в полюсе вещества, становящейся в итоге одной единственной «точкой», – вот это и образует «вселенское время», точнее – концепцию «от прошлого к будущему».

Переход от энергии к веществу – это естественное движение времени, которое тесно связано с гравитационным полем. Это движение напоминает высыпание песка в песочных часах под действием силы тяжести. Если бы всё это движение на всей протяжённости пространственно-временного континуума было бы единообразным, то конец физической манифестации был бы достигнут очень быстро. Но дело в том, что где-то идёт и обратный процесс превращения вещества в энергию. Когда мы бросаем простое берёзовое полено в печку, обычная дачная голландка превращается в

«машину времени». Солнечный свет становился древесиной, и это естественный ток от разряжения к сгущению. А в печке вещество древесины снова становится теплом и светом, то есть энергией. Это движение времени вспять. Во Вселенной бессчётное множество таких «поленьев». Вещество постоянно превращается в энергию, но в целом баланс склоняется в пользу «закона песочных часов», то есть вектор сгущения доминирует над вектором разряжения.

Однако есть тут одна проблема. Поскольку мощность геометрического множества – это вещь относительная, то непонятно, в каком состоянии наблюдатель застаёт пространственно-временной континуум, когда, так сказать, впервые бросает на него взгляд. Не очевидно, начальное ли это состояние или конечное, потому что по отношению к любой мощности множества можно предполагать как более высокий уровень разреженности, так и более высокий уровень сгущённости. Точка отсчёта абсолютно абстрактна.

Поэтому единственной мерой движения «вселенского времени» может быть только человеческий цикл, поскольку человечество как коллективный субъект имеет начало и конец, по отношению к которым оно само и выступает свидетелем. Именно поэтому «вселенское время» измеряется циклами *адамических манифестаций*. Гравитационное время, текущее внутри мира-зеркала, – это природный естественный контур, на который опираются начала термодинамики. Самым критическим является второе начало, о котором мы знаем на повседневном опыте: снятый с огня чайник – остынет. Никакой изолированный объект сам по себе без подводки внешнего источника энергии теплее не станет. Это то, что присуще естественному контуру.

Однако этот очевидный и привычный закон нарушается, когда мы переходим к живым организмам. В биологических системах энтропия перестаёт действовать с такой физической очевидностью. Организм выдаёт из себя больше энергии, чем получает. Конечно, в итоге каждый отдельный организм проигрывает борьбу со вторым началом термодинамики, но какое-то время он демонстрирует по критериям неорганического вещества явное чудо. Биологическую жизнь мы называем *первым сверхъестественным контуром*, в котором простое соотношение вещества и энергии нарушается.

В обществе законы термодинамики нарушаются ещё более явно, ещё более масштабно. Собственно говоря, сама идея «прогресса»

представляет собой, с точки зрения термодинамики, концепцию «сверхъестественного»: из «меньшего» извлекается «большее»! Конечно, сама эта идея «прогресса» крайне неоднозначна, – это чтобы не сказать «попросту ложна». Однако что есть, то есть: определённые социальные параметры с течением времени растут, причём с явным нарушением «простых и естественных законов».

Общество представляет собой *второй контур сверхъестественного*. Однако подобно тому, как биологический индивидуум проигрывает вселенской энтропии, так же иссякают и гибнут цивилизации и в конечном счете обречено само человечество. То, что появится в новом цикле и начнёт с нового Золотого века, будет уже другим человечеством, не имеющим памяти о своём предшественнике.

Однако у такого вечно повторяющегося завершения в «метафизической ночи» есть альтернатива. Это эсхатологический выход из режима циклов через прямое вмешательство трансцендентного Субъекта. Если внутри социума достигнута «критическая масса» пассионариев, если возникает обладающая достаточной силой «партия героев», трансцендентный Субъект посылает ей вождя, действиями которого руководит Сам. Этот вождь называется Махди, и его приход открывает *третий сверхъестественный контур.*

Вне эсхатологической перспективы и первый, и второй порядки «сверхъестественного» обречены проиграть универсальной субстанции, которая поддерживает режим «вечного возвращения». Однако победа *третьего сверхъестественного контура* уничтожает Ветхое бытие и открывает Новую землю и Новое небо, которые обетованы нам на уровне Большого Логоса.

*** * ***

Выше мы говорили, что человечество создаётся языком. Язык некоторым образом принуждает биологическое существо быть человеком и обладать причастностью к «травме сознания», которой изначально был наделён Адам.

Человек сам по себе не является носителем искры Святого Духа, но через язык он получает виртуальную причастность к ней. Это значит, что, следуя определённому пути, опираясь на определённые практики, развивая внутри себя определённые состояния сознания, обычный человек может превратить эту виртуальную причастность в актуальное обладание этой «искрой». Именно Страшный Суд и должен решить, в какой степени каждому удалось продвинуться на этом пути перехода от виртуального к актуальному. Не лишне отметить, что приматы, обладающие лишь виртуальной причастностью через социально полученное умение пользоваться языком, не имеют никакого основания для того, чтобы стать бенефициарами Новой земли и Нового неба.

Следует отметить и другой момент – не столь принципиальный, но не лишённый интереса. Язык не только делает из примата человека вообще, он делает вполне конкретного человека. Мы живём среди ярко разнящихся индивидуумов. Один – человек хороший, другой – подловатый, третий – жадный, четвёртый швыряет деньги на своё удовольствие, пятый как раб служит своей семье и так далее. Но можно ли полагать, что они такими и рождаются в готовом виде на свет? Иными словами, если бы кто-то из них был украден из колыбели волчицей и вырос в качестве бессловесного «Маугли», был бы он добрым или жадным?

Язык не только создает умопостигаемый концептуально нагруженный объект из «пятна Роршаха». Новый человек, приходящий в мир, является первоначально точно таким же «пятном Роршаха», которое определённым образом описывается языком по мере того, как новоприбывший в сей мир его усваивает. Люди получают извне не только продукт «малого логоса» – язык того культурного пространства, в которое они родились, – они ещё оказываются, так сказать, в «микрологосах»: языках своей социальной среды, своего квартала и даже своей семьи. Внутри этой семьи различные носители языка (родственники) оказывают влияние на подрастающего человека. Каждый фактически говорит на некоей специфической версии «микрологоса», которая описывает не только его мир, но и его самого. «Микрологос» индивидуума делает его смелым или трусливым, жёстким или «размазнёй» и так далее.

У разных уровней Логоса совершенно разные задачи. В конечном счёте «микрологос», наиболее приближенный к личному существованию, к экзистенции, имеет своей задачей конкретизацию человеческого «сырья» в виде оформившихся индивидуумов, имеющих постоянный жизненный образ действия. «Малый логос», являющийся языком цивилизации, языком культурного ареала, в качестве главной задачи ориентирован на реализацию *понимания*.

Феномен *понимания* – это ключевая вещь для поддержания устойчивого человеческого сообщества. Прежде всего, без *понимания* как особого психоэкзистенциального состояния невозможно взаимодействие между конкретными людьми и цивилизационной матрицей, которая их «проштамповывает» и кодифицирует. Когда человек перестаёт понимать матрицу, которая его определяет, он очень скоро превращается в подрывной элемент, в горючий материал, готовый вспыхнуть при любой провокации. Классическими носителями *непонимания* своей матрицы, рассогласования с ней оказываются сегодня те выходцы из «медвежьих углов», которые наводняют беднейшие кварталы современных мегаполисов. Эти люди несут стереотипы матричных оттисков более консервативных, нежели те, которые обрушивает на них мегаполис. Разрыв между этикой выходца из деревни и циничным аморализмом либеральной городской среды может сохраняться на протяжении четырёх-пяти поколений, родившихся и выросших после переселения в город.

Переживание *непонимания*, экзистенциальный зазор между своим личным бессознательным и артикулированной матрицей окружения, порождает ressentiment, глухое недовольство, переходящее в ярость.

Именно поэтому мы и назвали «малый логос» компромиссом между языком и «мудростью», который совершенно необходим для оперативного управления человеческим стадом. Этот компромисс как нельзя лучше виден на примере *понимания*. Секрет этого феномена состоит в отчуждении и объективации субъективного состояния сознания, которое приписывается природе объекта. Скажем, посреди джунглей одного из островков Микронезии во время Второй мировой войны упал американский бомбардировщик. Он не разбился на мелкие куски, а сохранил очертания общей конструкции. Местные папуасы интерпретировали его в соответствии со своей матрицей, в которой существовал концепт сверхъестественной птицы, посылаемой

«богами». Они совместили этот концепт с физическим явлением неудачно приземлившейся «летающей крепости» и после этого превратили артефакт чуждой цивилизации в объект поклонения, не испытывая ни малейших психологических проблем. Не сумей они выйти на свое собственное «понимание» того, чем был этот самолёт, они его либо не заметили бы, либо отнеслись бы к нему как к слегка необычному метеориту. Это, кстати, то, что мы делаем сплошь и рядом с массой вещей, которые остаются вне нашего *понимания*.

Цель Большого Логоса совершенно не связана с *пониманием*. Кстати, зная это или имея об этом некую интуицию, коранические учёные возражают против философских и теологических диспутов относительно текста Откровения. Действительно, *понимание* в формате «малого логоса», привнесенное в сферу Священного текста, может принести только вред, потому что Откровение вообще не имеет отношения к формированию цивилизационных матриц, но, напротив, призвано разрушать их все!

Цель Большого Логоса на человеческом уровне – это создание специфического зеркала, в котором сознание могло бы встретиться с собой. Таким специфическим зеркалом является Мысль – точнее, проявление Провиденциальной Мысли, переведённое в плоскость человеческого языка. Истинное мышление создаёт ту отражающую поверхность, в которой сознание обнаруживает самое себя как подлинный ноумен, – как то, что в действительности стоит за *концептуализированным* контентом окружающего нас организованного мира.

Реализация такого «зеркала» как проекции Провиденциальной Мысли на человеческий уровень, благодаря чему сознание обнаруживает себя как трансцендентное противостояние «всему, что есть», и ведёт к открытию *третьего сверхъестественного контура*, поскольку Махди осуществляет прямую связь между самой Провиденциальной Мыслью, которую он представляет, и её отблеском в коллективном сознании общины верующих.

* * *

Человек, при всей своей малости и периферийности в масштабе сущего, представляет собой ключ, отпирающий дверь «последнего секрета», который заложен в Бытии. Освобождение человека от контроля бытийной «мудрости», реализация Большого Логоса на уровне нашего мира означает, что этот мир выпадает из сверхсложной оптической сети зеркал, пересылающих друг другу отражение одного и того же. Если накинуть на одно из таких зеркал чёрное покрывало, погаснут отражения во всех остальных зеркалах, и, соответственно, совершится коллапс этой мультиплицированной зеркальной реальности. Вместо Бытия ложного наступит Бытие подлинное, где не сознание существует лишь постольку, поскольку оно – «чёрная дыра», противостоящая сущему, но напротив – Новое Бытие станет проекцией и тенью освобождённого сознания. Это и есть истинная природа Рая.

Сознание как «чёрная дыра», как травма, есть нарушение гомогенности безграничного и постоянного *здесь и теперь*. Эта безграничность сама по себе абсолютно бессмысленна. Смысл возникает лишь в её ограничении. Сущее перестаёт быть абсурдом, когда оно соотносится с *не-сущим*, когда *не-сущее* встаёт в центр *сущего*. Тогда сущее в этой точке оппозиции одновременно и кончается, и начинает жить как поле смысла. В сознании Бытие находит свой финал, превращаясь в сцену, на которой разыгрывается сюжет преодоления этого Бытия, его эсхатологического коллапса. Присутствие сознания как абсолютного нетождества посреди Бытия – это и есть смысл.

На этом этапе нам открывается следующая истина. Смысл является таковым, потому что он представляет собой некое предвосхищение грядущего абсолютного и безусловного *утверждения*. Сознание как смысл само по себе не является безусловным *утверждением*. Условием сознания оказывается заданность Бытия, которому сознание противостоит, видит, не будучи «увиденным». Если разрушается «подпорка» – тело носителя сознания, – то, что было «чёрной дырой», дающей возможность проступить всему многообразию индивидуального опыта, превращается в тотальное «Нет», в *невозможность*, иными словами, в подлинную суть сознания.

Сознание существует только в противостоянии *невозможности* и реализованной *возможности*. На этом стыке оно живёт как «видящий

глаз». В этом плане оно не является безусловным *утверждением*, оно лишь провозвестие этого *утверждения*, которое будет достигнуто, когда Провиденциальная Мысль до конца завершит свою внутреннюю задачу.

Отсюда следует понимать, что смысл является одновременно и изображением *здесь и теперь* грядущего трансцендентного *утверждения*, и концом того, что выступает для нас как *здесь и теперь* в самом акте *свидетельствования*. Сознание можно уподобить замочной скважине в сплошной монолитной поверхности двери. Ключ к этой замочной скважине – это человек в своём провиденциальном назначении. А сюжетная история, в ходе которой это предназначениие реализуется, сравнима с поворотами этого ключа внутри скважины.

Финализм указывает истинную природу сознания по отношению к Бытию – это имя той доктрины, которая нагружает смыслом течение времени. В перспективе *финализма* время конечно. Тайна этой конечности – в сознании, которое видит себя в зеркале языка.

Что является конечным, точнее – предметом, предназначенным к «окончанию» в доктрине *финализма*? Ложная бесконечность, *бесконечность сущего*, которое на самом деле представляет собой хтоническое «подземелье» Провиденциальной Мысли. Доктрина *финализма*, исходя из оперативной центральности архетипического человека в Замысле освобождения из этого «зиндана», переводит тему конца Бытия в плоскость конца истории.

Соответственно, всеобъемлющий онтологический коллапс зиждется на открытой нам политической антиномии: с одной стороны, радикализм, Радикальный клуб, содержанием которого может быть только *политический ислам*, с другой стороны – Традиционалистский клуб, который исповедует культ «вечного возвращения» и «дурной» бесконечности абсурда. Традиционалистский клуб – это Бытие, предъявленное как власть; Великое Существо, спроецированное в этот мир; «вечный султан», продвигаемый мудрецами как тень от ложной концепции «Всевышнего». Радикализм несёт конец этой власти, ставит ногу на горло «султана», отрезает головы мудрецам. *Радикализм – это финализм во всей глубине и бездонности его подразумевания.*

Традиционализм и профанизм[39]

1. Генон – апологет открытой иерократии

Рене Генон рассматривает общество в некоей дихотомии. Одним полюсом для него является общество традиционное, которое существовало всегда, во все времена, в разных формах, в разных проявлениях. Средневековая Европа, Дальний Восток, индуистское общество и так далее – это общества «нормальные», возглавляемые сакральным авторитетом, который «легитимизирует» все иерархические слои. На другом полюсе – общество «профаническое», современное общество, своего рода негатив от первого. (Что в традиционном обществе «белое», в профаническом – «черное», и наоборот.)

Такое общество, согласно Генону, сложилось в течение нескольких последних столетий. Генон даже определяет дату образования такого «антитрадиционного» общества: конец Столетней войны. Этапы его существования – ранняя Реформация, Возрождение, которое для него является прорывом псевдоантичного духа (античность – алиби для антитрадиционализма), якобинство, Французская революция, либерализм. И, наконец, XX век – последняя, деструктивная, *сатанинская* фаза профанизма.

С точки зрения Генона профанизм – это торжество сугубо человеческого измерения, которое является перевернутым аналогом по отношению к подлинной полноте человеческого потенциала.

Концепция Рене Генона настолько убедительна, логична и наглядна, что трудно в принципе что-то ей возразить. Она описывает довольно очевидные вещи, которые любому из нас бросаются в глаза. Но если углубиться в нее, то возникает целый ряд вопросов.

Если Традиция как *супрачеловеческая* реальность, действующая наподобие силовой «электрической» решетки, структурирующей «магнитные» поля человеческой субстанции, настолько глобальна и универсальна, почему она вырождается в собственную противоположность? Как получается, что глобальная, универсальная система традиционализма – фундаментальная норма – упускает контроль над обществом, какой-то его частью (скажем, Европой,

которая в результате становится наиболее сильной, наиболее «переразвитой», наиболее агрессивной)?

А потом происходит то, что Генон в одной из своих книг называет «вторжением». Происходит вторжение в традиционные цивилизации, которые, образно говоря, еще выживают на обочине этого ядовитого центра профанизма. И в конце концов весь мир в какой-то момент становится профанным, что можно рассматривать как завершение всего цикла и последнее звено Кали-юги.

2. Криптоиерократия – современная форма господства жрецов

Генон упоминает в одной из своих работ, что инволюция является необходимым законом манифестации: то есть от некоего «плюса», от некоей полноты потенции, в ходе манифестации *универсальный принцип* исчерпывает возможность своего проявления и переходит как бы к своему «минусу». В другом месте он оговаривается, что торжество открытого профанизма не является законом: необязательно циклы истории предыдущих человечеств заканчивались вырождением, подобным нашему.

Генон упоминает также, что революция против традиционалистского духа является как бы «гвоздем программы» финальной деградации человеческой истории. А почему она вообще возникает? С глобальной точки зрения бунт находится внутри Системы и универсальной Традиции. Тогда, может быть, и профанизм следует рассматривать как некую версию, модальность, модификацию традиционалистского общества?

В процессе своих собственных изысканий, анализа геноновской доктрины традиционализма и сравнения ее с тем, что меня реально окружает, я пришел к следующему выводу: никакого профанизма нет. Профанизм есть некая маска, определенная ментальная программа, предназначенная для манипуляции сознанием широких масс населения. Сакральный авторитет никуда не исчез и не мог исчезнуть.

Геноновская схема состоит в том, что Воины восстают против Жрецов, устанавливая порядок, при котором Жрецы будто бы вынуждены зависеть от светской власти. Потом Торгаши, буржуазия, восстают против Воинов и устанавливают буржуазный порядок. И, наконец, крайняя стадия: Шудры, люмпены, восстают против Торгашей. Это последняя фаза. Это коммунизм, социализм, то есть диктатура пролетариата, о которой сам Генон говорит как о финальной стадии инволюции.

За красивой и убедительной дидактической схемой стоит, однако, совершенно другая реальность, – *иерократия*, которая существовала в древнейшие времена, никуда не исчезла, а существует в гораздо более

жесткой, хотя и скрытой, форме. Прежде она существовала как *государство-храм*: система, в которой общество, как концентрические круги, распространяется от храма, от пирамиды, от зиккурата, вширь. Это открытая, очевидная, прямая теократия, точнее, иерократия – власть жрецов.

Сегодня мы имеем схему: ставший неочевидным сакральный авторитет ставит системы «заглушек», завес и внешних, отводящих внимание, комбинаций между своей подлинной властью, подлинной силой, и тем, что воспринимает так называемое «массовое сознание». В частности, парламенты, либеральные институты, «открытое гражданское общество», законы рынка и прочее – все это не более чем система таких «заглушек», выстроенных ширм, за которыми стоит та же самая реальность метафизического социума, что и тысячи лет назад. Более того, можно утверждать, что с определенного времени в Европе иерократия сама начала готовить войны и революции для того, чтобы, пойдя на внешние перемены, реально сохранить свою власть.

Каста иерократии, кстати говоря – это не единый организм. Есть определенная консервативная часть, которая привязана к внешним институциональным аспектам. Ее обычно «сдают», потому что без «сдачи», без манипуляции ничего не получается. Переходя от открытой иерократии к криптоиерократии, какой-то частью приходится жертвовать. Обычно «сдают» консервативную, помпезную, лицевую часть.

Всегда существуют определенные закрытые эшелоны авторитета. Это эзотерические ордена по отношению к внешней церкви. Есть внутренние круги и в недрах самих орденов. Там такое же деление: консервативная видимая часть, с одной стороны, и гибкая, скрытая часть, которая ориентирована на то, что «чем больше все меняется, тем больше все остается по-прежнему» – с другой.

Вспомним те процессы, которые происходили в России в XVIII–XIX веках. Попы-расстриги, семинаристы, не закончив курса семинарии, шли в революцию. Некоторым внутренним образом они все были связаны с определенными религиозными структурами. Из-за недостатка материалов мы не можем сказать точно, насколько глубоко была «повязана» русская «фронда» и оппозиция с русским религиозным сектантством. Но мы знаем достаточно, чтобы утверждать, что такая связь была: например, старообрядцы сыграли

свою роль в революционной борьбе против династии. Насколько велика эта роль – трудно сказать, но то, что они в определенном смысле «подпитывали» революционное движение, – бесспорно. А секты типа хлыстов: были ли они связаны с русским революционным движением? Бесспорно, такая связь была.

3. Жречество как организатор исторического процесса

Есть лицевая, фасадная сторона и самой официальной церкви, не допускающая никаких вопросов; но есть и внутренняя сторона. Какова роль определенных иерархов в подготовке кризиса Романовской монархии на последнем этапе? Она известна. Тот же Распутин без поддержки церкви вообще не мог проявиться и попасть в ближайшее окружение царя. Большевики немедленно «отплатили» церкви, восстановив чин Патриарха, отмененный Петром I. Так просачиваются отголоски некоей концептуальной реальности.

Я против того, чтобы идти от частного к целому, брать деталь и, подобно Кювье, восстанавливать целостную картину. Надо устанавливать парадигматическую истинность. Реальность имеет некую парадигму. Интуитивно понимаешь: вот оно, так и должно быть, а потом находишь детали, разрозненные кусочки, которые в эту схему укладываются. Никогда не удается набрать такое количество деталей, которое перешло бы в качество совпадения с парадигмой, так что подобные построения всегда уязвимы. Критически настроенные академики всегда скажут: «Ну, батенька, вот эта деталька так объясняется, зачем же сразу такие скачки логические? Нет этого ничего: все, как с виду кажется, – так оно и есть».

Я убежден, что иерократия в широком смысле подготовила ряд крупных социальных смещений, перемен, революций, для того чтобы на конечном этапе создать полностью контролируемое общество, называемое «открытым», «гражданским», «рыночным», руководимое институтом демократического самоуправления, который в действительности является очевидной и даже не очень плотной ширмой.

Что такое выборная система? Это система Дельфийского оракула, гадание, реализация принципа *vox populi*. Это апелляция к коллективному подсознанию. На чем основано обращение к общественному мнению? Как может сумма дураков давать умный результат? Собственно говоря, здесь и нет такой механической схемы, так как подразумевается, что люди, вызванные к кабинкам для

голосования, через свое коллективное бессознательное дают возможность проявиться судьбе, а не заявляют свои убогие личные мнения; когда они в толпе, они являются проявлением некоего судьбоносного движения.

Разумеется, это «судьбоносное движение» определенным образом управляемо. Углубляясь в суть любого института, мы видим, что этот институт не является самодостаточным. Любому решению «помогают». И вопрос в том, где завязки, где корни этого решения? Кто является «имиджмейкером»? За консенсусом стоит некая «мудрость», а «мудрость» принадлежит классу людей, которым по должности полагается быть мудрыми. Это и есть носители *иерократического авторитета*. Речь не идет о франкмасонах. Институт масонства, ставший предметом обсуждения, запугивания, мистифицирования в течение двух последних столетий, – это, в лучшем случае, некая служебная структура. Это традиционная структура на одном конце, а на другом – максимально приближенная к профанизму система «Ротари»[40].

Проблема Истории в том, что ею никогда не руководят люди, у которых вопросы доминируют над ответами. Проблема Истории в том, что человечеством руководят те, у кого ответы предшествуют вопросам. Такие люди составляют касту клерикалов. «Клерикалы» – достаточно гибкое понятие. В структурах официально утвержденных, этаблированных, церковных систем (я не имею в виду только христианство) есть проявленные, занимающие высокие посты люди, а рядом с ними – люди, по внешней иерархии выглядящие гораздо менее значительно.

«Серые кардиналы» стоят не только за королями, но и за официальными главами клерикальных структур. Настоящий экуменизм начинается не с официальных вершин, а с некоего звена, слегка дистанцированного от всем видимого пика. Здесь мы снова возвращаемся к Генону, который говорит о единстве всех Традиций: Традициям нечего делить – на всех одна Истина. А если продолжить на шаг это утверждение Генона, оказывается, что и профанизм является одной из возможных модификаций Традиции, потому что любой институт, любая манифестация профанического общества расшифровывается с точки зрения традиционной метафизики как некий символ, как некий иероглиф, – даже рынок.

Возьмем хайековское определение рынка. Хайек отказался от логической систематизации законов рынка, сказав, что это некая непознаваемая вещь с присущими моментами риска, случайностей и так далее, то есть некая агрессивная аморфность (модификация аристотелевского определения субстанции в социальной сфере). Таким образом, рынок, если следовать пониманию Хайека, оказывается проявлением аморфного «женского» полюса в социальном «космосе», с его законами обмена количеств. В принципе, это не что иное, как обмен количеств, которые все время растворяют, снимают форму и качество, снимают всякую фиксацию, переводя ее в чистое количество.

В конечном счете жесткое различение между традиционным обществом и профанизмом расплывается. О монументах, выстроенных профанами в XX веке, нам говорят: «Посмотрите: здесь куб, а здесь – пирамида, здесь те или иные символы». Кто-то отвечает: «Это делали масоны, а у масонов в голове традиционный геометрический символизм».

Если современная цивилизация построена на традиционных символах, то где же тогда профанизм? Профанизм остается где-то на передней полосе газет, в столбцах редакторов, которые выдвигают наиболее легкие, общепонятные объяснения. А как только мы подходим к памятнику, к небоскребу, к дому, к метро с его всем понятной, всем очевидной, даже вызывающей улыбку масонской интерпретацией, – профанизм куда-то «убегает», мы в мире метафизических намеков и загадок, как во времена готических соборов.

4. Проект иерократии: «точка зрения вечности» на земле

Генона не устраивает та форма иерократии, которая на сегодняшний день восторжествовала. Тогда надо об этом прямо говорить: я, Рене Генон, – сторонник открытой иерократии, а не криптоиерократии. Но это будет серьезная поправка к дихотомии «традиционализм – профанизм», потому что здесь начинается совершенно другая тема. Действительно, иерократия что-то пытается остановить, борется для того, чтобы сохранить свое господство. Значит, у нее есть враг, она уязвима, на какие-то уступки вынуждена идти.

Возникает вопрос: почему универсальная система глобального контроля, которая всегда нормативно правила человечеством, вынуждена прибегать к маневрам?

Прежде всего, проект, который иерократия имеет в виду, – проект «вечного человека», – необычайно затратный. Ведь что такое иерократия? Это система трансцендентного фиска, это механизм взимания с человека того, что он может дать от себя, его соков, энергии. Человек платит со своего «подноготного» последнего потенциала в те инстанции, которые, будучи сформированы из этого «бюджета», тратят в свою очередь на технологию исторического движения, на историю, на проект. Они моделируют движение в макроэтапах, в макроструктурах, формируя то, что они называют финальной сверхзадачей цивилизации, – без различения, римская это или китайская цивилизация.

Проектное движение, формирование метаисторического сюжета «стоит денег», точнее – неких затрат в тонкой ли материи, в грубой ли материи. Тем более, что деньги – это, с традиционалистской точки зрения, *видимое* золото; существует также эквивалент *невидимый*, и они «взаимопереводимы».

Известна идея пирамиды как наиболее устойчивой формы. Не куб, а пирамида оказывается более устойчивой, потому что она имеет базу тяжести. Она является фиксированной формой, в которой как бы «останавливается» время. Таково подобное пирамиде традиционное

общество, в котором все «как надо», то есть вверху первосвященник, он легитимизирует все остальные структуры – от фараона и до последнего раба, эту пирамиду построившего.

Другое дело – проект «ковчега», который плывет. На этот «ковчег» взято все необходимое, он плывет, появляется износ судна, происходит расход энергии. Если продолжить сравнение, в какой-то момент изначально существовавшее в виде пирамиды общество превращается в общество в виде ковчега. И если в пирамиде затратность на поддержание стабильности минимальная, то плавание уже весьма затратно.

И чем дальше плывешь, тем больше нужно тратить, поэтому в конечном счете все человечество превращается не просто в данников, а в таких данников, которые должны отдавать по максимуму, то есть гораздо больше, чем отдавал раб во времена фараонов. С раба можно взять его мускульные усилия: он завернут в тряпочку, получает миску каши в день, чтобы не умер, и собственными руками, напрягаясь, перехватывает камень. Десять миллионов, сто миллионов рабов – с них мало что можно взять. Их коллективное усилие не продвинет нас по пути реализации таких серьезных вещей, как *макроцивилизационный* проект.

Вот если превратить всех этих рабов в людей среднего класса, в буржуа, имеющих потребности и возможности, выкладываясь определенным образом, их удовлетворять, в тех, кто ездит на «тойотах», имеет коттеджи, отдает своих детей учиться в колледжи, и прочее, и прочее, и чтобы таких было два-три миллиарда, – тогда взять можно немало. Эти люди отдают не только налоги. Современное человечество может отдать очень много даже не физическими деньгами, а самим фактом своего существования. У раба нельзя купить его будущее, а у среднего класса – можно.

5. Позитивная мораль как база криптоиерократии

Чем характеризуется современная криптоиерократия в отличие от открытой иерократии вавилонского типа, иерократии фараонов? Тем, что сакральный авторитет в криптоиерократии получает ценностное объяснение, то есть учение о ценностях жизни становится базой оправдания духовного авторитета.

Священник XX века говорит о том, что церковь борется «за все хорошее», выступает гарантом позитивных вещей: ценностей семьи, мира, материального и духовного благополучия. В Средние века любой поп упал бы в обморок, если бы ему предложили такие социальные теодицеи, в которых «добро» фигурирует как база, на которой утверждается авторитет церкви. Духовное утверждение не может базироваться на категории ценности.

Подобные модели стали появляться после прихода протестантизма и потом вошли в современную профаническую эпоху; они не то чтобы профаничны в своей сути, но скорее связаны со спецификой криптоиерократии. Скрытая власть жрецов имеет совершенно иную логику самообеспечения, самопрезентации по сравнению с открытой. *Позитивная мораль* – это атрибут криптоиерократии. Но морализм, построенный на учении о ценностях позитивного существования, на аксиологии, – это оборотная сторона культа «золотого тельца».

Можно сколько угодно говорить о так называемых «тонких» (духовных) ценностях, но никуда не уйдешь от того, что «грубые», материальные ценности являются тенью «тонких». Если вы попали в сферу господства «позитивной морали» – значит, вы оказались в религиозном царстве «золотого тельца».

Итак, от традиционного общества, понимаемого в широком плане, мы никуда не ушли. Мы по-прежнему находимся в луче вечных архетипов, которые просто замаскировались, перефразировали себя в новой презентации. «Профанизма» как такового нет.

Другой интересный вопрос – чего боятся иерократы, почему они идут на исторические трансформации, на организацию революции и

тому подобное? Иерократия в глобальном смысле – это тирания. Не важно, что она отражает на человеческом уровне фундаментальную *онтологическую реальность*: Бытие – тоже тирания. Неважно, что жрецы корпоративно несут в себе некую констатацию того, что есть в виде созерцания простой истины: истина – тоже тирания. Человечество находится под бременем тирании по определению – прежде всего тирании Рока. Древние осознавали это непосредственно: есть всепоглощающий Рок, герой бросает ему вызов, а Рок – это тирания, глобальное «То, Что Есть». Если это так, то неизбежен и вызов тирании. Должен явиться герой, бросающий вызов Року.

Более того, та энергия, с помощью которой иерократия пытается все обновить, – революционная энергия, которую жрецы узурпируют, чтобы использовать в своих политтехнологиях, модифицируя жизнь так, чтобы она метафизически не менялась, – откуда она?

В недрах человечества дремлет титанический вызов. Титанический вызов в лице избранных героев направлен в глубочайшем смысле против *Рока как абсолютной негативной вечности*. Но это ведь только герой может напрямую «беседовать» с Роком как бы «с глазу на глаз», как на дуэли! А если речь идет о массовых движениях, о подспудном перегреве парового котла человечества?

Кто же олицетворяет для бунтовщиков силы Рока, саму онтологическую тиранию? Да те, кто ее осуществляет, – каста жрецов, иерократия. Ненависть к иерократии – это фундаментальная составляющая человеческого титанизма, то есть вечная готовность к нечленораздельному взрыву, бунту, отвержению системы. У этой *антисистемности* тоже есть два полюса. Один полюс – это сама ярость тех, кто внизу, в подземелье. Другой полюс – это сверхвнятная миссия пророков.

Пророки приходят для того, чтобы низвергнуть тиранию иерократии. Они приходят из противоположного конца реальности к обездоленному. Когда две этих составляющих, «плюс» и «минус» гнева – гнев божий и гнев угнетенных – встречаются, вспыхивает взрыв. Это *религиозная* революция, которая есть единственно возможная, подлинная революция. И якобинские революции, устраиваемые попами, лишь пародируют архетипические подлинные религиозные революции.

Подлинная революция – это революция Моисея, это революция Христа, это революция Мухаммеда (мир им всем). До них – это революция Авраама. А якобинская революция есть некая сюжетная имитация, но политтехнологически грамотная. Если обездоленные на поверхности земли и титаны, ворочающиеся в ее недрах, испытывающие глубокую нечленораздельную ненависть к олимпийцам, являются естественными союзниками пророков, то торгаши, третье сословие – естественные союзники жрецов. Буржуазия и церковь находятся в неразделимом союзе.

Человек? …[41]

3 апреля 2005

Сегодняшняя тема была сформулирована в таком суровом варианте: «Человек и…», и мне было предложено это многоточие в теме заполнить. То есть человек и нечто – общество, культура, цивилизация, история и так далее. Я понял, что любое конкретное дополнение будет нестерпимой банальностью: ведь тем, кто предлагает подобную тему, приходит в голову сопоставление человека с чем-то измеренным, изученным. Ну, например, человек и современная медицина, человек и образование, – это более доступно и понятно.

Человек есть нечто пугающее, человек – это вызов, человек несет в себе напряженную драму, которой исследователь (сам, между прочим, человек,) очень боится, избегает и пытается ее скорректировать, поставив человека на фоне такой вот башенки или фигурки. Я подумал, что мы не пойдем по этому банальному пути, а сделаем так: «и» заменим на вопросительный знак, а многоточие оставим. И название у меня получилось: «Человек?..». Таким образом я вывел тему человека на глобальную перспективу, ко взгляду на человека в его абстрактной чистоте, – Человека с большой буквы, лишенного всяких привязок к привычному, находящемуся в пределах досягаемости к простым вещам и понятиям.

Если говорить о человеке, то имеет смысл анализировать это понятие в его фундаментальной очевидности, в его вызове. Но надо учесть, что при этом мы сами являемся людьми, и поэтому каждый человек ощущает: то, что он называет Человеком с большой буквы, – это не он сам, а то, что находится вне его. Это то, что является неким объектом рассмотрения.

Казалось бы, чего проще: обратись к самому себе, взгляни себе в душу – и проблема человека будет решена. Просто если ты человек – Петр Иванович, – то наведи на себя самостоятельно zoom и рассмотри в деталях: вот он тебе, собственно, и есть человек. Ан нет – ни один Петр Иванович не хочет согласиться с тем, что человек исчерпывается

им, или с тем, что человек – это то, что конкретно ходит по улицам, сидит и так далее.

На самом деле человек – это великая неопределенность, которая очень условно связана с тем, что представляем собой мы сами. Сколько бы мы ни занимались самоанализом, рассмотрением самих себя в качестве примеров человека, мы все равно будем очень далеки от реального содержания этого понятия, потому что человек, люди, имеют в виду не самих себя. Люди имеют в виду некую проблему, некий смысл своего существования, который им заведомо показан, но не дан. То есть человек есть обозначение вектора или траектории, человек есть обозначение некого горизонта, к которому мы имеем отношение через наш взгляд. Человек – это не мы сами, человек – это то, *куда* мы смотрим, всегда смотрим. И вот, оказывается, мы можем смотреть в разные стороны.

Есть взгляд на человека, который строго квалифицирован метафизической Традицией с древнейших времен, есть описания человека, которые дают великие Традиции прошлого и настоящего (Традиция не является продуктом самодеятельности общества: это глобальное знание, которому нет времени, которое не является продуктом исследований, оно просто либо принадлежит пониманию, либо можно не иметь о нем никакой информации). Мы подразумеваем такие великие Традиции, как даосизм, индуизм, то есть сакральную метафизику; на западе это неоплатонизм, неоплатоническая школа, отголосками которой явилась вся европейская философия вплоть до Гегеля. Метафизическая Традиция имеет очень конкретный взгляд на человека, где человек не есть предмет исследований того, что находится *здесь и теперь*, ходит по улицам, сидит в офисе, но некий горизонт, проблема, – то, чего мы заранее лишены, но к чему стремимся.

Что же это за человек в метафизической Традиции? Он, конечно же, является объектом изучения, он не *здесь*, не внутри, это – глобальный человек, который стоит, как гигантская тень, между Землей и звездным небом. Это человек, который представляет собой микрокосм, парадигму всего существующего. Это живое древо, связывающее миры, это то, что ногами упирается в Землю, головой уходит в небо; одна рука его поднята вверх и переводит грубые энергии в тонкие сферы, другая рука его опущена вниз, и он сгущает

тонкие энергии сверху, посылает их вниз и питает Землю небесной энергией.

То есть человек – это медиатор между «верхом» и «низом», медиатор между Землей и Небом. Такой глобальный человек представляет собой, с одной стороны, аналогию всему, с другой стороны – это как бы инверсия тотального Бытия. Скажем так: если есть большой космос с его протяженностью, звездами, с его мирами, населенными разными существами, то все они, будучи опрокинутыми как бы в лужу или в лежащее зеркало, отражаются мгновенно и тотально в этом зеркале. Этот микрокосм, в котором они отражаются, это «существо» – то, которое в отражении, – содержит в себе все. Вот это и есть человек, который одновременно отражает все и является медиатором между всем, между Землей и Небом.

В конечном счете это Великое Существо, которое выступает как модель всякого существа, как парадигма. Оно никуда не движется, у него нет каких-то задач и целей, потому что в нем все схвачено, все решено, это некий тотальный принцип, и именно в этой роли человек выступает как горизонт для тех, кто смотрит в этом направлении, для тех, кто ищет этого «человеческого» именно через метафизическую Традицию. Это и есть горизонт, к которому люди обращают свои взоры и видят, что там, на краю горизонта, за краем Земли, выступают как бы они же сами, но только в громадном, увеличенном до бесконечности размере. Человек, который отбрасывает тень на весь небосвод, захватывая звезды, облака… И это – Царь мира, это «сын бога», даже можно сказать, что это и сам «бог». Да, в конечном счете это Великое Существо с точки зрения метафизической Традиции: Большой человек, совершенный человек.

Когда исследователи метафизики пытаются сказать об этом тотальном и глобальном человеке *последнее*, то они не могут это Великое Существо отличить от Бога. В чем разница? Да ни в чем. Великое Существо как человек, который является «совершенным человеком» и так называемым Великим человеком, – оно практически не отличается от того, что метафизическая Традиция понимает под «богом».

И здесь, чтобы понять и двигаться дальше, мы все-таки должны ответить на вопрос: «А что метафизическая Традиция понимает под Богом?» Пока мы не поймем, что метафизики всех времен и народов

понимали под Богом, мы, во-первых, не поймем и пафоса этого утверждения Великого Совершенного человека от Земли до Неба; мы не поймем, кстати говоря, и пафоса атеистов, которые по каким-то причинам всегда, даже в достаточно «традиционные» времена, отрицали существование Бога.

Между прочим, я всегда был убежден – и многие со мной в этом плане согласятся (во всяком случае я находил эти подтверждения в традиционных текстах, в классических текстах), – что идея Бога гораздо более логична, «математична», обоснована и очевидна, естественна по сравнению с идеей отрицания Бога. Это не значит, что то или иное более справедливо, потому что логичность, рациональность, очевидность – это еще не доказательство правды. На самом деле правда может быть очень абсурдной, жестокой, страшной, и XX век это понял через такую трагическую культуру кризиса, он понял, что правда может ничего общего не иметь с красотой, совершенством и позитивом. Но тем не менее с точки зрения требований к разуму идея Бога, безусловно, гораздо более «нормальна», чем идея его отрицания.

Почему? Посмотрим на идею Бога не так, как в XX веке смотрит агностик, которому идею Бога предъявляют в заранее абсурдной форме: что это некий «дед мороз» на облаке или некий такой тайный распорядитель, непостижимый Хоттабыч, который стоит за пеленой внешней видимости, двигает вещами, или тотальный сверхкудесник, некий глобальный демон. Все эти детские идеи являются порождением современного сознания и постмодернистского обыгрывания, сознательного непонимания, что такое идея Бога. И поэтому постмодернисты, как *неоатеисты* агностического толка, борются не с идеей Бога, а с собственными фантомами по этому поводу.

Идея Бога очень фундаментальна, серьезна и коренится в самоочевидной логике. Бог – это точка, в которой Бытие встречается само с собой. Когда взгляд человека падает на судьбу, падает на предъявленное ему множество явлений, феноменов, то он чувствует, что за этим стоит некое утвердительное движение, которое порождает все это многоцветие окружения: цветы, пчелы, звезды, облака, другие существа. Тяга, как бы пружая сила возможностей, которая пронизана неким таким пафосом: «Есть – это дано!» Но оно дано как бы вслепую, оно прет и прет как трава, которая не знает о своих корнях.

Но в какой-то точке, в какой-то перспективе, если она прет по кругу и встречается сама с собой, это Бытие смотрит само в себя и себя узнает. И в этом узнавании реализована вся полнота возможностей, безграничная полнота явлений, в этом узнавании осуществляется исчерпывающее, последнее понимание Бытием самого себя; Бытие встает перед своим зеркалом. Эта точка встречи Бытия самого с собой происходит как раз в форме Великого Существа, которое метафизики и называют «богом». «Бог» есть Великое Существо, в котором Бытие обретает себя, видит себя и встречается с собой. Эта идея настолько прозрачна и настолько очевидна, что она всегда довлела над сознанием и видением человечества и всегда руководила всеми ориентациями, всеми векторами философского онтологического исследования и созерцания.

На самом деле из самой формулировки «Бытие, встречающееся само с собой» видно, что здесь заложена некоторая простая очевидность, от которой как бы никуда не деться. Да, есть бытие слепое, которое мы видим как нечто внешнее, но мы ему сопричастны, и мы знаем, что в динамике этого бытия оно где-то должно замкнуться на себе и где-то обрести себя, понять самое себя, как некое существо, которое всю жизнь провело в темной комнате и не знало, как оно выглядит, и не знало, что *оно – это оно*. Оно внезапно понимает, что *оно – это оно*, когда внезапно оказывается перед зеркалом и вдруг наступает шок понимания того, что «это же я».

И эта встреча с зеркалом, это понимание, это узнавание Бытия о самом себе и в самом себе в форме Великого Существа считается всегда абсолютно прекрасным. То есть узнавание Бытия о себе, встреча Бытия с собой есть тот максимум позитива «нахождения», обретения, в котором осуществляется финал равновесия, гармонии, блаженства и красоты.

И всюду мы находим одно и то же: «бытие», «сознание», «блаженство». Находим мы *сат-чит-ананда* у индусов, «Бытие как высшее благо» у Платона, а благо – это блаженство, сознание, обретение, встреча с собой, некий неувядаемый позитив, у которого нельзя даже отщипнуть что-нибудь: он будет неумолим и *не уменьшаем*. Вот, все это происходит в форме Великого Существа. Это как бы существование, а встреча Бытия с самим собой происходит в

Существе, а что такое «Существо»? Чем Существо отличается от существования стихийного утверждения «есть»?

А Существо – это организация Бытия в некий порядок. Когда вы просто видите мельтешащий калейдоскоп феноменов, то это как ковер: это не имеет ни смысла, ни встречи с собой. Есть некий порядок как противоположность хаосу, как противоположность неопределенности (ключевое слово здесь именно «неопределенность»). Существо есть образ, обратный неопределенности, то есть это чистая определенность.

Иными словами, Бытие встречается с собой в форме *безграничной определенности*. И тогда эта встреча и есть «бог» с точки зрения метафизики.

Что это за определенность? Определенность существует в системе хаотического феноменологического мира, феноменологического проявления Бытия, определенность существует только в единственной форме, единственной парадигме. Это строго определенная иерархия, которая по своей природе не может быть ничем иным, кроме как иерархией *причин и следствий*.

Иными словами, что такое Великое Существо, что такое «то же самое, что Великий человек или совершенный человек»? Это иерархия, в которой наверху стоят субтильные состояния Бытия, а внизу – более плотные, более грубые и так далее. Более плотные выводятся из более плотных. Иными словами, Существо – это причинно-следственная иерархия плотности, в которой более густые плотности выводятся из более тонких плотностей, это Земля раскручивается из Неба через ряд последовательных проявлений и нисхождений. И обратного хода не может быть по той простой причине, что вы не можете достать колодец из ведра – вы только ведро можете достать из колодца. Ведро – это сгущенное, плотное; а колодец – это тонкое, субтильное и так далее. И это причина, которая всегда располагается в этом метафизическом мире сверху. Земля как гармошка, как веер, скручивается, все более и более уплотняясь, из неба, как куб выводится из сферы, потому что символом Земли является куб[42]. Это чистая геометрия, геометрия плотности, – она и есть иерархия, которая господствует в организации Великого Существа, противостоящего чистому Хаосу.

Если вы посмотрите на эту концепцию иерархии с другой стороны, свежим взглядом, то вы обнаружите такую специфику: весь

этот причинно-следственный ряд принадлежит к некой *общей* реальности, общей плотности; он, что называется, «консистентен», он непрерывен в своей динамике, то есть, иными словами, хоть тонкая, хоть грубая, – но в этой иерархии нет прорыва, нет нарушения линейной связи причин и следствий. Это Существо является по отношению к самому себе единым и самотождественным. Его определенность состоит в том, что оно монолитно. Когда мы смотрим на Великое Существо, мы понимаем, что оно все возможности включает, оно определенно тем, что в нем нет ничего, выходящего за его пределы, намекающего на что-то другое. Это Существо в своей определенности, в своей иерархичности – это, конечно, праздник утверждения, праздник Бытия, – но это есть и *абсолютная несвобода*.

То, что мы сейчас изложили, – картина Существа, которое является зеркалом вселенной, в котором Бытие встречается само с собой и познает себя, торжествует. Почему, собственно, это «праздник», почему люди называют это «богом», почему они смотрят вдаль, в сторону этого Великого Существа, как в сторону горизонта? Потому что над человеком (как он есть – физически) довлеет Рок.

Что такое Рок? Это второе начало термодинамики: чайник, снятый с огня, становится только холоднее, все в мире остывает, если к нему не подключены внешние источники подогрева. Все остывает и сжимается, а на мир – как духовный, так и физический, – действует сила некоего поля, которое все сводит в некую общую остывающую кучу, закручивает все это в некую спираль, которая сжимается, превращаясь в точку, а потом исчезает – это гравитация. Гравитация и остывание, второе начало термодинамики, тесно связаны, а, возможно, они – тождественные категории.

А в поэтическом, «высоком» смысле, у Софокла, у Гомера – это Рок. Это означает, говоря экзистенциальными терминами, что все мы исчезнем, что поколения прейдут, как волны, что смыслы и построения, и планы развеются, как иероглифы, написанные на песке, – все стирается. А вот это Великое Существо, которое достигло колоссального успеха в реализации встречи Бытия с собой и *полноты всех возможностей*, которые репрезентованы в нем как реальные, – оно стало неуязвимым для второго начала термодинамики, оно не остывает, потому что в нем нет принципа сжатия, в нем пришло все к

гомеостазу, из которого уже невозможно выйти. Это *вечность*. Это вечность полноты проявления, это вечное Да.

Для человека происходит подключение к этой перспективе через аналогию, потому что здесь мы находимся в царстве аналогий: «Что внизу, то и вверху», только через ряд ступеней можно к этому приблизиться. Для человека в метафизическом горизонте – это очень важная перспектива ухода из-под действия Рока.

Есть другой взгляд на человека. Взгляд на человека принципиально противоположный: его называют сегодня «экзистенциалистским взглядом». Взгляд на человека как на смертное существо, которое брошено в хаос и абсурд дезорганизованного существования. Многие считают, что это модернистский взгляд, который появился в конце XIX века вместе с Ницше, Шопенгауэром, а потом был подхвачен другими экзистенциалистами, и это атеистический взгляд, который игнорирует такую очевидную и «красивую» вещь, описанную мною только что: Великое Существо как место встречи Бытия с самим собой. Как же можно это игнорировать – ведь это настолько очевидно, математически обосновано, как дважды два четыре.

А берется за точку отсчета человек, который не то чтобы стремится к этой перспективе, а тот человек, который стоит вот *здесь*, который еще не знает, что ему куда-то надо стремиться, он еще хочет разобраться, *где* он оказался, *что* он такое. И оказывается, что он на самом деле есть некая неопределенность, которая проваливается сквозь самого себя, потому что все мы тонкие, – земля не держит, земля расступается под ним, а смыслы исчезают, – все является неопределенным. Оказывается, его взгляд вот за тот горизонт, где поднимается великая тень, полная звезд и облаков, Великое Существо, к которому он стремился, – это была только попытка уйти из его страшной ситуации *здесь и теперь*, в которой он является огромным вопросительным знаком, погруженным в ночь. И он хочет уйти к той «великой тени», он хочет протянуть ей руку, хочет, чтобы та тень тоже протянула ему руку, чтобы спасти его из этой неопределенности. Он называет эту тень «высшей определенностью», он считает, что эта тень победила хаос, но если отказаться от жажды помощи с той стороны горизонта, от Великого Существа, если посмотреть на себя в той чистой непосредственной правде, которая обретается только таким

сократовским беспристрастным взглядом внутрь себя, что мы находим?

Мы находим, что человек является существом двойственным. Не тем единым, состоящим из красиво переходящих друг в друга субтильных сплавов, которые порождают более плотные, – небо, которое сгущается в землю, дух, который сгущается в материю, и все это с тонкими, практически неощутимыми нюансами, которые как бы переходят друг в друга непрерывно, – а здесь мы находим очень жесткую двойственность, кристальную: свет и тьма. Человек, который находится здесь, реально, – это человек, который состоит из «бытия», подобного тому, какое он приписывает этой великой тени, а второе – смерть. И смерть, которая не то чтобы ждет его снаружи – такая курносая с косой, – а смерть, которая сидит внутри него, как лягушка на болоте, которая сидит внутри него, как некий центр его существа, трепещущий и страшный, только ожидающий момента, чтобы взорваться. Эта смерть есть его внутренний центр. Почему?

Ведь достаточно человеку просто испугаться, достаточно просто выйти за пределы повседневного, сновиденческого, существования, достаточно человеку в темной комнате, где он никого не ожидает, встретить, топнуть или крикнуть, чтобы он подскочил на полметра, и он оказывается лицом к лицу с этой *смертью, сидящей внутри*. Почему вдруг у него так подскакивает давление, трясутся руки, выступает холодный пот на лбу?

Потому что он заглянул внутрь себя и увидел там «черную дыру». Стоит человека испугать, как он обнаруживает эту «черную дыру». В следующий момент впечатление отходит, остается только адреналиновый шок, руки перестают трястись, он начинает ругаться, начинает компенсировать разными приемами то, что испытал в момент истины, но главное, что он испытал, – это встреча с «Чёрной дырой» внутри себя. Это страшная неопределенность, противоположность той определенности, которую он положил и обосновал словом «бог» вне себя. Неопределенность внутри – это совершенно другой человек, но человек не «эмпирический»: это не человек-социолог, не человек-педагог, не человек из каких-то конкретных исследователей субкультур, то есть это не человек как некий объектный предмет или повод для исследований, нет. Это именно *человек в чистом виде*, только противоположный тому метафизическому, единому человеку.

Это человек двойственный, реальный, человек, который находится *здесь* и который по-своему столь же безусловен и столь же огромен, человек, который состоит из тела и психики, – все эмпирическое, он чувствует, он испытывает давление на себя, он испытывает гнев, холод, то есть весь комплекс, привязанный к этой точке пространства, и внутри него есть «Чёрная дыра», которая противостоит всему этому.

Если его испугать, с него «сдирается шкура» непосредственного потока впечатлений и обнажается неопределенность. Неопределенность, которая, если на секунду затянуть этот опыт, его просто убьет: он исчезнет в этой «Чёрной дыре». Вот этот двойственный человек, *человек экзистенциальный*, оказывается, существует не с момента, когда Ницше пришел и объяснил о его существовании. Нет, этот человек был открыт совершенно альтернативной Традицией – не метафизической традицией, которая известна через Платона, – а Традицией пророков.

Первым в исторической памяти человечества, кто указал на двойственность человека, состоящего из *бытия* и *ничто*, был Авраам, пророк Авраам. А все последующие пророки, которые вышли из его лона и являются поколениями его потомков, – это как бы единая семья, призванная к некой миссии, единая семья теологов, или единая семья тех, кто вступил в контакт с совершенно альтернативным представлением о Боге, чем то, что я сейчас изложил.

То есть тот Бог, который является Богом Авраама и его потомков – Моисея, Иисуса, Мухаммеда (мир им всем), – это совершенно не тот «бог», о котором я сейчас говорил (который является встречей Бытия с собой). Нет, это тот Бог, который стоит за опытом испуга от шока в темной комнате, это тот Бог, намек присутствия которого мы переживаем, когда неожиданно встречаемся не с тем, что ожидали, когда кто-то крикнет у нас над ухом, когда мы от ужаса подскакиваем, обнаружив, что за нами затормозила машина, десять сантиметров не доехав до наших лодыжек, и еще секунда – и мы были бы разбиты и раздавлены. И когда мы осознаем это и испытываем запоздалый страх и некое растворение существа, то мы встречаемся со следом того, «другого» Бога, который является Богом Авраама, Исаака, Иакова, Моисея, Иисуса и Мухаммеда (мир им всем), – Богом пророков. Не «богом» Платона, но Богом пророков, – и это совершенно другая

реальность, это реальность, которая проявляется для нас в фокусе и полюсе неопределенности.

Теперь подумаем: вот, сейчас мы описываем метафизическое видение человека как глобальную организацию субтильного и грубого, как организацию Бытия, которое само себя любит, само с собой встречается, само себя реализует. А вот та неопределенность, которая вызывается в нас переживанием, которая вызывается в нас шоком, – это именно *та* неопределенность, этот хаос? Нет. Неопределенность, о которой мы говорили в первом случае, – это «броуновское движение», оно описывается статистическими методами, то есть это математические методы, которые условно описывают вероятностные позиции каждой точки, каждой песчинки.

Эта неопределенность – как бы играющая светотень, это неопределенность того, что мы видим, когда лапы ели, подсвеченные солнечными лучами, колышутся и оставляют на стене дома пятнистую тень, которая прыгает, неуловима, которую нельзя зафиксировать иначе, как сумбурное, общее впечатление, – вот та неопределенность. И та неопределенность, неопределенность тени, неопределенность мерцания, неопределенность «броуновского движения» частиц в жидкой среде, – это не является свободой.

Хаос не является свободой, потому что хаос измеряется количеством, потому что хаос мы считаем. Как бы ни было сложно, но вы можете математически посчитать вероятностные позиции любой точки в броуновском движении. На самом деле, когда нам говорят, что свобода – это выбор, нам лгут, потому что если свобода – это способность пойти в одном из двух, трех, ста направлений, то эта свобода *конечна*, эта свобода базируется на стохастике альтернатив. Значит, она является плоским, конечным, исчерпываемым понятием. Зачем мне такая свобода, которая не содержит в себе религиозной бездны, зачем мне свобода выбора между колбасой и сыром, свобода остаться дома или выйти на улицу? Да, я понимаю, что для огромного большинства «нормальных» людей это и есть свобода и все они готовы бороться за такую свободу. Попробуйте ограничить свободу передвижения, попробуйте сказать, что вы не имеете права выезжать за пределы Кольцевой дороги, – и вы сразу почувствуете страшное напряжение и негатив, но на самом деле речь идет в данном случае не о свободе: нам подменяют одно понятие другим. А на самом деле,

когда речь идет о выборе между остаться дома или выйти на улицу, выпить молока или пива, речь идет о *возможностях*.

Свобода же – это совсем другое. Свобода – это непричастность к тому плану, который прозрачен для самого себя, исчерпаем и конечен. Свобода – это та неопределенность, которую вы встречаете в момент испуга, потому что, когда вы встречаете в момент испуга эту «черную дыру», вы понимаете, что она не является частью вашего опыта, она не из внешнего мира, она не принадлежит нервной системе, эта «Чёрная дыра» не является вашим бессознательным, это не продукт вашей мозговой деятельности, – это нечто, чего в архитектуре вашего эмпирического существования нет.

Вы сталкиваетесь с тем, что внутри Вас – *ничто*, которое живет, тайно сидит, как некая лягушка в засаде, внутри вас, и ждет какого-то момента, – очевидно, момента конца, чтобы распуститься, как цветок, в полную силу в момент вашего исчезновения. Но тем не менее эта штука работает. Почему? Потому что она противостоит всему остальному миру внутри вас и делает вас тем, кто вы есть. Почему человек уникален, почему человек воспринимает весь мир вокруг себя? Потому что внутри него есть нечто, что не подобно ничему остальному.

Если бы этого не было, он был бы как камень среди камней, а так он ощущает свою особую уникальность, которая есть сию секунду как нечто, не тождественное ничему. Вот эта точка «Чёрной дыры», которую он обнаруживает в момент испуга, – это и есть эта *уникальность*. Парадокс в том, что уникальность его бытия обнаруживается только через его *ничто*, через его *отложенную* смерть, которая внутри него сидит и ждет вот этой вот «Чёрной жабы». И об этом, именно об этом говорили все библейские пророки, – все они говорят о некой страшной скорби, которая, с другой стороны, является залогом их Заветов; о чем-то бесконечно более грандиозном, чем просто Бытие. Именно вот эта вот «Чёрная дыра» есть некий знак Того, Кто говорил с Моисеем, к Кому взывал Авраам, отказываясь верить и поклоняться звездам, луне, ветру и так далее, отрицая весь видимый космос во имя поиска Того, что является абсолютной альтернативой всему.

И вот этот момент связан с принципом истинной свободы. Но в той форме, в которой эта неопределенность существует внутри нас,

которую мы обнаруживаем в момент шока, испуга, – это лишь залог и завет, залог и обещание свободы. Свободы, которая может реализоваться как свобода в ходе совершенно другого пути, когда человек на самом деле понимает, что этот черный пугающий центр внутри него и есть некий якорь, от которого по некой цепи он должен идти в совершенно другом направлении, чем то, о котором мы говорили в качестве этого образа метафизического Великого Существа, где Бытие встречается с самим собой.

Это совершенно другой, это противоположный путь, это путь не *наружу*, а *внутрь*, это путь не к гармонии иерархий между тонким и грубым, а это путь к парадоксу, который выходит за пределы всякой иерархии. Неопределенность свободы – это страшная вещь, которая является потенциалом социального «термояда», я бы сказал даже, это «термоядерная мощь» в чистом виде, которая может иметь физическое, социальное и любое применение.

Человек погружен в общество, как муха в янтарь: субстанция янтаря не имеет никакой другой задачи, кроме того, чтобы заморозить, сковать и сделать виртуальной эту черную точку, этот потенциал свободы, который живет в сердце каждого. Поэтому ему предлагается альтернатива совершенно очевидного праздника Бытия, стремления к Великому Существу, которое является парадигмой всего сущего и аналогом его вместе с тем, поэтому ему предлагается масса великолепных решений, но все они представляют собой ложь. Эта ложь подтверждается через социальную призму, через «очки» общества, в качестве очевидной, самодостаточной, явной истины, и тем не менее она – ложь. Я не хочу сказать, что Бытия нет, что оно не встречается с собой, что нет Великого Существа, что это Великое Существо не представляет собой иерархию субтильного и грубого, – нет, все это есть. Это есть как факт. Но это является ложью как предмет духовного стремления.

На самом деле уже Достоевский с особенной силой понял, что истина и правда не тождественны. И у него есть такое место, известное, многократно цитируемое, на котором, можно сказать, «оттоптались» поколения критиков, включая Померанца: если бы было такое возможно, чтобы Христос не был бы с истиной, то я, говорит Достоевский, предпочел бы быть с Христом против истины, нежели с истиной против Христа. Здесь описано глубочайшее недоверие к той

страшной бытийной лжи, которая превращается в правду за счет социальных очков.

И вот здесь интересный вопрос я бы поставил. Все мы, конечно, слышали о том, что германский экзистенциализм в XIX веке пришел к идее, согласно которой человек есть как некая промежуточная стадия, как переход к сверхчеловеку или как некая черточка, прочерк, между недочеловеком и сверхчеловеком. «Сверхчеловек» и «недочеловек» – эти категории как динамический выход из неустойчивого равновесия неопределенности, которым является человек, это всегда было очень заманчиво.

Но давайте подумаем: можно ли представить себе – если мы говорим о метафизическом человеке как о парадигме, как о зеркале, как о мере всех вещей, – по отношению к нему может быть человек или «недочеловек»? Нет, потому что это самодостаточная, гладкая, скользкая вещь, как некое зеркало. Можно ли быть более или менее «зеркальнее» зеркала? Нет, потому что принцип отражения самодостаточен и равен. Он, конечно, может быть темнее, светлее, более отполированным, но, в принципе, идея отражения не предполагает вариаций. Возьмем обратный вариант: мы говорили о ситуации с двойственным человеком, центром которого является неопределенность, – человеком-пророком. Может ли по отношению к нему быть «сверхчеловек» или «недочеловек»? Нет, тоже не может быть, потому что этот человек, в центре которого «Чёрная дыра», – превзойти его невозможно, потому что превзойти его можно, только устранив человека как предмет разговора.

Политическая постантропология: сознание «нового интеллектуала» и война Бытию[43]

Политический солдат – это очень глубокая доктрина, которая на самом деле крайне актуальна. Политический солдат преобразуется сегодня в теологического или политико-теологического солдата, но не в шмиттовском значении, а в значении гораздо более традиционном и буквальном, в значении «войска Божьего». С точки зрения фундаментального вопроса политической антропологии мне бы хотелось сказать, что надо заново «освежиться», окунувшись в первозданные источники, в первозданные воды таких примарных представлений. А это значит, что надо пойти на поклон к антропологии в чистом виде, – к антропологии онтологической, безусловной, – и оттуда вынимать уже все остальные понятия, все остальные идеи.

Что такое человек как некий феномен? Человек – это *микрокосм*, который отражает *макрокосм*. Наш мир представляет собой просто зеркало, в котором отражается макрокосм, который более или менее точно можно идентифицировать с Бытием как таковым с большой буквы. Но это отражение имеет как бы двойственный характер: если вы видели, как при множественном источнике света располагаются тени от предмета, то видели, что есть чёрная густая тень, а есть тень расплывчатая.

Макрокосм отбрасывает на зеркало нашего мира две наиболее важные нам тени, – больше двух, но нас интересуют две тени: это *человек как таковой*, то есть «физическое лицо», и *общество*. Две эти тени, которые представляют собой отражение одного источника, – это проекция одного и того же Бытия, одного и того же макрокосма, но они функционально фундаментально различны. То есть человек физический как микрокосм – это очень двойственная, проблематичная и субъектная вещь, в которой существуют некоторые взвешенности, недоразумения и недоумения, и прежде всего в нём существует безусловная *оппозиция среде*, то есть в нём существует функция отражения, *перцептивная* функция.

Что же касается общества, то это Левиафан в чистом виде, это отражение, в котором нет зазора внутри Бытия, нет сбоя, то есть это некое прямое отражение «без души». При этом нужно сказать, что макрокосм как Бытие в целом – это и есть та самая объектная реальность, которую монотеисты называют Сатаной. То есть, естественно, что для всех традиционных языческих метафизик Бытие – это абсолютный позитив: «Бытие есть божественная, интегральная Реальность с большой буквы, у которой нет альтернативы и внутри которой царит красота и гармония».

Но с точки зрения монотеизма – а в этом его как бы парадокс и вызов – красота, гармония и свет, между прочим, это есть атрибуты Сатаны, которые представляют собой необязательно что-то такое отталкивающее, чёрное, страшное потому, что там речь идет об обитателях нижних миров, – отраженной такой частной реальности. А мы говорим о глобальном Бытии – это универсальный, фундаментальный Космос.

И вообще говоря, во всех традиционных метафизиках это Бытие в персонализированном, «божественном», виде имеет вполне звучные имена в истории культуры, в истории религии: Ормузд (Ахурамазда), Озирис или Аполлон. Но для монотеиста это нечто, подлежащее абсолютной борьбе, абсолютному отрицанию, отвержению. И главная коллизия внутри политико-теологической антропологии – это постоянное искушение отождествления Бытия с предметом Откровения. То есть Бытия как предмета созерцания и прямой интеллектуальной интуиции, потому что Бытие содержит в себе, в качестве своей внутренней матрицы, то, что мы называем «мудрость», как всеохватывающую полноту проявленной возможности. Это предмет непосредственной интеллектуальной интуиции. А есть предмет Откровения. Предмет Откровения тоже имеет персонифицированную реализацию, персонифицированное воплощение. И вот, всегда у человека есть искушение смешать то и это.

Проще говоря, фундаментальное различие внутри христианства зиждется на том, отождествляется ли Христос с макрокосмом или он воспринимается как то, что абсолютно противостоит макрокосму, – то есть то, что абсолютно противостоит Бытию. И если он воспринимается как реализация макрокосма, как воплощение

макрокосма, как живое Бытие в чистом виде, – это один путь. Если наоборот – то это совершенно другой путь.

И с точки зрения ислама Христос, который является, конечно же, пророком, но не просто пророком, – он стоит особняком, он новый Адам, Мессия, – и в этом отношении его статус совершенно уникальный и особый именно в плане политической антропологии. Потому что если мы говорим с точки зрения вот этой двойственности «человек и общество», какая тут возникает диалектика? Диалектика возникает следующая: в человеке существует некий *шанс на спасение*, в человеке есть *сознание*, которое представляет собой именно тот самый предмет, о спасении которого и говорится.

А под сознанием мы понимаем не мысли, не душу, не идентификацию, не память, не некий коллективный или персональный опыт. Под сознанием мы понимаем чисто перцептивный момент свидетельствования *здесь и сейчас*, то есть уникальную точку безвременья, которая царит в сердце каждого человека; в то время как он смотрит на внешний мир, он понимает, что внешний мир – это не *Я*, а *Я* здесь, во временном отсутствии, и этот момент существует сейчас, а потом этого момента больше не будет, как и не было. И вот именно этот момент является предметом спасения, и именно этот момент является ставкой в колоссальной трансцендентной борьбе, «раскалывающей небеса и землю», потому что это борьба между Бытием и сознанием. И Мессия Христос, и все пророки – на стороне сознания, а Бытие в чистом виде и вся система, которая его воспроизводит, отражает, поддерживает, обслуживает и так далее, – на стороне Бытия, и это то, что называется Иблис, Аполлон, Сатана.

И вот здесь мы сталкиваемся с тем, что, с одной стороны, существует человек, у которого есть шанс, который реализуется в крайне уникальных ситуациях, в крайне ограниченной форме, и очень немногие этим шансом могут воспользоваться, – это противостояние этому Левиафану. Левиафан – реальная тень Сатаны на земле.

Но кто борется? Одинокий герой? Нет. У нас же есть слова Мессии, который сказал: «Где двое или трое собраны во имя мое, там и я». А что значит «двое или трое во имя мое»? Здесь мы подходим к самой «тайне легитимности». Откуда берется легитимность? У язычников понятно: это санкция Бытия, это то, что идет по прямому осевому световому каналу, это энергии нисходящего порядка, которые

проявляются, проецируются в виде микрокосма, ставшего образцовым воплощением Бытия здесь, на земле. То есть фараон, кесарь – это та форма человека, в которой Бытие освободилось от сознания как от травмы, и он является уже «богозверем», прямым воплощением Сатаны, который может всё и является абсолютной реализацией персонифицированного Бытия здесь, на земле. Но это «легитимность» традиционной метафизики, это легитимность Шамбалы и её императоров, это легитимность «естественного» человека.

А вот наша легитимность – легитимность тех, кто противостоит абсолютному злу? Легитимность эта упирается в слова Христа: «Где двое или трое собраны во имя мое, там и я». Что такое «двое или трое собраны во имя мое»? Это *экклесия*. Что такое «экклесия»? Когда-то, в греческом полисе, это означало «собрание», законодательное собрание. Это было братство свободных людей, которые знали, что они умрут и что их смерть неразрывно связана с их сознанием, которое внутри них является «проколом», «сбоем», отрицанием, оппозицией Бытию, – именно это и называется на монотеистическом языке «жизнью». Но только противостояние сознания Бытию и есть тайна абсолютной жизни – именно истинной, духовной, абсолютной жизни.

Итак, «двое или трое собраны во имя мое», – то есть новая «экклесия», джамаат. Потому что это не что иное, как братство во имя сознания, связанного со смертью и с обреченностью, которой бросается вызов, связанный с перспективой *преодоления*. Поэтому здесь мы имеем дело с экклесией, которое превращается в воинство Господне, и *политический солдат становится солдатом теологическим*.

Это реально существует, это было, это есть, это будет, и вся история не может отойти от этого несмотря ни на какой постмодерн, потому что можно плыть в воде и видеть дрова, обрывки водорослей, которые плавают на уровне твоих глаз, а можно смотреть на эту воду сверху, и тогда ты видишь глобальную проблематику Бытия в чистом виде, которая начинается и заканчивается и которая является сюжетом, решающим некую проблему.

Так вот, для того чтобы подойти к этой проблематике сегодня и вызвать к жизни *политико-теологического солдата* нового поколения, нам нужен *новый интеллектуал*. А кто такой «новый интеллектуал»? Новый интеллектуал – это тот, кто способен говорить о Сатане не как о

метафоре, а как об объективной реальности, которой он должен противостоять и с которой он должен сражаться. Он должен быть воином против Сатаны. И он должен говорить о Сатане как об объективной реальности, которая имеет здесь свою агентуру, своих представителей и так далее. Я подчеркиваю: это не должна быть метафора.

Новым интеллектуалом не может быть клирик. Почему? Потому что современный клерикал не может говорить о Сатане как о физической реальности. Он говорит о Сатане как о нравственной парадигме, он говорит в терминах нравственных метафор, нравственно-виртуальных проекций. А нам это не нужно. Нам нужно, чтобы новый интеллектуал говорил о Сатане как об оппоненте, который является независимым объективным игроком, совершенно реальным, – в не менее метафизическом смысле, чем он сам.

И что означает иметь такого нового интеллектуала? Какова должна быть формация этого интеллектуала? Новый интеллектуал – это путь к объединению пассионарности ума и пассионарности тела. Это путь к получению политико-теологического солдата, который готов не только генерировать идеи, не только отражать идеи в своем сердце, но и сражаться, убивать и умирать во имя этих идей. То есть брать на себя абсолютную ответственность.

Новый интеллектуал – человек, который может взять на себя во имя Бога абсолютную ответственность, рискуя своей бессмертной душой, потому что это решение может быть и не принято: есть же неисповедимая тайна Промысла. И он рискует, потому что в своей бездонной, по человеческим меркам, мудрости он знает, что это проход по лезвию бритвы.

Откуда мы возьмем такого нового пассионария, у которого интеллект и воля на уровне физического самопожертвования стали одним? Для этого нужно подготовить те интеллектуальные форматы, приняв которые, этот человек окажется перед бездной выбора: либо он готов сражаться и умирать и брать на себя ответственность, либо не готов. До тех пор, пока новый интеллектуал не продумает внутри себя эти ценностные вехи и не совершит внутри себя полное и абсолютное от них отречение, он не сможет стать тем, кого мы называем «солдатом воинства Божьего».

А что это за вехи? Их пять. Он должен внутри себя отречься от *человека как от самостоятельной ценности*, он должен внутри себя рассматривать *общество как тень Сатаны*, он должен отложить внутри себя, что *власть – это преступники*, которые ему противостоят, он должен вложить в себя *отречение от Бытия* и он должен вложить в себя *отречение от блага*.

Что это значит? Звучит это, конечно, вызывающе, эпатажно и ужасно. Но на самом деле это очень конкретная и простая вещь. Человек – это тот камень преткновения, вокруг которого ведутся страшные интеллектуальные бои и который для самого человека является сверхбременем. Джон Ди в романе «Ангел западного окна», после пьянки возвращаясь домой, избивал свое отражение плеткой, надеясь, что оно пошевелится от боли и наконец сделает движение, не совпадающее с его. Так вот, когда человеку предъявляют необходимость дистанцироваться, диссоциироваться и абсолютно *осудить внутри себя человека* же, – это примерно то же самое, что зеркальному отражению резко выйти из своей модальности и совершить непредсказуемое движение.

Человек – это инструмент Провидения, это не цель, а средство, это то, что создано для реализации поставленной Всевышним пьесы, и если кастинг был неудачен, то эта глиняная фигура ломается и выбрасывается. Как в Содоме и Гоморре, как в Атлантиде, как в бесчисленных ситуациях, которые сегодня снова являются перед нами, потому что мы вступаем в зону такого времени, где политика и геофизика земли начинают снова сливаться, как во времена Потопа, времена Этны или во времена Содома и Гоморры. И совершенно понятно почему это происходит. Это будет происходить и дальше. Так вот, сегодня нужно остановиться именно на том, что человек – это фигура, которая может быть сломана и выброшена. Если это плохой инструмент. Но может быть и хорошим инструментом. И в этом смысле он становится предметом, субъектом, базой разговора о возможности спасения.

Все эти пять пунктов имеют опору на кораническое Откровение. Потому что мы имеем такой аят в Коране: «Мы сотворили человека из капли, и он враждебен определенно».

Общество – это тень Сатаны, это система отраженного, вторичного бытия. Раньше древний традиционный человек

апеллировал к небу и природе, и общество было посредником. То есть общество, возглавляемое жрецами, фараоном должно было организовать просьбу к небу таким образом, чтобы природа была к нему благой и повернутой «человеческим» лицом. Но сегодня общество поглотило и небо (небо уже включено внутрь общества), и природу (природа тоже включена внутрь общества).

Общество сегодня – синоним Бытия. И общество является системой абсолютного отчуждения, но не в марксовом смысле «рабочих часов», которые человек тратит на капиталиста, а в гораздо более глубоком.

Общество забирает у человека смысл, забирает у человека его жизненное время и трансформирует его в фимиам, который воскуряется абсолютному архетипу, то есть архетипу макрокосма. И если это понять, то тогда понимаешь и очень странный коранический аят, который у многих вызывает вопросы: «Сатана приказывает вам бедность». Вроде, бедность – это некий обет, бедность, это некое достоинство, и потом – Сатана же очень любит богатых, которые у всех всё украли и в своей гордыне «попирают выи»[44]. Так почему же «Сатана приказывает бедность»? Да вот почему – потому что общество есть тень Сатаны, и общество есть механизм по изъятию у человека внутреннего смысла и вытягивания из него его жизненного ресурса, жизненного времени, жизненной энергии, претворяя это всё в отчужденный капитал. Поэтому об обществе в Коране говорится: «Неужели вы пойдете за судом к *тагуту* (а тагут – это синоним гоббсовского «Левиафана»), после того как узнали лучшее».

Власть. Власть, которая представляет собой «акабир», то есть чиновники, «наибольшие», – те, кто «стоят во главе», те, кто приставлены к этой тени, чтобы курировать отчуждение. Поэтому Коран говорит о них: «Во всех селениях Мы установили правителей преступниками, чтобы они интриговали во имя своей власти, но они интригуют против самих себя, однако они этого пока не знают». Вот это – власть. Потому что где легитимность? Они же не «двое или трое во имя», а их сонм, легион во имя Мамоны, во имя преемственности их дома, дома Сатаны.

Бытие с этой точки зрения есть не что иное, как то, что оппонирует смыслу, оппонирует сознанию. Это то, что является морем, грозящим залить дыхательные пути брошенного в него

человека. Вот младенец, выброшенный в водах, тонет, – вот он есть сознание, он есть такое трепетное, хрупкое сознание, которое существует долю секунды, и эта доля секунды оправдывает всё, оправдывает вообще заданный посыл утверждения. Но море стремится влиться в эти дыхательные пути и уничтожить его, чтобы потом белое тельце с развевающимися мокрыми волосами было бессмысленно выброшено на песок.

Вот это – сущность Бытия, которое объявляется чем? *Благом*. Платоновская идея – Бытие, идея и благо – это триада. Идея – это *антисознание*, это версия духа, который материален, и материя которого «духовна», которая противостоит тому сознанию, что есть трансцендентный оппонент этого, так сказать, моря. Бытие и благо – это два момента, которые абсолютно ложны, при этом они обладают убедительностью, такой фундаментальной, экзистенциальной убедительностью, против которой естественный человек практически не может возражать. Бытие и благо в своём соединении образуют тот самый Рок, против которого восставали герои, и поэтому в Коране есть упоминание блага как зла: «Вы думаете, что для вас это благо, а для вас это зло, а вы думаете, что это для вас зло, а для вас это на самом деле благо».

Вот пять пунктов. *Человек* как самостоятельная, самодовлеющая цель в себе, который должен быть побежден, изъят и выброшен, – полный и тотальный теологический антигуманизм. *Общество* как тень Сатаны. *Власть* как прислужники Сатаны. *Бытие* как ложная концепция, которая антибожественна, антидуховна. И *благо* как абсолютно ложная цель, как ложная задача, как ложный корректор.

Если новый интеллектуал проходит через искус этих пяти отрицаний, он выходит на понимание того, что всё, что противостоит этим пяти, этой звезде, – это служение чистому сознанию, которое является замочной скважиной, в которую вставляет святой Петр, если говорить христианским языком, ключ от Рая. Сознание – это скважина в двери, в которую вставляется сакральный ключ, ключ от «спасения». И тогда те, кто постигли эту тайну, собираются по двое, по трое, по двести во имя Всевышнего для того, чтобы создать то самое теологическое воинство Господне, которое под руководством Мессии и Махди встретит Сатану, встретит посланника Сатаны Даджала-Антихриста. Потому что Мессия и Махди, вдвоем, согласно верованию

мусульман, придут, чтобы возглавить эту теологическую армию для последней битвы. И если мы победим – то мы спасены. Нет – значит, как говорит Коран: «Мы создали вас и укрепили ваши суставы, но Мы можем вас заменить такими же, как вы». И это означает другой цикл, начало *другого человечества*, а мы остаемся с оставшимися.

Ответы на вопросы

Вы употребляете здесь слово «Бытие». Еще раз: что с вашей точки зрения есть Бытие? И второй вопрос: есть очень древняя православная икона, которая называется «Царь-космос»; в Вашем понимании Христос и «царь-космос» – это разные вещи?

Под Бытием я имею в виду традиционалистскую концепцию *реализации возможности*. Что с моей точки зрения есть Бытие? Дело в том, что *возможность* есть синоним *конечного*, потому что, когда мы говорим о первоначальной, первозданной бездне, которая не имеет никаких дефиниций, – это чистое *бесконечное*, но оно и *ничтожащее бесконечное,* то есть это *первоначальный негатив*. Ограничение этого негатива приводит к появлению *возможности*, то есть по определению *возможность* – она же есть возможность *конечного*. Поэтому универсальная *возможность* включает в себя все аспекты *конечного*. Универсальная *возможность*, активизируясь, – это когда это *конечное* практически пронизывает друг друга в этакой «ленте Мёбиуса» или в бесконечных зеркалах отражается друг в друге, – создает ложное утверждение наведенных и проявленных, отражающих друг друга *конечностей*, создающих иллюзию *позитивного бесконечного*. Это и есть Бытие, с моей точки зрения.

То есть в этом контексте Вы Бытие отождествляете с сущим?

Бытие я отождествляю с возможностью манифестации, которая реализовалась.

Отвечая на второй вопрос… Я же с самого начала сказал, что есть два направления: одно, которое рассматривает Христа как персонификацию макрокосма, явленную на человеческом плане, а другое направление рассматривает Христа как Спасителя, который выступает именно как оппонент макрокосма, то есть как некая бездонная тайна, которая противостоит сущему, противостоит манифестации.

Вы определяете власть как «легион во имя Мамоны». А те, кто бросает вызов этой власти, после низвержения этой власти способны ли сформировать властный субъект таким образом, чтобы он тоже не стал «во имя Мамоны»?

Я опять обращусь к Корану, потому что Коран нам говорит: «Повинуйтесь Аллаху, Его посланнику и тем из вас самих, кто является обладателем приказа». Что это означает? Приказ (*амр*) – обычно лукавые люди, которые всюду есть, переводят это как «повинуйтесь обладателям власти». *Амр* – это не власть, *амр* – это приказ. А второе значение «амра» – это *дело*.

Вот, например, иллюстрация: перед тем как умереть, Пророк Мухаммад (да благословит его Аллах и приветствует) приказал восемнадцатилетнему Усаме возглавить армию и отвести её на три дня пути. Потому что он знал, что будут споры за наследование, и он хотел удалить армию подальше. И все возмутились: как так, восемнадцатилетний какой-то щенок, ему поручают командовать армией… тут люди, которые по двадцать лет воюют уже… А потому что он ему дал приказ (*амр*), и надо повиноваться тому, у кого приказ. Спрашивается: а если Пророк умер 14 веков назад? Приказ всё равно есть. Этот *амр* содержится в теологическом проекте, который действует сквозь историю как сюжет, как Провиденциальная Мысль, и он опирается на Откровение и на то, что называется «экклесия», то есть совокупное сознание братства свободных людей. Если у человека нет этого *амра*, то кто бы он ни был – король, герцог, президент – *амра* у него нет.

Амр – это дело и приказ, это Смысл, который надувает парус как ветер. Ну как ты можешь плыть на парусе, если там ветра нет? Штиль, нет амра, всё, – значит, парус можно выкидывать за борт.

Методология гностического мышления[45]

21 февраля 2012

Моей задачей в этом выступлении является не историко-академическое исследование великих мыслителей, великих носителей этого гностического импульса, которые реально оставили, кстати говоря, очень многочисленные на сегодняшний день и очень ценные следы, – каждое из слов, каждую из фраз, каждый из тезисов, которые до нас дошли. Это жемчужины, и большинство этих тезисов пересказаны либо их противниками, либо людьми, которые их расслышали, но не поняли. То есть приходится очищать и восстанавливать с огромным напряжением ума и творческого воображения первоначальную интенцию этих людей.

Тем более что они писали очень «закрытым языком», и очень многие вещи, которые они говорили, строя свои конструкции, на самом деле имеют непостижимое для современного человека значение и наполнение, – особенно воспитанного в рационально-философской школе. То есть подразумевания, которые были у гностиков в те времена, фундаментально связаны с языком, который сегодня в значительной степени утрачен. Потому что язык – это не только словесная оболочка, не только словарный перевод, который можно, взяв словарь, допустим, древнегреческого языка, получить, но это ещё и такое семантическое интуитивное поле, которое гораздо важнее, чем переводимое зернышко. Скажем, переводимое зернышко («стол» – table) – это пять процентов, а девяносто пять процентов – это некое интуитивное подразумевание, символико-интуитивный посыл, который кроется за этим прямым переводом. Поэтому, когда мы знакомимся с авторами, писавшими более чем двести, триста лет назад, есть очень большой риск того, что мы просто не ощущаем, не чувствуем тех значений, которые испытывали при восприятии этого текста современники.

Я поставил перед собой задачу (но эта задача в рамках очень короткого доклада, конечно, будет очень ограниченно реализована)

коснуться тех импульсов и их оформления, которые стоят за гностическим инстинктом. Как врождённая воля гностика – а она совершенно определённо врождённая, – каким образом она вторгается в ту матрицу, которую неизбежно гностик получает из внешних цивилизаций? То есть он рождается как обычный человек и получает некую модель мышления, некую модель терминологических значений, и он имеет дело с таким чуждым ему плотным миром смыслов, который он ощущает враждебным себе и который надо взорвать. Не у всякого хватает, скажем так, и энергии (поскольку это особая энергия – энергия мысли), и мыслительного аппарата для того, чтобы произвести необходимую переделку, перекройку такого внутреннего интеллектуального космоса и добиться осуществления той мотивации, которой человека подвигает на поход против всего того, что есть как будто бы само собой разумеющееся и должное.

Естественно, вы понимаете, что когда человек начинает оспаривать то, что ему навязано в качестве матрицы сущего, должного, реального, то он вынужден пользоваться аппаратами, логическими связями, значениями, которые он опять-таки усвоил извне. Потому что если он создаст на пустом месте абсолютно собственную лексику, абсолютно собственную логику, абсолютно собственные связи смыслов, то он рискует просто оказаться в дурдоме. И как минимум, собственно, он будет не понятен даже ближайшим ученикам, потому что будет просто пропасть коммуникативная. Поэтому здесь необходимо решить колоссальную задачу. С одной стороны, воспользоваться тем аппаратом, который доступен для его избранного окружения, – конечно, избранного. Но оно также находится в такой же ситуации, как он: они тоже погружены в эту матрицу. И хорошо, если есть некая школа, есть некий уже созданный, пусть маргинальный, но тем не менее инструментарий, который можно использовать как общую площадку. Но ведь его может и не быть.

И вот я хотел бы поставить вопрос о том, что это за импульсы и как они преломляются в реальной жизни. Дело в том, что, если идти к сути вещей, то человека, рождённого быть гностиком, жжёт внутри его души жажда величия. Естественно, величия не собственного, хотя он может сказать о себе «мы люди, вы свиньи», – естественно, величия не такого, от которого мог бы получить некоторую конкретную персональную экзистенциальную выгоду. Его интересует величие в

чистом виде. Его интересует такое абсолютное величие, которое за пределами всяких границ и сравнений, которое ломает саму идею величия, которое ломает саму линейку, которой меряется величие. Его интересует взорвать то, что является ничтожным, а ничтожным для него является всё, с чем соприкасается он как «экзистенциальная монада».

На самом деле, конечно же, отправной точкой для гностика является ощущение того, что единственно чистым, с чем он сам удостаивает работать в нём и что он берёт как пример того, к чему он хочет прийти, является его собственное *свидетельствующее сознание*. Это свидетельствующее сознание внутри него горит как пожар, который требует этого выхода, этой реализации, этого посвящения, трансформационного перехода в это нестерпимое и находящееся за пределами всего величие. И, естественно, выводом из этого конфликта является дуализм. Дуализм сознания и Бытия. То есть разрыв между Бытием и сознанием. С одной стороны, есть сущее, а с другой – эта сверкающая точка внутри него, которая представляет собой некий завет, некий задел, некое семя этого величия, которое не реализовано в этом семени, не реализовано в этой светящейся точке, в этом пламени «я», тайного «я», которое горит и требует от него реализации в некоем визионе, который сметает, уничтожает просто ту реальность, которая обычно воспринимается органами чувств, обрабатывается понятийным аппаратом и так далее.

И, естественно, первый выход, который гностик имеет на этом конфликте, – это то, что нужно начинать мыслить *Великое как свободное от загрязнения сущим*. Но что такое *сущее*? Ведь нужно же понять, в чём качество этого сущего, которое грязнит и пятнает. То есть если мы говорим о «высшем», о высшей реальности, о той, которая содержит в себе нестерпимое и за пределами всякого сравнения величие, если мы говорим о нём, что оно – *не сущее*, то мы должны знать, что такое сущее.

Естественно, что это сущее не является тем бытием материальным, которое для нас всех являет пример предъявленного нам наличия, потому что такое сущее было бы слишком ничтожным как отправная точка, как отправная площадка. Какой смысл говорить о том, что наш материальный мир является примером «бытия», в то время как гностик стремится расширить концепцию «бытия»

настолько, чтобы отталкивание от него действительно бы дало великий эффект? То есть он должен видеть это «бытие» как Бытие, охватывающее как можно больше всего, для того чтобы слова о том, что «это – вне Бытия», что это – «не сущее», действительно были дорогой к абсолютному сверкающему чистому *величию вне величия*, за пределами Великого. То есть Великое должно быть включено в Бытие, потому что в Бытие включено всё, что подлежит сравнению. Всё, что подлежит сравнению, оно внутри. То есть и нестерпимо грандиозные перспективы абсолютно альтернативного всему тому, что находится *здесь и теперь*, – они тоже в Бытии. Вот здесь начинаются ощущения гностиком того, что такое *сущее*.

Сущее – это конгломерат всех планов, перспектив, реальностей и так далее, к чему может быть приставлен, условно говоря, предикат «есть». Но этот предикат «есть» работает не сам по себе и не во имя того, будто это *есть* в том смысле, что с этим можно встретиться. Он работает как некое указание на «семейность» всего того, к чему он относится, то есть эти вещи соотносимы между с собой. От одного к другому можно перейти. Они родственны. Даже если они разделены полярно, то эти полюса объединены некой прямой линией, неким стержнем, некой такой осью, которая их соединяет. Если одно отрицает другое, если они антитезны, то всё равно они взаимосвязаны полярной дорогой, прямой дорогой антитезности: допустим, чёрное и белое, но без одного не бывает другого. То есть всё, что есть в Бытии, каким-то образом повязано в общий хоровод, даже если мы говорим об очень высоких планах.

Таким образом, Бытие «пачкает» тем, что оно *есть*. Вот внутри него есть этот предикат и всё, к чему можно этот предикат приставить: всё, что *есть*, – звезда, джинн, ангел, архонт, – они *есть* просто как некая конструктная данность. Конструктная данность, то есть некий концепт, который имеет имя: тем самым уже можно сказать, что *это есть*. Таким образом, это «есть» является «пачкающим» «*есть»*. То есть задача, которая стоит перед гностиком, – это освободить то высшее, по отношению к чему он горит, от этого «пачкающегося» начала. И здесь, естественно, возникает очень много проблем. Во-первых, если это *не сущее*, если это, освобождённое от пачкающего предиката «есть», оппонентное Бытию, «высочайшее величие» так чисто, то каким образом можно иметь к нему какое бы то ни было

отношение? То есть тогда в чём динамическая драма взаимоотношения между этим огнём сознания, которое горит и сжигает всю вселенную вокруг, и этим чистым, абсолютно свободным от предиката «есть», Величием, которое является целью на выходе?

И если человек-гностик, который вынужден существовать в этой шкуре, родившись в определённое место и время, находится в этой среде, то каким образом эта среда является площадкой для его метафизической гностической драмы? То есть надо связать реальность, которая есть *здесь и теперь* и внутрь которой он вброшен как носитель этого огня, с тем, чего *нет* таким образом, чтобы не «загрязнить» это *не сущее*. Отсюда возникает необходимость очень сложных конструкций, которые опосредованным образом описывают взаимодействия между свободным от предиката «есть» Величием и тем Бытием, тем сущим, которое является, с точки зрения гностика, просто мусорной свалкой. Потому что на этой мусорной свалке рядом бок о бок лежат выброшенная случайно жемчужина, какие-нибудь золотые часы, какая-нибудь дохлая курица, сгнившее яйцо, рванная подушка, то есть всё это находится в этой «мусорной свалке». А суть этой «мусорности» заключается в том, что это – Бытие, что *это – есть*. Оно-то и делает именно это «есть» и всё предъявленное «мусором», и, наоборот, отсутствие этого «есть» освобождает от грязи, освобождает от лжи, освобождает от *общего*. Потому что ложью, против которой выступает гностик, является глобальное, является *универсальное* таким образом, что *не сущее* внутренне само по себе предполагает *уникальность*. Уникальность, которая не описывается, – не описывается, естественно, «нумерически».

Но всё равно остаётся некоторая проблема: да, это Величие существует, но к этому Величию можно иметь отношение, только оказавшись на этой «помойке». То есть эта «помойка» всё равно существует наряду с этим Величием. И тут ничего не поделаешь. Тем более что гностик прекрасно знает, что юдоль человеческого сознания – это неистребимая тяга к ощущению и переживанию тождества как совершенно естественного посыла. То есть глобальное, тотальное тождество *малого* с *абсолютным* – это фундаментальная основа всех традиционных метафизик. И в этом принципе тождества, благодаря которому можно сказать, что «вот эта букашка тождественна Абсолюту», который не имеет никаких определений, что она всё равно

существует иллюзорным образом, она «снята» в нём, и каждая песчинка имеет за собой целый Абсолют. Эта инстинктивная идея традиционного метафизика представляет собой вызов для гностика. Но как это снять? Потому что когда он говорит «высший Бог – не сущий», то он на самом деле вынужден использовать негатив к тому, от чего он хочет освободиться, к тому, что «пятнает». Он вынужден использовать Бытие как точку отталкивания для того, чтобы определить то, что должно быть вне всякого сравнения.

Но дело в том, что отрицание имманентного не создаёт трансцендентности как таковое. Да, мы можем сказать, что «мир *есть*» и это его ложь, его «мусорность», а Бога нет – и в этом Его Величие, Его чистота. Но если мы противопоставили это «есть» и «нет», мы не получили реального подразумевания трансцендентного, потому что мы получили всего лишь расширенную тезу – антитезу, которая всё равно определяется через этот посыл. То есть это всего лишь *негативная имманентность*. Конечно же, гностика это не может устроить.

Но на самом деле гностицизм – это особое, скажем так, состояние поиска, особое состояние противостояния с реальностью, когда ещё не найдены какие-то тайные последние ключи для того, чтобы взломать эту ловушку. Дело в том, что гностик в поисках Величия забывает о таком верификаторе, который имеют платоники и который имеют все традиционные метафизики. А именно – он упускает из виду то, что тотальное тождество, то есть тотальная «схваченность» всего Абсолютом, выступает не просто как самодостаточная концепция тождества, а она имеет в себе интеллектуальную силу и ценность утверждения.

Что такое утверждение? Утверждение – это абсолютный императив духа или абсолютный императив, скажем, последнего «пневматического» центра, который делает человеческое существо оператором, операции которого сами по себе ценны и интересны. Вот *утверждение* – это то, к чему *пневма* имеет абсолютное стремление: она хочет достичь этого *утверждения*, даже если это *утверждение* находится внизу в грязи, в пыли, оказывается на поверхности мусорной кучи. Что такое *утверждение? Утверждение* – это указание на *то, кроме чего ничего нет*. То есть это абсолютное *утверждение,* которое даёт достоверность того, что за пределами этого посыла, за пределами этого *утверждения*, действительно, ничего не остаётся.

Но как это может быть? Ведь всё равно – даже когда мы говорим, что *утверждение*, которое покрывает всё, – то всё равно есть некоторая тема, за пределами остается ложь, ошибка, внешние сумерки, где только «скрежет зубовный» и так далее. То есть *утверждение* всё равно оставляет некую тень негатива за собой. И в традиционной метафизике тема того, что *утверждение* – это проблемная вещь, немножко замалчивается: просто говорится о «великом всеедином тождестве», об «абсолютном всеединстве», которое снимается в неопределённой, не квалифицируемой бездне «вечного, предшествующего всему».

А гностик не может согласиться с этой бездной. Он не может с ней согласиться, потому что она причастна ко всему, она присутствует на этой «мусорной куче». «Мусорная куча» схвачена в этой бездне. И поэтому гностик обходит тему *утверждения*. То есть он не даёт свою гностическую, исходящую из примата сознания, тему *утверждения*. Потому что легко, допустим, традиционалисту «классическому» говорить, что «сознание – это функция от Бытия». Он говорит, что Бытие и сознание тождественны. Он говорит: «Акт понимания уничтожает субъект и объект в их противопоставлении». И пожалуйста – ничего нет, кроме этого взрыва: это всё снимает.

А как быть гностику, который знает, что за пределами всего есть чистое, сияющее Величие, которое не запятнано предикатом «есть»? Тогда получается, что есть здесь у нас мусорная куча, а здесь – Величие. А что их объединяет – если их объединяет? Ничего? А каким образом тогда эта мусорная куча появилась? И почему в центре этой мусорной кучи горит огонь величия? Все эти вопросы не получают ответа ни в каких схемах прежде всего потому, что гностик пытается решить проблему и судьбу сознания, проблему и судьбу субъекта, проводя интеллектуальные операции внутри объекта. То есть он постоянно, пытаясь «деонтологизировать» Величие, работает внутри онтологии, которая никуда не исчезает. Ведь, в конце концов, недостаточно сказать, что Величие не имеет предиката «есть». Самого по себе этого недостаточно.

То есть на самом деле ты тогда просто говоришь, что ко всему *сущему* есть антитеза – абсолютно *иное*. Но что такое *иное? Иное* определено через «это». Извините, какая же это трансцендентность, если это *иное* определяется через «это», если ты вынужден говорить

«иное», которое уже подразумевает *здесь присутствующее*? Вот здесь-то и возникает вопрос: где то самое *утверждение*, которое оставило бы чистую трансцендентность, но при этом сделало бы таким образом, чтобы не было ничего, кроме неё?

Это потрясающий вызов, с которым, я боюсь, гностики как историческая школа не справились, потому что на самом деле это требует несколько иных исследований. Во-первых, надо было бы, прежде всего, погрузиться в вопрос: «Почему Бытие и сознание действительно являются оппонентами?» Ведь совершенно понятно, что сознание возникает только в результате своей противоположности Бытию, то есть только потому, что Бытие наталкивается на *нечто, что не есть оно*. Здесь кроется, может быть, тот самый секрет, открыв который, можно было бы действительно начать операцию по «отмыванию» Величия от предиката «есть». Этот секрет заключается в *тайне нетождества*, потому что на самом деле простая гносеологическая операция покоится именно на этой тайне. Само нетождество *познающего познаваемому*, в отличие от концепции традиционной метафизики о том, что *акт познания есть слияние субъекта и объекта*, на самом деле совершенно понятно, что если перцептивное начало является одним из феноменов среди прочих других, то оно просто не может быть свидетелем. Свидетелем может быть только тот, о кого разбивается внешний мир, перед кем волны эфира останавливаются как перед преградой, отражаясь от него.

И здесь встаёт такой интересный вопрос: если сознание возникает только в результате того, что Бытие на него натыкается, то есть оно оживает в результате этого конфликта, то чем оно было или чем была та *потенция*, чем было то *отсутствующее ещё сознание*, которое ещё не столкнулось с Бытием? То есть откуда это сознание берётся? Почему Бытие натыкается на нечто чуждое себе? Ведь в конечном счете всё упирается в это. Говорим ли мы о гностике, говорим ли мы о платонике, говорим ли мы о диалектическом материалисте, – всё упирается в конечном счёте в это. То есть Бытие наталкивается на это действующее сознание, и в этом действующем сознании, в этой точке, на которую оно наталкивается, оживает свидетельствование, которое может быть неотрефлектировано, – может быть очень низкого качества, но тем не менее эта светящаяся точка оживает.

На самом деле понятно, что ни сознание как таковое, ни Бытие как таковое не самодостаточны. И более того, они не самодостаточны двойным образом. Они сами существуют как следствие несамодостаточности того, что им предшествует. Что я имею в виду? Если бы на самом деле, как думают традиционные метафизики, всему бы предшествовал имманентный самому себе Абсолют, то было бы совершенно непонятно, каким образом из него наружу сделан первый шаг. Потому что *утверждение* предполагает, что нет ничего, кроме того, что является *утверждением*. То есть если есть Абсолют, то этот предикат «есть» не должен разделяться ни с чем, кроме него. А если он разделяется с чем-то кроме него, если Абсолют, например, «*безусловный* Брама порождает *обусловленного* Браму», то в этот момент сразу же и тот и другой исчезают, как фикция. Потому что не может Абсолют существовать в качестве базы для иного, кроме себя. Самоутверждение требует, чтобы иного, кроме него, не было.

Таким образом, единственное, что может предшествовать и Бытию, и сознанию, есть *абсолютный негатив*. Потому что абсолютный негатив, во-первых, не ограничен, то есть бесконечен, и в этом отношении удовлетворяет требованию к Абсолюту, что он не имеет границ. А во-вторых, будучи отрицательным, он не самодостаточен, потому что полагает свою суть в другом, нежели он сам, но отрицательным образом. То есть абсолютный негатив отрицает всё, кроме себя, и в этом смысле он является не самодостаточным. В этом смысле он открыт к тому, что возникает нечто, что он будет дальше отрицать.

Так вот – сознание и Бытие являются двумя разными, но связанными друг с другом продуктами этого абсолютного негатива. Сознание, естественно, когда оно обретает самое себя, неизбежно должно понимать, что оно является в ловушке лжи. Это то, о чём говорил [на данном семинаре – *прим. ред*.] А. Дугин («гностик чувствует, что его сознание вброшено в бездну лжи, в некую ловушку, которую нужно преодолеть»).

Но преодолеть это не на пути построения фундаментальных, очень сложных, очень глубоких конструктов, которые каким-то образом выводят нас, и выводят недостаточным образом, из этих противоречий, а путём действительной *деонтологизации*. Деонтологизации сознания прежде всего. То есть сознание должно

быть понято и интерпретировано как абсолютная антитеза внутри нас *здесь и теперь*.

Я бы ещё хотел коснуться такого момента, что не случайно гностик указывает на *не сущее*, чётко отделяя его от *Ничто*. Потому что на самом деле он стремится действительно выразить трансцендентность Величия. Но *Ничто* не есть, так сказать, «освобождение от грязи этой мусорной кучи», которой является Глобальное. *Ничто* является всего лишь навсего отрицанием имманентного, отрицанием конкретного феномена. Снятие феномена даёт *Ничто*, но оно не даёт *трансцензуса*[46]. Хотя, с моей точки зрения, и *не сущее* как таковое тоже не даёт трансцензуса. Потому что трансцензус не может опираться на площадку, которую мы имеем в качестве базы для отталкивания, и он не может выступать как *иное* по причинам, которые я уже проговорил: потому что трансцензус не может содержать в себе ссылку на *Это*. И вместе с тем трансцензус, который допускает существование Этого как самостоятельного момента, это трансцензус, который лишился качества *утверждения*, то есть это пустой или эфемерный трансцензус.

Это вызов, который чётко соответствует апории, известной в Средние века: «Может ли Бог создать камень, который Он не может поднять?» Я считаю, что все эти апории имеют то достоинство, что в них содержится тайное решение, доступность которого крайне проблематична. То есть решение есть, но привести это решение в исполнение – это чудо. И пока что в истории мысли нашего человечества это чудо не было осуществлено имманентным порядком. На него есть и содержится намёк только в священных откровениях монотеизма. Но не в той форме, которой обычный человек может воспользоваться, то есть прочесть, как он прочёл бы Василида, и понять выход из этой ловушки. Нет. Это намёк, который может быть чудесным образом использован, но в большинстве случаев остаётся закрытым для не просто людей – для человечества.

Тем не менее абсолютно согласен, что гнозис – это питательная энергия, это страшный пожирающий огонь, который горит сегодня внутри тайной *пневмы*, и что это действительно та сила, с помощью которой можно ускорить Второе Пришествие. Спасибо.

Ответы на вопросы

А есть ли смысл «отмывать» Величие от предиката «это» или «есть»? А может быть, наоборот, стоит приблизиться к этому предикату «есть». Потому что почему «мусор» становится «мусором»? Как раз, наверное, потому, что он этот предикат теряет, он как раз ведёт к не сущему или ничто, – та же самая подушка, которая валяется в мусорной куче…

Я обозначил, что *Ничто* есть как раз уничтожение вот этой диванной подушки и прочее. А *не сущее* – это совсем другое. Дело в том, что эта схема, о которой вы говорите, – если её привести в исполнение, то речь будет идти уже совсем не о гностике. Мы же говорим о гностике. А гностик не может принять вашу схему, ваш тип предложения. Потому что для него Величие является императивом. В чём его особость и в чём его отличие от всех людей? Внутри него горит императив служения Величию. Не то что он хочет его реализовать, не то что он хочет его сообщить каким-то людям, помыслить, – нет. Он просто как свечка горит огнём этого Величия. И всё! Он не ставит перед собой никаких задач. Он просто горит. Этот огонь и есть это Величие. Сказать: «Давайте этот хлеб обжарим на этом огоньке и этот хлеб приобретёт нечто от этого огня», – это бессмысленно.

То есть цели нет?

Целью является просто движение внутри мусорной кучи. На самом деле есть сюжет. То, что было описано [на данном семинаре – *прим. ред*.] А. Дугиным – это некий сюжет, драматический сюжет. Сюжет есть. Но можно ли сказать, что пьеса Шекспира в закрытой книге, которая всегда может быть открыта, которая может быть поставлена, что она есть цель? Она не цель для актеров. Просто приглашают режиссеров, приглашают актеров, ставят. Но там «миницели»: актера – заработать, режиссера – прославиться,

зрителей – провести время. Но сущность этой пьесы в закрытой книге – это сюжет. Она вне цели.

> *Вы обсуждали вопрос бытия и небытия, небытийственной природы Бога: потому как если Бог создал Бытие, значит, Он должен являться чем-то иным, нежели само Бытие. Про то, что же объединяет небытийственного Бога и бытие, Им порождённое, Вы говорили, что ответом на это являются предшествование им некоего негатива, то есть абсолютного отрицания…*

Вы не совсем точно воспроизводите. Я говорил про Бытие и сознание, которые противостоят друг другу и которые не самодостаточны: сознание очевидно не самодостаточно, потому что оно как бы оживает при столкновении с Бытием. Как вот, допустим, если зеркало функционирует как зеркало, и с него снять покров, то там есть какой-то свет, а если его закрыть плотной прилегающей тканью, не пропускающей свет, то понятно, что никакого зеркала нет, – значит эффекта сознания нет. Но за Бытием и сознанием стоит негатив, который тоже не самодостаточен, потому что бесконечный негатив посвящён не самому себе, а отрицанию всего, что *не есть он*, то есть это просто некий «минус», который полагает себя безусловным и абсолютным. Вместе с тем этот «минус» является конечно же неким пустым *неведением о предмете своего отрицания*. Но он тоже не трансцендентен, он имманентен, он сквозит через существующее в результате его как следствия, то есть он сквозит через нас; этот «минус» отрицает то, что существует, отрицает альтернативу, отрицает *иное* тому, что существует, отрицает пустые возможности, ничем не заполненные, этот «минус» глобален. Этот минус по-разному стоит и за Бытием, которое возникает как ширма или покров на нём, и за сознанием, которое является его инверсией на самом деле. То есть сознание сталкивается с Бытием тоже как отрицательный фактор: сознание есть отрицание Бытия, в результате этого Бытие становится проявленным для него.

> *Тогда я хотел бы спросить об отношении неоплатонизма к бердяевскому тезису о примате свободы*

над Богом: Бердяев говорил о том, что в христианской теологии постоянно наталкиваются на проблему: «Если Бог всесовершенен, то зачем тогда Ему надо было творить мир?» И он предлагает решение этого вопроса в постулате о примате свободы, которая есть над Богом и над вообще Бытием.

В принципе, на самом деле частью совершенства является сама та свобода, о которой Бердяев говорит. Абсолютно нет никакой необходимости её позиционировать «над», потому что если мы представим себе некое «совершенное существо», то составной частью совершенства является то, что оно *должно* существовать. То есть совершенное существо, как представление без предиката «есть», *не совершенно*, – «есть» должно туда входить. И поэтому Бог должен существовать, то есть быть именно потому, что Он – совершенен.

Точно так же можно сказать, что и свобода входит в «программу совершенства». Потом, тут ведь очень тонкий вопрос: что имеет в виду Бердяев под свободой? Потому что, вообще говоря, есть по крайней мере четыре разных интерпретаций свободы: свобода прежде всего как некая неопределённость, то есть свобода воздуха, который веет туда-сюда где хочет; потом свобода выбора (бифуркация путей); третья свобода – это свобода от внешнего принуждения; наконец, четвёртая, самая интересная, свобода – свобода от своего собственного архетипа, то есть, если мы – отражение, то свобода от оригинала, которое порождает нас в зеркале. Вот четыре свободы как минимум. Естественно, что первая свобода – свобода воздуха, неопределённость – присуща совершенному существу. И не потому она присуща, что присуща *объективно*, а потому, что мы не знаем, потому что есть некая непредсказуемость и абсолютная немотивированность совершенства (как вот, например, метеорологи сидят и гадают, куда ветер подует, но не могут этого знать или считают, что знают, но ветер их обманывает), есть та самая свобода, в результате которой Бог творит мир. Это я излагаю классическую точку зрения, которая доминирует, как правило, у нормальных теологов.

В сущности, в наше время, в эти годы (в эти одно-два десятилетия) происходит очень интересная вещь: существует масса пассионарных молодых людей, которые ищут смерти, но при этом

ищут смерти не потому, что они не читали Василида, а потому что они отождествляют острое, горящее ощущение несправедливости и ошибки, которая стоит внутри Бытия с очень внешними, очень конкретными вещами, которые связаны обычно с такой литургической практикой самого формального свойства. То есть в наше постсоветское время возникло очень много людей, для которых принципиальным вопросом является, допустим, длина бороды, длина штанов или каким образом осуществляется омовение и так далее. Но я хочу сказать, что в 1917 году очень много пассионарных людей тоже транслировали свою пассионарность и свою жгущую страсть к справедливости в очень неловких, неказистых штампах и проявлениях: от «отчуждаемого у рабочего времени, которое крадёт капиталист» до «грабь награбленное». И, в принципе, ведь совершенно не важно, что человек метафизически поднят ветром гностической революции, но в его сознании она не может принять какие-то «академические» формы или, наоборот, приобретает какие-то криминальные или вызывающе эпатажные, – это совершенно не важно (но только в первый момент не важно). Главное, что эти люди готовы умереть. На втором этапе мы видим, что эти люди, которые являются «солью земли», – то есть стремятся к смерти и им не важно, под каким предлогом, ибо они не занимаются и не хотят заниматься метафизикой, – они находят конкретный *символ справедливого*, противостоящий всему остальному несправедливому, и идут до конца. Потом появляются люди – скажем, чекисты второго, третьего призыва, – холодные циничные люди с стеклянными глазами, которые допрашивают, рвут рты, расплющивают пальцы табуреткой… Но что интересно: они тоже подняты этим гностическим ветром, потому что на самом деле это всё является таким кукольным театром, который поднялся из ящиков, и какие-то нитки приводят их в движение, и то, что это куклы и нитки, – это второстепенно. Главное, что повод, который их поднял, находится за пределами обыденного, за пределами доступного рядовому человеку.

Очень многие герои Гражданской войны за несколько лет до этого были обычными, совершенно бессмысленными существами, которые не подозревали о том, что они превратятся в харизматичных полугероев-полумонстров, наводящих ужас на обывателей. Как тот же Сорокин, командарм 11-й армии, который играл на гитарке местным девушкам до начала Первой мировой войны. То есть за пять лет до

того, как весь Екатеринодар прятался при одном только цокоте копыт его конвоя, за пять лет до этого он был практически чуть ли не Смердяков, который, как вы помните, тоже играл на гитарке в беседке, когда его подслушал Алёша. То есть такая «трансформируемость» людей является нашим шансом, потому что на аргумент, что сегодня люди стали быдлом и нет тех, кто будет вершить великие дела, о которых мы знаем из учебников, я спрашиваю: а кто был Котовский в 1909 году? Он просто был таким удалым бандитом, недоучившимся агрономом. Кто был Щорс? То есть куча народу, которая превратилась в исполинских героев мифологем, эпоса. Они, может быть, были даже более жалкими, чем нынешние обыватели, если бы мы их встретили. Встретили бы того же Котовского, и он бы произвёл на нас впечатление бритого кожаного затылка, которые мы знаем по девяностым, – может быть, более элегантного, может, и менее. Во всяком случае, человек – это глина, которая трансформируема под воздействием ветра *иного*. И самое главное, что все ошибки, которые происходили до сих пор, это от того, что гностические пассионарии закапывали свой огонь и свой пафос в абсолютно ерундовые символы, с которыми они отождествляли свой путь, то есть в экзотерические такие символы.

Шанс на прорыв, мне кажется, содержится в том, чтобы определённая часть пассионариев смогла бы мыслить и выйти на рубеж Тайны. Если это произойдёт, тогда все остальные будут оплодотворены, если нет – то в очередной раз сашки жегулёвы отдадут свои молодые жизни за то, чтобы потом кто-то пил жигулёвское пиво.

Бытие и тайна нетождества

2 января 2008

Лобачевский взял и отменил одну из аксиом Евклида, и у него получилась новая геометрия. Казалось бы, такие очевидные вещи – параллельные не пересекаются. Приходит Лобачевский и говорит, что параллельные пересекаются. Неизвестно – где, но они пересекаются. Сразу всё другое.

И вот я сталкиваюсь с фундаментальными нравственными основаниями общечеловеческой мысли, которая исходит из того, что «существует только добро – это заложено в структуре человеческого сознания». Только добро. Почему? Потому что человек тем самым констатирует совпадение *факта своего существования с фактом своего переживания этого существования*. Естественно, он благодарен, что он существует, – он выносит за скобки, что он умрёт, что его не было, что он лишь световой прочерк между двумя чёрными бесконечностями. Когда он всё выносит за скобки, он говорит о «здесь и теперь»: «Я живу, я чувствую это бытие, которое вокруг меня и частью которого я являюсь. И это, конечно, прекрасно, что я живу и его чувствую, потому что свидетельствовать – это прекрасно. И это бытие, которое едино с моим переживанием его, – я его переживаю, и бытие, которое я переживаю, – это то же самое, что я переживаю. Мои ощущения, моя мысль и то, что я воспринимаю, – это едино. И если прекрасно, что я есмь, то прекрасно и то, что совпадает с этим *я есмь*, то есть то Бытие, частью которого это *я есмь* является». Это понятно.

Другое дело, что есть некая тайна, которая, с одной стороны, бросается в глаза, и мне несколько даже странно, почему каждый не видит и не воспринимает это: *свидетельствование говорит об абсолютной нетождественности свидетеля тому, что он свидетельствует*. Потому что вещи, которые принадлежат к одному и тому же порядку Бытия, – ну, скажем так: камни среди камней – они же не «свидетельствуют» друг другу, они не могут реагировать друг на друга, потому что они есть одно и то же. Это всё – «это». «Это», само по себе, не может знать о себе. «Это» всегда находится в бесчувствии. Оно всегда находится в бессмыслии. И поэтому, если существует факт

«я мушка, которая», – как у Достоевского Ипполит говорит, что самая последняя мушка участвует в этом хороводе жизни, – если он знает, что он мушка, если он свидетельствует себя как мушку, которая «я есмь», со своей судьбой, значит он уже есть *пункт несовпадения ни с чем*. А раз он есть пункт несовпадения ни с чем, то тогда этическая судьба этой точки внутри свидетеля, которая свидетельствует (потому что она ни с чем не совпадает), и то, что она свидетельствует, – у них разная этическая судьба. То есть он уже не может сказать, что праздник моего «есмь» есть праздник и позитив Бытия, частью которого это «есмь» является, потому что «есмь» не есть часть Бытия. Это совершенно разные вещи.

Теперь, если говорить серьёзно, то я хотел бы совершить операцию Лобачевского над общепринятыми основаниями человеческой мысли. Человеческая мысль говорит, что «всё есть благо»: Бытие есть благо, оно есть одновременно мысль, Бытие есть мысль, идея, сознание, мышление есть Бытие. Мышление, Бытие и благо. Мы уже согласились с тем, что если есть мысль, то она не есть Бытие, то есть мышление и Бытие – вещи противоположные. Сознание и Бытие не тождественны, и именно в этом нетождестве и существует секрет сознания. Секрет сознания в том, что сознание не совпадает ни с чем, а является чёрной амальгамой зеркала.

Но сделаем дальше шаг: и Бытие не есть благо и вообще реальность есть не благо. А что же тогда? Прямая противоположность – *зло*. Почему? Потому что мы заменяем: говорим, что параллельные прямые пересекаются, говорим, что есть «чистое зло», абсолютное «чистое зло». Тогда мы обязаны сказать, что такое *зло*, если мы исключили идею *добра*. Потому что, когда говорят «всё есть благо», тогда они объясняют, что зло есть недостаток блага или некое «техническое» напоминание о том, что всё есть благо: то есть зло нам посылается для того, чтобы мы там укололи себя, взвизгнули и вспомнили, что можно есть мороженое, то есть как бы напомнили себе о благе.

А если мы всё поменяли и сказали, что «всё есть зло»? А что такое тогда зло, если блага нет? А *зло есть то, что блага нет*. А что же такое благо? А это как раз *то, чего нет*. Это как раз то самое *отсутствие*, которое заложено в факте сознания. Потому что если Бытие есть, то единственный способ (ну Бытие же есть – иначе как о

нём говорить?!) описать сознание, – это то, что его нет, то есть, что оно есть *небытие*, которое тем не менее актуализировано. Это вызов Парменидуу[47], отрицание Парменида. *Бытие есть, но и небытие тоже есть*. Но небытие есть не в форме Бытия, а в форме сознания, то есть в форме *свидетельствования*, которое является остановкой света (вот свет, который распространяется, останавливается и рефлектирует). Тогда это небытие есть знак – брошенный *здесь* знак того, что *не существует*. Потому что сознание же существует не само по себе: оно же не является независимым не от чего, оно же не является самодостаточным. Оно существует только в оппозиции. Оно существует только как контраст. Потому что Бытие есть – оно как бы кем-то положено, – мы не говорим ещё кем, – просто оно положено кем-то. А сознание действует только как «антифон», как антитеза. Допустим, на стене амбара пляшет солнечный зайчик. Понятно, что солнечный зайчик не является самодостаточным: его можно увести, его можно погасить. То есть это вещь эфемерная, но контрастная по отношению к стене амбара, то есть она находится в оппозиции. Значит, сознание есть антитеза Бытию, которое обусловлено тем, что она антитеза, то есть она существует, она проявляется только в контрапункте, в противоречии. Но её часть говорит о том, что находится вне этого Бытия, то есть *о том, чего нет*.

Таким образом, *сознание есть проявление отсутствующего*, сознание есть указание на отсутствие чего-то, отсутствие чего является злом и злом абсолютным. Потому что это отсутствие предполагается настолько прекрасным, настолько дорогим, настолько довлеющим в своей необходимости, что оно не вмещается в формат Бытия, ну просто не может влезть в это Бытие.

Бытие – это такая «сумочка», в которую этот гигантский слиток золота не залезает, эта «сумка» пустая. И указанием на пустоту этой «сумки», на то, что эта «сумка» является разочарованием, – туда смотришь, а там, кроме пыли в складках, ничего нет (это же зло), – вот указанием на это зло, на пустоту этой «сумки» является сознание. А сознание – это как раз солнечный зайчик, пляшущий от того самого слитка золота, который туда не вошёл. Это слиток золота *отсутствующий*, который не может проявиться, не может никуда попасть, – он пускает, он оборачивается этим зайчиком, который демонстрирует, что это Бытие есть ложь, то есть его «есть» – это на

самом деле «есть» не настоящее, это не утверждение, это просто как у Буратино нарисованная дверь на холсте. То есть это всё – «нарисованное».

Есть нечто подлинное, подлинность которого сопряжена с его отсутствием. Эта подлинность не может быть выражена иначе, чем через отсутствие. А это отсутствие, в качестве «милости», в качестве подарка, изображается в факте противостояния лжи. Сознание как лучик отсутствия, которое является фундаментальным, всеохватывающим злом, – оно противостоит лжи, которая является злом второго порядка. Бытие – зло второго порядка. Оно является производным от зла первого.

Есть Бытие. Бытие существует вместо того, что должно было бы быть. Но его нет. Нет, потому что оно слишком прекрасно, чтобы быть. Вместо этого есть Бытие, которое изображает, что оно прекрасно. Но оно в действительности является суррогатом отсутствующего. И вот «разоблачитель» – сознание, которое является мостиком между двумя видами зла. Один вид зла – абсолютное отсутствие подлинного, или где подлинность и отсутствие совпадают. И вторичный вид зла – Бытие, которое является злом, потому что оно лживо выдаёт себя за *долженствующее,* а оно на самом деле является заменой: оно есть, потому что *того* нет (красный-то сокол улетел, а вместо этого жаба поганая сидит, и эта жаба говорит, что «я твой суженый, а сокол-то – он там где-то, ветер его носит»). И Бытие есть жаба вместо сокола, а сознание есть как раз этот мостик между *этим* злом и *тем* злом. Но сознание, которое разоблачает низшее зло, – зло Бытия как заместителя подлинного, – выступая как разоблачитель, является заветом и обещанием некой встречи с той подлинностью, отсутствие которой может превратиться, трансформироваться, наконец-то, в то золото, которое не вошло в эту «сумку». То есть сознание есть некий якорь, некое послание, некий завет. Оно просто констатирует, что зло исходно, и оно является вызовом к постижению природы альтернативы себе, но только эта альтернатива будет не добро и не благо.

Добро и благо – это ложные понятия, сопряжённые с принятием Бытия за подлинное, они неизбежны и неразрывно связанны с самообманом по поводу Бытия, с идеей отождествления Бытия и сознания. Поэтому, когда мы уходим от концепции зла в альтернативу ему, то мы приходим не к добру, а приходим к *преодолению зла*, к

трансцендированию *за* зло, которое даёт нам не добро, а даёт нам совершенно иную бездну. Эта альтернатива – *внеполярная* позиция: это не тезис и антитезис, это выход из дихотомии. Это дихотомия. Мы добро растворяем как ложь, а зло трансцендируем, поэтому у нас совершенно другая этика, – *этика долженствования*, этика *воли, в которой есть этика веры*. Наша этика веры – это неистовый гуманизм, в результате которого все обезглавливаются и кидаются на съедение псам.

Дух и сущность: ответы на вопросы

Октябрь 2015
Вопрос:

Что такое частица Рух? Во многих своих работах и выступлениях Вы используете разную терминологию для обозначения Духа. Например: на вопрос о том, является ли Дух трансцендентным, Вы отвечаете отрицательно и называете его «активным аспектом имманентного»; противопоставляя Дух субстанции глины, Вы называете его «эссенцией» (при этом в некоторых местах Вы все же называете Дух субстанцией, например в «Ориентации – Север»: «Истинная смерть есть единственная субстанция, совершенно отдельная от всего»); встречаются также такие, довольно расплывчатые словосочетания, как «оперативная божественная энергия» или «операциональная система».

В этом контексте со всей остротой возникает вопрос, имеющий фундаментальное значение для теологии: чем же по своей «природе» является Дух? То есть каково соотношение «природы» Духа и «природы» Всевышнего Аллаха? Сотворен ли Дух? Как расшифровать Ваше утверждение о том, что между ними существует негативное тождество? Раскройте смысл используемых Вами понятий «активный аспект имманентного», «эссенция» и «операциональная система». Расскажите об этом подробнее.

В дополнение к этому опишите, пожалуйста, подробнее несколько моментов:

– каким образом произошло пробуждение Адама в Райском саду и почему это было следствием ослушания?

– какова разница между реальной частицей Духа в Адаме и виртуальной точкой нетождественности в обычном человеке?

– как именно посредством приобщения к языку в человеке пробуждается сознание и почему невозможно научить языку животное? Если это возможно благодаря наличию в человеке специальной «рациональной души», то какова ее суть? Каким образом в имманентном возникает элемент, способный воспринимать смыслы имен и заниматься их комбинаторикой?

– если дух является «точкой отсутствия», то есть чистой апофатикой, то каким образом возможно его личностное присутствие в виде Святого Духа («рух аль-кудус») – Архангела Джабраила?

– если обратной стороной сознания является смерть как тотальное отсутствие, то как объяснить феномен могильных мук?

Ответ:

1 Называние Духа субстанцией – это пример неудачной и сырой терминологии в «Ориентации – Север», которая была первым опытом тезисного изложения доктрины около 40 лет назад. Конечно, Дух не является и не может быть субстанцией, поскольку данный термин предполагает пассивный статус некой базы, протяжённости, потенции, – короче, всего того, от чего отталкиваются или на что влияют активные начала. Что касается «оперативной божественной энергии», то этот термин скорее связан с тем аспектом «Духа и ангелов», которые спускаются в Ночь Могущества (в Ночь Потенции, возможности) для исполнения всяких повелений. «Оперативная» – в смысле реализующая действие, операцию.

2 Аллах (Свят Он и Велик) ничего не сотворил понапрасну. Это касается как единичного феномена, так и всей неисчерпаемой тварности, которая представляет собой «мегапроект», имеющий цель и назначение. Концепция цели и назначения выражена в понятии «Аль-кадар ва-ль-када». Внутренним аспектом Предопределения является смысл сущего, который в последней инстанции ведом только Всевышнему Творцу. Некоторые же его аспекты могут быть восприняты и тварной реальностью.

Смысл в целом – это Мысль Всевышнего о творении. Грубо говоря, у этой мысли есть проявленная часть, которая выступает в

качестве реализующейся программы или сюжета творения. Центральной частью этого сюжета оказывается история собственно человечества, а внутри человечества – история пророков. Это внешняя, так сказать, феноменологическая сторона Мысли. Её внутренняя сторона не проявлена. Она связана как раз с главным назначением сущего. Это главное назначение сущего – быть отрицательным указанием на своего Творца.

Сущее – не Аллах. Аллах не подобен ничему. Ничто из того, что можно было бы помыслить или вообразить, не является даже намеком на Него. При этом речь ведь не идет о силе воображения твари. Речь идет о бездонном потенциале творчества Самого Аллаха. Он всегда остается абсолютно противоположным, неугадываемым ни через какие аналогии. Это и есть скрытое содержание всего сотворенного сущего, ради которого оно сотворено.

Само сущее собственными ресурсами не может ведать ничего о том, чему оно не подобно. Это его скрытое (на всех уровнях и от него самого) содержание. Это скрытое содержание как назначение и подразумевание всего сотворенного есть Дух. Сказать о том, что он трансцендентен, никоим образом нельзя, потому что он как бы «вшит» в само творение как его подлинный истинный аспект. Однако Дух не принадлежит творению как часть проявленной феноменологии, потому что это интимная, глубинная подразумеваемая сторона мысли, – то, ради чего создано то, что создано. В этом смысле можно утверждать, что Дух не тварен, потому что он является подразумеванием Творца о твари. Он является Мыслью Всевышнего, которая обнаруживает себя в Слове.

По отношению ко всему сущему Дух выступает как антитеза. Он присутствует внутри сущего как перманентное живое указание на то, что оно – сущее – есть всегда «не то, не то и не то». Вот это «не то» во всем сущем дано скрыто, но в Адаме это было вложено и активизировано как очевидное и ясное сознание.

3 Про «негативное тождество» можно сказать следующее.

Откровение Аллаха о себе есть обнаружение Им Себя для человека в той части, которая человеку может быть открыта. То, что обнаружено, не является тварным феноменом, подобным сообщению, которое может сделать один человек другому. Вместе с тем это Откровение, безусловно, не идентично Всевышнему. Это

(метафорически выражаясь) как бы тень, которая обнаруживает Того, Кто ее отбрасывает, в то время как Хозяин этой тени «находится за углом» и невидим. Это тень неотъемлема от Него, она Его обнаруживает, можно даже сказать, что эта тень есть Он, но одновременно эта тень есть антитеза своего Хозяина, который ее отбрасывает. В этом смысле можно говорить о «негативном тождестве».

Почему я начал говорить именно об Откровении? Потому что Откровение есть прямое проявление Духа. Сокрытое слово Всевышнего о непостижимой стороне Духа приносится персональным аспектом опять же Духа (Джибрилем) к частице Святого Духа (Духа Аллаха), вложенной в Адама при творении и присутствующей по наследству во всех пророках. Если бы этой частицы не было в Адаме (мир ему), то обращаться с Откровением было бы не к кому. Невозможно открыть что-либо глиняной кукле. Активный аспект Духа – скрытый, непостижимый – открывает себя через Джибриля, который является его же проявлением, пассивному аспекту Духа, который присутствует в посланниках. При этом скрытое становится открытым лишь в малой части, которая, однако, является единственным светом, позволяющим «угадать» непостижимую тьму источника.

4 Относительно «активного аспекта имманентного».

Сущность имманентного, как мы уже говорили выше, это *не Аллах*. В этом смысле все неисчерпаемое сотворенное сущее есть как бы пустая чаша. Она, с точки зрения своего наличия, полноты реализации заложенных в нее возможностей, – неисчерпаема. Но при этом она является простой *лишенностью*, о чём она еще и не ведает.

Можно сказать, что все сущее это некий пустой след на песке, оставленный тем, кто здесь проходил. В этом смысле след пуст и выражает *лишённость*, ибо не содержит реально этой ноги: он всего лишь негативный оттиск. Но при этом он указывает на то, что нечто выдавило его в этом песке, причина его появления есть.

Раз есть пустая *лишённость*, стало быть, есть и то, что ей соответствует, чего эта *лишённость* «лишена». Есть активное осознание того, что это оттиск, оставленный причиной. Тем не менее осознание причины не есть сама нога, которая оставила этот след. Можно сказать, что переживание *неприсутствия* – это активная

сторона имманентного, поскольку представляет собой апофатическое указание на то, что находится *вне наличия*. То, чего нельзя иметь, то, что выше всякой полноты и всякого присутствия, может быть выражено только отрицательным образом как *отсутствие*.

Однако оба этих аспекта – *лишённость* (пустой след) и само *отсутствие*, на которое эта пустота указывает, – это *чистый негатив*, и в этом смысле Аллах трансцендентен как взывающей к Нему пустоте сущего, так и отсутствию, которым Он «обозначен». Это отсутствие Того, Кто не может содержаться ни в чём и выше всякого величия, есть активная сторона имманентного, то есть утверждение, что «все есть не Аллах» или «ничто не есть Аллах».

5 «Эссенция» есть на самом деле просто латинский эквивалент русского слова «сущность» или арабского «зат» (это чисто субъективная привычка пользоваться латинизмами, потому что с юных лет все серьезные книги я читал не по-русски).

6 «Пробуждение Адама (мир ему)» состоялось после того, когда в него было вложено от Духа Аллаха. «Ослушание» было уже после этого.

7 Адам (мир ему), как обладатель частицы Духа Аллаха, был научен своим Творцом языку. Не будь в нем этой частицы, Адам (мир ему) не мог бы воспринять язык, то есть имена, каждый из которых есть концепт вещи, одновременно являющейся самой вещью для Адама (мир ему). Далее Адам (мир ему) изгоняется к бессловесному человечеству, которое подобно животным во всем, кроме того, что обладает дополнительной «душой» или «этажом» своей бытийной структуры. Это так называемая «сновиденческая» душа, или способность к интуитивному схватыванию образов, которое является базой телепатических способностей. Дословесное человечество находилось в состоянии перманентной эйфории и гармонического слияния со средой, пребывая в «золотом настоящем» и представляя собой телепатическое целое в постоянном общении. Нужно понять, что это «общение» было подобно общению пчел или чего-то в этом роде, – очень простое, не знающее ни сослагательных наклонений, ни прошедшего, ни будущего, ни объектного дискурса. В таком общении младенец в утробе находится со своей матерью. Адам (мир ему) принес этим людям язык. Они вынуждены были воспринять язык. Они могли это сделать, поскольку их телепатическая способность к

схватыванию образов и подразумеваний сделала их открытыми к этому посланию. Разумеется, первоначально язык восприняла какая-то часть, которая стала передатчиком этого дальше.

В тот момент, когда язык превратился в действующий инструмент, кончился Золотой век, кончилось блаженство, кончилась телепатия. Дети до двух лет сохраняют телепатическую связь с матерью, за счет чего усваивают язык с нуля. Но происхождение языка – от пророков, ибо общество является пассивным переносчиком языка, передающим его во времени поколению за поколением.

8 О «виртуальности в обычном человеке».

В пророках Дух Аллаха присутствует в непосредственном реальном виде, что позволяет им воспринимать посланное к ним Слово Всевышнего. Язык есть зеркало, в котором это сознание обнаруживает себя, потому что язык как связь имен есть база для мышления. В свою очередь мышление – это на человеческом уровне тот единственный процесс, в котором потенциально может найти отражение Мысль Аллаха (при определенных обстоятельствах, разумеется: мы говорим о мышлении, построенном на Откровении).

9 Обычный человек, говоря на языке, имеет как бы «взятую взаймы» причастность к частице Духа Аллаха, которое есть не что иное, как *сознание или точка нетождественности ни с чем из свидетельствуемого*. Сам по себе человек, который находится вне луча Откровения, вне *имана*, просто слит с потоком чувственных и ментальных впечатлений, а языком пользуется механически. Но если выдернуть его из этого сна наяву, то язык может стать для него базой консолидации этой виртуальности в реальное. Мусульманина от немусульманина отделяет *шахада*. Тот, кто произнес шахаду, как бы на кратчайшее мгновение увидел свою будущую душу в Раю. Он увидел ее в зеркале языка, – в зеркале, образованном словами свидетельствования. Человеку открыта возможность превратить «солнечный зайчик» сознания, который на мгновение остановился на его физической личности, в негасимый свет, который будет его собственным светом в Дальней жизни. А здесь таким негасимым светом сияют только пророки, которые суть истинное физическое потомство Адама (мир ему).

10 Что же касается «рациональной души», то она сформировалась у людей за счет того, что они говорят, то есть является добавленной

надстройкой, которая отсутствует, например, у тех индивидов, что попали на воспитание к зверям, типа Маугли. У высших животных пять этажей, у низших – четыре, у растений – три. Люди до языка обладали шестью этажами. После открытия языка, став глубоко несчастными, страдающими от зноя и холода тварями, они получили «седьмой этаж». Сознание – это блик света, который падает на крышу этого седьмого этажа. Но до тех пор, пока мы не войдем после Суда в *Дальнюю жизнь* (ин ша Аллах), это сознание не будет в нас «у себя дома». А в Раю это сознание будет постоянным обитателем нашей возрожденной личности. Это значит, мы будем подобны пророкам.

> Теперь вопрос, который Вы не задавали, но который может возникнуть из предыдущего. *Поскольку сознание есть точка нетождественности, явится ли она такой же антитезой ко всему, что будет окружать нас в Раю?*

Дело в том, что Новое Бытие, которое возникнет после уничтожения Ветхой реальности, явится не как субстанция, по отношению к которой «блик света» выступает как антитеза. Новое Бытие будет производным от сознания, тенью сознания. Сознание будет не Чёрной точкой «прокола в ткани» сущего, а тем, что пребывает безусловно и независимо. Задача сознания будет не в том, чтобы свидетельствовать окружающее, как бы сладостно оно не было. Сознание праведников в Раю отражает то, что в Ветхой (нашей) реальности было «трансцендентным отсутствием», чистой сокрытостью. Эта сокрытость, не переставая быть таковой, утверждает себя как *присутствие* для сознания праведников. Тьма становится светом. Черное сияет так, как не сиял свет в ближней жизни. Это и означает, что лица праведников будут повернуты в сторону Аллаха, и Его свет будет озарять их лица, но Он останется невидим, потому что невидимость, – фундаментальное свойство трансцендентного. Просто сама невидимость в новой реальности превращается в солнце вместо того чтобы быть тьмой *чистого отсутствия*.

11 «Личностное присутствие в виде Святого Духа» – Джибриля – открывается только пророкам. И это то предвосхищение вышесказанного, когда для праведников апофатическое становится данностью, не переставая быть апофатическим. Это не имеет

отношения к миру феноменов и образов. Речь идет только о взаимодействии бездонного непостижимого вверху и пассивной частицы этого бездонного непостижимого, брошенного в Бытие, – внизу. Святой Дух – это мост между ними. Это сообщение активного аспекта Духа со своим пассивным отпечатком внутри человеческой матрицы.

12 Сознание в момент прекращения жизни тела исчезает подобно тому, как солнечный блик уходит со стены, когда зеркальце прячется в карман или тучи закрывают солнце. То, что остается, – это «семиэтажная башня», которая начинает подвергаться последовательному демонтажу. Дом, покинутый жильцами, подлежит разборке и сносу до фундамента. Это мучительный процесс. Наиболее мучительной частью является демонтаж «шестого этажа», или «сновиденческой» души, которая полна тенями впечатлений жизни, и эти тени разматываются очень болезненным образом.

Муки могилы предвосхищены при жизни в тяжких кошмарах, которые бывают тем мучительнее, чем меньше в них рациональных образов. Навязчивый кошмар – это циклический возвращающийся ужас сновиденческого состояния. Конечно, это слабое предвосхищение, потому что во сне все «семь этажей» живого человека остаются связанными между собой общим стержнем, стенами, лестницами и тому подобное. У мертвого происходит прежде всего разрыв между этими «этажами», и нет ничего, что могло бы компенсировать этот кошмар. С другой стороны, «разрушение башни» длится 40 дней. На 40-й день заканчивается «могильное время» и начинается то безвременье (до трубы Архангела), о котором поднявшиеся из могил скажут: «Мы провели в могилах день или часть дня».

Вопрос:

Движение Изначальной Мысли представляет собой ее последовательное сокрытие, первым внешним проявлением которого является бесконечный Негатив. Однако этому моменту предшествует ряд «до-внешних» переходов Мысли от ее изначального состояния к Невозможному, от Невозможного к Отрицаемому. Поясните, пожалуйста, на

этом конкретном примере, каким образом теологический метод позволяет говорить что-либо об изначальном состоянии Мысли Всевышнего, и как это коррелирует с текстом Откровения? Расшифруйте тезис о несамотождестве Изначальной Мысли и поясните значение использованного Вами в тексте «Ориентации – Север» термина «роскошь»?

Ответ:

Сначала я отвечу по поводу термина «роскошь». Этот термин я использовал вместо понятия неоплатонической и гностической метафизики «плерома», которая обозначает «полноту», то есть «совершенное *Всё*». Я подразумевал под «роскошью» (вторым термином того же самого является «избыток») не просто *полноту как Всё*, но *Всё*, к которому невозможно что-либо добавить, *Всё*, которое исключает что-либо вне себя. Причём такая «избыточная» роскошь может быть отнесена и к состоянию нищеты. Так, например, если вся реальность – это пустая чаша относительного того, что в ней содержится и не может содержаться, тогда вся реальность совпадает с «избытком» нищеты. То есть в реальности нет ничего, что не имело бы отношения к состоянию *лишённости*.

Что касается «изначальной Мысли». Изначальная Мысль прежде всего выступает сама для себя как *Всё*, к которому ничего не может быть добавлено. Парадокс в том, что при этом она не самотождественна. Иными словами, она как Мысль не совпадает в простом тождестве с этим *Всё*, которое она полагает как некий исходный принцип. *Всё*, которое в ней и которым является она (Мысль), есть неведение о *Другом*.

Другой есть подразумевание мысли и одновременно *невозможность*, поскольку к первоначальному *Всё* ничего нельзя добавить. Это и есть определение абсолютной трансцендентности *Другого*: он исключен из непосредственного содержания Мысли как *невозможное*, как то, что является *невозможным* другим по отношению к абсолютному *Всё*. Вместе с тем, это трансцендентное *невозможное* – единственная цель и единственная истина Мысли. Таким образом, Мысль определяет *тотальное Всё* как ложь и незнание, которое составляет суть имманентного, является

техническим средством указать на абсолютную «несхватываемость» *Другого*.

Теперь, когда обнаруживается, что *Всё* некоторым образом не есть «Всё», – это фундаментальный скандал с точки зрения чистого Логоса. Мысль не может утверждать открыто, что она подразумевает *Другого*, который есть абсолютно противоположное универсальному *Всё*. Она прячет эту позицию к категории «*невозможного*». То есть Мысль как бы указывает, что *Другое*, как совершенная альтернатива абсолютному *Всё*, есть чистая *невозможность*. С точки зрения Мысли это противостояние абсолютному и *тотальному Всё* можно позиционировать только так: *невозможное*!

Однако при этом *невозможное*, будучи стадией сокрытия «чистого и беспримесного» *Другого* (потому что в *невозможном Другое* оценивается в отрицательных категориях, подчинённых ещё закону тождества: что не тождественно, то невозможно), является всё ещё метафизическим скандалом, потому что получается, что Мысль сосредоточена не на «тотально данном», а на столь же абсолютно «тотально неданном».

Поэтому Мысль сама для себя интерпретирует *невозможное* как *отрицаемое*: то, что отрицается всей безграничной данностью её изначального содержания. Но следующим этапом сокрытия неизбежно должна стать интерпретация этого первоначального *Всё* как «отрицающего»! Если есть *отрицаемое* (вверху), то должно быть *отрицающее* (внизу). Таким образом, впервые на этом этапе сокрытия абсолютное *Всё* чистого тождества, которое было самодостаточным неведением Другого (незнающим о своём неведении), превращается в неведение, *отрицающее* то, что не может быть знаемо. Самотождественное *Всё* превращается в *бесконечный негатив*, активно не допускающий *ничего кроме себя*.

На этом этапе сокрытия происходит обнаружение того, что тотальное *Всё* не самодостаточно, ибо отрицая *всё, кроме себя*, оно обнаруживает себя не более чем как средство указания на *Другое*.

Все эти этапы сокрытия, идущие от абсолютного самотождественного *Всё* к *Другому*, которое сразу же скрывается под маской *невозможного, невозможное* скрывается в обличии *отрицаемого*, а *отрицаемое* заслоняется завесой *бесконечного отрицания*, – всё это работа изначальной Мысли в своём чистом

отношении к себе, работа Мысли с собой как *нетождеством*. Но на последнем этапе, когда *бесконечность* обнаруживает себя как направленный *вовне* негатив, тем самым полагая, что есть нечто *внешнее бесконечному*, происходит выход Мысли в свою антитезу. Внутри Мысли возникает как бы *отрицание* её самой, её духовной сущности. Именно через противоречивость и слабость *отрицающей бесконечности* рождается принцип *конечного*.

Каким образом? Если *бесконечное* есть чистое *отрицание* того, что не оно само, то эта *бесконечность* ложна, потому что направлена *вовне*. Это пустая несамодостаточная *бесконечность*, в которой бывшее изначальное тождество изобличается как насилие и как подлог. *Отрицающая бесконечность* не может быть тождественна сама себе.

Таким образом обнаруживается ограничение/отрицание этой *бесконечности* как неподлинной. Наиболее очевидной и простой формой ограничения *негативной бесконечности* является именно «точка», которая по сути представляет собой простую инверсию *негативной бесконечности*, символизируя собой то, что эта *бесконечность* отрицает, но только снизу.

Точка, по сути, так же бесконечна, как *отрицающая бесконечность*, ибо у неё нет ограничений, измерения и тому подобное. Она не определена сама в себе. *Она апофатична*. Её *конечная* природа выступает лишь по отношению к тому, что является для неё *внешним*. А внутри себя она так же неопределённа и негативна, как то, из чего она «родилась».

Эта точка есть принцип Бытия, а Бытие – это антитеза Мысли, это оборотная сторона Мысли, как бы её чёрное дно. Конечно, в безусловном плане Бытие всё равно находится внутри Мысли, но в Бытии Мысль как бы «умирает», отрекается от самое себя.

Именно здесь мы выходим на фундаментальное понимание *конечного как возможного. Конечное* и *возможность* – это синонимы. Первоначальная Точка как инверсия бесконечного негатива проецируется в пять проекций или возможностей:

1. Там, где точка *уникальна и неповторима*;

2. Там, где точка *может быть повторена*, образовав множество *подобных* точек;

3. Там, где конкретная точка имеет *возможность не быть* ничуть не меньшую, чем *возможность быть*;

4. Там, где множество точек имеет *возможность не быть*;

5. Там, где все проявления, связанные со всеми отношениями между этими *возможностями*, могут *не быть*.

Вот эти пять универсальных проекций точки, две из которых *позитивны*, а три *негативны*, отражаются друг в друге, расходясь по спирали и образуя миры, – зеркала, в каждом из которых воспроизводится вся эта спираль как единая данность. Сумма всех состояний этих *возможностей*, образующая зеркальное марево Бытия – это и есть Великое Существо, Иблис, который отражается во всех зеркалах сразу с разной степенью чёткости или замутнённости, кривизны или идеальности. Ткань, образованная зеркальным взаимоотношением пяти первичных возможностей, – это первоначальная субстанция, *первоматерия*, которая представляет собой именно полюс косной *антимысли*, который Мыслью же и полагается как предельное отчуждение от самой себя.

Из вышесказанного видно, что это, отнюдь не *невозможное*, отбрасывает «множественную тень» в виде пяти *возможностей*, эта точка отбрасывает множественную тень. *Невозможное* является *отрицаемым*, которое подразумевается *негативной бесконечностью*. Но появление точки – это как бы знак, образ, символ *невозможного* (ибо тоже отрицается *бесконечным*, при этом ограничивая его), но этот символ – это антитеза Мысли, это то, где Мысль перестала быть собой, в то время как *невозможное* – это сердцевина Мысли, само её дыхание.

Сама по себе точка в своём первозданном появлении не может быть приведена к наличию. Сначала она «отбрасывает тень» в виде пяти вышеупомянутых проекций, каждая из которых независима и изначально не знает о других. Это некий потенциал интерпретации первичной точки: «Первичная точка конкретна? Да! А может ли быть её аналог, неограниченно повторяющийся? Да! И так далее». При этом *возможность* повторения одного и того же, содержащаяся в первичной точке, не обязана знать о *возможности* уникального статуса и первичной точки, и каждой точки в повторении.

Но раз проявившись, эти возможности начинают последовательно отражаться друг в друге, создавая всё невообразимое многообразие хаоса. Нет феномена (кляксы, пятна и тому подобного), в котором не содержались бы все пять *возможностей*. Любой феномен

одновременно уникален, подобен чему-то и подлежит трём негативам. Он всё равно исчезнет, и то, что его не было и не будет, присутствует в нём открыто в самый момент его предъявленности.

Интересен вопрос относительно соотношения между *возможностью не быть* и *отрицающим негативом*. Следует понять, что *возможность не быть* (в трёх видах) – это *возможность именно Бытия,* и как *возможность* она *конечна*. Этот треугольник соответствует тому, что Генон называл «возможностью непроявления», которую он считал бесконечно превосходящей «возможность проявления» и совпадающей попросту с Абсолютом. Естественно, что Генон понимал Абсолют и «универсальную возможность» не так, как мы это понимаем. Но в данному случае важно понять главное: отрицание, идущее от *негативной бесконечности* и *возможность чему-то не быть,* – они совершенно не одно и тоже. «С точки зрения» *бесконечного негатива* абсолютно всё равно, что отрицать в сфере *возможного. Возможность быть* или *возможность не быть*. И то и другое суть определенности, одна из которых позитивна, другая негативна. Негатив *возможности не быть* может маскировать для наблюдателя действие *бесконечного негатива*, который в его глазах будет представлять некую гераклитовскую реку уничтожения. Такой наблюдатель смотрит на феномены и полагает, что их исчезновение – это действие «косы времени» (*дахр*), стирающее действие Рока. Это ошибка зрения. Феномен носит возможность не быть в себе совершенно автономно, а стирающее действие негатива, применяясь к возможности феномена не быть, наоборот, вызывает его к жизни. Реализация уникального существования конкретного феномена есть упразднение в некий данный момент *возможности* этого феномена *не быть* или *быть другим*. Негатив – это как острый меч. По отношению к *возможности не быть* этот острый меч вложен в скрывающие его ножны. От этого меч не превратился в сами ножны, он просто не виден внутри них.

Элементарный мысленный эксперимент демонстрирует, что академическая идея «трансцендентного» абсолютно неподлинна и заводит нас в тупик. Истинное трансцендентное предполагает не то, что является чем-то большим, чем *имманентное данное*. Не то, что предшествует, не то, что является причиной, поскольку всё это лишь

расширение круга имманентного. У парохода, стоящего на якоре, пароход не трансцендентен этому якорю. Более того, если якорная цепь оборвётся и пароход унесёт течением, и пароход и якорь останутся двумя компонентами единого имманентного.

Другая ошибка, которую делали гностики, может состоять в том, что под трансцендентным понимается *не сущее*: «Есть необъятная данность Реальности, а есть то, что вне неё». Ошибка здесь заключается в том, что трансцендентное здесь все равно определяется не через самое себя. То есть необходимо иметь понятие о сущем или о *сверхсущей* реальности, а потом, отталкиваясь от этого, выстроить негатив. Но этот негатив будет просто инверсией той же имманентности и тем самым обуславливающим трансцендентное начало. Главный принцип подхода к вопросу в том, что понимание, схватывание идеи трансцендентного не может проходить через обуславливающее отталкивание имманентного. Мысль о трансцендентном начинается с нетождества. Нетождество ведёт нас к *Другому, нежели Всё*. Это *Другое* есть альтернатива *этому* – стало быть, трансцендентное равным образом не присутствует ни в *этом*, ни в *Другом*.

Таким образом, развитие нетождественности приводит нас к открытию отрицательного тождества. *Другое* и *Это* тождественны в том плане, что оба лишены трансцендентного. Эта *лишённость* есть интеллектуальный субстрат Мысли, которая пришла к тому, что любые антитезы, любые контрверсии в отношении изначального *Всё* равным образом пусты и бессильны. Но нетождественность развивается дальше, она проявляется по отношению к принципу *неприсутствия* трансцендентного *ни в Этом, ни в Другом*. Именно здесь трансцендентное рвёт всякую связь с условиями приближения к себе. «Последним условием» было то, что его нет во взаимоисключающих альтернативах. И вот, по отношению к этому «условию» оказывается, что трансцендентное абсолютно нетождественно. То есть *отсутствием* оно «не схватывается».

Что же остаётся? Остаётся чистое и безусловное нетождество, которое превращается из *отрицания утверждения* в *абсолютное утверждение*.

В начале пути для нас *утверждением* было чистое тождество, самотождественное *Всё*. Мысль, имевшая это *Всё* как отправной пункт,

раскрыло, что это тождество «фиктивно», оно основано на глухом неведении и служит лишь указанием на *Другое*. Для нас в начале *утверждение* было неотъемлемо от тождества, потому что всякая отдельность в этом ракурсе снимается как иллюзия. «Всё есть всё». За пределами «Всё» якобы нет ничего. Но в движении Мысли вдруг оказывается, что это «ничего», – оно то и есть *Другое, невозможное*. Таким образом, говорить о том, что «*Всё есть утверждение»,* нельзя, потому что Мысль *утверждает* вне его *невозможное*, которое становится *отрицаемым*.

А дальше оказывается, что трансцендентность равным образом не присутствует ни в универсальном *Всё*, ни в *невозможном* как альтернативе ему. Мы получаем новое тождество – в нищете любых пропозиций. И вот нетождество уже этой нищете освобождает трансцендентное от всякой связи с исходной точкой.

Что же это означает? Это означает, что на этом этапе Мысль полностью и абсолютно становится самой собой в её истинном духе – духе нетождества, таким образом «подняв камень, который нельзя поднять». Начав с оппозиции *Всему* как абсолютному неведению о трансцендентном, Мысль освобождается от принципа оппозиции и тем самым освобождается от всех условий, которые могут определять трансцендентное через *здесь-присутствие*. Тогда и только тогда трансцендентное становится чистым *утверждением*, потому что ничто не может быть заявлено помимо заявленного нетождества.

Негативная бесконечность

13 февраля 2013

Негативная бесконечность – это крайняя, последняя, предельная форма отчуждения Провиденциальной Мысли от самой себя.

Три этапа. Этап Мысли самой в себе, которая есть *чистое отсутствие утверждения*, которая как чистое отсутствие утверждения настолько невыносима для самое себя, что она скрыта; она скрыта в том, что можно назвать только словом «невозможность».

Эта *невозможность* тоже должна быть скрыта – она скрыта в том, что является *бесконечным негативом*. Бесконечный негатив существует как *отрицание невозможного* или, точнее, невозможное дано как *отрицаемое* бесконечным негативом, – той бесконечностью, которая не терпит ничего кроме самой себя. И это последняя внешняя форма: бесконечный негатив в своём действии отрицания есть обнаружение себя.

Поскольку бесконечный негатив не самодостаточен, то он порождает *конечное*. Точнее, конечное – это *тень невозможного*, которая, проходя через это отрицание, падает снаружи в виде *возможного* (возможное – оно же конечное), которое потом этим бесконечным негативом снимается, в результате чего эти зёрна, существующие сами в себе, открываются как цветки. *Встреча всех аспектов конечного друг с другом образует Бытие.* Именно встреча. Конечное, которое вступает в отношения с конечным.

Таким образом, Бытие есть некая «позитивная бесконечность», выросшая из множественного роста *конечного*, то есть взаимодействия *конечного*, которая разбухает как снежный ком. То есть это *бесконечность, опосредованная конечным*, это *вторая* бесконечность. Первую бесконечность мы знаем как не самодостаточный чистый негатив. Вторая бесконечность, которую мы знаем, – это Бытие.

Что самое главное здесь? Что и негатив, и Бытие являются двумя формами *псевдоутверждения*. Потому что в самой чистой Мысли как бы в себе и в том этапе, который мы называем «невозможным», утверждения нет. Отрицаемое не есть утверждение. *Отрицаемое есть то, что невозможно.* Отрицаемое есть то, чего быть не может. Оно

существует только как то, что отрицаемо *вездесущим. Вездесущее* предполагает, что нет ничего, кроме него, а то, что есть помимо, то «невозможно» – его нет, оно *отрицаемо*. Именно это *невозможное* проникает в Бытие, бросает блик внутрь Бытия, возникшего уже после негатива в качестве сознания. И между сознанием, как зайчиком, чёрным зайчиком на белой стене Бытия, и тем чёрным невидимым рассеянным светом, который породил этот зайчик через фокус, возникает отношение в виде Откровения (связь).

Теперь я говорю, что есть два аспекта в этом Откровении. Само Откровение есть, условно говоря, некий Логос, объявляющий о Субъекте, Который является альтернативой Бытию, *антибытием* (а Бытие, можно сказать, это *анти-Субъект*). Это презентация этого Субъекта в виде «Я-Аллаха»: здесь *сифаты*, здесь *шариат*, здесь дискурс, здесь Книга, здесь присутствие Аллаха, которое дано в Откровении как *супердискурс*, как некое *Суперпровидение*, которое всем руководит и благодаря которому всё получает некое определение. Это другая противоположная точка направления, нежели Бытие. Вот есть Бытие, а есть абсолютная альтернатива Бытию, включающему в себя небытие, – эта альтернатива и есть «Я» Бога, Аллаха.

Есть *хувиййа*. Хувиййа – это непроницаемая, скрытая сущность *отрицаемого*. И есть *анийя* – собрание всех духовных импульсов, всех необходимых установок для победы над Бытием, к преображению земли и неба. *Хувиййа* послала *анийя* в это сознание *здесь*, открылась как *анийя* в это сознание, но само осталось *хувиййа*, то есть *отсутствующее*. Это Мысль в своей подлинной природе чистого отсутствия, отрицаемости, невозможности, которая прикрыта *анийя.*

Праведники обнаруживают свет *хувиййа*, то есть свет *отсутствия*, который сам по себе невидим: он только даёт себя знать в том факте, что мы свидетельствуем. Но мы свидетельствуем вот *тут*. А *там* наше сознание, которое возрождено, восстановлено в наших телах, уже вошедших в Рай, свидетельствует чистое *отсутствие как утверждение*. То есть вот эта непроницаемая тьма, которая проявилась в свидетельствовании, обращается к самой себе, она уже является зеркалом своего собственного источника.

Это момент в «решении уравнения» внутри этой Мысли, но не финальный момент. Важно запомнить, что внутри Бытия маленьким лепестком наш пространственно-временной континуум, вся эта

манифестация, корнем которой является внутренний диалог между полюсами *конечного.* То есть Бытие растёт как некая *лжебесконечность* из конечных корней, а наше сознание по своей природе есть импульс, пришедший от *невозможного*. Ведь *невозможное* есть продукт *отрицания бесконечным*, потому что существует помимо *бесконечного*; но поскольку оно не может существовать помимо него, оно есть *невозможное*. То есть это форма *утверждения через отрицание.* Наше сознание связано именно с этим – с *негативным продуктом негации*. То есть наше сознание есть отблеск результата негации.

Таким образом, наше сознание является отблеском того, что по сути является обратной стороной *бесконечного*, обратной стороной *негатива*. То есть абсолютный *отрицающий негатив* отрицает *невозможное* – а что такое это *невозможное? Невозможное* – это обратная сторона чистого негатива. А наше сознание связано с *невозможным*.

И это великий Завет с перспективой преображения, которая в итоге должна преодолеть вот эту вот бездну – изначальную, провальную *Бездну отсутствия утверждения*, которая есть на самом деле *сущность смерти*, сущность *отсутствия*. Наше *сознание есть проявление смерти как конструктивного утверждения*, но с тем, что это некий Завет того, что будет произведено Великое Преображение, *Событие*. Событие, когда вот эта Провиденциальная Мысль перепрыгнет через себя к своей изнанке – к тому что ей противоположно, к преодолению самой себя в том, чтобы ей состояться, – «поднять камень, который невозможно поднять». Это тайное уравнение Трансцендентного, где мы являемся знаком равенства между *отсутствием здесь* и *триумфом там*.

О глубинных основах Бытия, времени и точки нетождества

7 марта 2014

…Конец мира реализуется предельно просто: достаточно всем людям проснуться, забыв язык. Вы просыпаетесь, а языка в вашей голове нет – стёрт, как мокрой тряпкой, у всех людей. И мир видится как хаотические пятна. Стирая язык, стирается свидетель.

В тех, в ком пробуждена *точка нетождества*, она активно работает. Эта точка самостоятельна, независима. Их единицы.

А у большинства людей она виртуальна и покоится на языке. Но, поскольку они пользуются языком, у них есть иллюзорное, виртуальное проявление этой *точки нетождества* через их включенность в дискурс. Если стереть язык, то они впадают в «сон со сновидениями», переходящий в «сон без сновидений». Но поскольку они являются «деградантами», это будут уже не люди Золотого века, у которых есть телепатия, а будут люди как белковые существа. И всё – затмение: *нет свидетеля*. А те, которые сохраняют в себе *точку нетождества*, они как бы изъяты из этой ситуации.

Задача, поставленная перед общиной Адама, – остановить этот цикл, то есть стать той «палкой», которая «всунута в колесо» – и цикл остановился. И тогда происходит смена – Новая земля и Новое небо, – которая является фазой во внутренней жизни Мысли Всевышнего. То есть Провиденциальная Мысль в своей внутренней, недоступной нам жизни, предполагает *самосокрытие* в этих повторяющихся циклах и *самораскрытие* как фазы.

Остановка циклов – Новая земля и Новое небо – это уже ступени того, что мы называем «Рай». Но это ступени, уровни. Потому что Рай – это не единое пространство, а множество уровней и степеней. Это *вечность, которая ограничена*. Есть такое фундаментальное понятие: «ограничение вечности».

Есть три *вечности*. Что такое «вечность»? Это *безвременье*. А безвременье, как ни странно, кончается. Например, есть безвременье мига у человека – когда вы впадаете в медитацию или когда человек летит, выбросившись из окна небоскреба, наступает состояние

«нескончаемости». То есть время «зависает». Вот этот миг, внутри которого вы обнаруживаете *бесконечность безвременья*, но вокруг него, до него и после него, есть *конец*.

Вторая *вечность* – это в могиле. В могиле – безвременье. Но человек туда лег, человек оттуда поднимется. А внутри неё человек лежит как в чистом безвременье, как в чистой вечности. Изнутри могилы это «видится» как бесконечность. Но это не как протяжённость времени, а просто «отсутствие времени».

И, наконец, третья *вечность* – это Рай. В Раю время – как бесконечная нескончаемость блаженства. Но дело в том, что и Рай – это тоже только момент внутри Мысли Аллаха. Он не отдаёт нам отчёта, какие цели Он преследует. Просто само творение и его катарсис через Новую землю и Новое время является «фазой» в том вопросе, который Всевышний решает. Решает для Себя. А человек – это «интерфейс», инструмент, между двумя ступенями этой Мысли.

Бытие есть сокрытие этой Мысли. Мысль Аллаха внутри Себя нам недоступна. Она – то, что мы называем «Хува». «Хува» – Он, то есть Отсутствующий. Мы можем иметь представление об этой Мысли, поскольку от Отсутствующего к нам приходит Книга, то есть Коран. Коран – это Его манифестация, которая нам дана как Его милость.

Теперь, если говорить об этой Мысли, то по мере Её сокрытия достигается Бытие. Бытие – это крайняя степень, это то, где Мысль смотрит в Себя и видит Себя наоборот: где право – там лево, где чёрное – там белое. Бытие есть финальная часть сокрытия Мысли, в которой наступает полная инверсия по отношению к Мысли. Поэтому Бытие – это Иблис. Но в Бытие посылается Адам (мир ему), то есть он берётся как «модель» из самого Бытия, из глины, и в него вставляется частица Духа Святого.

А что такое «частица Духа Святого»? Это отражение Того, Кто является Отсутствующим. То есть *точка отсутствия*, чёрная точка *непостижимости* вставляется внутрь этой глиняной куклы как «дырка», которая не соответствует ничему, – она *апофатическая*. Почему я вижу этот стол или вас или стены? Потому что я – не стол, не стены, не вы. И так же вы видите. А что это такое тогда? А что бы ты не предъявил – *то*, что внутри меня, будет не *это*. Нельзя мне предъявить *что-то, с чем я совпаду*: я не совпаду ни с чем.

Почему попы и не только говорят нам, что это «заблуждение», это надо убрать, надо понять, что это как бы некая «травма внутри тебя», «иллюзия», что надо понять, что ты «тождественен всему сущему», раствориться во «всеединстве», настроиться на «вибрации космоса», Абсолюта и так далее, – то есть вот эту *точку нетождества* погасить любой ценой? Потому что эта *точка нетождества* – это именно присутствие Святого Духа, то есть это отблеск Отсутствующего, Который является единственно доступной нам формой представления о том, что такое Мысль Аллаха.

А Мысль Аллаха есть Мысль об Аллахе – это одно и то же. Аллах есть Его Мысль, и эта Мысль мыслит Его. И единственная форма, в которой мы можем это представить, – это *отсутствие*, абсолютно неведомое, неизвестное.

Точка из этого *абсолютно неведомого* – как чёрный блик, который отражён в нас через Адама. В Адама её вложили и Адама научили *именам*, он передал эти имена людям: научил их языку, а язык – это способ «поддержания» этой точки. Но у Адама она была как собственное достояние, а в нас – лишь потому, что мы за ним научились языку. Если бы нас не научили языку, мы бы никакого отношения к Адаму не имели. И мы бы не имели никакого *свидетельствования*, а были бы тождественны всему. У нас были бы «экологические ниши», как у зайцев и волков, и мы бы находились с окружением в системе «посыл-ответ». Вот лисица видит пятно, это пятно для неё – посыл, она за ним гонится, хватает, и оно оказывается зайцем, но она не знает, что это заяц. То есть это как в искусственном интеллекте, в программе.

Если бы у нас отняли язык в детстве, мы бы ничем не отличались от лисицы. Почему мы не такие? Благодаря языку. Но язык поддерживает *свидетельствование*. Это не наша собственность, это собственность Адама. Но мы можем, следуя по пути, который нам открыт через Откровение, через Коран, – если мы следуем этим путём, – можем надеяться, что делаем это *свидетельствование* нашим собственным.

Что такое «оказаться в Раю»? Это когда ты стяжаешь Святой Дух в себе, и *Тот, Кто был Отсутствующим* для нас, начинает озарять наши лица, повёрнутые в *ту* сторону. То есть то *чёрное, которое непроглядно отсутствовало*, становится источником света. Это

связано именно с тем, что это *свидетельствующее Я* стало нашим достоянием в Раю. А сейчас оно – не наше достояние. Мы как стена, на которую пустили «зайчик», потом убрали, – стена стоит, и на ней ничего больше нет: «зайчик» не её собственность, стена не может его вызвать на себе без зеркала какого-то там хулигана. А в Раю эта стена станет обладателем этого «зайчика». Не солнце будет пускать этот «зайчик», а «зайчик» этот будет видеть солнце, он будет в прямой коммуникации с солнцем без зеркала.

Но само Бытие как «стена» является инверсией мысли – эта та скорлупа, короста, та глиняная инерция, куда Мысль уходит, впадает при максимальном «затмении». То есть она как бы затмевается и отрицает самое себя в форме Бытия.

Да, это манифестация «вниз», это этап Мысли, который приходит к своему затмению, отрицанию и так далее. Но в эту Мысль вставляет себя сама же, как противоречие вот этому падению, с тем чтобы взорвать и явить себя, то есть преодолеть падение и совершить обратный путь открытия. Из *сокрытия* совершить обратный путь *открытия*. Чем мы, собственно говоря, и занимаемся, – наша история, наша жизнь, наша деятельность *здесь*.

Воскресение – это символ того, что это состоялось как чудо. Что такое Воскресение? Это просто взрыв этого Бытия, когда Бытие оказывается отменённым, бессильным. Всё – состоялось его преодоление. Это же чудо, которого быть не может, потому что главный закон Бытия – это отсутствие повтора: только спираль – нет круга. Не может быть двух точек, которые являются одним и тем же, потому что тогда это одна и та же точка. Они могут быть сколько угодно близко рядом до исчезающее малого расстояния, но это две разных точки. Не может быть повтора. А тут совершается повтор. То есть это чудо, которое отменяет все законы Бытия, потому что совершилась победа Святого Духа над абсолютной инерцией. В этом как бы и суть всего.

«И не останется ничего, кроме лика Аллаха» (28:88). Это указание на то, что будет *после* Рая. Здесь как раз и есть указание на то, что Рай конечен, *вечность конечна*. Субъективно для тех, кто вошёл в Рай, для праведников, *время бесконечное*. Для праведников в Раю время бесконечное, но не так, как для тех, кто в могиле лежит (из могилы они

встанут) или летит с небоскрёба (он достигнет асфальта). Но и Рая не останется, потому что будет только Лик Аллаха.

А что такое «Лик Аллаха»? «Лик» – это то самое смысловое присутствие, которое остаётся после всего, когда уже все этапы (и сокрытие, и раскрытие) исчерпаны и сняты. Остаётся только Лик Аллаха. И это намёк на *то, что есть за пределами отведённого для нас.*

Дело в том, что идея «бесконечного Рая» – то есть «нас сотворили, потом мы стали хорошими и получили бесконечный Рай и ничего, кроме Рая нет», – предполагает, что это *не тварная* реальность, это некая *вторая реальность*. А это уже *ширк*, вынесенный в эсхатологию. Если это не *ширк*, тогда мы должны признать, что всё, что не есть в качестве элементов Творения, «снимаемо», то есть оно «служебно», – в том числе, как не прискорбно, и мы.

Воскресение делает Бытие производным от воскрешённого свидетеля. То есть сейчас мы являемся антитезой Бытию, мы «вброшены». Бытие существует как некий вызов, как некое давление, и мы вброшены сюда как точка оппозиции. Поэтому нам дан язык, в результате которого это Бытие (независящее и противостоящее нам) описано. Той вселенной, которую мы видим, – её вне языка не существует. Она существует только через язык, она структурирована, и в результате этого возникает наша сюжетность – наши подмостки, театр, в котором мы играем эти сюжеты. Это всё благодаря языку.

Но за пределами языка существует хаос Бытия, хаос абсолютной инерции глины, которая есть *отрицание Мысли, самосокрытие* Мысли в виде отрицания её. И благодаря *точке свидетельствования* возможен язык как описание, которое структурирует «смысловую» вселенную, которая состоит из всего, что мы видим. Когда мы будем воскрешены, всё, что будет нас окружать, будет как бы функцией от *внутреннего свидетеля* в нас. То есть это уже не будет Бытие, а это будет как бы среда или проекция этого свидетеля.

Язык принадлежит всем – все говорят на языке. Это не значит, что все говорят, в какой-то степени соотносясь с тем бликом, который отражен в нас через Адама. Но некоторые люди через язык выходят на дискурс Откровения. Этот дискурс Откровения прямо говорит о *свидетельствовании*. Некоторые говорят на языке Откровения, но это

не выводит их на переживание этой *точки свидетельствования:* они повторяют дискурс как заведённые, но в них *это* молчит.

Но что значит «Аллах уширяет грудь для ислама»? «Уширяет грудь» – это иносказание того, что эта точка обнаруживается. Человек обнаруживает в себе эту точку. Но дальше идёт взаимоотношение. Взаимоотношение этого наведённого на стену чёрного «зайчика» и стены. Ведь у солнечного «зайчика» со стеной есть отношения: стена может его игнорировать, а может сопротивляться ему, а «зайчик» может с ней вступить в борьбу (начать «расцвечивать» её каким-то образом). А уже воля этого блика взять под контроль стену, на который он отражён, – это и есть *иман*. Но *иман* и *воля* – это одно и то же. Нет никакой разницы между верой и волей. Потому что мы верим только в *то, чего для нас нет*. А верить в *то, что есть* – какой смысл? Ну а верить мы можем в *то, что для нас нет*, только потому, что мы утверждаем это волевым образом.

…Когда Декарт говорит «мыслю, следовательно, существую», во-первых, он имеет в виду «мыслю, следовательно, существую» именно *эту* точку. То есть это *точка мыслящая*. Второе, он имеет в виду, что она же одновременно и реальная. Не абстрактная точка, а реальная. То есть мыслящая душа и геометрическая точка – это одно и то же у Декарта. Это означает, что суть «мыслю» у Декарта есть *ограничение протяжённости*. То есть «мыслю» – это когда протяжённость «спотыкается» о точку внутри себя. Другого значения у «мыслю» нет. Это «мыслю» как существование именно *свидетеля* основано на *ограничении протяжённости*. То есть протяжённость как «дурная» бесконечность – и вдруг «дырка», то есть оказывается, что *бесконечность не бесконечна*, она «спотыкается» об эту точку. Это и есть и смысл, и свидетель, и душа, и одновременно физическая точка.

Наш мир – это зеркало. Представим себе зеркало, в которое ничего не показали. Ничего нет. Зеркало есть, оно может отражать, но в него ничего не показали: просто чистая протяжённость, чистая бездна, в которой нет ничего, никакого замутнения, цветов, перепадов, – ничего, то есть пустое зеркало. Это, можно сказать, полюс чистого огня или чистой энергетики. В это зеркало можно «показать» точку. Внедрить-то нельзя точку туда, потому что как её внедришь? А показать – и она отразится. Но поскольку природа

зеркала такова, что эта точка не может повиснуть как одна единственная точка, она обязательно будет отражена там как множество точек. И таким образом, первоначальная чистота огня будет нарушена. То есть это уже будет не огонь, а будет «смесь» с какой-то плотностью. И как раз то, что называется глина, – это, собственно говоря, множество точек, которые заполняют это пространство, пустое пространство зеркала.

…Время обратимо. Но люди путают. Они говорят: «Попасть назад в XIX век и увидеть кого-нибудь». Они не понимают, что речь идёт не о времени. Дело в том, что вот мы здесь сидим сейчас, и это, допустим, некое время: столько-то часов такого-то дня. Это не имеет отношения ко времени – это конфигурация нас в пространстве. Но можно двигаться во времени назад, только это не будет иметь отношения к попаданию в ситуацию.

Вот мы приходим на половину пьесы – если сюжет нам известен, мы точно знаем, что попали на третий акт. Если мы знаем. А если не знаем? Поэтому, когда вы попадаете во вселенную, вы не можете сказать – вы в начало попали или в конец. Например, чтобы вырастить берёзу, потребовалось время. Солнце светило, наливало её соком, фотосинтез, потом появилось полено. Из энергии солнца появилось вещество «полено». А потом вы берёте это полено и бросили его в топку. Вы вещество превратили в энергию – вы как бы совершили путешествие во времени. И получили пепел. Не семя, не шишки – просто пепел. Полено росло из света, из энергии становилось веществом, потом из вещества превратилось в энергию, – но какой именно эпизод вы застали? Поэтому это будет «путешествие во времени», но это не будет путешествие в ситуацию. Это будет просто: вы собрали из энергии вещество, а из вещества энергию. Солнце непрерывно горит, что-то сгущается, а что-то взрывается, и наоборот. Вы зашли в зал, вы не знаете этой пьесы – на второй вы акт попали или на первый. Только из сюжета можно понять, что вселенная близка к концу. А сюжет мы с вами не знаем.

То есть время и событийность – это разные вещи. Время – это сюжет. Если знаешь сюжет – да, ты понимаешь, на каком этапе сюжета ты оказался. Но тут надо совместить сюжет и превращение энергии в вещество и обратно. Если это совместить, тогда – «клик» – и у тебя

идёт вся пьеса целиком. Но я подчёркиваю: если просто бросить полено, ты совершишь путешествие в пределах печки во времени назад. Но это не приведёт ни к какому сюжету.

А сюжет существует постольку, поскольку есть язык. А язык дан людям, у которых есть смертная ограниченность от рождения до конца. *Главная идея времени – в его конечности*. А конечность измеряется смысловой конечностью («этот человек, которого зовут Пётр Васильевич, родился и умер»). Вы не можете мерить время конечностью камней или конечностью деревьев, или ещё чего-то такого. Ну, условно можно, но это только потому что вы примысливаете своё, «человеческое». Потому что камень лежит, лежит, потом взял и рассыпался, а может, и не рассыпался, – камень *вне времени*. Только человек может быть указанием времени, потому что он родился, вырос и умер. А его движение во времени отмечается ударами сердца, каждый удар сердца – это секунда. Это основа счёта. То есть весь великий Космос с солнцами, спиралями, галактиками измеряется биением сердца, которое «от и до». Всё привязано к человеческому циклу. И когда там эти чудаки говорят о каких-то миллиардах лет, которые пролетели, – смешно. Какие миллиарды лет? Если мы выходим за рамки человеческого, мы попадаем в камень, а у камня чистый сон – там нет никаких миллиардов лет.

Но у дерева есть. Дерево – это органика, фотосинтез, это преображение на наших глазах. Идёт преображение чистой энергии в чистое вещество, в полено. Оно осмысляется нами. Учтите, что этот процесс осмысляется нами по аналогии с собой.

За пределами точки, которая «мыслю, следовательно существую» никаких предположений нельзя строить. Главная кантианская идея. Правда, он вынес «вещь в себе» куда-то за пределы, то есть у него ноумен надо искать где-то там: «Шкаф я воспринимаю, потому что у меня есть трансценденталии, через призму которых я вижу, что это шкаф». А за шкафом вместо этого – какая-то мерцающая «вещь в себе». На самом деле «вещь в себе» – это точка, блик. Ноумен – это блик во мне. И благодаря этому ноумену через язык я организую все эти мерцания в деревья, в солнце, во всё прочее. По большому счёту есть только хаос. Хаос, который идентичен «мудрости».

Какое положение занимает «мудрость»? «Мудрость» – это *антимысль*, которая является состоянием Бытия. Бытие – антитеза

Мысли, Бытие – то, во что Мысль приходит, снижаясь, превращаясь в свою противоположность намеренно. «Мудрость» – это все состояния Бытия как антитезы Мысли, то есть Бытие в своём «самодостаточном самоотношении», в своей самодеятельности (забудем о том, что это конечный продукт *сокрытия*). «Мудрость» – это спонтанная фиксация всех возможных состояний Бытия. И «мудрость» – это синоним абсурда или бессмыслицы. Потому что «мудрость» не предполагает задачи, не предполагает цели, не предполагает выхода из себя в нечто трансцендентное. То есть «мудрость» не предполагает радикального раскрытия. Это как сон, когда нет варианта проснуться, или, например, как замкнутая лента в магнитофоне, которая в принципе не может перейти к какой-то новой музыкальной фразе, потому что она склеена. Внутри неё «дурная» бесконечность, потому что это бесконечно множащиеся состояния.

Хаос – он не воспринимает себя как хаос. Дело в том, что существует модель, и существует проявление этой модели. Например, Бытие – это Иблис, это Существо, в котором пять возможностей объединяются, открываются друг другу как идеи, образуют некое Существо законченное. Но проекция этого Существа – это наш мир, в котором он потом отразится. Но если снять язык, то мы же видим не Иблиса как такового, не эти пять возможностей, которые друг с другом соединились, а мы видим мир, мы видим пятна, всполохи, в которых ещё этот Иблис должен проявиться. Мы увидим этот хаос, но это не будет Бытие как таковое, это будет площадка для проявления Бытия.

И потом нужно помнить следующее: есть чистое Бытие и есть *бытие проявленное*. Я говорил, что есть *пять возможностей: конкретная вещь, альтернатива, возможность отсутствия конкретной вещи, возможность отсутствия альтернативы и возможность отсутствия всего.* Так вот, Бытие есть треугольник, который представляет собой чисто *негативные возможности*, то есть *возможности не быть конкретному, возможности не быть альтернативному* и *возможности не быть ничему*. Эти три негативных возможности образуют чистое Бытие. А вот конкретная вещь *позитивна: возможность* конкретной, *уникальной вещи* и *возможность альтернативной* (тоже позитивной) – они проявляются только через зеркало. То есть они виртуально существуют с Бытием, но проявляются они реально только через зеркало.

Тут очень сложный момент. Когда мы говорим «возможность конкретной, уникальной вещи» – что это такое, когда речь идёт о Бытии в себе, о Бытии «в самом начале»? Что это такое? Ведь вещь в нашем смысле (книга, шкаф) – это уже вещь, осмысленная через имена, которые Аллах дал Адаму, через язык, и это мы говорим, на этом мы уже строим вселенную под себя. А вот до появления Адама, до всего – что же такое конкретная вещь? Это очень важный вопрос. Мы должны понять, что пять *возможностей – конкретное, альтернативное, отсутствие того, другого и всего* – это есть не что иное, как *ограничение бесконечности. Возможность* есть *конечное*.

А *конечное* противостоит *бесконечному негативу*, который всё стирает, – *дахру*. Что есть идея *конечного*, которое проявляется как некий вызов *бесконечному*? Это именно точка. Образец конкретной уникальной вещи, которая *существует до всего* – до всех имён, до проявления в хаосе, – это точка, – точка как то, что подлежит уничтожению бесконечным негативом, но и противостоит одновременно бесконечному негативу. Множество точек – это *возможность существования альтернативы*.

А дальше мы уже имеем дело с тремя *негативными возможностями*, то есть *возможностью несуществования конкретной вещи* (то есть именно этой точки), *возможностью несуществования никакой точки, возможностью несуществования вообще ничего, –* это вот Бытие в чистом виде.

Но когда это Бытие в чистом виде образует зеркало, в котором оно отражается, то там уже отражаются и точки, их множественность, и на это накладывается проекция Иблиса, который заполняет всё это своей моделью. И вот эта модель потом, в случае нашего мира, берётся в качестве Адама.

Адам – это периферийное отражение Иблиса. Это сказано в Коране конкретно: «Ты сделал меня из огня, а его – из глины». Это значит, что это одна и та же модель, которая в одном случае из огня, в другом случае из глины, но она сделана по одной схеме, потому что иначе не было бы сравнения.

Например, мы же не говорим, что компьютер сделан из чипов, из кремния, а вот обувь сделана из кожи, – мы так не говорим. Мы говорим, например, эта сабля из хорошего железа, а этот нож – из плохого, то есть мы говорим об одном и том же, но указываем на

разность материала. В этом смысле Адам является повторением архетипа, в который просто вносится Святой Дух. Причём повторением отдалённым. Потому что энергия, которая превращается в вещество, проделывает большой путь, – мы говорили выше об этом.

Поэтому вавилонская Библия и говорит: «Человек сделан по образу и подобию». Эти проклятые «кахины» имеют в виду, что человек сделан по образу и подобию, естественно, Иблиса («Адам Кадмон»).

Может ли язык выразить всё или есть невыразимое языком? Дело в том, что всё, что мы можем знать, всё, что мы можем увидеть, – это то, что было названо Аллахом Адаму. Это *метаязык*, который мы даже не можем представить себе, как он звучал, но, самое главное, что это имена, которые раскрываются как *концепты*. Человеческие языки – это «минифункции», крайне периферийные, которые покрывают лишь малую часть того, что было открыто Адаму, не более.

И можно сразу сказать: человек не может увидеть ничего из того, что не было названо и показано Адаму. То есть это *концепты*. Просто ничего другого он не может увидеть («открыть», как, например, термоядерный синтез). Что бы мы ни придумали – может быть, завтра, послезавтра – это всё отголосок имён и концептов, которые были названы Адаму. Это метаязык, он существует. Это метаязык, на котором изложен главный сюжет. Мы можем на своём языке отразить отблеск этого сюжета. Наша задача – задача *мыслящего джамаата* – поймать отражение *сверхсюжета*, который изложен адамическим метаязыком, чтобы служить этому на своём уровне.

Какие-то отблески мы ловим и организуем «геополитическое» виденье. И поэтому мы – радикалы. Это и есть радикализм.

«Доктрина Джемаля»[48]

5 марта 2016

Доктрина Джемаля предполагает возвращение к практике создания философской системы. Следует иметь в виду, что системность философствования была скомпрометирована после Гегеля, и опыт Ницше и последующих европейских мыслителей, не исключая Хайдеггера, ставил акцент на «открытом дискурсе». Согласно Джемалю, сегодня необходимо возвращение к системе, но на принципиально иной платформе: радикальном пересмотре онтологического монизма, который со времен досократиков и вплоть до постмодернистов составляет основу западного мировоззрения.

Стержневым понятием в доктрине Джемаля является *утверждение*. Это безусловная фундаментальная категория, подразумевающая *то, кроме чего ничего нет и быть не может, то, вне чего невозможно что-либо*. Эта же категория является первичной и для традиционалистской метафизики. Однако там она носит абсолютно *имманентистский* характер.

В традиционалистской метафизике *утверждение* (геноновское “L’affirmation absolue”) абсолютно идентично самому себе, и всё сущее тождественно ему.

Согласно Джемалю, *утверждение* может быть лишь абсолютно трансцендентным. Таким образом, *универсальное Всё*, в которое *сущее* погружено актуально, *утверждением* не является. Иными словами, бесконечная основа, с которой соотносится частное, не тождественна сама себе.

Парадокс состоит в том, что *абсолютное Всё*, которое предшествует любой конкретизации универсального, – это «*Всё о другом*». Но, поскольку речь идёт именно об *абсолютном Всё*, «*другое*» по отношению к нему невозможно. Это «*другое*» совпадает с простой и чистой *невозможностью*, простым и чистым *отсутствием*.

На этом можно было бы остановиться, сказав, что здесь концепция *абсолютного Всё* возвращается к тому же самому *имманентистскому* представлению, которое и так знает, что нельзя выйти за «пределы беспредельного». Однако, согласно Джемалю,

абсолютное Всё дано не само по себе, а как некое содержание Мысли, – Провиденциальной Мысли, которая принадлежит трансцендентному Субъекту и одновременно есть этот самый трансцендентный Субъект. Именно Его мысль является *Всем*, обращённым к *иному*, чем она сама, – к тому, что может быть указано лишь как *отсутствующее и невозможное*.

Это создаёт, фигурально выражаясь, гносеологический скандал внутри Мысли: «Мысль мыслит немыслимое». Таким образом, *абсолютное Всё*, предшествующее всему, является оборотной стороной *невозможного*, которая в этом *Всё* не содержится.

Этот скандал требует сокрытия, поскольку Мысль не может обладать этой неразрешённой апорией в таком виде. *Невозможное*, находящееся вне *Всего*, полагается Мыслью как *отрицаемое*, – как то, что должно быть исключено в качестве недопустимого заблуждения. Однако там, где есть *отрицаемое*, там и есть и *отрицающее*. Крайней ступенью сокрытия Мысли от самой себя является *отрицающее* – безграничное *отрицание*, которое выступает как Абсолют. Это последняя стадия нисхождения Мысли в глубь самой себя, где она как бы «забывает» о своей внутренней правде.

Абсолют становится *псевдоутверждением*, то есть той ложной пустой тождественностью, которая основана на чистом негативе. На этой стадии самосокрытия Мысль полагает *универсальное Всё* как чистое *отрицание*. Здесь самотождество обнаруживает себя как *чистый негатив*, как исключение *другого*. Таким образом, *бесконечное* как таковое конституирует себя как *негацию*.

Это означает, что у *отрицания* есть некий предмет, который всё время должен возобновляться интенцией этого *отрицания*. Скрытым предметом этого отрицания является *невозможное* как «*то, что вне Всего*». Однако явным предметом *отрицания* должна быть *граница безграничного*. Этой границей становится метафизическая точка (оппозиционный полюс в центре *безграничного*), которая представляет собой семя вечно снимаемого *позитива*. Именно из этого семени рождается *Бытие как антимысль* – та стадия, на которую Мысль как бы выходит из самой себя и живёт уже некотором образом в отбрасываемой ею тени.

Бытие есть тень Мысли, её *инферно*, рождающаяся из того, что единственно доступное Мысли тождество есть *тождество негатива*,

который не самодостаточен в силу своей пустой отрицательности.

Трансцендентность, или приближение к Тому, Кто скрыт[49]

26 августа 2016

У людей есть огромное количество моих статей, лекций, но всё это пиксельно, оно не собирается в единый такой «дом», – дом со ступеньками, лестницами, этажами и колоннами. Чтобы по крайней мере дать возможность представить, что есть такой «дом», я попытался написать ключ к пониманию.

У меня уже было несколько попыток подхода, и они все существуют так или иначе. Я всё еще надеюсь, что у меня хватит сил этот «ключ» написать…

То, что я сейчас излагаю, – ещё один, очередной, набросок «ключа».

…Я считаю философию состоявшейся тогда, когда её можно изложить в статье для энциклопедии или словаря. Вот, например, берешь Гегеля и кратко излагаешь его взгляды. На самом деле Гегель предельно прост, хотя для своих современников он был потрясающей гностической загадкой, тайной, интеллектуальным «Молохом». Это настолько простая, в общем-то, где-то даже банальная вещь: всё гегельянство строится на том, что идея чистого Бытия тождественна идее чистого Небытия, то есть абсолютная идея заключается в тождестве чистого Бытия и чистого Небытия. Вот и всё. Больше там ничего нет: всё остальное – это просто рассуждения вокруг этого.

…Кстати, чем меня всегда раздражал исторический гнозис: гностики бьются над идеей превосходства, выстраивают некую иерархию, то есть над этим «богом» еще «бог», а над *сущим* богом – *не сущий*, и так далее, а фактически они «бултыхаются» в болоте онтологии, то есть они не могут преодолеть идею бытийного наличия, бытийной реальности…

Всё, что я нахожу в этой сфере, оказывается «бултыханием» в сфере Бытия, потому что уже о самом Бытии нельзя сказать, что оно *есть*, то есть само Бытие не перепрыгивает через эту планку, потому

что предикат «есть» можно выставлять только к феноменологии, которая создается благодаря Бытию. И Небытие включено в Бытие.

Здесь есть некоторая проблематика смыслов и терминов, поскольку то, что я имею в виду под Бытием, Генон называет «la possibilité infini», то есть «безграничная возможность». Конечно, la possibilité infini предполагает, что б*о*льшая часть, то есть безграничная протяженность, – это la possibilité de non-manifestation, то есть *возможность непроявления*, а Бытие – это *возможность проявления*, которая в этом безграничном как точка по отношению к *возможности непроявления*. С моей точки зрения и то и другое – это всё Бытие.

…Я провожу абсолютную стратегическую дихотомию Бытия и сознания, которые взаимоисключающи. Тут возникает уже тема *финализма*, то есть финал как прорыв в бесконечной гомогенности, «дурной» бесконечности, в которой появляется прорыв – точка ограничения, центрирующая точка, финал, которая является дверью в *иное*, – в то самое, что описывается только тем, что вот «всё, что есть – не есть оно». Это финал.

…Изначально существует Мысль (не Единое, не что-то еще – всё это онтологическое «плюханье», которое возвращает нас в Бытие), – существует Мысль Бога, Мысль трансцендентного Субъекта. Эта мысль является Мыслью Бога, Мыслью о Боге, – Мысль, которая является Богом. И в чем специфика этой Мысли?

Она является *антиидеей*. Она даже не знает, что есть какая-то идея. Эта Мысль предполагает в себе драму следующего порядка: она есть *Всё* и одновременно она есть воля к *Другому*. То есть эта Мысль, будучи *тотальным Всё*, стремится к тому, чтобы превзойти это *тотальное Всё*, потому что она жаждет большего, нежели плерома.

Вот есть плерома, полнота, – она предшествует любой апофатике. А Мысль, которая совпадает с этой плеромой, не удовлетворяется этим совпадением, – она говорит, что есть *иное*, нежели эта плерома, но плерома-то включает в себя абсолютно всё, и поэтому «есть *иное*, нежели плерома» означает, что это утверждение *невозможного*, потому что невозможно быть вне плеромы. То есть суть Мысли заключается в постулировании *невозможного*. Это *невозможное* предшествует самой идее *возможности*. Это – *невозможное*, потому что этого не может быть, потому что плерома исключает всё, кроме того, что она.

Утверждение *невозможного* как центра – это гностический скандал внутри Мысли. Потому что утверждать *то*, что превосходит плерому, полноту *Всё*, – это скандал, и его надо маскировать. Мысль непрерывно маскирует от самой себя как бы свою внутреннюю содержательность. То есть идея того, что существует нечто сверх плеромы, которое не существует, естественно, маскируется тем, что это объявляется *невозможным. Невозможное* – это маска *иного* по отношению ко всему. Но этого мало – *невозможное* само остается скандалом.

И дальше вот это *Всё*, которое являлось исходным материалом для преодоления, как бы деградирует и падает. И оно превращается из *Всё* как плеромы в простую и чистую негативную бесконечность, которая служит для того, чтобы просто отрицать всё, кроме себя, то есть *отрицать то, что невозможно. Невозможное* становится *отрицаемым*, а этот Абсолют, в который вырождается плерома, становится *отрицающим*. И то, что мы называем апофатическим негативом, Абсолютом, – то, что в традиционных метафизиках выступает как Брахман, Эйн Соф и так далее, – это некий горизонтик «павшего» – бывшей плеромы, которая стала косой, отрицающей всё, кроме себя, единственная функция которой – скрывать, что центром и содержанием Мысли является *невозможное. Невозможное* просто объявляется *отрицаемым*, и фундаментом Мысли является *отрицаемое.*

Этот Абсолют – он же внутри себя пуст и не самодостаточен, потому что он живет только исключением, он живет эксклюзивно, то есть он исключает («этого быть не может, этого быть не может»), имея в виду самое главное: «*Этого не может быть, потому что оно – вне меня»*, то есть всё, что «вне меня» – исключается. И из этой негативной пустой ограниченности рождается *возможность*. Но *возможность* рождается после *невозможного*, то есть сначала у нас есть *невозможное* как скандал, а *возможное* рождается как *конечное. Возможное* и *конечное* – это синонимы, то есть *возможное* – это и есть *конечное*.

...Возможное появляется как точка. Это есть нечто обратное – как в камере-обскуре или негативной фотографии. Вот Абсолют, который не имеет ограничений, – он пустой, он отрицает всё, кроме себя, у него

нет границ, которые он всё время снимает, – а точка тоже не имеет границ, потому что она не имеет измерений, то есть она в некотором роде тоже является бесконечностью, но *инвертированной*. Это инвертированная бесконечность. Сущность инверсии выступает просто по отношению к другому, то есть она является точкой, ограничивающей сам Абсолют, которую Абсолют должен снимать, то есть отрицать эту точку. В этой точке как бы проявляется и манифестируется сокрытое *невозможное*. Самого сокрытого *невозможного* мы не видим, зато мы можем видеть точку, возникшую из «слабости» пустого Абсолюта, которая этот пустой Абсолют будет отрицать.

Эта точка и есть начало Бытия, оно есть то Бытие в чистом виде, которое проецируется на *пять парадигм,* или на пять моделей: это *уникальность, альтернативность, возможность не быть уникальному, возможность не быть альтернативному, возможность не быть ничему*. Два утвердительных момента – возможность быть только этому, второй – возможность быть чему-то, подобному этому. А три момента – возможность не быть только этому, возможность не быть ничему, подобному этому, возможность не быть ничему – это тоже составные части Бытия. То есть Бытием мы называем *сферу конечного*. Они являются *идеями*, которые как *идеи* по сути своей противоположны Мысли.

Идея противоположна Мысли, потому что *суть идеи – в тождестве, а суть Мысли – в нетождестве.*

Чистая Мысль несет в себе, в своем центре, *невозможное*. Она является *Всем*, которое на самом деле концентрирует внутри себя то, что является сверх того, что *Всё*, сверх плеромы. Но это невозможно, поэтому оно не имеет ничего, кроме динамики сокрытости.

Мысль является *трансфинальным состоянием трансцендентного Субъекта*, внутри которого как бы есть *идея Величия*.

Эта *идея Величия* всегда *здесь и теперь*, она всегда имманентна. Вот идея абсолютного *Величия* – это плерома.

Превосходство этого *Величия* заключается только в *лишенности*, в «привационности»[50]. Как выразить то, что Мысль утверждает превосходство над величием? Она утверждает *антивеличие*, то есть

она утверждает нищету, *лишенность*. А эта *лишенность*, в которой выражается нечто большее, чем само величие во всей его полноте, есть *абсолютное Зло*. Оно есть абсолютное Зло, потому что это именно *лишенность*, потому что *сверхвеличие*, превосходство над величием, иначе никак нельзя выразить, кроме как через идею абсолютного Зла, то есть отсутствия реального *утверждения*, то есть это *неутверждение*. Вот это абсолютное Зло до какого-то момента внутри самой Мысли есть то, что выступает в роли трансцендентного, то есть это *лишенность*.

Но это *невозможное* – пассивная имманентность. Потому что эта *лишенность* какая? Это *лишенность чаши*[51]*, которая пуста*. Почему она пуста? Потому что она, эта чаша, вмещает в себя абсолютно всё, а вот есть нечто, которое превосходит возможности этой чаши, поэтому эта чаша обозначает собой то, что в ней не может заключаться по своему принципу превосходства. И сама эта чаша, которая пуста, – это *лишенность*, пассивная *лишенность*, пассивная имманентность. Но ведь есть то, что является *предметом лишенности*. То есть что *оно*, что не вошло в эту чашу? Что это *оно*, что превосходит саму *идею Величия*, саму идею позитива, саму идею *утверждения*? Ведь в том-то и дело, что превосходит саму идею *утверждения* как *Всего*, снимает идею *утверждения*, потому что всегда по отношению к любому *Величию*, к любой плероме, к любой полноте, мы говорим «иное» как *невозможное. Иное как невозможное*, которое концентрируется в том, что вся последняя финальная реальность обваливается в обрыв *отсутствия*, в обрыв тотального отсутствия, в обрыв *отсутствия утверждения*, – всё обваливается в *отсутствие утверждения*. И это есть чистое Зло.

Таким образом, *невозможное* в какой-то момент становится тотальным *утверждением*, но это не конечная фаза, потому что она преодолевается. *Лишенность* заменяется тем, что является *предметом лишенности*. А *предмет лишенности* таков, что ни *невозможное*, ни *отрицание невозможного* не вмещают его в себя.

Сущность и тайна Мысли в том, что она стремится преодолеть это абсолютное Зло, потому что *лишенность* и *предмет лишенности* – это две стороны одной монеты, которая называется *имманенция,* – *лишенность* и то, что является *предметом лишенности*, то, почему всё является чистой *лишенностью*. Всё является чистой *лишенностью*,

потому что есть *предмет лишенности*, который не входит ни во что, превосходит всё, – его просто нет. Это абсолютное Зло.

Трансцендентное не видит себя в *предмете лишенности*, оно не тождественно ему, и в этом его победа, и в этот момент трансцендентное является нам как полностью освобожденное от отсутствия, оно является нам как *утверждение*, которое может быть взято только с конца трансцендентного. *Утверждение* может быть только трансцендентным. Плерома здесь не может быть *утверждением*, потому что по отношению к ней всегда есть идея превосходства, которая упирается в Зло, но она просто не схватываема, и поэтому реальность не закрыта, не исчерпана, реальность обваливается в некую *безосновность*. Но сущность трансцендентного в том, что оно не тождественно этому, потому что принцип нетождественности несется самой Мыслью и цель этой Мысли – получить посвящение в собственный принцип. Иными словами, жизнь этой Мысли в динамике – это посвятить трансцендентный Субъект в Его истинное предназначение, в Его истинную природу, то есть освободить Его от того, что превосходство над *Величием* может явиться только в форме негатива. Освободить Его от негатива – то есть явить *утверждение* через абсолютное нетождество.

Идея – это тождество; можно как бы не вникать, что «идея – это уникальное» или «идея – это альтернативное»: каждая идея знает только самое себя. Например, для идеи о том, что *возможно только альтернативное*, не существует идеи, что *возможно только уникальное*, не существует идеи, что *возможно, чтобы не было ничего*. Каждая из этих идей существует сама по себе, как в собственной «клетке».

Но проблема в том, что когда пустой негативный Абсолют отрицает эту «верховную» точку, родившуюся из него, то он заставляет эти пять модальностей, как зеркала, светить друг в друга, отражаться друг в друге. И они создают анфиладу «зеркальностей», которая повторяется и расходится кругами, – это и есть Бытие.

Каждая «зеркальность», вновь возникающая, – это миры: наш пространственно-временной континуум, аналоги – их безгранично много и так далее. А сумма всего этого, сумма всех этих состояний – это *Великое Существо*.

Но дело в том, что Бытие есть «сортир» этой Мысли, есть ее «фекалии», есть абсолютный сброс изнутри: Мысль порождает свою тень, свою антитезу, свою «тьму внизу», которая всему внутри нее (в Бытии) представляется, конечно, как сияние, полнота, *утверждение*. То есть Бытие представляется как *утверждение*, – но это ложь. Естественно, Бытие является *царством тождества,* и естественно, что это царство позитива, но это всё – ложь, потому что на самом деле это, конечно же, ерунда, склеенная из осколков (то есть из безграничного количества повторяющихся зеркал, которые светят друг в друга, разносят всё это).

В центре всего этого – в этой безграничности любая точка, которую мы избрали, есть центр (на самом деле все более сложно, но сейчас будем так говорить), – в центре всего этого стоит человек, который является, с одной стороны, удаленным от Великого Существа настолько, что внутри него появляется допуск некой «перспективной» свободы, а с другой стороны, он еще достаточно близок, чтобы сохранять форму и аналог Великому Существу. И поэтому реализация этого шанса на свободу имеет значение, потому что ниже этого идет хаотизация, расплывание форм и уже не имеет значения – свобода там, не свобода, то есть хаос не может быть преобразован в качестве свободы. А свобода – это только разрыв с паттерном, который достаточно четкий.

Человек является тем самым «золотым ключиком», которым открывается эта запирающаяся дверь «сортира», то есть запирающаяся дверь Бытия, в результате чего, собственно говоря, начинается открытие Мысли из нисхождения от *невозможного* вниз к *отрицаемому*, потом к *отрицающему* и так далее. И возникает обратное движение вверх, когда все эти слои, один за другим, открываются.

Они открываются до того момента, когда *невозможное* становится *абсолютно всем*, и в этот момент мы приходим к *предмету лишенности* (это всё до сих пор было *лишенностью*), потому что самое страшное – это то, что предмет *лишенности* делает абсолютно тождественными и одинаковыми взаимоисключающие тотально несовместимые вещи: *отрицаемое* и *отрицающее*.

…Повторю эту важную мысль иначе. Представьте себе чашу. Вот эта чаша есть *возможность вместить всё*. Но предмет *лишенности* –

это то, что по определению не может в эту чашу войти. Значит, что бы мы ни налили в эту чашу, этой чаше плевать, потому что главное, чем бы она хотела заполниться, невозможно туда налить, потому что оно бесконечно превосходит план этой чаши. Эта чаша *лишена*. Она *лишена*, но она здесь, – мы видим ее страдательную, пассивную *лишенность*. И есть то, что не может быть в нее налито, – это *предмет лишенности*.

Повторюсь: *невозможное* представляется на следующем этапе сокрытия как *отрицаемое*, а Абсолют – как *отрицающее. Невозможное* как отрицаемое является как бы предтечей *предмета лишенности*. То есть *предмет лишенности* – это тоже то, что не может быть вмещено, не может быть схвачено, не может быть налито, притянуто.

И вот две чаши, которые обречены быть разбитыми, которые обречены быть пустыми, – это чаша *невозможного как отрицаемого* и чаша *Абсолюта как отрицающего*, который не допускает ничего кроме себя, – они являются полярными антагонистами, между которыми мысль растянута: в одном она вся в Абсолюте, который исключает, не допускает ничего, кроме себя, в другом – она вся в *невозможном, в которое она, эта мысль, инвестировала все свои аспирации (*от лат. *aspiratio*, «выдыхание»). Две эти взаимоисключающих точки одинаково пусты относительно предмета лишенности. То есть они, эти две чаши, *отрицательно тождественны*. Здесь мы приходим к обретению отрицательной тождественности, когда тождественность исчерпывает себя как принцип. Как метафизический принцип она исчерпывает себя тогда, когда она *отрицательно тождественна*, а отрицательно тождественна она тогда, когда две вещи тождественны через привационность, одинаковы в своей привационности, хотя они взаимно исключают друг друга – каждая в своей полноте.

И вот есть как бы две чаши – в одной чаше *отрицаемое*, в другой – *отрицающее*, – а этого *предмета лишенности* нет в обеих чашах, то есть эти обе чаши *негативно* тождественны, и это – смерть Мысли.

И в тот момент, когда Мысль умирает, то есть божественная Провиденциальная Мысль погружается в смерть, совпадая с *Величием* абсолютного превосходства, абсолютного Зла, которое выражается только в черном, негативном превосходстве, – в этот момент

просыпается нетождество как чистая освободительная эссенция Мысли, то есть нетождество этому *тотальному Всему* как принципу «превосходства над превосходством», когда Чёрная ткань *неутверждения* преодолена, *неутверждение* снято, потому что есть только *утверждение – утверждение* трансцендентного.

Но это *утверждение* не позитива *здесь*, которое можно пощупать, не онтологическое *утверждение*, это – высшая математика, речь идет о чисто математическом решении. Имеется в виду соответствующая математика, – математика трансцендентного Субъекта, в которой достигается окончательное преодоление самой идеи «здесь и теперь», пребывания *здесь*, тождества, идеи как закрытости, так и негативной открытости, то есть негативная открытость как превосходство, которое может быть выражено только в Чёрной Бездне. А истинное трансцендентное – оно не тождественно ничему из того, что закрыто, и той Чёрной Бездне, которая превосходит всё закрытое.

…Но надо иметь в виду, что здесь нет онтологии вообще. Ведь вся онтология остается даже не в Бытии – она в зеркалах, порождаемых этой точкой Бытия, в феноменологии. Потому что о Бытии мы уже не можем сказать, что «оно *есть*»: Бытие само не может иметь предиката «есть».

Вот этап преодоления сверху негатива, Чёрной Бездны, которая за плеромой, – Мысль, которая рвется за пределы плеромы, – рождает «скандал», который сразу же скрывается.

…Каким образом происходит преодоление Чёрной Бездны?

Чёрная Бездна преодолевается только тогда, когда исчерпана сама мысль в её восхождении вверх, потому что от плеромы переход к Чёрной Бездне, эта Чёрная Бездна тут же является как *невозможное*.

Невозможное является как *отрицаемое*, потому что *невозможное* допустимо для логики Божественной Мысли. Вот Чёрная Бездна недопустима – это скандал. Но *невозможное* допустимо – но все равно это скандал. *Отрицаемое* (то, чего не может быть, – оно невозможно, потому что не может быть: оно *отрицаемо*) – это еще более допустимое, это еще большее сокрытие подразумеваемой трансценденции.

А дальше идет плерома, которая превратилась из плеромы в негативный Абсолют, отрицающий всё, кроме себя, – она выступает в

роли *отрицающего*, то есть она окончательно скрывает эту концепцию превосходства через негатив – «Чёрная Бездна, которая является превосходством над превосходством», – когда сама идея позитивного *Величия* просто снята, – абсолютно, изначально снята. То есть это не бесконечность, которая содержится в этом «пустом» Абсолюте, и не *тотальное Всё*, которое содержится в плероме, – тут надо понять, что это не вообще бесконечность, а чудовищное отсутствие *утверждения*. А *утверждение* – это императив. *Утверждение* – это долженствование трансцендентного Субъекта. Трансцендентный Субъект не может быть *вне утверждения*, потому что если *утверждение* не состоится и не реализуется, то трансцендентный Субъект как бы что есть, что нет: если нет *утверждения*, то трансцендентный Субъект окажется чистой виртуальностью, виртуальным нулем.

Утверждение – императив для Того, кого мы называем Аллах, – не как «бог», а как имя собственное трансцендентного Субъекта. Трансцендентный Субъект как *невозможное,* то есть всё сущее – не Он. Всё сущее – всё, что есть, плерома, – всё это есть не Он. Но Тот, Который есть только через то, что *всё есть не Он*, то есть описывается негативно, Он Сам по Себе требует абсолютного *утверждения* как принципа, потому что если это абсолютное *утверждение* не состоялось, то эта ссылка на Него – «Он есть Тот, Кто не есть всё остальное», – тогда будет бессмысленна, это будет просто какая-то дурная шутка. Либо это *утверждение* – либо ничего нет.

Должно быть *утверждение*. Но *утверждение* может возникнуть – и в этом великая тайна, – *утверждение* может возникнуть и оформиться только как *абсолютизация нетождества.* Это когда к зеркалу непроглядной тьмы, условно говоря, подходит трансцендентное и не видит там себя, – то есть в этом зеркале уже есть нетождество (не тождественно плероме), которое абсолютно негативно, черно, – трансцендентное абсолютно рвет с этим негативом, и это нетождество становится чистым *утверждением*, которое является, так сказать, «золотым обеспечением» трансцендентного Субъекта.

Собственно говоря, внутренняя динамика моей мысли заключается в том, что идея трансцендентного Субъекта нуждается в «золотом эквиваленте», то есть она должна быть оплачена, оплачена только *утверждением*. А это *утверждение* не может быть

имманентным, оно может быть только с *той* стороны, по ту сторону *того, что ничего нет*. Когда мы переходим по ту сторону *того, что ничего нет*, там мы обретаем документ, «справку Бога».

Это последняя «справка», которую мы можем увидеть. Потому что мы сами-то где? Почему вообще эта мысль возможна, почему мы думаем эту мысль, почему мы каким-то образом к ней подключены? Потому что *мы являемся носителями сознания*, которое представляет собой блик, упавший в этот «сортир» Бытия из *невозможного*. То есть это то, куда мы уходим *в смерть*.

Невозможное – это то, куда мы уходим в смерть.

Мы умираем, и мы уходим в реально *невозможное*, которое не подлежит описанию не потому, что оно апофатично, а потому что оно за пределами расшифровки. Как свет – свет же нельзя определить, когда он просто есть. Но когда ты ловишь «зайчик» и пускаешь его на стену, то «зайчик» появляется в своей конкретности. Вот блик – он здесь. Так вот, если «зайчик» поймать от этого *невозможного* и пустить на стену, то это будет сознание человека как оппозиция всему, как нетождественное всему.

Первое нетождественное начинается с конфликта между сознанием как точкой, вброшенной сюда из *невозможного*, и Бытием, которое является *антимыслью*. И здесь, на человеческой площадке, они сходятся. Человек должен полностью пройти весь путь и реализовать эту борьбу, победить, довести сознание до победы над Бытием. И то, что я описал, одновременно является сюжетом колоссальной пьесы, которая является содержанием Мысли.

«Последняя справка» будет дана явлением Мессии и Махди, которые явятся, чтобы руководить правоверными в войне с Даджалом. Это непосредственное вмешательство *четвертого сверхъестественного контура.*

Напомню. *Первый сверхъестественный контур* – это жизнь. Это естественный контур – жизнь минералов, камней. Жизнь как нарушение второго начала термодинамики.

Второй контур – это социум, в котором ещё большее нарушение второго начала термодинамики.

Третий контур – это когда человек осознает драму своей вброшенности во враждебный ему социум, когда он осознаёт сюжетность, когда он осознает смыслы, обратную связь со смыслами.

Если он действительно он набирает «критическую массу», этот «урановый» человек, то тогда Всевышний посылает, в качестве знамений, ему помощь в виде Махди, который является непосредственно ведомым от него, и Мессии Исы, – это *четвертый контур*. При этом личность Махди подтверждается личностью Иисуса.

А личность Иисуса неоспорима, не может быть поставлена под вопрос, потому что он является последним Адамом, он является повторением Адама. «И был Иисус как Адам», – сказано в Коране.

Иисус и Махди являются с двух разных сторон, совершают вместе намаз, они являются тандемом, который возглавит правоверных.

Тогда гарантирована победа над Даджалом.

Но может быть так, что они не являются.

И в этом смысле победа над Даджалом не то что *не* гарантирована, её просто не будет, – как с бесконечным количеством предыдущих человечеств.

Речь идет о мощи человечества, потому что должно быть пассионарное ядро человечества, которое принесёт себя в жертву на этом пути.

И таких людей должно быть не пять и не десять – как праведников, которых у Лота требовал Господь.

«Критическая урановая масса» – это чистая пассионарность.

В одно из бесконечных повторений это должно состояться, потому что сама идея «дурной» бесконечности предполагает неизбежность этого свершения, хотя абсолютно неизвестно, когда это произойдет.

Числовой ряд от, условно говоря, первой манифестации до той манифестации, в которой будут остановка циклов, смерть, Воскресение и Страшный суд, – вот эта бесконечная последовательность числового ряда движется из бесконечной дали сверхбольших чисел к нулю.

В нуле мы «приехали».

Вопрос в том: ноль – это мы или это кто-то после нас, следующие?

…Итак, Всевышний «ставит печать». Он посылает Мессию, Он посылает Махди. Они вдвоём проводят победивших сначала в хилиастическое царство.

Хилиастическое царство – это ещё Ветхое Бытие, это исполнение законов справедливости до появления Новой Земли и Нового Неба.

Всё было полно гнёта и несправедливости – и наполнилось справедливостью и свободой. Внутри Ветхого Бытия происходит такое преображение.

Идея хилиазма, тысячелетнего рая, продемонстрирует, что Ветхое Бытие также содержит в себе потенциал преображения. Что Бытие возможно со знаком «плюс». Внутри Бытия можно посрамить те принципы, на которых оно по своей ветхости основано. Это закрытие цикличности.

Как закрыть цикличность?

Например, обрубок руки, чтобы из него не текла кровь, заливается жгучей жидкостью, чтобы заблокировать.

Хилиазм закрывает цикличность.

Потому что цель монотеизма – остановить цикличность мироздания и вернуть его к единственному акту Страшного суда и появлению Новой Земли и Нового Неба. Когда возникает Новое Бытие, то оно возникает только как Рай. Это Рай и все. Что значит Рай?

В этом Ветхом Бытии мы являемся оппозиционной точкой, придавленной пластами инерционной глины внешнего Бытия. Мы, как мухи в янтаре, упакованы, заморожены в этом Бытии, куда мы вброшены.

А в Новом Бытии то, что нас окружает, будет производным нашего обновленного сознания праведников. Это будет, условно говоря, «тень» нашего сознания. Причем эта тень будет световая.

Если сейчас «тень – темная», «свет – светит», то там будет наоборот: тень будет светлая.

Я строго «математически» следую за Писанием, потому что в Сунне говорится, что лица праведников в Раю будут обращены к Аллаху, и хотя Он будет так же невидим, как сейчас, но свет Его будет на их лицах. Это значит, что *Невозможное*, которое является непроглядной тьмой, будет сиять, будучи таким же непроглядным, но оно будет сиять как позитив и будет освещать лица праведников. Причем оно будет освещать лица праведников черным светом, а тень от них будет светлая.

Черный свет – это свет Аллаха. Это тот свет, который «Аллаху нуру-с-самауати уал-ард» (24:35), то есть «Аллах – Свет небес и земли», и ведет Аллах к Своему свету кого пожелает.

У меня были видения черного света. Черный свет Вы можете тоже увидеть. Возьмите черную бумагу и бросьте на нее что-то ещё более черное. Например, пролейте на нее черную тушь. Тогда вы увидите черный свет по контрасту.

…Известен аят (Коран, 24:35) про светильник в нише, где свет горит над оливковым маслом, но не сжигает его: он горит поверх, и он не является горением в смысле физического процесса. Его энергия явлена в чистом виде, она не берется из трансформации вещества в энергию.

Это связано с тем, что любой свет – это иррадиация.

Солнце горит, и оно погаснет.

А вот тот «черный свет», который стал восходить, потому что мы на черное наложили ещё более черное, – это свет, который никогда не погаснет, потому что его энергия берется не из процесса горения, а из внутренней тайны Тьмы. Это сияющая тайна Тьмы, которая предшествует самому свету как иррадиации. Свет как иррадиация – бытийный свет, ложный свет, это фальшь.

Миссия ислама – это война с человечеством.

Аллах говорит: «Мы сотворили человека из капли, а он враждебен определенно» (Коран, 36:77). Человечество враждебно Всевышнему.

Истинным человеком является Адам и изошедшие от него пророки.

Можно сказать, что Адам, который пришел к людям, – это свечка, которая горит. А люди, которые встретили его и восприняли его послание, – это набор разных зеркал, которые стоят и отражают эту свечку.

Путать свечку, которая горит реальным пламенем, и зеркала, которые отражают этот язычок, никак нельзя.

Они могут только следовать за Адамом и рассчитывать на то, что они сверхусилием, как «критическая масса», совместно добьются того, что Всевышний пошлет им Мессию.

Тогда соотношение отражения адамического пламени в зеркальце их глиняного существования будет расценено на Страшном суде в их пользу. И тогда будет признано, что они носители сознания и могут войти в Рай.

Но до тех пор это просто зеркала, которые можно закрыть тряпкой или отвернуть – и ничего не будет.

Более того, они используют это отражение во вред, потому что человеческая цивилизация и язык используются с целями, противоположными Откровению Адама.

Язык используется для описания целей Бытия, целей Великого Существа. Если брать гимны всяких «Ригвед», всякие праны, метафизику высокого язычества, то там языком Адама изложено мировоззрение Сатаны.

Что это такое? Как минимум – это страшный черный компромисс.

Вот, я более-менее изложил схему. Внутри этой схемы каждый тезис можно раскрывать.

ЛУЧШИЕ КНИГИ О БИЗНЕСЕ С ЛОГОТИПОМ ВАШЕЙ КОМПАНИИ? ЛЕГКО!

Удивить своих клиентов, бизнес-партнеров, сделать памятный подарок сотрудникам и рассказать о своей компании читателям бизнес-литературы? Приглашаем стать партнерами выпуска актуальных и популярных книг. О вашей компании узнает наиболее активная аудитория.

ПАРТНЕРСКИЕ ОПЦИИ:

- Специальный тираж уже существующих книг с логотипом вашей компании.
- Размещение логотипа на супер-обложке для малых тиражей (от 30 штук).
- Поддержка выхода новинки, которая ранее не была доступна читателям (50 книг в подарок).

ПАРТНЕРСКИЕ ВОЗМОЖНОСТИ:

- Рекламная полоса о вашей компании внутри книги.
- Вступительное слово в книге от первых лиц компании-партнера.
- Обращение первых лиц на суперобложке.
- Отзыв на обороте обложки вложение информационных материалов о вашей компании (закладки, листовки, мини-буклеты).

У вас есть возможность обсудить свои пожелания с менеджерами корпоративных продаж. Как?

Звоните:
+7 495 411 68 59, доб. 2261

Заходите на сайт:
eksmo.ru/b2b

notes

Примечания

1

Корреспондент Джемаля – Марина Трофимова, в 2014 году заведующая редакцией гуманитарной литературы ИД «Питер», СПб.

2

В частности, с большим уважением о Гейдаре Джемале как философе отзывался недавно скончавшийся декан философского факультета МГУ профессор Владимир Миронов, член-корреспондент РАН.

3

Пролегóмены (др.-греч.) – разъясняющее введение в изучение той или иной науки, имеющее целью предварительное ознакомление с её методами и задачами и обозначение статуса науки, дисциплины в системе рационального знания. Введение к своему трактату «Критика чистого разума» Иммануил Кант назвал «Пролегомены ко всякой будущей метафизике, могущей возникнуть в качестве науки».

4

Джемаль планировал по этой теме цикл «Радикальный дискурс» из четырех лекций, но в итоге ограничился только первой лекцией из цикла. За данной лекцией так и закрепилось название «Лекция № 1 из цикла Радикальный дискурс».

5

Зульм (араб.) – несправедливость.

6

Эммануэль Левинас (1906–1995) – французский философ. Юрген Хабермас (род. 1929) – немецкий философ и социолог.

7

Система комплектования офицерского корпуса, при которой офицерские чины (патенты) продавались за деньги.

8

Симультанный – происходящий одновременно, в одно и то же время.

9

Пралáя – в космологии индуизма период отсутствия активности во Вселенной.

10

Здесь под общим названием мы объединили три файла с набросками на заданную тему, написанными Джемалем в разное время.

11

Дунс Скот Иоанн (Ioannes Duns Scotus) (1266–1308) – францисканский богослов, философ, крупнейший представитель средневекового концептуализма. Мулла Садра (1571–1636) – мусульманский философ и мистик, синтезировавший идеи неоплатоников, перипатетиков, суфиев и мусульманских теологов.

12

Ирфан – особый вид сакрального знания о том, как достичь «близости к Аллаху». Термин используют преимущественно шииты.

13

К сожалению, Джемалю состояние здоровья уже не позволяло работать над самой книгой: она так и не написана.

14

«Накрытые плащом» или «люди плаща» – *ахль аль-киса*, очищенные Богом люди из семейства Пророка.

15

Так у автора: «Черновые наброски…» Здесь тезисно, но более развернуто, изложены некоторые пункты из приведенного выше «Плана книги…»

16

Барзах – жизнь после смерти, а также место, где пребывают души умерших до Судного Дня.

17

Сура 6, аят 60: «Разве ты не видел тех, которые заявляют, что они уверовали в ниспосланное тебе и в ниспосланное до тебя, но хотят обращаться на суд к тагуту, хотя им приказано не веровать в него? Дьявол желает ввести их в глубокое заблуждение» (*перевод Э. Кулиева*).

18

Так у автора. Напоминаем читателю, что перед вами не отредактированные автором черновые наброски.

19

Тонкие тела – согласно представлениям некоторых религиозных, мистических и оккультных учений, «психодуховные» составляющие всех живых существ.

20

Здесь текст обрывается.

21

Лекция в Киевском Культурно-просветительском центре Александра Прогнимака «Alex Art House».

22

«То, без чего невозможно» – лат.

23

Джон Ди (1527–1609) – британский натурфилософ, математик, географ, астроном, алхимик и астролог. По мотивам дневников Джона Ди Густав Майринк написал художественный роман «Ангел западного окна».

24

Манера выражаться, говорить, высказываться (фр.).

25

Здесь Джемаль продолжает ответ на предыдущий вопрос.

26

Введенная, привитая (о черенке).

27

Одно из «утерянных колен Израилевых». Ряд православных авторов делает заключение, что из колена Данова произойдет Антихрист.

28

Магдебургские полушария – два полушария из эксперимента немецкого физика Отто фон Герике для демонстрации силы давления воздуха, 1654 год.

29

В названии присутствует некоторая неопределенность, но мы решили оставить рабочее, «черновое» название лекции, данное автором. Лекция прочитана в Школе культурной политики в рамках проекта «Семейные игры». Материалы игры «Онтология. Бог»

30

Ибн-Туфейль. «Повесть о Хайе, сыне Якзана». Опубликована на русском языке.

31

Неведение, невежество – санскрит.

32

Лекция в Школе культурной политики, Москва. Лекция была представлена организаторами под названием «Политическая теология», но в ходе ее сам автор дал название «Анатомия молчания».

33

Дунс Скот Иоанн (Ioannes Duns Scotus) (1266–1308) – францисканский богослов, философ, крупнейший представитель средневекового концептуализма. Прокл Диадох (412–485) – античный философ-неоплатоник, руководитель Платоновской Академии, при котором неоплатонизм достиг своего последнего расцвета.

34

Знамя с изображением башмака было символом крестьянской борьбы против гнёта землевладельцев и князей в юго-западной Германии в XV – нач. XVI вв.

35

Лекция прочитана в рамках серии еженедельных интеллектуальных семинаров «Философия хаоса», организованных Центром Консервативных исследований. Социологический факультет МГУ.

36

Филиация [от лат. filialis – сыновний] – развитие чего-либо в преемственной связи, в прямой зависимости.

37

В архиве Джемаля файл имеет название «Предисловие» и содержит несколько текстов, которые в совокупности и по содержанию явно выходят за рамки формата предисловия. Мы оставили название как есть, сохранив также авторскую разбивку текста. Сам текст предназначался для книги, которую Джемаль собирался писать по договоренности с издательством «Питер».

38

Персонаж из романа австрийского писателя Густава Майринка «Голем».

39

Расшифровка фрагмента философского семинара, состоявшегося на даче Гейдара Джемаля летом 1998 года. Участники: Гейдар Джемаль, Андрей Панибратцев (вице-президент фонда «Геостратегических исследований»), Алексей Толстов (научный сотрудник Института философии РАН), Артур Медведев (гл. редактор журнала «Волшебная гора» и «Философской газеты»), Алексей Болдырев (доцент философского ф-та МГУ).

40

Rotary International – международная неправительственная ассоциация, объединяющая Ротари-клубы по всему миру. Ротари-клубы позиционируют себя как нерелигиозные и неполитические организации, открытые для всех стран, вне зависимости от национальной и расовой принадлежности, вероисповедания и политических взглядов.

41

Автор далее объясняет это странное многоточие в названии. Лекция в Московской международной киношколе.

42

Во многих Традициях древности куб считался символом Земли – как финальная ступень символизма статичности и надежности.

43

Выступление на семинаре на социологическом факультете МГУ, 2011 год.

44

Из Ветхого Завета: «Враги твои раболепствуют тебе, и ты попираешь их» (Втор 33:29).

45

Доклад на совместном семинаре Русской Школы Неоплатонизма и клуба «Флориан Гайер». Социологический факультет МГУ.

46

Трансцензус – переход от субъективного к объективному, выход из сферы сознания в сферу объективного мира, совершаемый в ходе человеческой практики.

47

Напоминаем, что Парменид заявил: «Бытие есть, небытия нет».

48

Название не от автора. Напоминаем, что Джемаль считал философскую систему состоявшейся, если ее можно изложить в формате короткой статьи-справки в философском словаре. Он написал этот текст для гипотетического философского словаря – поэтому от третьего лица. На самом деле текст к публикации автором не планировался, написан «для своих» и распространился в узком кругу под названием «Доктрина джемализма». Сам Джемаль к термину «джемализм» относился со здоровой иронией, поэтому мы решили его в данном случае не использовать. Кстати, этот текст он предпочитал называть «отрывком» и считал «очень сырым». Но более полного варианта статьи не существует.

49

Из беседы Джемаля с Наталией Мелентьевой и Русланом Айсиным. Расширенным текстом беседы является глава «Всемирная гражданская война» в «Садах и пустошах».

50

Привация (лат.) – лишение. В логике – отрицание, при котором отрицающий предикат высказывания отрицает наличие у субъекта того, что принадлежит к его содержанию и сущности; например, эти часы сегодня не идут.

51

Пример с чашей здесь и далее в тексте – это явная отсылка к Хайдеггеру: глава «Вещь» из «Время и бытие».